

Дитя Перекрестка

Лия Сафон

Мир сломан и разделен, мир разорван на части силами Перекрестка. Пространство более не подчиняется законам мироздания, а за порогом ждет хаос голодных дорог. Лишь два пути открываются перед теми, кому не повезло родиться с искрой дара: служить перекроившим реальность по своему усмотрению сущностям или умереть. В попытке найти иной, третий путь, и самой определить свою судьбу Кэрис придется выйти за границы известного мира и усомниться во всем, что она знала о магии.

Вот только череда принятых решений приведет Кэрис в самое сердце заговора, начатого новыми владыками мира за тысячи лет до ее рождения.

Перекресток встретил Кэрис негромким птичьим щебетом и шелестом листвы. Сквозь кроны пробивались тонкие лучи заходящего солнца, светлыми пятнами рассыпаясь по траве и переплетению узких тропинок. Одна вела в направлении виднеющихся вдали островерхих шпилей, путевые кристаллы которых мерцали пурпурным и алым. Вторая тропинка резко сворачивала в сторону и терялась среди деревьев. Кэрис сошла с тропы и замерла у перекрестка на несколько долгих минут. Дорожных вех не ощущалось, но и воздух не подергивался едва заметным маревом. Перекресток казался серым, безопасным. Девушка подобрала сухую ветку, с усилием разломила надвое и бросила точно на пересечение троп. Ветка опустилась на утоптанную землю. Вчера краткая, поверхностная проверка показалась бы убедительной, но сейчас она не решалась довериться дорогам. Тени ее не ищут, еще нет, не настолько она важна, но с дорог станется завести добычу на другой конец Элхари. Перекрестки любят шутить, да и никогда не скажешь заранее, кто смотрит с другой их стороны.

Она сделала несколько шагов назад, замерла, закрыв глаза, и долго стояла без движения. Над головой раздавался звонкий, скрипучий посвист сойки, которому отвечала трель из кроны соседнего дерева. Резко сменивший направление ветер, сухой и жаркий, принес запахи горячей земли. Перед глазами мелькнул образ равнины, от горизонта до горизонта покрытой иссохшей желтоватой травой. Лицо опалило незнакомое злое солнце. Кэрис расслабилась, стараясь не сдвинуться с места, не шевельнуться. Цеплялась за лес вокруг, за пахнущий сосновой смолой воздух, ощущение твердой почвы под ногами, чтобы блуждающий мираж не подхватил, не унес далеко в степь. Через недолгое время ветер стих, наваждение уплыло дальше. Только тогда девушка развернулась и пошла вглубь леса, прочь от перекрестка и обеих тропинок. Пульсация пурпурно-алых путевых кристаллов, ощущаемая почти как стук сердца, тянула ее в противоположную от башен на горизонте сторону. В мире, где дороги вели куда угодно, Кэрис куда больше доверяла интуиции, чувству верного направления и отдающемуся в сердце мерцанию кристаллов, чем собственным глазам.

Через десять минут солнце внезапно исчезло, выхваченное из облаков Перекрестком и брошенное неведь куда. День в одно мгновение сменился ночью. Пропал и лес, только что окружавший ее со всех сторон, но в метре от Кэрис выросла башня, серо-сизая на фоне темного неба, усыпанного редкими звездами. По выщербленной кладке змеился и карабкался вверх плющ. Путевой кристалл на верхней площадке окрашивал камень в багровые и лиловые тона. Башня, как и полагалось, была построена вплотную к городской стене, неподалеку от громады ворот, но ее содержанием городские власти не озаботились. Одной створки ворот не хватало, вторая покосилась и прочно вросла в землю. Подойдя ближе, Кэрис заметила вбитые в камень ржавые скобы для факелов, такие же брошенные и пустующие, как и все вокруг. Изнутри тянуло запахами зелени и влаги. Похоже, Ансвольму не хватало оградителей. Или же они предпочитали куда более комфортное жилье в пределах городских стен. Кэрис скорее поставила бы на второе, учитывая, что пространство вокруг ощущалось стабильным.

Перекроивший мир по своему усмотрению Перекресток не разбросал город по разным частям света, а лишь перепутал и наводнил блуждающими наваждениями и миражами ведущие к нему дороги. Но за стенами было безопасно, незримая граница отделяла город от

бездорожья. Ансвольм жил, рос и перестраивался, дышал и едва уловимо шептал о соленом море, о стоявших у причала судах. Света едва хватило, чтобы разглядеть массивный засов, приколоченный к створкам ворот железными скобами. У горожан не было причин ожидать, что кто-то выйдет из города и по собственной воле отправится на бездорожье. И уж тем более никто не ожидал, что в него можно войти, выпутаться из хаоса дорог на другой стороне. Южные ворота, верно, не открывали с самого Излома. Спасибо, хоть камнями не заложили.

Поднявшийся ветер принес хриплый лай, неразборчивую мешанину голосов, ночных звуков и запахов, едва слышный скрип несмазанных петель. Сквозь тонкие подошвы сапог Кэрис ощущала округлые неровности и сколы старой брусчатки, разбитой, заросшей, но еще узнаваемой. И вправду, велик некогда был Ансвольм, если и за его пределами тракт некогда выложили камнем.

— У пути нет цели. На пути нет преград. Путь продолжается за любой из дверей, на любой из дорог, — едва слышно зашептала она. Пытаться заковать дорогу в стены, запереть за воротами, укрыть в темноте — все равно что пытаться заставить море проглотить солнце. Закат лишь обман и кратковременная иллюзия, не более того. И двери, преграждающие путь, прерывающие его, такая же иллюзия... Кэрис шагнула вперед, проходя мимо и сквозь — и ступила в Ансвольм сквозь запертые врата.

Город оказался совсем не таким, как ей представлялось по гравюрам и книгам. Ближайшей к стене части полагалось быть заброшенной и оставленной, полной ветхих полузабытых строений, но в темноте она видела очертания домов с надстроенными вторыми, а то и третьими этажами. Они нависали над дорогой, закрывая звезды, и жались друг к другу так тесно, что с крыши на крышу можно было перешагнуть даже без магии дорог. Кое-где здания и вовсе срастались в нечто нелепое и чудовищное, усыпанное разномастными покосившимися окнами и занавешенными мешковиной трещинами и проемами. Из закрытых ставен выбивался тусклый свет, раздавались приглушенные голоса и редкий, ленивый собачий лай.

Кэрис невольно поежилась. В лесу и на дорогах было куда спокойнее, все опасности были знакомы, изучены и встречены уже не раз. Чудовища бездорожья, коими пугали непослушных детей, на деле являлись из глубин Элхарии так редко, что в их существовании впору было усомниться. Ночами свернувшись у костра, она куда чаще думала о волках, лесных кошках и медведях, чем о асс-хэши или тенях. Город же... Девушка не знала, чего ожидать от Ансвольма. Ему давно полагалось превратиться в маленькое, пугливо жмущееся к воде поселение, а не упрямо разрастаться вверх и вглубь в отсутствие возможности расширяться и глотать одну за другой мили Красного берега.

Она огляделась по сторонам, радуясь, что дороги вывели ее к месту ночью, позволили остаться незамеченной. Объяснить, как не отмеченная Перекрестком миновала веками запертые ворота, ей бы не удалось. Не говоря уже о том, что Кэрис вообще не следовало находиться в этой части континента.

С каждым шагом ближе становилось море и шире улочки. Крупные перекрестки освещались факелами, сила их, живая и размеренная, уходила в землю, укореняя город в пространстве. Здесь уже встречались патрули стражи и ночные прохожие, последние даже чаще, чем ей бы того хотелось.

От запахов и звуков человеческого поселения, нависающих над головой надстроенных один на другом домов и переброшенных с крыши на крышу досок и подвесных мостиков

было неудобно. Ей привычнее были скитания по бездорожью и дикой глуши, и Кэрис неосознанно старалась держаться узких безлюдных переулков и избегать освещенных участков. Она даже дорогу сократить не решалась. Колдовать могли лишь жрецы да путеводные звезды, а молодая девушка в потрепанной зеленой тунике никак не сошла бы ни за одного, ни за другого. Разве что за залетную птицу.

Глубоко за полночь ей удалось найти комнату на постоялом дворе ближе к гавани. Здесь останавливались работники порта, наемники, заядлые игроки в трейс и кости, разорившиеся торговцы и случайные путники, потерявшие дорогу и ждущие ее восстановления. В большом зале, с одной стороны отапливаемом массивной печью, наполняющей воздух запахами съестного, рядами стояли длинные, ошкуренные дубовые столы. Кэрис ненадолго задержалась за одним с кружкой горячего эля, пытаясь выудить что-нибудь полезное из разговоров постояльцев. Кроме совершенно ненужного ей положения дел в городе и планов подвинуть южную границу стабильности на сотню-другую метров, что жрецы Перекрестка обещали уже тридцать лет подряд, удалось узнать названия отплывающих в ближайшие дни кораблей. Многие шли к Граничному архипелагу, и на одном из них, как она надеялась, за пару звонких монет найдется место и для нее.

Наверх вела грязная рассохшаяся лестница, освещенная несколькими горящими в нишах свечами. В маленькой комнатке стояла узкая койка, на прибитый к двери крюк девушка повесила дорожную сумку и небольшой охотничий лук. Запалила оплывшую свечу, найденную на грубой надкроватной полке. Ни для чего иного места в комнате не осталось, и ширина ее не позволяла даже развести руки в стороны, не уперевшись ладонями в стены. Но ничего другого Кэрис и не ждала. Не в городе, где свободное пространство ценилось дороже золота. Зато на постоялом дворе, кроме койки, еды и новостей, можно было раздобыть горячую воду и кусок мыла. За последнее не жаль было отдать медяк или два. Ей нельзя походить на бродяжку, чья одежда и волосы давно не знали должного ухода. Иначе никто из капитанов не то что разговаривать не станет, но и второго взгляда в ее сторону не бросит.

Когда на следующее утро солнце оторвалось от горизонта — на этот раз поднялось со стороны моря, — лучи его через приоткрытые ставни дотянулись до дальнего конца комнаты, расчертив пол на ровные полосы. Спустившись вниз за миской каши и парой сушеных рыбешек, она отметила, что почти все столы были заняты, и место ей нашлось лишь в дальнем от печи углу зала.

Неподалеку устроился молодой мужчина в поношенной кожаной куртке. Вместо тарелки с едой перед ним лежали разрозненные листы старого пергамента и несколько коротких когтевидных лезвий и железных колец, скрепленных цепочками разной длины, чье предназначение Кэрис не взялась бы определить. На нее мужчина не смотрел, погрузившись в бумаги и попытки собрать из колец и лезвий ему одному известную фигуру. Выглядел он скорее как наемник в ожидании заказа, чем как редкий в Элхарии человек, обученный грамоте, и любопытство взяло верх. Привычка совать нос куда не следует не раз вовлекала ее в беду, но она же не раз позволяла заранее узнавать о будущих неприятностях. Девушка повернула голову, сфокусировала взгляд на бумагах, и те резко приблизились, закрыв собой все остальное, словно Кэрис смотрела на ровные буквы с расстояния не более ладони. По краям видение размывалось, но в фокусной точке отличалось четкостью и яркостью, не свойственными обычному миру. Неудачный угол зрения и кратковременность заклинания лишь позволили рассмотреть, что язык записей ей нигде ранее не встречался.

Она проделывала такие фокусы не раз и не два, никто и внимания не обращал. Магия

перекрестков никак не проявляла себя внешне, и со стороны должно было казаться, будто девушка рассеянно уставилась в пустоту, пытаясь что-то припомнить. Но в этот раз, очнувшись от заклинания через пару мгновений, она встретила чужой внимательный взгляд. Причем куда ближе, чем ей бы того хотелось. Человек, еще мгновение назад сидевший в десятке шагов, внезапно оказался рядом, словно это он здесь ходил путями Господина теней и чуял магию не хуже его слуг. Прежде чем Кэрис успела отпрянуть, наемник схватил ее за руку и развернул кисть ладонью вверх. Разумеется, знаков Перекрестка он там не обнаружил и тотчас разжал пальцы, потеряв к ней всякий интерес.

— Птица, да? — он отвернулся, не дожидаясь ответа. Одним движением сгреб со стола и бумаги, и железные цепочки. — Если уверена в своих силах и хочешь подзаработать, зайди к Хво в верхнем зеленом, там тебе подберут занятие.

* * *

Искать Хво ей пришлось недолго. Дорога привела Кэрис к кварталу на окраине, где на крышах старых, просевших домов стояли хлипкие сооружения из глины и плетеной соломы, выкрашенные выцветшей зеленоватой краской и связанные между собой узкими веревочными мостиками. Город отчаянно желал расти, но расти ему было некуда. За крепостными стенами остались миражи и лакуны, течения и зеркала, дикие тени и чудовища, приведенные магией дорог из иных миров и реальностей. Верная смерть. Ансвольм оказался заперт меж морем и паутиной голодных дорог. Припортовое поселение из связанных вместе лодок и плотов не могло разрастаться до бесконечности. Башню-маяк и возвратный кристалл на ее вершине было уже не подвинуть, слишком прочно они вплелись, выросли в сеть. А если бы и удалось отхватить от владений Перекрестка еще кусок годного для жизни пространства, все равно не хватило бы оградителей для последующей поддержки границ. Оставалось только стремиться ввысь, насколько позволяли непрочная глина и солома. Камень и дерево слишком дороги, чтобы использовать их в масштабах целого города.

Шаткая приставная лестница скрипела под ногами, кое-как сплетенные мостики опасно покачивались. Но чумазая ребятня носилась по ним с гиканьем и свистом, перескакивала с крыши на крышу с видимым презрением к обходным путям и элементарным правилам безопасности на дорогах. Приходилось то и дело напоминать себе, что в городе благодаря магии Храма перекрестки людей не глотали. Ступать на пересечения дорог и троп здесь можно было без опаски.

Все вокруг говорило о тесноте, бедности и изношенности. Искать заработок в подобном месте никогда не пришло бы ей в голову, да только проведенные в гавани три часа показали, что всех имеющихся у нее монет не хватит и на половину пути. Даром, что острова почти безлюдны и суровы настолько, что за их посещение полагалось бы доплачивать, а не требовать совершенно грабительские суммы. Честной работой пятнадцать золотых не добыть и за год, да и не готовили ее к честной работе. В сущности, наемник с постоянного двора был прав, называя ее птицей. Без знаков на ладонях здесь в городе, как и в любом уголке Элхарии, ей предстояло перебиваться опасными нелегальными заказами, скрываясь при этом от храмовников. Зато — она оглядела зеленый квартал с высоты верхнего яруса, — в верхний зеленый ни послушники, ни тем более жрецы никогда не явятся.

Указания местных привели к покосившейся, но при том чуть более просторной хибаре.

Нагромождение у порога старых глиняных горшков, большей частью битых, плетеных корзин, рулонов джутовой мешковины, кухонной утвари и прислоненных к стене досок производило впечатление лавки старьевщика. Внутри рачительно собранные запасы мусора и завалы разномастного хлама расползались вдоль стен и высились до потолка. В особо ненадежных местах их прикрывали рыболовные сети, без которых на голову Кэрис еще у порога свалилась бы охапка свечных огарков.

В дальнем конце за составленной из старых ящиков стойкой сидел худой косматый старик. Он неторопливо подался вперед и сощурил блеклые глаза, пытаясь разглядеть гостью получше. Хво не выглядел как человек, имеющий для нее работу на десяток золотых, но держался степенно и как будто даже знал, зачем она явилась. Без единого слова или приветственного кивка старик указал ей на свободный пятючок пространства прямо перед стойкой, пробраться к которому девушке предлагалось сквозь складские нагромождения. Кэрис сделала шаг вперед и оказалась перед старьевщиком, одним неуловимым движением миновав лабиринт нагромождений. Была там, а стала здесь. Уж если искать работу для птицы, лучше сразу показать на что способна. Магия дорог Хво не удивила. Вблизи он казался еще более старым, уставшим и равнодушным.

— Я тебя ждал, рыжая птичка.

Голос у старика оказался тихий, бесцветный, но на удивление чистый. В молодости он мог бы быть бардом, пока не принялся сбывать подержанные вещи и диковины старой эпохи, а то и краденые товары.

Он сплел узловатые пальцы поверх стойки, прокашлялся, нарочито неторопливо вытянул из-за пазухи свернутый клочок бумаги. Бумага оказалась картой. Старой, почти выцветшей. На местах сгиба она протерлась настолько, что некогда один кусок бумаги грозил превратиться в четыре от малейшего дуновения ветра. Свет от единственного окна падал на едва обозначенную береговую линию, пятно ровной штриховки на месте города и паутинку разбегающихся во все стороны дорог. Видела она карты и получше. За эту ни один коллекционер не дал бы и пары серебряных монет.

— Где-то в верхней правой трети... Да где же?.. Должна быть отметка. Старый каменный карьер, коли хроники не врут. А, вот она!

В верхней правой трети, в направлении, на картах условно называемом северо-западом стояла не одна, а сразу несколько отметок. Которая из них обозначала карьер, теперь было не разобрать, время размыло нужный угол и стерло поясняющий текст. Но это было неважно, Кэрис с первого же взгляда поняла, что работу эту ей брать нельзя ни в коем случае. Слишком далеко от города, слишком много дорог и перекрестков на пути. Храм смотрел сквозь пальцы на мелкую возню бывших претендентов, справедливо полагая, что тех рано или поздно проглотят дороги, с которыми вздумали играть недоучки. Дойти до места, что когда-то находилось в нескольких днях от Ансвольма, и вернуться назад, не говоря уже о том, чтобы проложить безопасный путь для других, могла разве что путевая звезда. И это при условии, что карьер все еще существовал, а не был уничтожен, искажен или разорван на части силами Перекрестка, его не забросило на морское дно, и путь не был усеян лакунами, обломками чужих миров.

Идти к карьере безрассудно и опасно, но дойти было бы еще хуже. Если в Храме узнают о девчонке, сплетающей дороги, долго прятаться она не сможет даже на островах. Они объявят охоту, пустят по следу тень или нескольких сразу — тогда что делать? Конечно, охоту на нее объявят в любом случае, это лишь вопрос времени, но собственноручно

приближать этот день Кэрис не собиралась.

— Эта ноша мне не по плечу, досточтимый Хво. Вам нужна не птица, а полноценная звезда. Нет ли чего попроще?

— Для тебя — нет, — тут же отозвался старик. — Для тебя у меня есть отряд, готовый отправиться немедленно. Доведешь их до места, получишь двадцать золотых.

Двадцать золотых! Девушка неверяще уставилась на заказчика. Двадцать золотых не только обеспечили бы ей место на корабле, но и помогли бы продержаться первые несколько месяцев. Огромная сумма для беглянки. Хоть и понятно, за что был готов платить Хво, но ее-то, непроверенную чужачку, из всех птенцов Ансвольма он за что выбрал? Не мог он надеяться найти среди магов-недоучек кого-то, силой и умениями сравнимого с настоящим пространственным чародеем. Посредник между городскими птицами и заказчиками, уж конечно, прекрасно знал пределы их способностей и умел оценить поджидающие за пределами городских стен опасности. Нет, не может быть, чтобы Хво ей первой предложил отыскать старый карьер. Отправлять молодых дураков в опасный путь — дело нехитрое, а отправить в него невесть откуда взявшуюся незнакомку и забыть о ней сам Перекресток велел. Она могла бы побиться об заклад, что никто из посланных ранее даже до цели не дошел.

Но двадцать золотых...

— Я не согласна, — тряхнула головой Кэрис. — Мне не по силам. Дайте другое задание, достойный Хво.

За связывание пары дорог тут и там горсть золота ей не получить, но и беды не навлечь. По-хорошему, Хво был ее единственной надеждой на заработок в незнакомом Ансвольме. Время поджимало, и она совсем не представляла, как и где могла бы найти желающих связаться с непроверенной, недоученной девчонкой. Наверное, она могла бы охотиться и продавать дичь, мясо в Ансвольме стоило баснословно дорого. Это казалось проще чем прокладывать нелегальные тропы или рисковать, связываясь с ворами и контрабандистами. Но тогда пришлось бы задержаться на несколько недель, если не месяцев, а времени у нее почти не осталось.

— Нет другой работы, — монотонно повторил старик.

— Но это задача для звезды! — голос ее сорвался, прозвучал высоко и звонко.

Ни ответа, ни движения. Только усталое безразличие в тусклых глазах Хво и его терпеливо сложенные на стойке руки. Кэрис зло глянула на него исподлобья, развернулась и оказалась у двери так же, как пришла, в один шаг. У спуска с верхнего квартала пришлось продраться сквозь стайку оборванных детишек, тянущих руки к ее шевелюре. Волосы цвета темной меди у побережья были редкостью, но не сказать, чтобы совсем уж ни у кого не встречались. Чтобы пряди не пришлось выдирать силой из чужих цепких пальчиков, она перескочила через крышу соседнего дома и лишь тогда слетела на нижние улицы.

— Птица! Птица! — загалдели и заулюлюкали ей вслед.

Кэрис не обернулась.

На постоялом дворе на обед предлагали морского окуня с травами и миску ячменной похлебки. Рыба и съедобные водоросли в Ансвольме составляли основную долю рациона. Море тоже было затронуто Изломом, но несколько иначе, что делало воду безопаснее бездорожья. А вот источником овощей и фруктов служили лишь огражденные поля к северу от города и небольшие садики на крышах, отчего все виденные ею на рынках овощи предлагались преимущественно в сушеном виде и встречались много реже того, что на

прилавки приносило море. Зерно в город везли издалека, из долин Ф'Анды и низин Маэна, где все еще оставалось достаточно места для выращивания пшеницы, ржи и ячменя. За основными продовольственными путями звезды регулярно следили и, в случае необходимости, тут же прокладывали и связывали новые. Ни один крупный город и ни одно княжество Элхари не могли сами обеспечивать себя продовольствием и ресурсами для повседневной жизни, все это требовало безопасного, неискаженного и нетронутого магией пространства, какое было редкой, почти непредставимой роскошью. Ансвольм торговал рыбой и солью, а заодно предоставлял торговые пути к Граничному архипелагу, в ответ получая зерно, ткани, железо и древесину. Появись у города собственный каменный карьер, неважно насколько старый и выработанный, и можно было бы перестроить несколько жилых районов, подновить отчаянно в том нуждающиеся гавань, пирсы, складские помещения и внешние стены.

В общей зале тщедушный мужичок читал замусоленную книгу, медленно проговаривая каждое слово и запинаясь на особо длинных. Грамоте в Элхари был обучен далеко не каждый, поэтому еще с дюжину человек расселись полукругом на скамьях и внимательно его слушали. Старуха в углу занималась шитьем и починкой одежды, выживая рубашки одну за другой из плетеной корзины у ног.

— Бойся тех, кто в ночи не зажжет огня. Бойся тех, о которых не говорят. Их слова — это яд и обман, и сон...

Задерживаться Кэрис не стала. Ей было бы нелишним еще немного покрутиться в порту, поговорить еще с несколькими капитанами — вдруг да найдется кто-то, согласный ее взять за пару монет и готовность отработать проезд. Или можно было попытаться найти менее самоубийственное и не сулящее ненужное внимание со стороны храмовых теней занятие чем поиски давно заброшенных карьеров. К тому же детские страшилки о сновидях, несуществующих на самом деле древних монстрах, ее никогда не интересовали и, конечно, не пугали задолго до того, как она прошла первые экзамены в храмовой школе. Даже до того, как она выучила свои первые заклинания и речитативы, что было больше десяти лет назад. Сказкам этим давно полагалось исчезнуть, раствориться в историях о чудовищах куда более реальных, выбиравшихся в мир из перекрестков и пересечений забытых троп, приносимых блуждающими миражами и выныривавших из лакун и ведущих в иные миры дверей. Но сказки никак не желали исчезать. Наверное, потому, что неизменно хорошо кончались: сновид убивали храбрые воины и заманивали в ловушки могущественные чародеи, а пленники их оказывались спасены и возвращены домой в целостности и сохранности.

Но никто и никогда еще не убивал теней, порождений иного незримого и хаотичного мира грани, что являлись смертным, сколько человечество себя помнило. Не убивал даже в сказках.

Первым она заметила корабль. Ладный трехмачтовый фрегат с парусами настолько белыми, что в старой, грязной гавани Ансвольма он выглядел чужеродно точно распустившийся среди перекрученных коряг диковинный нежный цветок. Корабль был слишком уж хорош, чтобы капитан брал в плаванье случайных пассажиров, а значит, для нее бесполезен, но это не помешало Кэрис издали повосхищаться его плавными, воплощающими в себе хрупкость, изящество и стремительность формами. Разглядеть, что происходит у причала, не удавалось: люди стояли плотными рядами. Над толпой разносился восторженный, боязливый шепот, по которому не сразу удалось понять, что происходит в

порту, и почему прекращена работа. Кэрис вскарабкалась на крышу, уже облюбованную портовой ребятей, и всмотрелась в собравшихся на причале. На небольшом пятачке пространства у откинутого трапа стояла группа богато одетых горожан, а против них человек в узнаваемом красно-белом длиннополом одеянии жреца Перекрестка. Кэрис застыла с неровно бьющимся сердцем и холодеющими руками, объятая желанием оказаться подальше от порта, а лучше и от Ансвольма.

Лица новоприбывшего было не разглядеть, слишком далеко, да и держался он несколько странно. Жрец стоял прямо, но смотрел себе под ноги, а если и скидывал голову, то тут же подносил к глазам ладонь, словно его слепило заходящее солнце. Вот только солнце находилось за его спиной. Издали Кэрис показалось, что жрец довольно молод, может, лишь на десяток лет старше ее самой. Но, конечно, рисковать и пытаться разглядеть его магией дальнего взора она не стала, опасаясь выдать себя. Теперь было ясно, что вызвало столпотворение: люди пришли поглазеть на жреца. Храм часто перетасовывал своих слуг, причем без всякой системы. Кто начинал день у теплого моря мог вечером отправиться ко сну в заснеженных горах. Но в Ансвольме, маленький прибрежный городок, обозначенный далеко не на каждой карте, не прислали бы кого-то настолько высокопоставленного и могущественного! Знай она, что такое случится, и сама бы обошла поселение десятой дорогой.

Самого человека она не боялась, но где жрец, там неизменно и... тень.

Городской совет и стража за их спинами выстроились ровными рядами. Это же построение повторила команда корабля. Капитана легко было узнать по характерной шляпе с пышным пером. Но в то же время ровный порядок построения и торжественность приветствия нарушала еще одна фигура, лениво выписывающая спирали на пристани. Когда спирали проходили близко к толпе, первые ряды испуганно шарахались, люди поспешно отступали, словно тьма от света факела. Пришедшее в голову сравнение просто не могло быть иным. Некрашенные полотняные рубахи матросов и разнорабочих, замызганные штаны, редкие кожаные дублеты офицеров сливались в колышущуюся черно-серую массу, а одеяние забавляющейся тени ловило каждый лучик света и разбрасывало вокруг алые искры. Точно ее платье было усыпано рубинами, а может, маленькими язычками пламени. С твари стало бы одеться в огонь. Кэрис распласталась по крыше и на тень старалась не смотреть. Те чувствовали чужие взгляды как рыбы потоки воды в реке, а магию — и того лучше. Стоит привлечь ее внимание, и... Нет, тень ее скорее всего не тронула бы, но могла запомнить.

Как легко и естественно она двигалась! Как непринужденно удерживала так похожую на человеческую форму! Слугам Перекрестка было куда проще непрестанно меняться, перетекать из одного облика в другой, являться калейдоскопами образов. Но эта не просто сохраняла постоянство внешней оболочки, а еще и выбрала довольно сложную для подражания структуру человеческого тела и паттерны движения воспроизводила так легко и изящно, что сами люди на ее фоне казались грубо вырезанными из чурбанов фигурами, нелепыми марионетками. Кэрис не верила своим глазам: в маленьком тихом Ансвольме, наверное, впервые за последние триста лет появилась высшая тень. В ее имени точно нашлось бы двойное «а», если бы гостье с той стороны вздумалось представиться. А двойное «а» — это плохо, это очень и очень плохо. Оставалось только надеяться, что тварь не снизойдет до того, чтобы бродить по улицам, и зачем бы они с жрецом сюда ни явились, дороги их не успеют пересечься с путем Кэрис. Со стороны последней самым разумным вариантом — и единственным шансом выжить, откровенно говоря, — было бы держаться от

дел Храма как можно дальше.

Приветственная церемония, и так недолгая, вышла скомканной и торопливой. Новому жрецу явно не терпелось убраться с людной пристани, а совет не радовало близкое соседство с высшей тенью. Люди в задних рядах боязливо вытягивали головы в попытках получше рассмотреть сущность почти легендарную, ужасающую в своей силе и чуждости, облаченную в рубины и живое пламя. Они боялись тень ровно настолько, чтобы держать дистанцию и не пытаться ее коснуться. Но недостаточно, чтобы в ужасе и панике разбежаться во все стороны, запереться в домах и забиться в подворотни. Простой люд о тенях и их жрецах-компаньонах не знал ничего, кроме сотен страшных слухов и домыслов, и пусть некоторые из них были вполне правдивы, чудовище с изнанки перекрестков казалось собравшимся восхитительной диковинкой. Опасной, непривычной, чуждой, но захватывающей диковинкой, а не воплощенным хаосом сломавшей старый мир магии.

Кэрис не слышала, о чем говорят в отдалении, но этого и не требовалось. Все законы, традиции и ритуалы Храма она знала назубок. В первый день нового жреца полагалось сопровождать к храму с наивысшими почестями. Для этого на пристани имелся паланкин, окруженный четверкой дюжих солдат. Но место в паланкине было лишь для одного, и совет неловко мялся, не зная, как разрешить ситуацию. Теней надлежало приветствовать наравне с жрецами и оказывать им равное уважение. И уж конечно, строго запрещалось разлучать тень с ее человеком, что воспринималось Храмом как покушение на нерушимость и святость контракта. Ансвольм оказался не готов к прибытию жреца, чья тень не просто проявляла себя в физическом мире, но и принимала при этом человеческий облик.

Недоразумение разрешил сам жрец, молча забравшись в паланкин. Двигался он медленно, даже нарочито медленно, по-прежнему не отрывая взгляда от земли, будто делая собравшимся одолжение. Была бы его воля, наверняка предпочел бы дойти, а то и долететь до храма сам. Теперь тень выписывала хаотичные спирали вокруг паланкина, разбрасывая огненные искры и блики. Перед ней толпа расступалась куда поспешнее, чем перед идущими следом городским советом и отрядом стражи. Кэрис никогда не задумывалась, как и для чего возникла приветственная традиция, но увидев ее собственными глазами, сочла символичной. Храм открыто указывал людям их место — следовать за жрецами и звездами по проложенным ими дорогам. Потому как других дорог не было и быть не могло.

Чем дальше уходила процессия, тем громче и оживленнее становились шепотки. Появление в Ансвольме жуткой пары воспринималось редкой удачей и благом для города.

— Видал, как сияет! Горит прям как раскаленное железо! — восхищенно поделился с друзьями лохматый пацаненок, оживленно размахивая руками.

— Вот это да! — присвистнул другой. — Махнем завтра с первого солнца к храму?!

— Не с солнца, а до. Зуб даю, она и в темноте... ну, такая!

Мальчишки перекрикивали друг друга, сбившись в стайку. Их предположения о способностях твари становились все разнообразнее и нелепее. И страшнее. Выдумка, что питаться она будет золотом и кровью, заставила Кэрис поежиться. Но уж точно тень не пришла, чтоб море вокруг города обернуть, хоть скорее всего могла это сотворить.

Девушка спустилась с крыши по лестнице, слишком раздосадованная и испуганная, чтобы оставаться в порту и пытаться найти подработку или сторговаться о лучшей цене. В голове среди хаоса и неразберихи не было ни единой дельной мысли о причинах появления в городе тени. Зато мыслей о последствиях ее пребывания в Ансвольме было хоть отбавляй, одна нерадостнее другой. Сперва она пыталась пробиваться через толпу, лавировать,

использовать малейшие лакуны в человеческих потоках. Потом смирилась, позволила потоку унести себя немного дальше и некоторое время переждала в переулке. Позволить магии перекрестка привести себя к постоянному двору она не могла сперва из-за близости тени и опасения, что та почует ее магию, а потом в огромной толпе при сотнях, тысячах пересекающихся чужих путей это стало и вовсе невозможно. На постоянный двор она приплелась уже в темноте. Выбрала из тарелки костлявую сушеную рыбину и несколько комков, в которых по вкусу угадывался пресный картофель. Ужин выглядел не аппетитнее обеда, но голод взял свое, и отказываться она не стала, а после сразу поднялась к себе.

Еще несколько часов назад она раздумывала, что недостающее золото могла бы заработать или украсть. Но на оба пути ушло бы довольно много времени, а оставаться, останавливаться было никак нельзя! Не с разгуливающей по Ансвольму высшей тенью, прятаться от которой занятие изначально безнадежное. Опыта воровства у Кэрис не было, если не считать таковым ночные набеги на школьную кухню. Лезть в богатые дома, наверняка защищенные и заклятые оградителями, она бы не стала. Пропажа горсти серебра тут и там, если бы и привлекла внимание стражи, то к ней бы не привела. Но тень... Стоит городу попросить у жреца помощи в поиске вороватой птицы, и тварь принесет тело сороки к ступеням храма на следующее же утро. Не раз и не два видела она подобную картину. Птенцов выкидывали из школы слишком рано, задолго до того, как преподаватели объясняли подросткам суть и опасность духов Перекрестка. Недоученных магов, признанных школой слишком слабыми или безнадежно неумелыми, далеко не всегда принимали обратно в семьи. Наиболее везучие и сильные находили себе покровителей или перебивались случайными заработками, становились птицами. На колдовство птиц храм смотрел сквозь пальцы, ведь звезд в мире было не так много и постоянно переплетать сеть дорог они одни не могли. Птицы же охотно брались за мелкие поручения, да и услуги их были не в пример доступнее простым людям.

Кэрис мрачно уставилась в потолок. Предложение Хво уже не казалось совсем уж безумным. Обычная птица так далеко ни за что бы не залетела, но она могла бы попробовать. Добралась же до Ансвольма через полконтинента, сумела не пропасть в искаженном пространстве Перекрестка. Конечно, сплестать дорогу для себя одной не в пример проще, чем вести по ней кого-то еще, но девушка была уверена, на это ей сил хватит. Она не хотела признаваться себе, что на самом деле ухватилась бы обеими руками за любую возможность убраться из города, пока его не покинет ало-белая пара. Жрец явно был слишком силен для Ансвольма, а потому можно было надеяться, что как только они выполнят здесь свою задачу, Храм тут же отправит их в новое место. Его имя наверняка внесено в книгу Перекрестка, а то и занимает в ней свою страницу, как и имя его тени. Как имена всех теней, связанных контрактом со смертными. Заучивать имена из книги их не заставляли, но самые известные и могущественные все равно были на слуху. Кэрис гадала, не увидела ли мельком кого-то, о ком с детства слышала от наставников. Это было бы восхитительно — в других обстоятельствах. И если бы только она знала чуть меньше о маленьких нюансах и последствиях заключенных с тенями контрактов.

Отряд в полдюжины человек Хво собрал на следующий же день, будто с самого начала не воспринял отказ всерьез и только и ждал ее возвращения. Кроме самой Кэрис, к шахтам отправлялись рослый, долговязый детина лишь немногим старше ее самой, знаток камней и руд с кучей коробочек и мешочков для образцов, а также трое наемников. Одному из них Кэрис, помедлив, кивнула, узнав мужчину с постоялого двора. Сегодня под поношенной курткой он носил кольчугу, знавшую лучшие времена с десятков лет назад, а сейчас, судя по виду, готовую рассыпаться от первого же удара. Оставшиеся двое молодых, крепко сбитых наемников экипированы были ничуть не лучше и на нее поглядывали с сомнением и любопытством. Седовласая мастер Айрис раздраженно отмахивалась от всякого, кто мешал ей перебирать образцы и ветхие бумаги, а мальчишка-птица смотрел завистливо и недобро. Сумей Кэрис довести отряд до места и вернуть в Ансвольм, и положение Найро как сильнейшей птицы в зеленом квартале осталось бы в прошлом. Лучшим в Ансвольме он и так не был. Лучшие не работают на старьевщиков и скупщиков, не ютятся на окраинах. И все же Найро был достаточно уверен в своих способностях или удаче, чтобы отправиться на бездорожье путем, проложенным другой птицей, и взяться удерживать чужую тропу от развоплощения.

Карту ей Хво не отдал, но позволил перерисовать, выделив для этого испорченный водой лист из старой поваренной книги. Названия незнакомых продуктов и специй расплывались, инструкции по приготовлению слились в неразборчивую мешанину. Пришлось обвести линии по нескольку раз, прежде чем очертания материка стали выделяться на бумаге. Лучше было бы перенести ее на чистый лист, но бумага была роскошью, для полноценного ее производства не хватало сырья. Тут бы изловчиться добыть древесину для растопки очага или ремонта зданий, а бумага дело даже не третье, а десятое. Вот и вспарывались швы старых, ненужных более книг, расходились по рукам страницы. Кое-какие выбеливали или соскабливали, но в основном писали поверх и между строк, не обращая внимания на изначальный текст.

Они вышли из города через северные ворота, прошли по узким настилам через городские поля под любопытными взглядами работников и на самой их окраине обменяли бумагу с печатью гильдии каменщиков на нескольких низкорослых лошадях. У самой границы леса стоял босой человек и что-то неразборчиво шептал себе под нос, невидяще уставившись куда-то в небо над кронами. Красно-белый пояс выдавал в нем оградителя, и Кэрис насторожилась, но тот будто и не заметил их присутствия. Тени рядом не появилось. Если граница стабильности и пролегала у кромки леса, девушка все равно ее не ощутила.

— Я Акадо, — давешний наемник и, как оказалось, командир отряда представился последним. — Все готовы? Кэрис?

После нестройных, нетерпеливых ответов люди сбились кучнее. Лошади фыркали и всхрапывали, лениво тянулись к траве у обочины. Коней не досталось только ей и Найро, но им животные под седлом только помешали бы чувствовать и тем более плести дорогу. Девушка отошла на несколько шагов, повернулась спиной к городу. Закрыла глаза, ища путь сперва внутри себя, затем позволяя ему начаться от сердца, от земли под ногами. Когда тропа перед закрытыми глазами обрела очертания, она мельком увидела проблески света сквозь зеленые кроны и призрачно-серую линию гор. Теперь осталось положить созданную

дорогу под конские копыта и самой сделать первый шаг. Одна она бы не стала создавать новый путь, а просто срезала бы его, перебросила бы пару тропок через бездорожье, но за благополучие спутников в таком случае поручиться не могла. Да и не обучали птиц, как удерживаться на зыбких тропах и уж тем более творить их. Вздумай она сократить путь слишком явно, показать слишком много, и Найро догадается, что никакая она не птица.

Когда город исчез из вида, и пульсация кристалла-указателя перестала отдаваться в сердце, Кэрис позволила дороге свернуться петлей и втянуть их в сеть троп, путей и перекрестков. Но выбрала при этом самую маленькую из окрестных сетей, почти прозрачную и неощутимую. Перекрестки, даже давно неиспользуемые, мертвые, могли столетиями не терять силу. Они цеплялись за свою магию тем сильнее, чем больше и оживленнее были до Излома, чем дольше существовали. Эта сеть оказалась совсем маленькой, всего три или четыре настоящих перекрестка и десяток пересечений поменьше — скорее всего, когда-то неподалеку стояла деревня.

Отряд нашел ее после полудня. Заброшенные дворы заросли мхом и крапивой, по срубам карабкался вьюн, усыпанный мелкими белыми соцветиями. Солома на ветхих просевших крышах и в щелях, откуда ее не унес ветер и не вымыл дождь, слежалась и посерела. К карнизам лепились серые гнезда, меж которыми то и дело сновали ласточки, на коньках и скатах виднелись гнезда покрупнее.

В пустом проеме двери что-то мелькнуло. Акадо схватился за арбалет, люди поспешно отшатнулись, забормотали обереги. Найро, напротив, подался вперед, жадно всмотрелся в темноту. В дороге он держался неплохо, по чужому пути следовал без видимого труда. Приходилось признать, что как птица юноша свое дело знал и для похода был выбран не без причины.

— Это дикая тень? — боязливо прошептала Айрис.

— Очень может быть... — тихо ответил Найро.

Обереги зазвучали громче, на птиц выжидательно уставились четыре пары глаз. Ну да, кому же еще идти в логово тени или еще какой твари бездорожья, как не магам Перекрестка, даром что маги недоученные. Реакция людей казалась Кэрис необъяснимой и непоследовательной. Вчера полгорода готовы были идти по головам, лишь бы увидеть высшую тень хоть краем глаза. Да еще хвастливо привирали потом, будто та прошла так близко, что рубиновые искры опалили кожу. Но стоило только представить, что вне городских границ им встретилась иная тень, дикая и ни с кем не связанная контрактом, как группа замерла в нерешительности. Разумнее было бы делать наоборот: держаться подальше от улиц во время прибытия жреца, а на дикую тень и вовсе не обращать внимания. Но видя почти человеческий облик монстра, народ безотчетно ожидал человеческого же поведения. А может, надеялся, что жрец в случае чего остановит духа, призовет к порядку. Наверное. В равенство жрецов и их теней, на всех углах провозглашаемое Храмом, люди не очень-то верили и, в общем, правильно делали. Только почему-то склонны были ошибаться не в ту сторону и главенство в паре отдавать жрецам.

Кэрис нагнулась, подобрала у обочины камень и швырнула в проем. Не было там никакой тени. Если бы духов Перекрестка можно было встретить вот так запросто у первой же мелкой сети, обряд восхождения не вызывал бы трудностей даже у самых безнадежных адептов. Вопреки всенародным поверьям, тени не рыскали по бездорожью целыми стаями, только и поджидая заблудившихся человечков. Они не охотились на людей целенаправленно и, как правило, не представляли опасности, если их не злить и не подходить близко.

— Нет там ничего, — буркнула она и немного погодя, осмотрев недоверчивые лица, добавила: — Во всей деревне нет никаких теней, ручаюсь.

Никого и ничего здесь давно уже не было. Тени любопытны и непостоянны, устраивать логово в заброшенной человеческой деревеньке, где даже нормальных перекрестков раз-два и обчелся, они бы не стали.

Найро недобро зыркнул на нее и медленно ступил в темный проем, выставив перед собой короткий кинжал. Люди замерли, затаив дыхание и не сводя глаз с заброшенного дома. С минуту все было тихо, затем Найро показался на пороге, успокаивающе махнул рукой, и остальные наконец расслабились.

— Чем паяться вокруг без толку, лучше бы проверила дороги.

Айрис говорила негромко и в сторону, отчего ее замечание прозвучало только ехиднее. К ногам девушки упала холщовая сумка, небрежно брошенная каменщицей. Она смотрела неодобрительно и свысока. Как же, молодая необтесанная птичка растерялась в первой вылазке, а то и вовсе засмотрелась на парня. Найро с собранными в небрежный хвост светлыми кудрями был бы хорош, если бы только не злые, завистливые огоньки в глазах и едва уловимая гримаса, появлявшиеся каждый раз, когда она небрежно одну за другой перетасовывала дороги. Кэрис была сильнее, и пусть для остальных это было далеко не очевидно, Найро не мог не заметить, как плавно пути стелятся под ее сапоги.

Ни миражей, ни омутов вокруг не было, их Кэрис почувствовала бы издалека. Растягивание веревок и начертание границ казались пустой тратой времени. Но на слово молодой птице никто, конечно, не поверил бы, не доверил бы собственную безопасность интуиции девушки. Не пытаясь возражать или оправдываться, она с раздражением рванула на себя клапан сумки и выгребла моток бечевки и дюжину тонких деревянных кольшков.

— Где разобьем привал?

— Здесь, — раздалось из-за спины.

Акадо появился рядом с бесшумностью, свойственной скорее теням, чем людям. Одной рукой он придерживал на плече грудку трухлявых досок и веток.

— Не в доме?

Не проводить ночь под открытым небом при возможности остановиться в любом из домов казалось разумнее. Им было из чего выбирать — в деревне нашлось четыре дома покрупнее и еще с десятков хибарок. Не везде имелись двери или ставни на окнах, но даже так можно было бы меньше опасаться волков.

— Чтобы всю ночь гадать, не рухнет ли нам на голову крыша? — фыркнул командир. — Здесь ничего не подновляли уже двести лет. Посмотрите внутри, — он кивнул в сторону пустого дома, — там осталось еще немало обломков и старой утвари. Что можно — пустим на растопку. А вы двое, попробуйте обойти дом. Я видел в окно колодец, проверьте, можно ли до него добраться, и осталась ли там вода.

Наемники спешили и скрылись в проеме, пройдя по уже проверенной траектории. Почти сразу раздались глухой стук и треск, с каким топор вгрызается в дерево.

До вечера было еще далеко, но никто не мог обещать, что следующая найденная сеть окажется столь же безопасной и необитаемой. Над головой плыло пушистое облако с ровно срезанным краем. Оставалось только гадать, где осталась его другая часть, куда ее забросил блуждающий мираж. Слева, если долго и пристально вглядываться, можно было рассмотреть горы. На небрежно перерисованной карте Тайсинский хребет должен бы был находиться по правую руку. Кэрис не знала, наткнулись ли они на зеркало, или дороги в какой-то момент

вывернулись из-под ног. То было далеко не худшее, что могло случиться на бездорожье. Да и проложенный путь не растаял, а напоминал о себе теплом и покоем, как свернувшийся у сердца котенок. Она не столько боялась его потерять, сколько обнаружить в конце, что цели пути более не существует или что ведет он их совсем не к тому карьеру, намного дальше, чем следовало бы. А она не могла позволить себе задерживаться.

После недолгого блуждания по окрестностям девушка подстрелила из лука зайца, довольно мелкого для теплого времени года. Собрала трав и пару горстей дикой, еще не до конца созревшей земляники, поставила пару силков в надежде добыть немного дичи на завтрак. За время ее отсутствия Найро набрал для отряда воду во фляги и бурдюки. Кэрис отдала командиру тушку зайца и собранные припасы, а затем устроилась у колодца. Лист с картой, испещренный названиями незнакомых продуктов и непонятными указаниями, придавила камнем, чтобы не лишиться его от порыва легчайшего ветерка. Подойти к колодцу по нестабильной тропе могли только птицы, поэтому Кэрис не пришлось поднимать голову, чтобы узнать, кому принадлежат упавшая на карту тень и пара запыленных сапог, от которых та тянулась.

Найро, до того не перебросившийся с ней и парой слов, опустился рядом. Облокотился спиной о заросший мхом сруб колодца, пальцем начертил на земле волнистую линию, затем еще одну. Через минуту стало ясно, что парень зачем-то копирует карту, которую он и так мог видеть у Хво, причем в куда лучшем исполнении.

— Ты можешь представить себе мир, который выглядел вот так? — любопытно спросил он.

Перенесенная с бумаги на пыльную, растрескавшуюся от летней жары землю карта будто влилась в мир неотъемлемой частью, стала печатью, крепящей и укореняющей пространство. И оттого она казалась еще более неверной и невероятной.

— Нет.

Она протянула руку, и на место Ансвольма лег камень, на место предполагаемых шахт — другой, поменьше. Между ними Кэрис прочертила в пыли почти прямую линию — дорогу, которой не могло существовать, если на то не было воли Господина Перекрестков.

— Я раньше не понимала, зачем люди строили города, если могли пойти куда угодно. Если точно знали, что могут без всякой магии добраться до нужного места, и что это самое место еще существует, а не поглощено гранью, не разбито на мелкие осколки и разбросано по всему материку.

В мире не существовало прямых путей и не было мест, что не разбивались перекрестками вдребезги, не разносились ими по всем концам света. Чем больше вокруг перекрестков, тем нестабильнее становилась реальность. Излом превратил крупные города в непрестанно изменяющийся пространственный калейдоскоп, слил воедино с тысячами иных миров. В Л'Иерре жрецы возвели границы и стены, чтобы семь образовавшихся на его месте городов, что то и дело накладывались друг на друга, не перемешались меж собой окончательно. Л'Иерре продолжил существовать, пусть даже и так. Что случилось с Лондре, крупнейшим городом некогда цельного континента, люди боялись даже предполагать. А что касается поселений, коими служители Перекрестка не могли или не хотели заняться... Кэрис обвела взглядом мало-помалу разваливающиеся лачуги, отданные на волю леса и дикой магии. Долго нехоженые перекрестки почти потеряли силу, но толку от того было немного. Если вернутся люди, вернется и магия дорог.

— Я мог бы здесь остаться, — неожиданно начал Найро, откидывая голову назад и

упираясь затылком о сруб колодца. — Ну, не именно здесь, но в каком-нибудь похожем месте. Держал бы перекрестки, чтобы никого не утщило на бездорожье, и ничто чуждое не пришло бы извне.

Кэрис почему-то вспомнился жрец с его искристо-огневой тенью. Сейчас он нес в себе надежду на целостность и стабильность целого Ансвольма, и наверняка мог бы взять на себя намного большую территорию. Ей самой магия подобного порядка была недоступна, тут бы место для лагеря от блуждающих миражей оградить. Найро, похоже, думал, что дело только в масштабах запираемой территории. Неудивительно, до прохождения первого испытания адептам мало что рассказывали, а перед теми, кто не справлялся с задачей, навсегда закрывали двери Храма. Она иногда думала, не было бы лучше, если бы и за ее спиной тогда закрыли дверь, безжалостно выбросив из гнезда не оправдавшего надежд птенца. И какая разница, если она и так в итоге оказалась на бездорожье с подрезанными крыльями, просто на несколько лет позднее.

— Невозможно, — убежденно сказала она и, видя, как вскинулся парень, пояснила: — Это не та магия, которой можно выучиться, тут нужна крепкая связь с тенью. У всех жрецов есть сильные тени, только поэтому они могут удерживать пространство.

— Вот именно! Если бы у меня была тень, и я бы смог.

На взгляд Кэрис, никто в здравом уме не стал бы желать заключения контракта, но показывать свое отношение было бы неразумно. Для Найро наличие тени за спиной — это статус, сила, прозрачная и звонкая магия Перекрестка на кончиках пальцев. Не чуждая тварь, что цепляется за кости и кровь и льнет к сердцу. С другой стороны, парень был все еще жив и не переломан магией до потери человеческой формы, а это говорило хотя бы о том, что ему хватало разума не пытаться заключить контракт самовольно. Или?.. Кэрис окинула его оценивающим, задумчивым взглядом. Как быстро он ринулся в пустой дом! Заботился о безопасности остальных или надеялся поймать тень? Впрочем, ей не было до того никакого дела.

— Если найдем карьер, и там окажется тень, я уступаю тебе право попытаться с ней договориться.

— С чего такая щедрость? — с подозрением осведомился тот.

Кэрис вспомнила кровь на песке, маслянисто блестящие при неровном свете факела пятна на кленовых листьях. Вспомнила, как торопливо слуги заворачивали в дерюгу истерзанное тело Нэлы. Но не прежде чем каждая из теней сделала по глотку крови.

— Тень тебя убьет. А у меня нет привычки мешать самоубийцам.

Не найдет он тени, готовой разделить силу, ступая по следам другой птицы. Магу, не проведенному на бездорожье хотя бы пары месяцев, не доказавшему своего умения, они и показываться не станут. В книгах Храма указывалось, когда испытуемые отправлялись в путь и когда возвращались. Если возвращались. О пропавших без вести записей не вели, и судьбы их никому были неинтересны. Это Кэрис нравилось, потому как внушало надежду. Ведь она сама провела в пути уже больше четырех недель, правда, шла при этом в противоположную от указанной сторону. Если сумеет продержаться еще немного, ее имя тоже соскребут с пергамента, а немногие оставшиеся в школе вещи распределят между другими адептами.

— Да ты просто боишься! Потому я и не видел тебя в Ансвольме. Что, тебя вернули в семью, и ты согласилась с решением Храма тебя выкинуть? Чего вдруг вспомнила, что ты птица?

— Зато ты, вижу, только и мечтаешь о тени! — вспыхнула Кэрис. — Ты вообще не

знаешь, что это такое!

Слова прозвучали горячо и зло. На мгновение ей показалось, что Найро вот-вот вскочит, швырнет в нее камнем и исчезнет, перейдя на другую тропу.

— Ну, а ты, конечно, знаешь.

— Я... — она осеклась, не желая сказать слишком много, — слышала разное. Страшное.

Он встал, неприязненно скривившись, и в один шаг затерялся в деревне. Сильная птица. Сильная, но глупая. Кэрис, до того готовая в любой миг сорваться в сторону, позволила себе расслабиться и растянуться на опаленной солнцем траве. На душе было тоскливо.

Кэрис не думала, что придется задержаться в Ансвольме дольше чем на пару дней, вот и не озаботилась созданием достоверной истории. Найро считал ее птицей, подобранной сострадательными родичами. Лучшей легенды было не придумать. Вернуться в прежнюю семью для птиц редкое, но не то чтобы совсем уж небывалое везение. Выставляя слабых, неловких или чем-то не приглянувшихся теням адептов за порог, наставники обычно рассказывали тем об их происхождении. Да только не все из новоиспеченных птиц предпочитали возвращение в тесные крестьянские избы поискам счастья и серебра на перепутанных дорогах. Перед большинством из вернувшихся закрывали двери их же родители, за десяток лет обзаведшиеся новыми детьми и не знающие что делать с неожиданными и непрошеными гостями. Дело птицам находилось быстро, и если те не пропадали на бездорожье в первые несколько лет вольной практики, то могли уверенно рассчитывать на кусок хлеба.

Она осталась у колодца до сумерек, пока мешанина линий на бумаге не стала совсем нечитаемой, а затем присоединилась к отряду у костра. Всем раздали по миске густой похлебки. Мастер Айрис недовольно скривилась и с подозрением принялась к содержимому. От мяса в общем котле остались разве что ароматный дух и россыпь золотистых пятнышек жира на поверхности бульона. Акадо не поскупился на крупу, мелкие клубни картофеля и молодые травы. Густая похлебка показалась Кэрис вкуснейшим блюдом за последние три дня.

Найро сидел с другой стороны костра и не поворачивал головы в ее сторону. Наемники боязливо вглядывались в темноту. Кого или что они оттуда ждали, Кэрис не знала и знать не хотела. Чудовища Перекрестка, вопреки распространенному мнению, вовсе не шастали по бездорожью целыми стаями, и куда более вероятным казалось наткнуться на дикую тень или очутиться в ловушке дорог.

Карстен, чье дежурство выпало первым, неожиданно подсел к ней.

— Почему вы двое не взяли лошадей?

— Бессмысленно. Из седла нельзя даже коснуться дорог, не то что связать их.

Не говоря уже о том, что она умела двигаться куда быстрее лошади — со скоростью ветра, стремительностью пикирующего сокола.

— Морские звезды плетут пути с борта. Разве это не то же самое?

— Не совсем, — Кэрис устроилась поудобнее, обхватив колени руками. — Конь живое существо, не лишенное свободы воли. Он стал бы преградой между мной и путем. А корабль и так движется под действием ветра и волн, его остается только направить.

Зимой пересечения десятков, сотен следов полозьев рисовали на крутых склонах непрочные, быстро тающие перекрестки. Но и их сил хватало, чтобы соревнуясь перенаправлять пути. Нэла как-то раз сумела оказаться на школьной крыше, откуда ее санки пришлось снимать прислужникам с приставными лестницами и веревками. Впоследствии

никто из них не смог ни превзойти, ни даже повторить ее колдовство. Многое из того, что походя делала Нэла, иным было недоступно.

Вот только даже ее силы не хватило...

Уловив перемену в ее настроении, Карстен засуетился, поднимаясь:

— Я просто так спросил, не хотел никаких секретов выведать. Если нельзя было говорить...

Она помотала головой. Волосы на миг взъерошил теплый, пропахший дымом ветерок.

— Все хорошо. Я просто устала, только и всего.

Проклятая магия Перекрестка. Благословенная магия Перекрестка. Надо уйти как можно дальше, затеряться, чтобы ее сочли пропавшей на бездорожье, свободной, невесомой. Чтобы не разорвали в клочья.

Дым от костра застилал звезды и наполнял воздух искрами и потрескиванием. Тушить его не стали. Огонь отпугивал хищников, во множестве водившихся в лесах. Путешествуя одна, Кэрис о защите от голодного зверья не особенно заботилась. Хватало очертить вокруг стоянки запирающий знак Кей-Ра. Она и сейчас это сделала, не из опасения, но по привычке. Найро тайком повторил жест и фигуру в пыли носком сапога.

Последнюю предрассветную вахту вызвался вести Акадо, как лидер отряда. Он спал всего в нескольких метрах от Кэрис, почти сверхъестественным образом провалился в сон, как только коснулся земли. Тут даже привычной к походной жизни птице было чему позавидовать. Его не заставляли беспокойно шевелиться ни шорохи леса, ни чужие голоса, ни даже жалобы и стенания Айрис.

Стрекот цикад, редкие, похожие на всхлипы, голоса ночных птиц окутывали лагерь пеленой знакомых, успокаивающих и убаюкивающих звуков. Потрескивание валежника в костре сливалось с тихими, неразборчивыми голосами Лиама и Айрис в единый ровный гул. Магия Перекрестка истаяла в теле, но ощущалась зыбким, зовущим теплом немного поодаль среди скопления невидимых в темноте домишек. Тепло это непохоже было ни на жар огня, ни на лучи солнечного света. Оно говорило о близости дорог, о верности выбранного направления. Мимолетное, едва уловимое чувство, знакомое лишь находящимся в пути.

Ее разбудили утренний холод, предрассветная влажность и прозрачная чистота воздуха. Запахи леса звучали чище, ярче, отчетливей и слаще. На траве блестела роса. Кэрис хотела было подобраться поближе к почти погасшему костру и доспать еще немного, но наткнулась на внимательный, острый взгляд Акадо. Командир оказался возмутительно бодрым и отдохнувшим, будто не было ни дневного перехода, ни ночи на ветхом плаще среди бездорожья, ни предрассветного бдения. Он даже двигался легко и бесшумно, не то что птица, после сна ощущавшая себя тяжелой и неповоротливой.

Акадо мотнул головой в сторону колодца, видимо, полагая, что раз проводница открыла глаза, то готова сделать что-то полезное. К ее неудовольствию, второй человек, что мог без опаски подходить к колодцу, спал крепко и сладко. Вокруг еле тлеющего костра мирно дремали и остальные, даже мастер Айрис, несмотря на вечернюю возню и стенания, сейчас не шевелилась и, казалось, даже не дышала.

— Доброе утро, — совсем не по-доброму пробурчала она себе под нос.

Командир жизнерадостно кивнул в ответ. Завидую его цветущему виду, Кэрис поплелась к колодцу, прихватив ведро. Стоило умыться и напиться холодной, сводящей зубы воды, как жизнь показалась вполне сносной. Пройти чуть дальше, найти старые каменоломни, вернуть отряд в Ансвольм — это она сможет. К этому ее готовили. Дальше останется заплатить за

место на судне и затеряться на островах. Время еще есть. Скорее всего, есть. Все еще может получиться, если не задерживаться. Ее не станут искать так быстро, ведь всего несколько недель прошло. Иные адепты странствовали и по полгода, пока не находили свою тень. Хотя бы с заказом ей повезло. Пусть задание Хво и было сложным, да и что скрывать, неосуществимым для птиц, но и плату старик обещал щедрую.

Ведро было небольшим, и она смогла донести его до лагеря наполненным до краев. Командир подбросил дров в костер и поставил котелок на разгорающийся огонь. Пока Кэрис расчесывала волосы старым гребнем, в котел отправился мешочек крупы, горсть оставшихся со вчера трав и щепоть соли. Акадо почти не смотрел, что делает, вместо этого рассеянно провожал взглядом пролетающих мимо птиц, облака, следил за движением ветра в кронах. Вслушивался в окружающий мир, подмечал малейшие признаки искажений реальности и приближающихся миражей, как почти бессознательно делали люди, немало дней, а то и недель проводившие на бездорожье и не запутавшиеся в его лабиринтах. Через некоторое время он сунул в руки Кэрис деревянную плошку, до краев наполненную кашей, и уселся рядом.

— Как спалось? Сновиды не являлись?

Кэрис насмешливо фыркнула. Для того, чтобы проснуться утром по другую сторону миража, страшилок из детских сказок вовсе не требовалось. Иногда надо было всего-то встать до света. Некоторым, и ей в том числе, хватало. Хотелось бы придумать ехидный, остроумный ответ для довольно усмехающегося наемника, но мысли, в отличие от окружающего мира, никак не хотели обретать ясность.

— В этой глуши я бы скорее боялась волков.

— Волков? — он чуть склонил голову набок и накрыл ладонью арбалет, с которым не расставался даже во время завтрака. — Волки к костру не подойдут. Они и вполтину не так опасны, как о них говорят.

То ли дело тени... Но о последних, ясное дело, никто не упомянул, чтобы не привлечь чуждого, опасного внимания. Поговаривали, будто те слышат, когда о них говорят, и приходят на зов.

Каша была безвкусной, из прошлогодней пшенки, но другого ждать и не стоило, если только ей не удастся подстрелить еще одного зайца или лесную куропатку, найти съедобные клубни и коренья. После сбора урожая основная масса свежих продуктов оседала в городских хранилищах и кладовых знати, а остатки появлялись на рынках, разбавляя сушеные и маринованные овощи и фрукты.

— Откуда ты?

— Теленар, — заученно бросила Кэрис.

Теленар находился близко, насколько понятие «близко» вообще применимо к бездорожью. Путь к нему занимал от силы дня два, за стабильностью дороги строго следили. И при этом два дня пути это достаточно далеко, чтобы не бояться наткнуться на его жителей на побережье. Потому Теленар она сочла безопасным ответом. Правда прозвучала бы безумно и неправдоподобно. Отойти от города на день-другой сильная птица смогла бы, но уж никак не провести в дороге более недели. Чем дальше остаешься на распутье, чем больше дорог отмеряешь, тем скорее встретишься со слугами Господина Перекрестков, а то и ощутишь его внимательный, тяжелый взгляд.

— Теленар... — задумчиво протянул Акадо, забирая у нее пустую миску.

Тон его предполагал продолжение разговора, формируемые прямо сейчас вопросы,

попытки что-то припомнить. Кэрис напряглась, ожидая, что командир начнет рассказывать о проведенном в поселении времени или, того хуже, попытается найти общих знакомых. Она не была готова к вопросам. Наспех скроенная легенда о птице из маленького села, пришедшей в Ансвольм попытать счастья, была продумана только в общих чертах и не далее как вчера.

— Это у самых гор, да?

— Нет, недалеко от предгорий. До гор еще идти и идти, к тому же по пути пришлось бы огибать зеркала, а потом выходить к туннелям на другой стороне хребта.

Она никогда и близко не подходила к поселению, но натаскивали их хорошо. Основные маршруты звезд были ей знакомы. По одному из них она вышла бы к Ансвольму намного раньше, но не рискнула встретиться звездой с сопровождающей ее тенью. Пришлось поплутать по лесам и проложить собственную дорогу.

— И что, ходила? — вопрос прозвучал спокойно, почти равнодушно. И оттого подозрительней вдвойне. Все же знали, что...

— Нет, конечно. Птицы настолько далеко не заходят, я просто где-то слышала, что таким путем пользуются звезды с севера. Ну, что у них есть собственные проложенные тропы, не пересекающиеся с перекрестками.

— Хмм, — Акадо потер подбородок, окинул Кэрис оценивающим взглядом, — ты о тех дорогах, на которые нельзя попасть без тени?

Глаза у него, как Кэрис заметила, были цвета воды, зеленовато-серые, прозрачные. Черты лица до того обычные и незапоминающиеся, что впору было засомневаться, сумеет ли она узнать командира, встретив его через несколько дней где-нибудь в иной части Ансвольма. Ничуть не помогала и его привычка держаться так, чтобы лицо оставалось в тени или оказывалось скрыто волосами, чуть поворачивать или наклонять голову, избегая прямого и открытого взгляда.

Она молча кивнула.

Рассвет почти наступил, роса на траве искрилась, но солнца еще не было видно за лесом. Один за другим начали просыпаться остальные и позевывая подтягиваться к котелку. Когда на дне осталась последняя, сероватая и покрытая пленкой порция пшенной каши, отряд осознал, что Айрис не проснется, пока солнце не поднимется над деревьями. Глядя на нее сейчас, сложно было поверить, как долго и тяжело она засыпала вечера. Пришлось слегка потрясти каменщицу за плечо, чтобы та разлепила глаза и недовольно пробурчала что-то о клятых булыжниках. На взгляд Кэрис, отведенное даме место на мягкой земле было самым ровным и удобным из всех. Но непривыкшей к долгим вылазкам женщине оно, должно было, показалось не комфортнее горного пика. Так что если сновиды кого и посещали ночью, так это Айрис. Та проснулась вялой и едва ли не более уставшей, чем была вечером. Уселась у костра, куда подвела ее Кэрис, но на еду не взглянула. Лицо ее было пустым, глаза то и дело закрывались. Но к тому моменту, как сборы завершились, Айрис очнулась достаточно, чтобы вернуться в седло, откуда угрюмо и мрачно оглядывала покинутую деревню.

Облака текли плавной рекой от горизонта до горизонта, перистые, серебристые и полупрозрачные. Добрый знак. Она смотала бечевку и вытащила колышки из земли. Теперь о месте стоянки напоминало лишь заброшенное землей пепелище, но если здесь не пройдет никто другой, за пару лет и оно зарастет травой и вьюнами.

Они шли еще два дня, останавливаясь на ночлег на лесных полянах под звездным небом.

Глубже в лесу мелкая живность встречалась чаще, недостатка в грибах и травах не было. Дичь скрашивала обеды и делала однообразное безвкусие в котле почти переносимым. К чести Айрис, на еду и отсутствие комфорта она прекратила жаловаться уже на второй день, но с каждой ночью становилась все подавленнее и безучастнее. Порой дорога растворялась, таяла под ногами. Тогда приходилось останавливаться и обходить группу по расширяющейся спирали. Если новое направление не находилось минут за двадцать, они разбивали лагерь. Птицам давали передышку, ждали, пока Перекресток не переплетет пути заново. Найрснисходительно посматривал в сторону чужачки, но искать дорогу вместо нее не вызывался.

Так продолжалось, пока путь неожиданно не нырнул в зеркало, и люди в нерешительности остановились у самой его границы, у разрезанного точно напополам дуба. Обращенная к ним сторона уже покрылась молодой порослью и мхом, что говорило о давности и постоянстве зеркала. Кэрис считала границу безопасной, но это не значило, что немного поодаль не могло найтись лакуны. Забрести в осколок чужого мира и встретить там кто знает какую пакость никому не хотелось.

Она попыталась сплести дорогу иначе, но пути упрямо вели к самому сердцу зеркала. Неизвестно было, где заканчивается область слияния, и нет ли там «тяжелых» старых перекрестков, узлов, привязывающих магию пространства к миру. Или мир к Перекрестку.

— Я проверю, что там такое.

— Если не вернешься через два дня, мы сворачиваемся и возвращаемся в Ансвольм, — спокойно предупредил Акадо.

Она поправила сумку на плече и шагнула в зеркало. Дальше от границы деревья становились ниже, их стволы толще и бугристее. К гладкой коре льнул темно-зеленый мох, ввысь карабкались цепкие тонкие лианы. Взятый Перекрестком откуда-то из теплых краев участок смешался с лесом, но так и не влился в земли Красного берега окончательно, сохранил хрупкий пузырь прежнего климата, где цвели яркие, невиданные цветы, а по веткам порхали пестрые красно-синие птицы.

Девушка сорвала лист с дерева, мясистый и глянцево-зеленый с закругленными краями. Она видела похожую растительность на картинах и страницах старых книг и научилась ассоциировать ее с направлением, ранее называвшимся югом. Здесь среди незнакомых деревьев стояли самые обычные дубы, клены и вязы, перемежающиеся с редкими елями. Из кустов послышалось пыхтение и высунулась деловитая мордочка ежа. Им что-то говорили о том, как в пределах одного зеркала сосуществуют совершенно разные животные и растительные миры, но вопрос этот был не из тех, что волновали Кэрис. Лекции она благополучно пропускала мимо ушей, разглядывая развешанные по стенам карты или обмениваясь записками с другими адептами. Она намного позже поняла, почему учителя не требовали внимания детей и даже позволяли разбредаться по разным концам класса во время занятий. Большинство из них и не должно было прожить достаточно долго, чтобы воспользоваться этими знаниями, а остальные могли наверстать упущенное уже после восхождения.

Скоро она вышла к реке, неглубокой и такой неспешной, что ее журчание слышалось лишь метров за десять. Некогда над рекой выгибался каменный полукруглый мостик, но теперь часть его обрушилась в воду и оттуда поглядывала на Кэрис той же грубой угловатой резьбой, что была высечена и на сохранившейся половине. Птица всегда могла перенестись на десяток метров вперед, но дорогу-то прокладывала для других, а значит, должна была испытать надежность переправы. Глубоко вздохнув, Кэрис ступила на мост. Она готова была

оказаться на другом берегу одним прыжком, стоит камням зашевелиться под подошвой. Но мост, узкий, с неровным осыпавшимся краем, будто надкусанный корж, не поддался под ее весом. Для верности она потопталась на середине, немного попрыгала и решила, что здесь, пожалуй, можно будет попробовать провести лошадей. Отсюда было видно дно, покрытое россыпью разноцветной гальки и лениво колышущимися водорослями. Даже если кони откажутся идти по мосту, ничего страшного, вброд вода им будет разве что по брюхо.

Для первого похода и такой тропы хватит, а там уже горожане могут новую построить, если в конце пути все-таки найдется карьер. Чувство верного направления было слабым, едва ощутимым. Еще рано было говорить, не ходит ли она лабиринтом, приближаясь к намеченной точке без возможности сделать последний шаг. Старые карты отмечали точку каменоломни строго к северу и всего в паре дней от Ансвольма. А они шли уже третий день, водимые за ниточку Перекрестком. Ближе и ближе, и ближе и вокруг, но все еще не на месте.

Путь уже занял больше времени, чем она ожидала. Кэрис боялась, что дороги заартачатся и выбросят ее где-нибудь в глуши, где еды не достать ни охотой, ни поиском. В заснеженных горах или пустыне. Впрочем, там она скорее погибла бы от холода или солнца, от нехватки воды. Сколько человек уже пыталось найти дорогу к карьере, о скольких вскользь упоминала Айрис? О восьми, девяти? Птица поежилась, напомним себе об обещанном золоте. Не случайно на долгие маршруты отправляли только звезд. У звезд были тени, а с человеком тени не могло случиться ничего плохого — кроме самой тени, конечно.

От моста вела тропинка, которую девушка старалась не выпускать из виду. Стоило проглядеть одну пересекающую ее заросшую тропку, и сама не заметишь, как окажешься на перекрестке. Воздух с каждым шагом становился ощутимо плотнее и влажнее. По спине между лопаток потек пот, рубаха прилипла к телу. Тропка то скрывалась в зарослях, то проступала из земли мощеными, давно заросшими мхом камнями. Над головой с ветки на ветку перепрыгивали визгливые обезьяны с длинными тонкими хвостами. Они не останавливались и не замолкали ни на миг, не давали себя рассмотреть, как Кэрис ни пыталась. Сами по себе они казались безобидными, но крики могли привлечь хищников, и девушка пожалела, что не выпросила у Акадо арбалет или хотя бы длинный кинжал. Толком пользоваться ни тем, ни другим она не умела, но магия перекрестков давала лишь ложное чувство защищенности. При необходимости она могла двигаться быстро, быстрее любого другого живого существа в этих лесах. Но подкрадывающегося зверя надо вовремя заметить, а от прыжка уклониться...

Зеркало закончилось, будто разорванная на середине иллюстрация. Густой лес на срезе реальности сменился каменным обрывом, по отвесным стенами которого змеились и свисали корни в тщетных попытках найти исчезнувшую землю. Прижавшись к стволу, нависающему над пропастью, и обхватив его рукой, птица чуть сместила вес в сторону и заглянула за край. Серые каменные стены кроме корней покрывали редкие чахлые кустики, высовывающиеся из расселин и щелей, испещренных светлыми прожилками. Разглядеть дно не получилось, там внизу в тумане будто развели розовую акварель, от одного взгляда на которую внутренности сворачивались в тугий холодный узел.

Мимо из кроны дымкой скользнуло полупрозрачное нечто и, не потревожив ни единого листка, исчезло в тумане. Кэрис испуганно шарахнулась в сторону от не то прятавшейся, не то лишь сейчас проявившейся из незримого мира грани тени, и лишь чудом не свалилась. От края она отползала на четвереньках, голова шла кругом. Как легко тень могла столкнуть ее

вниз в розоватый туман, если бы только захотела!

Если бы не странный туман, она не сомневалась бы, что наконец-то нашла карьер. Чувство направления нашептывало о достигнутой цели. Но можно ли добывать здесь камень? Пришлось рассовать по карманам парочку мелких камешков, надеясь, что Айрис как-нибудь сумеет определить по ним, насколько полезна Ансвольму будет старая каменоломня. И если каменщица сочтет задание выполненным, останется только привязать проложенную дорогу к миру словно шаловливого щенка.

Путь обратно, уже раз пройденный и знакомый, она преодолевала скользкими прыжками, мир вокруг размывался и смешивался. Зелень, голубизна, редкие всплески желтого и оранжевого. Самая граница между здесь и не-здесь, откуда приходили тени. Не та тайная тропа теней, о какой они говорили с Акадо, но зыбкая почти-реальность, куда еще можно было соскользнуть без тени за спиной, чтобы сократить путь. Опасная дорога, но какая же быстрая!

Душного воздуха на тропе не чувствовалось, напротив, он стал разреженным и прозрачным, словно высоко в горах. Осевшая на одежде влага неприятно холодила тело. Неподалеку от лагеря пришлось перейти на обычный размеренный бег, насколько обычным он мог быть в исполнении мага Перекрестка. Мастер Айрис и наемники все равно ничего бы не поняли, но Найро выход из зыбкой тропы мог видеть раньше, и ее внезапное появление на поляне вызвало бы несколько неприятных вопросов.

Завидев меж деревьев отблески разведенного костра, Кэрис осознала, что успела порядком проголодаться. Зачем еще разводить огонь среди бела дня, если не для приготовления похлебки, да и время подходящее. Солнце над самой головой. Сейчас она согласилась бы и на пресный бульон из сушеных овощей и прошлогодних круп. Вот только отряд не собрался вокруг костра, а по какой-то неясной причине сгрудился поодаль от пламени. Акадо стоял с взведенным и нацеленным на огонь арбалетом, Лиам и Карстен сжимали защитные амулеты, распространенные в народе самодельные безделушки, якобы спасающие от сил Перекрестка. Айрис безучастно уставилась в землю, на которой сидела, нимало не заботясь о чистоте юбок. И только Найро открыто и жадно разглядывал огонь. Сам же костер даже поодаль казался раза в три, а то и в четыре больше, чем Акадо обычно разводил в пути.

Приметив Кэрис, командир резко и отрывисто мотнул головой в сторону огня. Арбалет в его руках не шелохнулся и на волос, будто был постоянно закрепленной точкой в пространстве вроде кристалла на вершине путевой башни. Кэрис сделала несколько осторожных шагов вперед под настороженными, напряженными взглядами остальных.

... и тут огонь взвился в небо и обрисовал в воздухе человеческую фигуру, закутанную в серые рваные лохмотья и языки пламени. Россыпи рубинов и гранатов на груди и плечах тени поблескивали острыми гранями, но на сей раз не рассыпали по земле золотые и алые искры. Вне городских стен тень добавила в облик больше, куда больше огня. Он струился по ветхим остаткам платья, льнул к рукам, опоясывал тонкую талию и смешивался с ярко-красными спутанными волосами. Сквозь прорехи тусклой слюдой блестела мелкая прозрачная чешуя, отдельными хаотичными лоскутами покрывающая кожу твари до босых ступней. Высокая трава, тронутая горящими лохмотьями, не чернела и не осыпалась. Вопреки ожиданиям, жара от теневого огня почти не исходило. Тень шагнула вперед, и Кэрис вновь отстраненно отметила, как естественно и изящно та двигалась. Монстр лишил человеческое тело заложенных природой недостатков и ограничений, прежде чем

перевоплотиться, и в то же время не пренебрег взаимным расположением костей, наличием и работой суставов. Намеренно ограничивать себя и двигаться как люди им было сложнее, чем просто перенимать чужой облик, и оттого внимание высшей тени к деталям пугало, указывало на редкое для духа Перекрестка знание о смертных.

— Тихих дорог.

На вполне человеческом лице за пухлыми алыми губами показались ряды и ряды острых клыков. А вот голос у нее оказался приятный, теплый и низкий, почти мурлыкающий.

Кэрис застыла на самой границе между светом и лесом. Бежать? Ну да, как же! Бежать можно куда угодно, но окажешься все равно там, где пожелает пылающая тварь. Вся магия, какая только есть, изначально исходила от теней и им же принадлежала, да и владели ею тени не в пример лучше людей. Тени ничего не стоило развернуть чужую дорогу в нужном ей направлении. Ответа она не ждала, лениво осматривала горстку жмущихся друг к другу человечков и одну все никак не решающуюся сдвинуться с места птицу.

Она сделала шаг вперед, осторожно, будто прощупывая дорогу на болоте. Земля не размылась, не сдвинулась под ногами. Ей предоставили подойти самой. Как мило. Даже зная, что для тени расстояние не играет существенной роли, от нежелания приближаться, вступать в круг отбрасываемых рубинами искр она шла так медленно, как только могла. Настороженный взгляд ни на миг не отрывался от тени, но та не проявляла ни малейших признаков нетерпения. Щурилась на солнце словно довольная кошка и изредка косилась на Кэрис. От этих взглядов по спине пробежал холодок, тело деревенело.

Тень не бросится прямо сейчас, не бросится, твердила себе девушка, с каждым шагом все менее уверенно.

Акадо не опускал бесполезный арбалет. Оружие служило не угрозой, а преградой между ним и тенью. Преградой, с которой можно было не считаться. Айрис с тупым равнодушием, какое в иное время вызвало бы немало вопросов, не отнимала глаз от земли. Карстен и Лиам разумно держались поодаль. Найро — ну конечно же! — любовался порождением Перекрестка восхищенно и жадно, будто мог надеяться если не на контракт, то хотя бы на интерес и одолжение. Кэрис без раздумий и сожалений готова была поменяться с ним местами. Пусть бы за Найро следили огненные глаза, не за ней.

— Меня зовут Искъерше. Рада встрече.

Девушка замерла. Слова тени прозвучали не как обычное представление при знакомстве, но как признание, та словно делилась тайной. У теней не было имен до того, как они пришли из-за грани. Имена были для людей и вещей, не для бесплотных духов нереальности. Сама концепция их оказалась чужда пришельцам. Принятие имен с их стороны стало одной из немногих маленьких уступок, согласием хоть в этой малости играть по правилам мироздания. Имя давалось во время заключения контракта и могло быть как оставлено следующим заклинателем, так и изменено. Тени никогда не возражали и все свои имена носили с одинаковым безразличием. Даже у Господина Перекрестков не было слова, отделяющего его от прочих, пока он не встретился с Забытым.

За три сотни лет со времен Излома они так и не научились пользоваться именами как полагается. Для чего бы Искъерше ни назвалась, руководствовалась она точно не общепринятыми в обществе нормами вежливости. Но именно как желание открыться и заявить об отсутствии недобрых намерений ее действие восприняли остальные. Пусть люди не поторопились назваться в ответ, но хотя бы перестали шептать обереги.

— Я Кэрис.

— Знаю.

Найро потрясенно выдохнул. Она невольно повернула к нему голову и на миг потеряла из виду Искъерше. И тут люди шарахнулись в стороны с возгласами ужаса, у самой головы девушки просвистел арбалетный болт — шея и плечо вдруг вспыхнули огнем. Мир вокруг

стал ослепительным и светлым, деревья растворились в жарком белом мареве. Звуки и запахи, само ощущение многообразной и суматошной лесной жизни прекратили существовать, стертые поднявшейся изнутри волной магии.

* * *

Тьма медленно отступила, из пустого безвременья превратилась в ночь, наполненную треском, шуршанием и стрекотом, запахами влажной земли, папоротника и мшистых стволов. В горле пересохло, правая сторона тела онемела и ощущалась чужой, тяжелой и начисто лишенной формы. Шея тлела, будто к ней приложили горсть горячих углей. Казалось, она задремала и упала на неостывшее до конца костровище. Кэрис пошевелилась, жжение усилилось.

В поле зрения показалось чье-то лицо, размытое до неузнаваемости.

— Очнулась? — голос определенно принадлежал Акадо, но зрение упрямо отказывалось фокусироваться. — Как себя чувствуешь?

— Пар... паршиво, — с трудом выдавила из себя девушка.

Рядом раздался шорох ткани, бряцанье металла и упоительное журчание воды. К губам приставили кружку, которую птица осушила в несколько жадных глотков.

— Что случилось?

— Тень попыталась отгрызть тебе голову, — голос Айрис звучал мрачно и почти живо, видно, выходка тени заставила ее забыть о собственных лишениях и осознать, что бывают вещи и похуже походной жизни.

Пальцы Акадо устроились на шее Кэрис, но что бы он там ни делал, ощущала она лишь непрекращающееся жжение.

— Жуткое было зрелище. Она ведь даже не пошевелилась, просто оказалась у тебя за спиной, не меняя позы, — и впиалась в шею.

Девушка могла бы испугаться, если бы у нее еще остались силы бояться. Она наконец различила лица собравшихся вокруг людей, но оттенки все еще были лишены правильности и гармонии, а пространство — глубины. Лиам и Айрис, сидевшие ближе всех, казались лишь бледными копиями самих себя. Сжавшийся в клубок поодаль Найро и вовсе выглядел неумелым карикатурным наброском. Акадо она видела только когда командир нависал над ней, осматривая рану.

— Ты в меня стрелял, — равнодушно заметила она.

На обвинение, страх или злость уже не осталось ни сил, ни эмоций.

— Не в тебя. В Искьерше. И я попал, но не похоже, чтобы она заметила. Так и исчезла с моим болтом в глазнице. Уж не знаю, что заставило ее на тебя наброситься... Они же не едят людей, да?

— Не едят... Это она что-то сделала, чтобы разозлить тень, поэтому Искьерше с самого начала знала, как ее зовут. Она сама виновата!

Акадо молча швырнул в Найро кружку. От глухого звука ее столкновения с пустой головой Кэрис стало легче и на миг даже совсем не больно. Но Карстен и Лиам только отвели глаза в сторону, избегая ее взгляда. Ну и пожалуйста. Не собиралась она никому ничего объяснять, да и не смогла бы. Иначе ее завтра же принесли бы к дверям Храма, обмотанную для надежности той самой бечевкой, какую птицы привязывали к кольям для ограждения лагеря.

Они знают. От осознания утекающего, ускользающего времени стало тошно. Они все-таки знают, они нашли ее. Но не убили — почему?

Что было много хуже, Искьерше знала ее имя, и вот это Кэрис, как ни старалась, не могла объяснить даже себе самой. Она никогда раньше не встречала огненную тень и ничего о ней не слышала. Высшие тени снисходили до смертных лишь в исключительных случаях, и подобные знакомства смертные помнили весь остаток жизни. У Искьерше не было ни одной, ни единой причины даже задумываться о мелкой рыжей девчонке, не говоря уже о том, чтобы разузнавать, как ту зовут.

Кэрис коснулась повязки, скосила глаза, но, конечно, не увидела ничего, кроме туго намотанной тряпицы. Заснуть она так и не смогла, не из-за жжения, оно как раз понемногу отступало, становилось терпимым. Из-за мыслей, всполошено роившихся в голове. Стоит ли ей теперь возвращаться в Ансвольм? Там Искьерше и ее жрец, и Храм... Но там же обещанные деньги, ее путь к свободе и безопасности. Можно было бы отправиться в Тамраан, там больше город и больше порт, корабли на острова отходят куда чаще — но и храмовых служителей не в пример больше, чем в Ансвольме.

Когда на рассвете Айрис подошла поменять повязку, оказалось, что рану никак не увидеть. Тень приблизилась со спины и вцепилась аккурат в место, где шея переходит в плечи. Тут уж не извернуться, не разглядеть.

— Все, ну... неплохо, — с фальшивой жизнерадостностью обрадовала ее Айрис.

Прикосновение влажной ткани на миг показалось обжигающим, но ощущение тут же пропало. Сменилось онемением. Женщина пыталась действовать осторожно, едва-едва проводя по воспаленной коже ветошью.

— Что там?

— Опухоль спадает, и в целом все выглядит куда лучше, чем вчера. Следы, конечно, надолго останутся, но их можно спрятать под воротником.

Вопреки заверениям в незначительности и почти полной незаметности укуса, шею и плечо ей снова перевязали. Ни трав, ни вытяжек для компресса у них не было, пришлось довольствоваться чистой тканью. Кэрис больше раздражал не сам укус, а исподтишка бросаемые на нее опасливые взгляды. Будто она могла заразиться от тени бешенством, как от какой-нибудь бродячей собаки!

Не последовало ни вопросов, ни замечаний. Первым к девушке никто не обращался, но наемники хотя бы больше не отводили глаза в сторону и не делали вид, будто ее не существует, как Найро. Мастер Айрис, перенявшая у командира эстафету у котелка, сама отнесла птице похлебку. Выбрала погуще, с золотистой пленкой жира и кусками настоящего мяса. Во время ее отсутствия Найро поймал в силок зайца и, судя по костям в миске, Кэрис для подкрепления сил досталось все, что не успели доесть вчера.

К полудню идея бросить все и отправиться в Тамраан стала казаться бездумной. Ну придет она в город еще через неделю-другую, но откуда взять денег на переправу? Чем больше она размышляла о встрече с Искьерше, тем хуже понимала намерения тени и их возможные последствия. Она вряд ли пыталась убить, тени при желании могли быть в том куда как более эффективны, даже не прибегая к магии. Искьерше сделала именно то, что и собиралась. Ни арбалетный болт, ни даже целый отряд вооруженных солдат ее бы не отогнал. Но и об укусах развлечения ради Кэрис слышать не приходилось.

Что это было, если не послание, напоминание о подходящем к концу времени? Она-то думала, его осталось больше. Но нет, в Тамраан уже не успеть. Ее путь и без того был

достаточно долог. Девушка то и дело трогала повязку кончиками пальцев, сама не зная, что рассчитывала найти. Если уж Айрис, после происшествия пришедшую в себя, как после хорошей встряски, заметно оживившуюся и уже не прикрывающую глаза при первой же возможности, рана не пугала, вряд ли стоило о ней беспокоиться. Кэрис могла без оглядки пользоваться рукой, движения отдавали болью в шею и плечо, но не настолько сильно, чтобы обращать внимание и сдерживать себя.

Встречать день на ногах было намного привычнее, и все время, пока наемники сворачивали лагерь, она бесцельно бродила по округе. На поляне она оставила метку, маяк для внутреннего чувства направления других птиц. Точка притяжения будет держаться довольно долго. Достаточно для того, чтобы другие птицы нашли по ним дорогу. Кэрис понадобилось два дня чтобы провести остальных к карьере. Сама она прежде нашла его за день, но сплетая дороги для себя одной, могла не заботиться об их прочности и долговечности и развеивать созданные пути сразу за спиной. Вторая метка легла на полуразрушенный мостик, место само по себе приметное, третья осталась у самого обрыва.

Айрис попыталась было послать за образцами на дно, но спустаться в розоватый туман обе птицы отказались наотрез. Что бы там ни скрывалось, встречать это без защиты и поддержки тени дураков не нашлось. Каменщица долго хмурилась, осматривая карьер, но в конце концов сочла материал пригодным, хоть и труднодоступным. Только недовольно пробурчала себе под нос, что пока не удастся разузнать природу явления, камень придется выламывать из склонов, а это гильдию не обрадует.

Акадо мрачно обозревал туман в низине:

— Немного будет пользы от карьера, если эта штука окажется хищной.

Кэрис сложила руки на груди и, желая звучать увереннее, чем чувствовала себя на самом деле, резко и отрывисто ответила:

— Так подайте прошение в Храм, и пусть с этой «штукой» разбирается жрец. Я свою часть уговора выполнила. Вот вам ваши карьеры и камни.

Мысль о Храме вновь напомнила об Искъерше. Может, у огненной тени просто есть милая привычка кусаться при знакомстве. Может, уже половина городского совета и храмовых служек ходят с отметинами на теле, и ничего это не значит. Захотела и укусила. Без всякой далеко идущей цели.

Разумнее было бы выбросить тень из головы и не искать объяснений ее поступкам. Для того существовал Храм и кормящиеся с его руки мудрецы и философы, уличные сказители и проповедники. Но не думать об Искъерше совсем не получалось. Каждое движение отзывалось жжением в шее и плече, быстро угасающим, но от того не менее неприятным. Пока Найро по настоянию Айрис собирал образцы камней со всей округи, а наемники по очереди следили, не вынырнет ли кто или что из тумана, не сдвинется ли розовая завеса, она вернулась к метке у реки. Осторожно размотала повязку, извернулась в попытке поймать собственное отражение. Основание шеи было красным, опухшим, с хаотично разбросанными по нему черно-багровыми точками. В полукруг, что могла бы оставить челюсть живого существа, они не складывались. Видно, зубы в пасти у тени росли разрозненно и беспорядочно, словно горсть камешков, брошенная на землю при игре в трейс.

* * *

В Ансвольм отряд возвращался по своим же следам. На давешней поляне по всеобщему

невысказанному вслух решению задерживаться не стали. Даром что ничто, кроме черного, обложенного камнями костровища из окружения не выбивалось. От молчаливого спокойствия леса неуютно становилось не только птице. Хоть никому, кроме нее, и не чудилось, как деревья растворяются в белом огне. Место, внешне тихое и безопасное, виделось зловещим.

На привалах девушка расставляла дополнительные метки, Найро их запоминал, добавлял немного своей магии, чтобы затем проще было найти. Общества Кэрис он не избегал, но и первым не заговаривал. А та была слишком поглощена планами, опасениями и воспоминаниями, чтобы быть задетой чужой холодностью. Она не собиралась задерживаться в городе и часа долее необходимого, а потому заранее знала, что больше никогда не увидит никого из своих спутников.

Последние будто забыли страшные легенды, какие люди рассказывали о бездорожье. Уже знакомые виды внушали чувство ложной безопасности, и Лиам с Карстеном более не вздрагивали от каждого шороха в кустах, а озирались по сторонам с жадным любопытством. Айрис вновь ушла в себя и откровенно дремала верхом на лошади. Только Акадо до последнего цеплялся за арбалет и цепко оглядывал окрестности. Его настороженность выдавала немалый опыт вылазок за стены Ансвольма. Пусть количество чудовищ Перекрестка и блуждающих миражей народная молва сильно преувеличивала, первая же встреча с ними чаще всего становилась и последней.

Кэрис шагала впереди, сплетая дорогу. До нее долетали обрывки чужих разговоров, восторженные рассказы, где лучше отпраздновать возвращение домой, как и куда пойдут заработанные за экспедицию суммы. Она не особо вслушивалась, чтобы ненароком не отвлечься от магии пути. Но когда на довольно длинном участке дорога выровнялась, перестала ощущаться размытой и непрочной, удерживаемой только ее волей и размеренным шагом, Кэрис немного отстала и поравнялась с Акадо. Командир придержал коня и бросил на нее вопросительный взгляд сверху вниз. Ранее птица, способная не только с легкостью держаться наравне с лошадьёю в галопе, но и обогнать ее, сбавляла шаг лишь чтобы попросить о привале или сообщить, что ей нужно больше времени на поиск верного пути. В этот раз Кэрис тихо поблагодарила его за совет обратиться к Хво тогда в общей зале постоянного двора. Без этой работы ей пришлось бы охотиться несколько месяцев, по медяку накапливая нужную сумму. Или рискнуть и воспользоваться магией Перекрестка несколько иначе и ограбить пару богатых домов. В конце концов тени все равно начали бы ее искать, так какая разница, достигнут они ее как беглянку или как воровку? Изначальный план был не так уж плох, она всего лишь недооценила, сколько золота ей потребуется за место на борту.

Ничего из этого Акадо знать, разумеется, не полагалось, но благодарна Кэрис была искренне. Золото пока не звенело в кошеле и не оттягивало пояс, но разговоры остальных, не первый год работавших на Хво, не оставляли сомнений в честности посредника.

— Это мне стоило бы говорить спасибо. Поверь, я получу немалый процент за подходящую для сложной работы птицу, — он немного помедлил, оглядывая с седла ее темно-рыжую макушку. — Если хочешь еще совет, потребуй себе личную комнату в городе. Поверь, Хво найдет. Для тебя — найдет, сильных птиц у нас немного.

— Я не планирую оставаться в Ансвольме.

— А, так значит, Найро зря изводился всю дорогу, прощаясь со славой лучшей птицы Зеленого квартала, — хмыкнул он. — И куда теперь отправишься?

Насмешка в его голосе покорила Кэрис, но неприкрытое отсутствие интереса обрадовало. Видно, для получения обещанных процентов ему не пришлось бы ждать пока новенькая отработает хотя бы год.

— Не знаю, наверное, на острова.

Надо же, она в первый раз это сказала. Будущее вдруг сделалось ближе, осуществимее, будто произнесенные вслух слова, какими бы незначительными ни были, несли в себе не меньше магии, чем дороги и перекрестки, и тоже могли перекраивать реальность. Акадо не вызывал у нее доверия и не особо располагал к откровенности, но Кэрис редко спрашивали, чего бы она хотела или что собиралась сделать. Чужой вопрос, сам по себе ничего не значащий и заданный из одной только вежливости, немного приподнял ей настроение. Будто у нее и правда был выбор, возможность принимать решения, причем возможность эта была здесь и сейчас, а не в неопределенном будущем, когда меж ней и Храмом лягут тысячи лиг соленой воды.

— «Симеду» скоро должна туда отправиться. Капитан — мой давний знакомый, так что считай, место тебе обеспечено.

— За процент от стоимости каюты?

Акадо шутливо поклонился, приложив руку к сердцу. Даже верхом на движущейся рысью лошади движение выглядело отточено и грациозно. Так двигались тени, невесомые и неуязвимые, но она еще никогда не видела, чтобы так двигались люди.

— Обижает, исключительно из желания помочь красивой девушке, — с преувеличенной серьезностью отозвался командир.

* * *

В городе появились тени. Разумеется, они были там и раньше, но не показывались на глаза. Человеческие города редко представляли для них интерес, и, как правило, тени держались храмового района, сопровождая своих звезд или распугивая просителей резкой текучестью движений и форм. Уже дважды Кэрис ловила смазанные блики и нечеткие фигуры уголками глаз. Понадобилась немалая выдержка, чтобы не ускориться и не добратся до постоянного двора теми же зыбкими тропами, что вели ее по лесу. Она хорошо знала, как неразумно привлекать внимание чудовищ и как опасно становиться для них интересной. Видимой. Выделяющейся. Почему-то казалось, что Искьерше будет ее ждать, но в скученном, грязном Ансвольме, насквозь пропахшем рыбой, отходами и теснотой человеческих жилищ, невозможно было даже вообразить ни витающие в воздухе алые искры, ни огненные сполохи.

Не хотелось думать, что высшая тень поджидает удобного момента для появления, момента, естественно, последнего, когда надежда обрести жизнь и свободу почти осуществится. Но прошло два дня, как Кэрис вернулась на постоянный двор и получила двадцать золотых монет, как и было обещано, а Искьерше не дала о себе знать. Если бы не потемневшие отметины на плече, встреча с ней показалась бы нереальным дурным сном. Первое время девушка старалась не покидать комнату без крайней необходимости, не давать лишней возможности отыскать себя. Да только перед отплытием каждая необходимость казалась крайней. Никакая магия не позволила бы ей покинуть континент, не прогулявшись перед тем до порта в поисках корабля.

Легкие верткие бриги, шхуны и клипера собирались в северной части порта неподалеку

от наводного поселения из сотен связанных меж собой лодок и плотов. Более мощные каравеллы и фрегаты, лучше оснащенные и подготовленные к долгим морским путешествиям, пришвартовывались ближе к югу, в многолюдной и пестрой части порта. Там же стояли склады, верфи, ремонтные цеха. Стайками носилась припортовая ребяшня, степенно шагали торговцы и мастера, по палубам и пирсам сновали матросы. Вместо лодочного города то тут, то там виднелись только отдельные лодки с выцветшими на солнце навесами. Они жалась к немногим пустующим пристаням, а хозяева их предлагали на продажу мелкую рыбешку, чаще привлекавшую чаек, чем проходящих мимо людей. Морские птицы с гвалтом металась над портом в поисках добычи. Пахло солью, рыбой и гниющими на солнце водорослями.

Искомая «Симеду» на деле оказалась «Синей Медузой». Название было вытравлено на борту с таким тщанием, что не поддавалось ни времени, ни штормам, ни попыткам соскоблить его вручную. О последнем говорили многочисленные царапины и потертые, кое-где посветлевшие буквы. Похоже, хозяин каравеллы хотел дать ей новое имя, но быстро понял, что менять придется и борт, и от затеи отказался. Кэрис готова была поручиться, что в официальных портовых бумагах тоже указана «Синяя Медуза», но на борту иначе как «Симеду» ее не называли. Небольшая двухмачтовая каравелла готовилась везти на острова груз вяленого мяса, зерна, вина, меда, шерсти, тканей и соли, чтобы вернуться через пару месяцев с древесиной, мехами, жемчугом, янтарем, золотом и редкими травами, растущими лишь на Граничном архипелаге. Экипаж ее не насчитывал и тридцати человек, среди коих, разумеется, была и звезда. Ни один корабль не выйдет в открытое море на милость дорог и ветров без мага перекрестков. Небольшие шхуны, никогда не теряющие из вида берег, еще могли испытать судьбу и обойтись хорошо обученной птицей или двумя, но дальняя дорога неизменно требовала присутствия корабельной звезды и магии ее тени.

Кэрис не склонна была доверять первому встречному, но один совет Акадо уже оправдал себя, и потому она решила присмотреться к «Симеду». Корабль курсировал меж островами и Ансвольмом по нескольку раз в год, перевозя грузы и изредка пассажиров. За маленькую каюту с крепящимся к стенам гамаком и сундуком в углу капитан потребовал двенадцать золотых. То, что для вчерашней адепки, плохо знакомой с жизнью за пределами школы, казалось неподъемной, невероятной суммой, после близкого знакомства с городом виделось обычной платой за путешествие. Кораблей к островам ходило меньше, чем она полагала ранее, и не все они брали пассажиров. Две вещи в избытке водились на Граничном — вода и смерть. Несмотря на то, что острова изобиловали золотыми жилами и залежами драгоценных камней, Храм неизменно отказывался обеспечивать их целостность и защиту от Перекрестка. Оттого из отправившихся за богатством возвращался в лучшем случае лишь один из пяти. Если туда и плыли попытать счастья, то разве что от отчаянья или бесшабашной уверенности в своих силах, а также в ждущих в холодных, негостеприимных водах богатстве и изобилии. Птицы на островах ценились. В отсутствие звезд и жрецов они, какими бы ни были неопытными и слабыми, служили единственной преградой между немногими мелкими поселениями и Перекрестком. Но возвращались они оттуда ничуть не чаще простых моряков и старателей.

Какие бы причины ни толкнули молодую девушку в забытый и заброшенный край, капитана «Симеду» они не заботили. Получив свои двенадцать монет, он позволил Кэрис оставить в каюте немногие собранные в дорогу вещи, какие птица обычно носила при себе. Старый лук с десятком самодельных стрел, охотничий нож, мешочек с солью, сменную

рубаху, моток бечевки, огниво, несколько рыболовных крючков и связку крепких воощенных ниток. На рынке она сторговалась за новую холщовую сумку, а оставшиеся деньги бережно вшила в пояс. Нажитого добра было смехотворно мало, но больше иметь она и не привыкла. Кэрис, лишь в общих чертах представлявшая, что за жизнь ей придется вести, и до того росшая в храмовой школе при полном пансионе, плохо понимала, что еще ей может понадобиться. Все недостающее в новой жизни она собралась раздобыть на месте, на островах. Бездорожье само по себе ее не пугало, вряд ли там оно сильно отличалось от привычного искаженного и перемешанного пространства.

Каравелла отчаливала ранним утром, и с воды Ансвольм казался совсем другим, уютным и красивым городком. Грязные стены припортовых зданий слились в ровную серую полосу на фоне синего моря и светлого, безоблачного неба. Над крышами возвышался тонкий шпиль ратуши, силуэты других кораблей издали напоминали легкие, чуть размытые акварели. Белые паруса стали изящными мазками на холсте. Вместо портового шума был слышен лишь рокот моря, крики чаек да плеск волн о борт. Матросы сноровисто перемещались по палубе и работу знали настолько хорошо, что не нуждались в командах боцмана или старпома. Капитан Америкен и вовсе вернулся в каюту, после отплытия не проронив ни единого слова. Паруса разворачивались, ловя ветер, канаты скользили по палубе и словно сами собой свивались в кольца, будто «Симеду» была живой, разумной, и сама знала, что от нее требуется. Слаженная работа матросов виделась непонятным, сложным танцем, в который вплетались их редкие окрики и взмахи руками.

Путевая звезда Каирхе, невысокая женщина лет пятидесяти с усталым взглядом и небрежно перевязанными лентой коротко обрезанными волосами, недвижно застыла на корме. Красно-белых цветов в ее одеяниях видно не было, но звезды и не носили ничего, что указывало бы на их принадлежность Храму. Предпочтение отдавалось простой и удобной, как нельзя лучше подходящей для дальних дорог одежде. Правда, подошвы их сапог с каждым шагом оставляли в пыли на трактах узнаваемые восьмиконечные звезды — символы Перекрестка. И, разумеется, такие же звезды вечной краской впечатывались в ладони заклинателей пространства.

Ее тень стелилась по палубе, лениво перетекая из одной формы в другую. Кэрис знала, что звезда сплетает дорогу для корабля, как ранее делала она сама для конного отряда, но знание это не помогало понять, как именно та работала. Конечно, она видела раньше магию странников, но лишь на суше, а не посреди глубокого океана. То, что делала сейчас звезда, было непохоже ни на что, чему при Храме учили Кэрис. Каирхе не двигалась, и даже глаза ее были закрыты. Ровный рисунок волн не нарушался переходами и путями, магия Перекрестка проявляла себя только солнцем, то и дело резко меняющим свое положение на небе. Облака кружились вокруг в медленной, величественной круговерти, словно «Симеду» стала оком бури, и мир вращался вокруг нее.

Кэрис попробовала любопытства ради уловить чужую тропу, но океан казался необъятным, пустым пространством, начисто лишенным троп и направлений. Она тянулась во все стороны, покуда хватало сил, пока в груди не разрослась тупая, ноющая боль, но не нашла ничего, кроме темноты. А затем резко очнулась с бешено бьющимся сердцем и кружащейся от нехватки воздуха головой. Словно нырнула ко дну, намереваясь коснуться песка кончиками пальцев, и вынырнуть успела в самый последний момент. Перед глазами мелькали черные точки, воздух царапал легкие горячими когтями.

В океане было свое, иное бездорожье. Магия Господина Перекрестков исказила и

вечные воды, но немного не так, как перекроила материки. По земле он щедро рассыпал миражи, зеркала и лакуны, уничтожил добрую треть обжитых земель, а оставшиеся перетасовал и разбросал по миру будто клочки старых карт по мостовой. Изменения и искажения в водном пространстве девушка смутно чувствовала, но не никак не могла определить их природу.

Каирхе и головы в ее сторону не повернула. Какие бы пути она ни находила в открытом море, они, должно быть, показывались только звездам, а то и вообще лишь их теням. От птицы на корабле не было никакого толку, и вся магия Кэрис оказалась заперта вместе с ней на тридцати метрах от носа до кормы «Симеду». От конфликта магии и зрения было не по себе. Глаза говорили, что горизонт необозрим, небо высоко и прозрачно, но для магии дорог простора будто бы вовсе не существовало. Одна белая пронзительная пустота. И в ней Кэрис ощущала себя слепой и потерянной.

Восстановив дыхание, она сосредоточилась на богатом, насыщенном цвете воды. Не тянуться к собственной силе было не так-то просто. Пусть птица и не использовала ее ежечасно, само отсутствие возможности переплетать дороги делало ее слабой и беспомощной. Зависимой от ветра, волн и застрявшей меж ними каравеллы.

— Ты в порядке? — раздался за спиной знакомый голос.

Кэрис резко развернулась, чтобы встретиться взглядом с Акадо. Наемник скрестил руки на груди и привалился спиной к грот-мачте, не сводя с девушки зеленоватых, точно плещущаяся о борт морская вода, глаз.

— Акадо? — растерялась она. — Что ты здесь?..

Мужчина пожал плечами и усмехнулся.

— Плыву туда, куда должен был отправиться еще очень давно. Но все никак не выпадало подходящей... возможности.

Что-то в его голосе и взгляде настораживало Кэрис, шептало о секретах и скрытых мотивах, но она отмахнулась от легкого чувства беспокойства. Тайн ей хватало и своих, нырять с головой в чужие сейчас совсем не казалось разумным. Да и потом, разве не говорил он, что капитан его давний знакомый, а раз так, что мешало Акадо подняться на судно господина Тио Амерена и попытать счастья на Граничном архипелаге?

— Тихих дорог, — бросила она традиционное приветствие-пожелание безопасного пути, не зная, что еще можно сказать полужнакомому человеку, которого ожидала больше никогда не встретить, и оттого чувствуя себя неловко.

Если забыть о чувстве потерянности в пространстве, путешествие ей даже нравилось. Нравился глубокий темно-синий цвет воды со скользящими по нему серебристыми бликами, нравился плеск волн, хлопанье парусов над головой, запах йода и соли, брызги теплой воды и даже царящая на борту суэта. Капитан почти не показывался из каюты, звезда же, напротив, предпочитала не покидать палубу. Первый отвечал за корабль, вторая — за небо и море вокруг. Чужая тень носилась в облаках или карабкалась по мачтам или плечам Каирхе, но порой с интересом присматривалась к Кэрис, а однажды и вовсе попыталась подцепить когтем чашку из ее рук.

— У тебя уже есть человек. Оставь меня в покое, — едва слышно шептала девушка в такие минуты. Тень никогда не отвечала. Но и смотреть не переставала.

Наблюдая за Каирхе, Кэрис гнала от себя непрошенные мысли. А что, если?.. Что, если бы она тоже могла стоять там на палубе в паутине незримых и недоступных остальным путей? Жизнь путеводной звезды временами казалась заманчивой, но чаще вызывала горечь

и неприятие. И страх, чего уж тут скрывать. Высшая магия Перекрестка означала постоянное присутствие теней за спиной, чуждых тварей, льнущих к костям, цепляющихся за разум и память. Контракт предполагал полное и необратимое разделение плоти, крови и души. Или смерть, если предложение союза встречало отказ. Прекрасный выбор, что и говорить.

На самом деле, у одаренных никогда не было выбора, ни у кого из них не было выбора. Тень или смерть, смерть или тень. Кэрис стиснула зубы. Она уже слишком далеко зашла, чтобы останавливаться, соглашаться с приготовленной для нее ролью. Заплыла за самый край горизонта, совсем как в песнях, и, если потребуется, отправится еще дальше.

На третий день за ужином к ней присоединилась Каирхе. Привилегированное положение храмовницы позволяло ей при желании принимать пищу в собственной каюте, размерами и комфортом уступавшей разве что капитанской. Обычно она так и делала, но сегодня под села к птице, устроившейся возле закрепленной у стены камбуза бочке с пресной водой. Миска в руках женщины была чуть новее, голубая глазурь еще не пошла пятнами, но содержимое ее состояло из той же рыбы, сухарей и тушеной фасоли.

— Здравствуй, — дружелюбно и, вопреки ожиданиям, без малейшей доли высокомерия начала она. — Нэй-А упоминал, что ты из одаренных. Нэй-А это...

— Ваша тень, — настороженно кивнула Кэрис, не понимая, чего от нее хотят, и оттого желая поскорее убраться подальше. Маловероятно, что звезда ее запомнит, и слух о рыжей птице дойдет до жрецов и наставников, но все же...

— Да, — улыбнулась Каирхе, ничуть не раздраженная невольной грубостью. — Так ты действительно его видишь.

Немного помедлив, Кэрис кивнула. Отрицать наличие дара было бессмысленно. Бывали часы, когда тень едва ли не в упор за ней следила.

— Его зовут Нэй-А?

— Да. Это имя ему дал кто-то из прежних звезд, а я не стала его менять.

«Симеду» качнуло, рядом в бочке заплескалась вода. Кэрис всем телом ощутила, как разворачивается каравелла, и на этот раз была уверена, что звезда не причастна к смене галса.

— Он ведет корабль сам?! — не то чтобы она сомневалась в способности тени прокладывать путь, но вот в готовность поддерживать для болтающейся внизу кучки людей постоянную тропу верилось с трудом. Духи Перекрестка славились своеволием и непостоянством. Нэй-А мог с одинаковым успехом и бросить кораблик, пресытившись игрушкой, и завести его в степи Арахты вместо островов. Каирхе не могла этого не учитывать, но все же не следила ни за тенью, ни за дорогой. Поразительная беспечность для опытной звезды. Уловив беспокойство девушки, та вдруг улыбнулась:

— Не бойся, он знает, куда мы направляемся, и не подойдет близко к Хлади.

От одного только упоминания Хлади по спине прошла зябкая дрожь. Ледяное царство могущественной, враждебной человечеству тени тысячи лет служило могилой запутавшимся в холодных течениях судам. Воды Ледяного океана рождали истории краткие, кровавые и ужасающие, и самой жуткой из них была легенда о являющемся из темных глубин владыке вечного холода.

— Ты в восхождении, да? — нахмурилась Каирхе. — Но зачем тебе на запад, там ведь... Ах, ну да, конечно. Знаю, куда ты нацелилась. Останавливать не стану, звезде в восхождении мешать не позволено, но если хочешь моего совета, забудь, развернись и отправляйся, как и положено, к востоку. Хладь тебе не по зубам, девочка! Он тысячи лет не изъявлял намерения

связаться с человеком, а уж магов в его водах немало пропало.

— Я просто хочу попасть на острова, — она изо всех сил старалась не выдать напряжения, руки спрятала за спину. Еще задрожат, чего доброго.

Самой охотиться за высшей тенью, надеясь на благосклонность чудовища?! Вот уж чего она точно не собиралась делать! Хотя в душе и понимала, почему из года в год находятся адепты, готовые сгинуть в северных водах. Тень Севера был легендой, жестокой, страшной, но все же легендой. Его сила ужасала и манила, обещая разделившему ее смертному место в истории.

Кэрис видела, что ей не верят. Но пусть так, пусть лучше звезда думает, что вчерашняя адептка намеревается украсть на архипелаге лодку и отправиться прямо в ледяное царство. Далеко не каждое восхождение вело к обретению тени, смерть поджидала в конце пути куда как чаще. Возможно, стоило бы парой неосторожных оговорок укрепить Каирхе в уверенности, что она ищет внимания Хлади. Тогда звезда может и упомянуть об этом по возвращении в Ансвольм, и Кэрис точно посчитают глупой птицей, вздумавшей сунуться в злые северные воды. Мертвой птицей, которую никто не потрудится разыскивать, когда пройдет последний срок.

— Научить тебя находить течения? — внезапно спросила Каирхе.

Кэрис изумленно вскинулась, сперва подумав, что ей послышалось. Научить птицу искусству звезды до ее триумфального возвращения в Храм с тенью за спиной?!

— Это ведь... нельзя!

— Нельзя? — она, казалось, в первый раз задумалась о запретах, если вообще о них помнила. Взгляд расфокусировался, но сложно было сказать, ушла ли она в себя или разговаривает с тенью. Через долгие несколько минут, когда слышны были лишь голоса матросов, она медленнее и вдумчивее обычного добавила:

— Ну да, без тени управлять ими ты все равно не сможешь, поэтому умение, выходит, бесполезное. Но почему бы не скоротать время? Нам еще две недели плыть, могу и показать пару фокусов.

У Кэрис, знающей, как трепетно Храм относится к сокрытию знаний о высшей магии Перекрестка, перехватило дыхание. Ловить течения учили только состоявшихся, прошедших все испытания магов, да и то не всех, а лишь сильнейших, способных стать морскими звездами. Все же на суше дороги сплести не в пример легче, а в океане даже меток не расставишь. Потому знание это для птиц было недоступно по определению. И оттого оно казалось только желаннее, каким бесполезным ни было бы на практике для не имеющей тени девчонки. Храм ее уже не достанет, не накажет, а звезда на своем корабле и таквольна делать все, что пожелает. Например, учить случайную птицу магии развлечения ради. Кэрис вспомнились попытки постичь, что и как делала Каирхе с ветром, волнами и самим пространством. Вспомнилось ощущение беспомощности и потерянности, набрасывавшееся на нее каждый раз, когда она пробовала нащупать дорогу в воде, безграничная пустота океана, неразличимые высь и глубина над ней и под ней.

Если бы не... если бы только не... могла бы она стать морской звездой?

— Да. Я очень хочу научиться, — тихо, но твердо сказала она.

В глубине сплетались и пересекались потоки, ручейки и реки, завихрения и области разных температур, зоны давлений и плотностей. Кэрис чувствовала их всей кожей, мысленно окунаясь в спокойную синюю прохладу, и полностью забывала о припекающем солнце. Подводные течения обвивали ее руки тугими шелковыми лентами, дразнились, ласково тянули в разные стороны.

Выбери один. Нырни в него. Не оглядывайся. Следуй за течением.

Пути океана были глубинным трехмерным калейдоскопом. Течения петляли, смешивались, меняли направления, но массы воды перемещались медленно и плавно, совсем непохоже на равномерные вплетения одной области пространства в другую, резкие обрывы зеркал или хищные, порывистые движения миражей. Каждое течение, сколь глубоко оно ни уходило от поверхности, имело четко очерченные границы. Она видела малейшие различия в скорости и плотности потоков, могла нырнуть в любой из них и находиться в нем сколь угодно долго... но не проследить, не узнать, к каким берегам оно вынесет «Симеду». Каравеллу тянула вперед чужая подавляющая сила, не имеющая ничего общего с ветром. Напротив, последнему приходилось приноравливаться к прихотливо меняющемуся курсу, угодливо огибать мачты и паруса. Теперь-то Кэрис знала, зачем круглые сутки на палубе дежурили матросы, готовые поднимать и спускать паруса в кажущемся произвольным порядке. Нэй-А мог развернуть каравеллу и против ветра, нимало не заботясь о сохранности мачт. Судно цеплялось за тень, тянущую его за собой будто строптивного коня на поводу. А тень в свою очередь, даром что во внешнем воплощении парила в облаках, в магии своей плыла в подводных течениях. Если последние резко сменят скорость и курс, корабль может не выдержать рывка, разломиться надвое прямо посреди океана.

Стоило Кэрис понять, что именно делает звезда, как на место старых вопросов пришли десятки новых.

— Зачем «Симеду» паруса? Они немного добавляют к скорости и, как по мне, больше мешают.

— Это только пока, — Каирхе устроилась рядом на палубе. Маленький перочинный нож в ее руках ловко счищал кожицу со спелого яблока. — Нэй-А не будет перебирать потоки бесконечно. Сейчас найдет стабильный, следующий хотя бы приблизительно в нужном направлении, и отпустит в него корабль. Тогда я немного разверну ветер, и паруса очень пригодятся.

Вместо того чтобы создавать дороги и идти по ним самой, в море нужно было выбрать одну из множества уже имеющихся и позволить ей нести каравеллу. А потом перебросить судно в другое течение, если прежнее растворится или сменит направление. Не было и не могло быть единой дороги, удерживаемой в целостности желанием мага, вокруг мерцали и переливались сотни и сотни обрывочных, суля быстрый перебор путей и скольжение в потоках. Вместо одной конечной цели океан предлагал игру в холодно-горячо, ближе и ближе к искомому берегу, пока наконец он не покажется на горизонте.

Непривычно оказалось чувствовать тело словно бы издали, с запозданием, будучи растворенной в океане. Прикосновения течений к коже становились отчетливее твердости палубы под ногами, и она не сразу научилась удерживаться на ногах во время глубинных поисков. Первую удачную попытку «влиться» в течения прервали подкосившиеся колени, и

до конца дня девушку преследовала ноющая боль в коленных чашечках. Не желая приобрести новую россыпь синяков, она садилась на палубу, прислонялась спиной к мачте и закрывала глаза. Оказывалась вне и вокруг. В глубине.

При таком количестве разнонаправленных магических потоков, некоторых не толще ручейка, а других могущих уместить в себе весь Ансвольм, океан должен бы был бесноваться в непрекращающемся шторме. Но и на поверхности, и в глубине все было тихо. Волны и облака на вид были в точности такие, как на старых картинах, написанных до прикосновения к миру Перекрестка. Они не рассекались ни зеркалами, ни бродячими миражами, словно и не случилось триста лет назад никакого Излома.

Акадо никогда не выбирался из каюты ранее чем до полудня, а когда ложился, и вовсе неизвестно. Кэрис редко приходилось с ним разговаривать, все свободное время птица проводила с Каирхе. Магия океана, тем более притягательная из-за храмовых запретов на ее изучение, влекла и пугала. Чуть больше чем через неделю пути, когда она уже приуровнилась к резким сменам погоды и солнечным скачкам, девушка научилась лучше чувствовать подводные потоки, различать в них течения магические и природные. Но проникать в них могла лишь мысленно, а уж о том, чтобы вести корабль, и речи быть не могло. Даже Каирхе не скрывала, что и опытной звезде это едва ли по силам. Привязать «Симеду» к одному потоку и отдать на волю течению еще куда ни шло, но свободно перебирать подводные дороги, словно драгоценности в резной шкатулке, могли только тени.

Что бы Нэй-А ни брал в плату за помощь, Каирхе об этом не говорила. Иногда она появлялась на палубе еще до рассвета, смотрела на воду пустыми глазами и медленно перебирала низку стеклянных бус и массивные браслеты на запястье. Потом, словно опомнившись, натягивала рукава чуть ли не до самых пальцев, скрывая и широкие серебряные браслеты, и свежие шрамы. Кэрис молча заваривала ей чай и отходила, не смея ни о чем спрашивать. Что бы ни происходило между тенью и его звездой, контракт ясно и строго запрещал любое постороннее вмешательство. В такие дни у Кэрис было время перебраться парой слов со смешливым юнгой Сайаном или Лойной, корабельной целительницей, посоревноваться в метании ножей с парой матросов или послушать рассказы о прошлых рейсах «Симеду», о штормах и опасных, нездешних красотах Граничного архипелага.

— Сколько островов в архипелаге?.. — Наский недовольно поморщился, отпив травяного отвара, заглянул в кружку с недовольным видом. Что бы ни давало отвару гадостный горький привкус, выцепить это взглядом у старика боцмана не получилось.

Лойна выжидающе прищурилась, и ему ничего не осталось, как одним быстрым залпом опрокинуть в себя отвар.

— Кхе-кхх, — он скривился, не скрывая отвращения, вытер рот рукавом. — Ну и гадость же! Как по мне, лучше сдохнуть от слабости сердца, чем годами пить эту дрянь. Так, о чем это я... А, сколько островов в Архипелаге?

Кэрис, пристроившаяся сбоку от старика, нетерпеливо кивнула. Наский был не прочь поболтать, да только разговор то и дело уводил к дням приключений и минувшей славы. Последнее птицу ничуть не огорчало: боцман служил еще под началом прежнего капитана, когда «Симеду» занималась разведкой берегов Граничного, а не торговыми рейсами, и мог рассказать множество занимательных историй. Она была далеко не единственной, кто подсаживался к старику их послушать. Сайан и Акадо тоже обретались неподалеку. Наемник показывал мальчишке какой-то хитрый хват на рукояти ножа.

— Да кто же его знает. Говорят, несколько сотен, да только то все враки. Враки, да-да, и не смотри так. Их и раньше было немало, а теперь-то не сосчитать. Перекресток пойми, что там на самом деле творится. Чего Храм к островам не суется, не знаю, места-то там разные. Где гиблые, а где и плодородные. Штука в том, что заранее не скажешь.

— Сегодня гиблые, завтра плодородные, и наоборот, — пожал плечами Акадо. — Мне больше интересно, почему тени их избегают. Что скажешь, а, Кэрис?

Сказать ей было нечего. Храм нечасто баловал своих птенцов объяснениями и толкованиями своих законов. Запрет на приближение к архипелагу был еще не из самых строгих. Каирхе могла легко его обойти, оставаясь в каюте на все время стоянки. Соблюдали ли его птицы, жрецов откровенно не заботило, потому многие из отвергнутых и отправлялись на Граничный в поисках лучшей жизни.

— Не знаю. Нам об островах вообще ничего не рассказывали, как будто их вообще не существует. Но я слышала, там вообще нет теней.

Акадо бросил на нее странный, нечитаемый взгляд.

— Ну, тени-то там есть. Слабые, но все-таки есть, — медленно, многозначительно проговорил он. — Местным птицам они показываются. Некоторым даже удается заключить контракт.

— С птицами не заключают контрактов. Однажды разочаровавшие Перекресток благосклонностью его слуг не пользуются.

Мужчина едва заметно улыбнулся, будто знал что-то ей неведомое. Или, что вероятнее, полагал, что она и сама не отказалась бы от тени, пусть даже самой слабой и бестолковой. Многие предпочли бы договор с силами Перекрестка на любых условиях, лишь бы назвать себя звездой. Лишь бы не оставаться ненужной ни Храму, ни собственной родне птицей, а в конечном итоге запутаться и сгинуть вне проложенных троп.

— Конечно, их только иногда кусают.

Рука Кэрис машинально метнулась к шее. Укус уже несколько дней ничем не напоминал о себе, и она была бы признательна, если бы о нем не напоминал и Акадо.

— Мало ли что взбрело ей в голову, — раздосадовано ответила девушка, поднимаясь на ноги.

Спрашивать Наския о прошлом «Симеду» и виденных им чудесах при наемнике ей расхотелось. Тот поймал ее за руку, не дал уйти.

— Ладно, не сердись. Я не должен был напоминать, но могу заглядить вину и рассказать тебе об островах. По крайней мере о том, чем они были до Излома.

Боцман хитро прищурился. Его распирало любопытство, но вопросов хмурой птице он задавать не стал. Кэрис знала, что старик прибережет их на потом, когда настанет час обмена новыми историями.

— Ишь ты, какой знаток истории выискался, — хмыкнул он. — А вот скажи, как люди раньше путешествовали, как без Перекрестка дорогу искали?

— По звездам, — прозвучало в ответ без тени сомнения.

— Как это по звездам? — невольно вырвалось у юнги.

Кэрис тоже хотела бы знать, какое отношение к дорогам имеют разноцветные искорки над головой. Они же рассыпаны по небу беспорядочнее островов в архипелаге, хаотичнее золотых монет, разнесенных по всему свету стаяй сорок. От удивления она не могла собраться с мыслями, чтобы как следует выразить, облечь в слова сомнения, но Наский удовлетворенно кивнул. Похоже, ждал именно такого ответа.

— Я и сейчас могу по ним сказать, где мы находимся, — буднично продолжил Акадо и в ответ на недоуменные взгляды пояснил: — Увлекался историей прошлых эпох, вот и научился. Звезды дорог поэтому и называются звездами. В память о настоящих, которые указывали людям путь раньше.

Неприятно было признавать, но почему птиц называют птицами, она и раньше догадывалась. Храмовые птенцы, выброшенные из гнезда вовсе не потому, что настало время становится на крыло, просто признанные негодными для дальнейшего обучения магии.

— Раньше находить дорогу по ночному небу многие умели, потому что в море иначе было не обойтись. Это теперь астрономия никому не нужна. Тень и так направление не потеряет, а без нее кораблем все равно управлять не получится.

— Кораблем-то получится, — поправил его боцман, — наша старушка прекрасно держится на воде и без всякого волшебства. С морем вот без звезды не совладать, тут уж как повезет и куда вынесет. То ли к берегу, то ли к Хлади, то ли в шторм. То ли будет швырять туда-сюда, пока корпус не сгниет, а там уже дорога только ко дну и останется.

В бескрайних просторах волн виделась свобода для духа и взгляда, но настоящий, чарующий и опасный океан, конечно, лежал внизу. «Симеду» скользила по тонкой кромке иного, чуждого мира, чья магия скрывалась глубоко под днищем. Мысленное прослеживание и любование подводными течениями убаюкивали перед сном. Девушка даже научилась заранее предсказывать, когда Нэй-А перебросит каравеллу на иной путь. Незадолго до прыжка судно словно бы приподнималось над потоком. Замирало, оценивая силы перед рывком. После следовал краткий миг невесомости, когда корабль оказывался вне всех путей и направлений, но ощущали его лишь Кэрис и Каирхе. И вот они уже плыли в новом течении, встроившись в него, как рыбы собираются в косяки.

Моряки говорили, порой в водах можно было увидеть дельфинов и китов, но сколько времени Кэрис ни проводила на палубе, никто им так и не встретился. Даже чайки и те отстали от корабля в первый же день пути, и единственное движение, что она изредка ловила краем глаза вне палубы, указывало только на поднимающуюся на крыло тень. Пейзаж начал меняться, когда по обеим сторонам принялись возникать туманные силуэты островов. Некоторые высились темными громадами, какие-то были едва заметны. Каравелла шла по южной оконечности архипелага, по одному из немногих безопасных морских маршрутов, и должна была миновать немало островов до прибытия в Рейккене. По разным причинам они были необитаемы, опасны или просто труднодостижимы. Время от времени люди снаряжали суда на разведку, но острова в архипелаге появлялись и пропадали едва ли не чаще чем перекрестки на бездорожье, и, отплыв от порта всего на день пути, можно было с равным успехом оказаться как на соседнем клочке суши, так и в Ледяном море.

Из-за пространственных искажений никто не мог точно сказать, когда на горизонте появится Рейккене, и «Симеду» сменит магию на парус, но Наский уверял, что ждать осталось недолго. День, от силы три, и звезда с ее тенью преодолеют незримый лабиринт. Кэрис не покидала палубы, прячась от солнца в тени парусов. Первым делом она собиралась найти себе небольшой домик где-нибудь на окраине. Лучше всего маленькую хижину с настоящей каменной печью, у которой можно будет греться темными зимними вечерами после выполнения заказов, и где у порога можно будет оставить клубок сотканых дорог. Уж чего-чего, а пустых домов на архипелаге имелось в достатке. Порт ранее был частью крупного торгового конгломерата, но после Излома от города осталась едва ли половина, а другая ушла под воду. Впрочем, людей на островах было так мало, что их все равно не

хватало бы для заселения и десятой части оставшегося города. Какой контраст с безопасным, охраняемым от бездорожья магией Храма, а потому перенаселенным Ансвольмом! До Кэрис доходили разные слухи, но доподлинно она не знала, как спасались от Перекрестка лишённые защиты высших теней островитяне. Как-то ведь спасались, справлялись, и Рейккене продолжал жить, упрямо карабкаясь прочь от воды в богатые золотом горы.

* * *

Что-то разбудило ее незадолго до рассвета. Смутное ощущение неправильности, тишины. Отсутствия чего-то важного. Она лежала в гамаке в отведенной ей каюте, безуспешно пытаясь понять, что случилось. Море было спокойным и тихим, снаружи не доносилось ни звука кроме привычного уже скрипа дерева и ласкового шелеста волн. Глубинное течение, плотное, мощное, с легкостью несло каравеллу вперед. Но что-то было не так, и неправильность эта ноющим беспокойством отдавалась в груди. Внезапно ее озарило, и птица поспешила выбраться из гамака и со всех ног броситься в коридор. Внутренние помещения «Симеду» по ночам не освещались, оставленный без присмотра огонь на деревянном судне представлял слишком большую угрозу, поэтому по коридору пришлось пробираться едва ли не на ощупь.

Кэрис постучала в дверь каюты Каирхе. Не дождавшись ответа, застучала сильнее, а затем и вовсе заколотила в дверь кулаком. Ни ответа, ни движения, даже тень не выглянула наружу, привлеченная шумом. Кэрис приникла ухом к двери, пытаясь расслышать хоть что-нибудь, затем ударила в дверь изо всех сил, и на сей раз ей ответили из темноты. Но ответила совсем не Каирхе.

— Ты хочешь перебудить весь корабль? — недовольно отозвался Акадо, бесшумно появляясь рядом.

В темноте не получалось разглядеть, был ли он все в той же старой кожаной куртке и спустился с палубы после разглядывания звезд, или птица вытащила его из каюты посреди десятого сна.

— Мы плывем не туда! — сбивчиво объяснила она, понимая, какой ерундой должны казаться ее слова для непосвященного, не чувствующего дороги. — «Симеду» сбилась с курса, нужно разбудить Каирхе!

Они меняли направление по меньшей мере раз в день, а то и каждые несколько часов, прыгая с потока на поток, но все это было не то. Цель пути оставалась одна, и с каждой пройденной милей ощущалась все отчетливее, все правильнее. Это чувство внутреннего покоя, верности дороги, было знакомо каждой птице, что умела выпутываться из перекрестков, оно успокаивало, вело и направляло. Сейчас... сейчас оно исчезло без следа. «Симеду» еще плыла, но плыла без цели, в никуда, и оттого Кэрис казалось, что корма растворяется прямо у нее под подошвами. Еще немного, и у ног заплещется темная вода.

Наемник серьезностью проблемы не проникся.

— Ну так она заметит, когда проснется. Возвращайся в каюту, пока весь корабль на ноги не подняла. Через пару часов Каирхе развернет нас куда надо.

Он не понимал, но ему и неоткуда было понимать: если отсутствие верного направления разбудило среди ночи недоученную храмовую беглянку, то опытную звезду оно подняло бы и подавно.

— Через пару часов мы можем быть *где-угодно*! Здесь пространство устроено совсем не так, как на земле. Мы правда можем оказаться где угодно, хоть даже в устье ядовитого Койра!

Некоторое время Акадо молчал, и в темноте лица его Кэрис не видела. Затем с сомнением проговорил:

— Я разбужу капитана. У него должны быть ключи от каюты звезды.

Через пятнадцать минут у двери собрались все, кто только смог поместиться в узком коридоре. Капитан, еще более вялый и сонный чем обычно, принес не только ключи, но и маленький масляный фонарь. Его свет выхватывал из темноты бледные, недоумевающие лица. Воздух наполнился вопросами и шепотками. Пахло потом, невымытыми телами, маслом и солью. Акадо, единственный полностью одетый, видно, все-таки не ложился спать, выделялся среди остальных темным пятном, но стоял в стороне, как можно дальше от света фонаря.

Капитан открыл дверь и молча застыл на пороге. Кэрис не хватало роста, чтобы заглянуть в каюту поверх чужих плеч, но всеобщее молчание сменившее глухие перешептывания, добрых вестей не сулило.

— Вот значит как, — медленно отозвался господин Америкен. То были первые слова, что птица слышала от него за все время плавания.

Он сдвинулся с места, и на мгновение Кэрис увидела силуэт Каирхе, уронившей голову на стол. Птицу быстро оттеснили, а потом и вовсе велели оставаться в своей каюте. Когда она не поторопилась исполнить приказ, один из матросов оттащил ее в коридор за руку. Лицо у него было растерянное, испуганное, и Кэрис сочла за лучшее не сопротивляться. Она поняла, что случилось нечто страшное еще до того, как капитан послал за Лойной. Неужели Нэй-А?.. Нет, своих-то звезд тени не убивали. Намеренно не убивали, незачем. Но мог ли он ранить ее сильнее, чем готово было выдержать хрупкое человеческое тело, потребовать слишком многого? О таком она тоже никогда не слышала, но не могла предположить, что еще могло случиться. Звезда была совершенно здорова еще вечером, а здоровые люди не запирают за собой дверь, чтобы не проснуться на следующее утро. Они ведь не в сказке про сновид!

Вернуться к себе она не смогла, не смогла сидеть там в ожидании новостей, да от нее и не требовалось. Довольно оказалось уйти из коридора и не мешаться под ногами. Тито Америкен и Лойна остались в каюте Каирхе, матросы собрались на корме. К ним присоединилась и Кэрис, ежась от холодного предрассветного бриза. Уже не оставалось сомнений, что для звезды это плавание стало последним. «Симеду» неслась по волнам в пустоту. Экипаж не ощущал этого так остро, как птица, но мало-помалу начинал осознавать, что они остались в океане без путеводной звезды. Наконец, ее отважились спросить, не видит ли она Нэй-А, но девушка только головой помотала. Матросы остались разочарованы, не понимая, что остаться на корабле с одинокой тенью, не сдерживаемой условиями контракта, было бы еще хуже. Все молчали, не желая говорить о смерти Каирхе, будто упоминание о несчастье могло навлечь новую беду. У Кэрис в горле стоял ком, а в сердце поселилась тянущая пустота, и думать ни о чем, кроме научившей ее морским дорогам звезды, не получалось. Ей было жаль звезду, та была неизменно добра и многое успела ей рассказать, но в то же время знакомство их продлилось слишком недолго, чтобы боль от потери заглушила страх за собственную неопределенную и не сулящую ничего хорошего судьбу. Мысли о мрачном будущем вновь и вновь заслоняли собой воспоминания о Каирхе.

Из капитанской каюты никто не вышел и через час, когда солнце повисло над горизонтом, и воздух ощутимо потеплел. Легкий бриз стих, сменился полным штилем, но «Симеду» ничуть не потеряла в скорости. Она была вплетена в поток, в нем она и осталась, следуя всем его поворотам и завихрениям, словно упавший в реку листок. Каким мощным и протяженным ни был бы этот поток, рано или поздно он все равно бы истаял, но когда и где это произойдет, было известно разве что Господину Перекрестков.

Кэрис устроилась на баке, обхватив колени руками и мрачно уставившись на синюю безмятежную воду. Допустим, ей хватит сил вытащить судно из течения даже без тени — но ведь они все равно останутся в открытом океане посреди ничего и нигде. До первого шторма. До первого блуждающего миража. Или до тех пор, пока не кончится провизия. Когда о подобных редких, но все же порой случающихся, исходах несколько дней назад говорил Наский, слова старика ее ничуть не утрашили и даже не заставили задуматься. А зря.

Через час ее позвали в капитанскую каюту, где помимо старшего состава «Симеду» присутствовал почему-то еще и Акадо. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди, лицо скрыли падающие на глаза черные волосы. Лойна склонилась над столом и спешно перебирала бумаги, водя пером по строкам и спискам. Ведать грузами и припасами по хорошему полагалось бы второму помощнику, но маленькой юркой каравелле хватало и неутомной, деятельной Лойны. Чернильницы рядом не стояло, так что пером та пользовалась исключительно для большего сосредоточения и погружения в работу. Наский пересыпал из кисета в ладонь курительную смесь, но вместо набивания трубки раз за разом отправлял толченые травы обратно в кисет, будто не мог определиться с необходимым количеством. Когда он поднял взгляд на Кэрис, та поняла, что в благополучный исход дела он уже давно не верит и не считает нужным это скрывать. Зато остальные были удивительно спокойны, а капитан так и вовсе сидел за столом с полуприкрытыми глазами и выражением полнейшей безмятежности на лице, будто происходящее нимало его не касалось. Кэрис позавидовала его умению сохранять самообладание даже в такой безнадежной ситуации. Сама она не захлебывалась слезами только потому, что пустота внутри оставила ее без сил, и ей было слишком страшно что-то сказать или сделать лишнее движение, не то что заплакать.

— Ты будешь вести «Симеду». Будешь нашей новой звездой.

— Я... — вдох получился больше похожим на всхлип, и девушка замолчала, опасаясь не справиться с голосом.

— Больше никому, — продолжил капитан. — Найди Нэй-А и...

Кэрис яростно помотала головой. Если бы все было так просто!

— Разве ты его не видишь, не чувствуешь? — подняла голову от расчетов Лойна. — Каирхе всегда знала, где находится ее тень.

— Ее тень, — выдавила из себя птица, выделив первое слово, — связанная с ней договором. Обычно даже одаренные только чувствуют присутствие теней, а видят, когда те сами решают показаться на глаза. Нэй-А нет ни на корабле, ни поблизости.

Тень наверняка вернулась в храм Ансвольма или ушла обратно за грань, и ее ничуть не заботили оставшиеся на корабле люди. «Симеду» просто вычеркнут из морских книг, когда через положенный месяц-полтора каравелла не вернется в порт.

— Значит, тебе придется вести корабль без тени, — голос Акадо звучал так спокойно и уверенно, будто ничего иного тот не ждал с самого начала.

Кэрис бросила на него хмурый взгляд исподлобья. Как бы им объяснить, что наличие

тени не просто дает заклинателям дорог необходимые силы, нет, оно открывает несуществовавшие для них ранее тропы. Рейккене находился слишком далеко, чтобы найти его внутренним взором и назначить целью пути. Она и примерного направления к нему не могла назвать, даром что они уже подошли к южной границе архипелага. Остров оставался недостижим даже в магии.

Но больше никому. Капитан прав. Ей до полностью обученной звезды далеко, но ни один другой человек на борту не владеет магией дорог даже в малой степени.

— Я могла бы поменять потоки, выбрать новый курс, но я не чувствую направлений. Не знаю, куда плыть.

— Я скажу куда, — с необъяснимой уверенностью вмешался Акадо.

Звезды — золотые монетки и далекие мерцающие снежинки в ночной темноте, дорожные вехи на непроглядной высоте. Кэрис все еще не верилось, что они могли хоть куда-то вывести. Зато ей очень хотелось верить, что им еще можно спастись. В конце концов путь, подсказанный звездами, был ничем не хуже того, какой могла бы создать она, наугад швыряя каравеллу от одного течения к другому.

* * *

По традиции Каирхе отдали морю в том же виде, в каком ее нашла смерть. Только в карман положили округлый кусочек нефрита, чтобы на Перекрестке-без-возврата та могла посадить его. Выросшее из камня дерево стало бы прощальным подарком Господину Перекрестков перед уходом на новые дороги, частью Леса Золота и Стекла. Кэрис и сама носила в кармане камешек, не то чтобы на самом деле будучи готовой к смерти, но по давнему обычаю. Нельзя ведь приходить на последний перекресток без подарка. Правда, камешек у нее в кармане был обыкновенной речной галькой, но тут уж у кого что имелось. На последнем перекрестке когда-нибудь вырастет и ее дерево, каменное, белое.

Прощание вышло коротким и скомканным. Каждый пытался сказать о Каирхе несколько хороших слов, отпуская ее лететь по новым дорогам, но за годы на «Симеду» женщина ни с кем не сблизилась. Неизвестно, сказалось ли постоянное присутствие за спиной тени или характер звезды, которой оказалось проще найти общий язык с другой одаренной, чем с обычными моряками. Слова прощания звучали тепло, но одинаково и обезличено. Взгляды собравшихся то и дело обращались к Кэрис, бледной, тихой, с растрепанными и так с утра и не приведенными в порядок волосами. За ее спиной Лойна, уже сказавшая свои слова, тихо шептала капитану: «... пять бочек, вяленого мяса на три недели... Я еще не все осмотрела, но... есть мед и вино, лекарств может не хватить...». Целительница стояла близко, но разобрать ее шепот было сложно в завершающейся церемонии похорон. Тело опустили в воду, и на мгновение в ее толще оно стало размытым темным пятном. Женщина словно сама превратилась в тень и ушла в глубину. Не будучи подхваченной тем же потоком, что нес каравеллу, она осталась позади, вне всех путей.

Кэрис, по настоянию капитана, перенесла вещи в каюту звезды. После похорон не прошло и получаса, но косых взглядов не последовало. Каюты были отведены для корабельной звезды, и за неимением иных кандидатов звездой «Симеду» признали ее. Все свое имущество она унесла в руках и оставила на кровати. Одежду Каирхе трогать не стали, и Кэрис чувствовала себя неловко среди остатков чужой жизни. Пусть и невольно, но она уже достаточно забрала у звезды — ее место на корабле, ее каюту, — и не желала претендовать

еще и на ее вещи. Но и что делать с ними, не знала. Единственной женщиной, кроме нее самой, на корабле была Лойна, и пригодиться рубашки и широкие, не стесняющие движений, штаны звезды могли только им двоим.

Как только целительница закончила инвентаризацию припасов, птица попросила ее зайти.

— Сколько у нас осталось? — она могла спросить, не опасаясь ответа. Повезло, что они сбились с курса сейчас, а не на обратном пути, когда груз провизии сменили бы на золото, меха и янтарь.

— Все не так уж плохо. Еды хватит месяца на два, на три, если экономно расходовать припасы. Пресной воды осталось даже больше, чем я предполагала. Думаешь, вы с Акадо сумеете найти берег недели за три-четыре?

Она честно ответила, что не знает, но постарается. Иного выхода она все равно не видела, и лучше было бы выплыть хоть куда-нибудь, чем пойти ко дну. Лойна принялась не глядя вытаскивать одежду Каирхе из сундуков и складывать на столе. Вещей было удивительно мало, верно, звезда хранила на борту только самое необходимое. Нашлось немного одежды, стопка чистой желтоватой бумаги, мешочек сухих трав, чей запах помогал при головной боли. Маленький пустой флакон, ощутимо пахнувший горьким миндалем, найдя который, Лойна отчего-то вздрогнула и, ничего не объясняя, сунула флакон в карман.

— Странные дела творятся на «Симеду», — отстраненно рассказывала она, прикладывая к плечам рубашку с расшитым воротом, чтобы оценить размер, и бережно откладывая ее в сторону. — Это я возьму себе, тебе из одежды здесь ничего не подойдет, слишком ты худенькая.

Кэрис молча кивнула, провожая взглядом появляющиеся из сундука связку восковых свечей, пузырек лавандового масла, две плотно закрытые жестяные коробочки, в которых на поверку оказался темно-синий красящий порошок для разводимых чернил. Семей звезды и жрецы не заводили, принадлежа скорее Храму и своим теням, чем самим себе. В каюте не нашлось ничего, что можно было даже с большим допущением принять за храмовое имущество, а потому немногие вещи Каирхе предстояло распределить между оставшимися членами экипажа.

— Мне сказали, что капитан перед отплытием велел погрузить в трюм шесть больших бочек пресной воды поверх того, что положено брать перед отплытием к Граничному. Я послала Сайана проверить — и бочки там действительно стоят, но господин Амерен ничего о них не помнит, — она покачала головой. — Хотя он вообще стал очень рассеянным последние года полтора. Но это ничего, просто нам всем нужно будет хорошенько отдохнуть, если... Я хотела сказать, когда мы вернемся в Ансвольм.

Кэрис ее беспокойства не разделила и не очень поняла, чем оно было вызвано.

— Дополнительная вода это ведь хорошо, да?

— Это... странно, — ушла от ответа Лойна.

Как бы ни было страшно, но долго откладывать неизбежное — новые обязанности корабельной звезды, — было невозможно. С каждой минутой их уносило все дальше и дальше к сверкающей серебром линии горизонта, и облака в небе закручивались в лиловые, сизые и белые вихри. Где-то наверху за ними пряталась лакуна, и Кэрис остерегалась подпускать к ней судно, не зная, как обломок чужого неведомого мира влияет на их океан, и без того переломанный и перекроенный, пересеченный обрывочными ниточками-путями.

Не доверяя собственной способности удержаться на ногах при погружении в потоки,

она устроилась у мачты. Дерево палубы было горячим от солнца и едва ощутимо пахло сосной. Несколько минут девушка просто отслеживала течения, закрыв глаза, уверяясь, что поймавший их поток и не думает ни замедляться, ни истончаться. Она знала, что именно ей предстоит сделать, десятки раз наблюдала, как то же самое делала Каирхе. Покойной звезде, разумеется, было далеко до Нэй-А, но прошедшие две недели показали птице, что вытаскивать каравеллу из потока и бросать в новый вполне в человеческих силах. Для звезды. Но не для птицы. Она уже сама не знала, чем была — ни той, ни другой, но чем-то между. Звездой без тени, птицей, слишком далеко и высоко летающей, слишком легко меняющей перекрестки. И какая сейчас разница, не зададутся ли люди невольными вопросами, не заметят ли то, что она упорно скрывала с того самого момента, как перешла городскую черту? Теперь прятать силы ник чему, на тысячи и тысячи лиг вокруг нет ни единой тени, а о ритуале восхождения и его правилах непосвященные знают лишь в самых общих чертах.

«Симеду» вздрогнула, накренилась. Поток цеплялся за деревянные борта игрушки, стремительно рвался вперед, где-то там разделяясь надвое. Оторваться оказалось сложнее, чем она думала. У нее не получилось сделать это так же плавно, как у Каирхе. Боясь не справиться, она потянула излишне грубо и резко, и корабль подчинился, но легкие обожгло огнем. Птица словно сама нырнула на головокружительную глубину, не сделав перед тем вдоха, и расплатилась за торопливость болью в груди. Она распахнула глаза, полностью обессиленная, и некоторое время пыталась выровнять дыхание, когда со всех сторон раздались громкие хлопки.

Получилось! Рисунок облаков выровнялся и поблек, и пусть положение солнца на небе не изменились, но «Симеду» понемногу замедляла ход. Магия тени таяла, уходила вместе с несущимся прочь неосязаемым течением, но каравелла более за ней не следовала. Вокруг раздавались радостные крики, поздравления и одобрительные возгласы, а когда Кэрис кое-как поднялась на ноги, выбравшийся в первые ряды Наский сердечно обнял девушку. Она невпопад кивала и улыбалась в ответ, но из-за шума в ушах не могла как следует расслышать, что ей говорили. Радость, гордость за проделанную работу и облегчение от отступившей неизбежной смерти в океане, осознание, что у нее все же может получиться привести каравеллу к берегу, — к какому угодно, лишь бы к берегу! — притупились от усталости. Лойна и Акадо подхватили ее с двух сторон. Не осталось никаких желаний, кроме как уснуть до поздней ночи, но добраться до каюты она сейчас могла разве что ползком. Каждая доска палубы отчетливо ощущалась под тонкими подошвами сапог, как и держащие ее с обеих сторон крепкие руки. Но в то же время она находилась и в бесконечной синеве внизу, в ушах пела вода, а под кожу забралась приятная прохлада. В этих чувствах не было ничего нового, но прежде, пока она была простой наблюдательницей, а не пыталась творить магию сама, они исчезали, стоило птице мысленно выбраться из потоков. Сейчас остались отголоски. Ей неоткуда было знать, хорошо то было или плохо. Главное, что она все-таки могла управлять кораблем, пусть и без тени. Неумело, наугад, но могла! Кэрис подозревала, что ей придется дорого заплатить Господину перекрестков за позволение скользить по морским дорогам, но пока боялась даже предположить, что он захочет забрать.

— Отлежись и возвращайся на палубу ночью, посмотрим, куда нас занесло, и поищем новый путь для «Симеду», — шепнул ей повеселевший Акадо, перед тем как оставить ее с Лойной в каюте.

Целительница через минуту вышла, признав состояние новой звезды

удовлетворительным, и Кэрис смогла растянуться на койке. В ее прежней маленькой каютке подобной роскоши не было, и девушка нашла, что спать свернувшись в гамаке ей нравилось только первое время. Если бы путешествие продлилось не более двух-трех недель, она бы справилась с дискомфортом, но все-таки была рада перебраться на нормальную, жесткую и узкую кровать.

Казалось, от усталости она готова была не открывать глаза до самого утра, но на деле хватило и пары часов. Проснувшись Кэрис на закате, когда льющийся в окно свет падал на стол и розовым пятном ложился на покрытый глазурью пузатый глиняный кувшин для воды. В каюту кто-то заходил: на столе оставили миску с уже остывшей похлебкой, а рядом большое красное яблоко. Она жадно набросилась на ужин, отстраненно вспомнив, что в последний раз ела вчера. С рассвета было совсем не до того.

Утренний бриз давно успел смениться штилем, и паруса капитан велел поднять. Плыть наугад неизвестно куда господин Америкен считал бессмысленным и предпочел сбереечь силы матросов. Сейчас они играли в трейс, разбрасывая по палубе крашенные камешки и обозначая круги свернутой веревкой вместо мела, бросали дротики в старую доску или без дела слонялись по палубе. Ее приветствовали с ничем еще незаслуженным восхищением и надеждой, и Кэрис почувствовала себя почти настоящей звездой. Наверное, надо было сразу признаться, что может она не так много, и неизвестно еще, куда заведет корабль, но, сама в душе не испытывая уверенности, девушка жаждала, чтобы в ее силы поверили другие. К тому же она оправдывалась перед собой тем, что было бы жестоко лишать людей надежды, особенно когда им всем предстоял долгий путь в неизвестность. Чтобы скоротать время до наступления темноты — лишь бы только небо осталось таким же безоблачным и ясным! — она присоединилась к играющим. Ей не везло, зеленые камни падали вне кругов, синие откатывались слишком далеко друг от друга, и территорий с каждым ходом становилось все меньше и меньше. К счастью, ни матросам, ни птице нечего было ставить на кон, и счет велся на интерес.

Погода не обманула ожиданий. Небо и ночью осталось чистым. Россыпь разноцветных колючих звезд наблюдал весь экипаж, спать никто не отправился. На этот раз люди в ожидании чуда обступили Акадо и капитана, не ее. Всеобщее напряженное молчание передалось и Кэрис. Птица, не привыкшая подолгу оставаться на одном месте и сохранять неподвижность, переминалась с ноги на ногу в первых рядах. Один только наемник остался невозмутим, да господин Америкен умудрялся, как всегда, дремать на ходу.

Из веревок и камней, вечером служивших для игры в кросс, они с капитаном соорудили некое подобие карты. Настоящих бумажных карт на «Симеду» не было. Зачем, когда корабль неизменно выходил из гавани со звездой на борту? Об отсутствии их никто не жалел, они все равно не оказались бы полезней составленной из камней и веревок импровизации. Тем более что подобие получилось весьма точное, хоть береговые линии материков и были обозначены изгибами корабельных канатов. Из-за этого казалось, что материки имеют форму неудавшихся блинов или выброшенных на берег медуз. Вот северо-восточная Элхария, где на самом краю полумесяцем выдавался вперед узкий полуостров, в чьем заливе расположился Ансвольм. Вот россыпь небрежно рассыпанных разноцветных камешков, обозначающих архипелаг. В свете масляных ламп красные тускло поблескивают, синие неотличимы от зеленых. И юго-западный материк Ошрат, о котором не было вестей уже триста лет с самого Излома. Его старых карт в школе было достаточно, Кэрис их знала едва ли на зубок, но о текущем состоянии материка они, разумеется, ничего не говорили. Люди

давно уже не верили, что он все еще существует, хоть в прежнем, хоть в искаженном виде. Высокопоставленные жрецы, единственные, кто мог что-то знать, с неодобрением смотрели на контакты простого люда с Граничным, а любые вопросы о юге и вовсе игнорировали.

Акадо справился намного быстрее, чем от него ожидали. Звезды он окинул беглым взглядом, как вернувшийся домой после долгого отсутствия путник с порога мгновенно оценивает, не изменилось ли что. Достал откуда-то металлический диск, испещренный насечками и шкалами, остро и опасно выглядящий треугольник с закругленным краем и через десять минут, в течении которых никто, кроме самого Акадо, не понимал, что тот делает, очертил на палубе область в две-три ладони.

— Мы где-то здесь.

«Где-то здесь» в масштабах импровизированной карты было областью размером с хороший кусок архипелага. Ее положение относительно материков показало, что корабль унесло далеко на юг от островов. Даже зная, что возвращаться придется к северу, птица все равно не могла сориентироваться в направлениях. Пусть звезды Излом и не затронул, помощи от них было немного: они ровным счетом ничего не говорили о том, какая из множества морских дорог ведет к северу. Следующее же течение могло выбросить корабль под совсем иным небом. Вода, темная и невидимая, казалась одинаковой во все стороны и на всем протяжении. Ни один поток в перепутанных клубках под «Симеду» не виделся более привлекательным и многообещающим, чем остальные.

— Точнее эта твоя штука сказать не может? — раздалось за ее спиной ворчание Наския.

— Астролябия, — поправил Акадо. — Да, может. Но нам это все равно не пригодится, если только звезде не попадется стабильная дорога, ровная как нить на обвесе, что вытянет «Симеду» прямо к островам.

На существование такой дороги надежды было не больше, чем на милость Господина Перекрестков. Им предстояли недели пути, десятки беспорядочных прыжков в попытке продвинуться в нужном направлении, а ей — непрерывные бдения на палубе. И все это с одним лишь доступным ориентиром: яркой голубоватой звездой у горизонта, на которую указал Акадо. Стоит зазеваться, и каравеллу забросит за пределы известного мира, и никакие звезды уже не укажут им путь.

— Повезло нам, что тебе взбрело в голову притащить с собой эту астрябию, парень, — с толикой подозрения усмехнулся боцман.

Кэрис вздрогнула. В чем-то Наский был прав. Плавание их выглядело как-то уж слишком хорошо спланированным для потерявшихся в море вне всех дорог. Трюмы маленькой торговой каравеллы за редким исключением были забиты грузом провианта, пресной воды неожиданно оказалось втрое больше положенного, а у одного из пассажиров даже нашелся древний навигационный прибор. Не говоря уже о странном спокойствии капитана и том факте, что никто, совсем никто из экипажа не впал в панику даже до того, как она доказала, что ей доступны невидимые водные дороги. Девушка опомнилась, осознав, что так и до заговора дойти недолго, придумать, как экипаж каравеллы вышел в море с одной только целью: избавиться от собственной звезды и... и что, остаться посреди пустоты искаженного океана?

Да и само ее присутствие на корабле уж точно никто не спланировал заранее. Капитану неоткуда было знать, что на борту окажется храмовая беглянка, а не просто птица. Птица бы не вытянула «Симеду», даже потоки в глубине не увидела бы. Нет, ее нахождение здесь в нужный момент уж точно было случайным, она могла выбрать и другой корабль. Но в душе

была согласна со стариком, совпадений оказалось что-то очень уж много.

Самопровозглашенный навигатор развернулся к собравшимся и заявил с уверенной насмешкой.

— Моя астролябия, куда хочу, туда и беру. У меня, знаете ли, нет привычки расставаться со своими вещами, а приборы старой эпохи по нынешним временам редки и дороги.

С этими словами он широким жестом показал ей нужное направление, и птица — звать себя звездой она пока остерегалась, — нырнула в течения и наугад выбрала прохладный и медленный поток, что хотя бы на этом отрезке пути вел в нужную сторону. Каирхе на ее месте могла бы заняться другими делами, оставив отслеживание маршрута тени. Кэрис же пришлось остаться на палубе. Неизвестно, когда поток решит прерваться или швырнуть их на тысячу-другую миль в сторону. Они ведь даже не заметят, когда это произойдет, если только в новом месте погода или время суток не будут резко отличаться. В темноте отслеживать прыжки по изменениям цвета воды, положению солнца и облаков она не могла, а собственное чувство направления при отсутствии заданной цели пути ничем помочь не могло. Возможно, если бы они подошли ближе к берегу, чтобы она могла зацепиться за него магией, сделать точкой опоры, путешествие из выбора дороги наугад превратилось бы в знакомую игру в ближе-дальше-не-туда. Но пока приходилось следить за течением, надеясь успеть вытащить «Симеду» до завихрения или подводного перекрестка. Все чаще ей попадались линии, неожиданно и стремительно ломающиеся, падающие вниз, как случайно оказавшиеся в морской глубине водопады. Или столь же резко сворачивающие вверх к облакам. Кэрис подозревала, что они могли мгновенно перебросить судно на дно или высоко в небо, и догадки свои проверять не торопилась.

Каравелла двигалась вперед, влекомая потоком. Птица чувствовала, что кто-то сел рядом, остался с ней следить за морем и звездами, но, будучи полностью погруженной в течения, не поняла, кто это был.

Дни сменяли друг друга, однообразные и неотличимые, как волны вокруг «Симеду». Кэрис вела корабль сквозь лабиринты водных дорог, руководствуясь указанным навигатором — слово было подсказано им Акадо, — направлением, но ощущение, что они плывут хоть куда-то, все не приходило. Она не могла дотянуться ни до одного из берегов, будто мир вокруг состоял исключительно из воды и перепутанных троп в ее толще. Даже на бездорожье пути не смешивались и не пересекались так хаотично. Глубина добавила новое измерение, отчего количество возможных линий следования выросло даже не в разы, а в сотни, тысячи раз. Еще больше дорог к смерти.

Доверяться им Кэрис не спешила и, чувствуя, как силы покидают ее, дыхания не хватало, а легкие горят огнем, неизменно вытаскивала каравеллу из потока. Капитан Амерен был готов провести в море несколько лишних дней и проделать большую часть пути под парусами, но зато сохранить корабль и экипаж. Матросы были только рады показать «Симеду» во всей красе, работой отвлечься от мыслей и тревог. В хорошие дни при попутном ветре судно летело над волнами ничуть не медленнее, чем во многих незримых потоках. Тогда магия птицы становилась не нужна, можно было расслабиться и наслаждаться порывами свежего ветра и солеными брызгами в лицо, неспешно зарисовывать море и части корабля.

Пенный след «Симеду» за последние семь дней должен был напоминать путь пьяной змеи, если бы на него было кому посмотреть свысока. Им везло с погодой: только в одну ночь небо затянули облака, а штормов не было видно даже на горизонте. Господин Амерен обронил, что время ненастий настанет позже, через пару месяцев, когда начнут опадать листья с деревьев. Будущие шторма людей нимало не беспокоили, к тому времени все надеялись куда-нибудь доплыть.

Кэрис освоилась и уже знала, что ей нужен по меньшей мере часовой отдых после каждого изъятия или включения «Симеду» в течения. С каждым днем она задыхалась чуть меньше, чуть слабее становились жар и давящая боль в груди. Она вела корабль без тени! Да, медленно, да, наугад, но вела же! Курс приходилось проверять и подправлять каждую ночь. Акадо никогда не говорил, насколько они отклонились, наверное, не хотел ее тревожить, просто каждую ночь неизменно указывал новое направление. Точно определять координаты по одному только солнцу он не мог без неких «секстанта» и «хронометра», но порой казалось, при наличии всех этих вещей и звездных карт они могли бы доплыть куда угодно, не прибегая к магии дорог. Правда, было сложно поверить, что кому-то вздумалось бы рисовать карты неба, несмотря на экскурсии в историю от навигатора, который, ко всеобщему удивлению, оказался большим знатоком прошлой эпохи. Все складывалось куда лучше, чем они надеялись, и постепенно в команде крепла уверенность, что они не причалят к перекрестку-без-возврата.

— Надеюсь, от лихорадки никто не сляжет, — вздыхала Лойна, перебирая коробочки с сушеными травами и маленькие темные пузырьки. — Настоек у меня не то чтобы много, а стоит кому-то одному заразиться, как весь экипаж...

Птица, не привыкшая к роскоши собственной, одной только ей принадлежащей комнаты, обычно возвращалась в нее лишь для сна, а светлое время предпочитала проводить на палубе под открытым небом. Или в каюте Лойны, где они сейчас и сидели, пока

целительница в который раз пыталась найти для птицы способ облегчить боль в груди, вызванной магией, что едва была ей по силам.

— Все здоровы, — пожалала плечами Кэрис, искренне не понимая, с чего бы кому-то подхватить лихорадку в теплом летнем воздухе. — Нам даже простуды не грозят. Или ты боишься, что не хватит трав на отвар Наскию?

Лойна печально улыбнулась, осторожно взвесила в руках бутылку с плавающими в мутной жидкости узловатыми корнями. Ответила она не сразу, а когда заговорила, голос ее звучал неуверенно.

— Нет, трав для Наския у меня как раз достаточно, ближайшее время сердце не будет его беспокоить. Не знаю, стоит ли тебе об этом говорить, но... Воды нам хватит на неделю, может, на две, — тихо призналась она. — Капитан знает, но больше я никому не говорила.

Кэрис вскинулась. Она не могла поверить, что Лойна забыла о шести дополнительных больших бочках в трюме, наличие которых сама проверяла не так давно.

— Но ведь еще должно было остаться очень много пресной воды. Куда она делась?

Женщина покачала головой и вернулась к пересмотру лекарственных запасов.

— Да, странная история. Я потому и удивилась, узнав, что господин Америк велел погрузить столько бочек. Видишь ли, воду в них можно хранить месяц-другой, не больше, а прошло уже около трех недель. Вода застоится и скоро сгниет, превратится в зловонную жижу. Никому обычно не приходится проводить в пути так долго даже с самым неудачным выбором дорог, вот люди о таких вещах и не думают. Но капитан-то не мог об этом не знать. Ума не приложу, зачем он тайком велел запастись водой более необходимого. И как мог об этом забыть.

Только-только она начала думать, что для «Симеду» все складывается необыкновенно хорошо, и на тебе! Птица с трудом могла осмыслить услышанное, вода ведь не могла испортиться ни с того ни с сего. Не могла ведь, да? Но и не верить Лойне не получалось, что-то в напряженной позе и линии поникших плеч целительницы служило доказательством лучшим, чем любые клятвы.

— То есть нам надо выбраться отсюда недели за две, — каждое слово приходилось выдавливать из себя. Не покидало ощущение, что пока она их не произнесла, еще можно было сделать вид, что жажда или, того хуже, болезни от застоявшейся воды им не грозят. Будто ее отказ признать опасность мог бы ее отратить.

— Ну, не все настолько плохо, — поспешила уверить ее Лойна, но улыбка ее выглядело бледно и натужно, — я могу добавить в воду уксус, это даст нам дополнительное время. Правда, эту воду можно будет пить только от большой жажды.

«Симеду» внезапно вздрогнула, все вокруг заскрипело, затряслось. Бутылка вылетела из рук Лойны и покатила по настилу. Толстое стекло не дало ей разбиться, но пробка, похоже, была заткнута неплотно. По каюте разлился кисловатый запах. Каравелла вздрогнула снова, на этот раз сильнее, словно ее от носа до кормы пробрала дрожь. Целительница и птица обменялись встревоженными взглядами и бросились на палубу. Третий толчок бросил девушку вперед, заставил растянуться на палубе, откуда через мгновение ее грубо вздернули на ноги.

— Ты что творишь?!

— Это не я!

В матчах зло завывал ветер, оборвавший и унесший ее возражения. Каравелла неслась вперед с пугающей стремительностью, наращивая скорость с каждой минутой, с каждым

новым толчком. Небо темнело на глазах, но вовсе не так, как при наступающем шторме. В небо будто в стакан прозрачной воды вылили пузырек чернил, рваные черные струи и спирали вихрились над головой, сливались в огромные непроглядные лоскуты. Матросы метались по палубе, повинуюсь окрикам капитана, мигом сбросившего уставший и безразличный ко всему вид. На палубе словно стоял совсем другой человек, деятельный, властный и энергичный. Натягивались точно струны канаты, жалобно скрипели лебедки, в вышине трещали снасти и хлопали паруса.

— Останови «Симеду»! — прокричал ей в лицо капитан.

Легко сказать! Ей и на ногах-то удалось устоять, только схватившись за мачту. Каравелла скользила по течению, как по крутому узкому желобу, едва касаясь воды. Дорога вела их прямо в мираж и терялась в темноте. Птица зажмурилась и обнаружила, что потоки и течения вертятся под кораблем в бешеной круговерти, и нельзя, невозможно выцепить хоть один из них из спутанного клубка. Каждая попытка ощущалась ударом хлыста по рукам, корабль маленькой искоркой тек сквозь пальцы и терялся в голодном океане. Она раз за разом хваталась за эту искорку изо всех сил, но не могла ни вытащить «Симеду» из миража, ни хотя бы немного замедлить ее. Снова и снова тянулась к взбесившимся течениям, снова и снова обжигала пальцы. Завывание ветра слышалось все глуше и глуше, сменяясь периодами оглушающей, нездешней тишины. Окружающие потоки становились все быстрее и злее. Глаз Кэрис не открывала, уже не могла, но все равно через закрытые веки видела в холодной тьме россыпи алых искр, невесть как затерявшихся в мираже рубинов, и мерцание сотен огней, вспыхивающих среди мачт.

«Симеду» застонала и начала разворачиваться прочь от миража, повинуюсь силе чей-то чужой магии. Но тут из самого его сердца волной хлынула иная тьма и захлестнула корабль, погасила огни и разметала рубины в стороны. Кэрис не в силах была объяснить, чем новая тьма отличалась от прежней, но она была иная, живая, шепчущая не о морских безднах, а о глубокой ночи над бескрайними пространствами — не то пустошами, не то пустынями. Но уловить все оттенки и различия она не успела: через миг и пламя, и холод, и даже само движение растворились в пустоте.

* * *

Болели руки, которыми птица вчера отчаянно цеплялась за мачту, чтобы резкие порывы ветра или удары подсакивающей каравеллы днищем о воду не выкинули ее в море. Перед глазами темнел дощатый потолок каюты со знакомыми царапинами и неровностями. Тяжесть на груди оказалась сразу двумя теплыми одеялами, но воздух вокруг был другой, теплый и влажный. А главное, что чувствовалось даже в каюте, наполненный запахами моря, но моря другого, незнакомого. Главное, что корабль был цел, и его неспешный плавный ход по волнам ощущался всем телом. Движение успокаивало.

— Кэрис? Ты как, а?

Вид потолка внезапно сменился зрелищем вихрастой головы Сайана. Девушка вздрогнула, меньше всего ожидая увидеть в каюте юнгу.

— Здорово, что ты живая! Позвать Лойну? — допытывался тот. — Я ей скажу, что ты очнулась. И капитану!

Мальчишка вприпрыжку унесся за дверь, откуда тут же донесся веселый, звонкий голос: — Звезда живая!

Его радость, как и сам факт того, что кого-то оставили в каюте ожидать ее пробуждения, совсем не вязался с ее самочувствием. Потому что состояние ее было превосходным, словно вчера она вволю отдохнула и хорошо выспалась, а вовсе не пыталась бороться с пространственным штормом. И это было... странно. Она порой от вождения «Симеду» в спокойных водах больше уставала и с трудом могла отдышаться, унять резь в легких. Сознания девушка раньше не теряла, это да, но ведь справилась же с миражом, пусть тот и выпил ее досуха.

Вот только она не помнила, как справилась, и что именно сделала, чтобы остановить безумие... Чего бы ни боялась Лойна, велев укутать ее поплотнее, но от чрезмерного использования магии еще никто не умирал, не перегорал и не терял способностей. Если кто брался за дело не по силам, ничего в итоге не происходило. Раз мираж не сожрал ни ее, ни «Симеду», все обернулось просто замечательно. Корабль цел, а значит, она смогла, справилась! На пределе сил, но все-таки справилась.

Она помнила огонь. Пламя и искры, и рубины... Но нет, того быть не могло, неоткуда огню взяться в океане. Искьерше осталась далеко, на другом конце мира. Тень не могла вмешаться. Или могла? А еще помнила тьму, огонь погасившую, но что это такое было, не могла даже вообразить.

Девушка натягивала рубашку и как раз просовывала руки в рукава, когда в каюту влетела Лойна. Не останавливаясь ни на миг, она порывисто заключила птицу в объятия, пока та путалась в одежде.

— Живая, ох, слава Перекрестку, живая! — отодвинула Кэрис от себя, критически осматривая, будто желая удостовериться, что мираж не оторвал от нее кусок-другой.

— Я в полном порядке, — заверила ее та, ловко выворачиваясь из чужих рук. — Лучше скажи, как «Симеду», мы никого вчера не потеряли?

Лойна смерила ее странным взглядом и, помедлив, нехотя ответила:

— Мы недосчитались двоих матросов. Одного выбросило за борт, другой нес вахту на носу корабля, когда все началось. Никто не видел, что с ним случилось. Это было не вчера, а три дня назад. Все эти три дня ты едва дышала и была просто ледяная. С тобой точно все в порядке?

— Три дня? — неверяще переспросила Кэрис. Учитывая, что сейчас она не чувствовала ни малейшей слабости, было особенно сложно поверить, что три дня она провела у Перекрестка-без-возврата.

Такого просто не могло быть, никогда она не слышала, чтобы сопротивление миражам приводило к потере сознания, да еще и на три дня. Если уж не повезло избежать миражей, исходов у схваток с ними изначально было только два: либо изо всех сил цепляться за знакомую реальность и остаться в ней, либо смотреть, как все вокруг меняется, стирается и перерисовывается заново. Но и тогда аномалии далеко не всегда оказывались смертельными. Миражи могли забросить человека в абсолютно любое место, и по большей части это были земли чуждые, но пригодные для жизни. Да что там, она как-то раз видела, как храмовый жрец сам призвал мираж, чтобы отправиться в нем на другой край континента. Но, конечно, даже звездам такая магия была неподвластна, что уж говорить о тех, кто о тени мог только мечтать.

Пугало, что до последнего мига она ни о чем не догадывалась, а ведь приближение миражей даже птицами ощущалось заранее. Этот накрыл судно так внезапно, будто прямо под ним и образовался, набрав силу за считанные мгновения. Никогда ранее ей не

приходилось слышать о блуждающих аномалиях подобной мощи и ярости.

— И где мы сейчас находимся?

По лицу Лойны она тут же поняла, что вопрос этот задавать не следовало. Целительница отвела глаза, что-то растерянно пробормотала и наконец бросила на корабельную звезду смущенный взгляд.

— Мы не уверены. Тут есть кое-что явно не из нашего мира, его сложно описать или объяснить. Оно вроде не опасно, но соседство не пойми с чем все равно не радует. Ночью сама увидишь.

На палубе ее приветствовали тепло. Спасительницу «Симеду», как теперь звал ее Наский, пару раз одобрительно хлопали по плечам, едва не свалив с ног, совали в карманы сушеные яблоки, резные камешки для кросса, деревянные бусины. Птица неловко отвечала на поздравления, выражения благодарности и пожелания здоровья и ровных путей. За пять минут она выслушала похвал и благодарностей больше, чем за прошлые десять лет, и совсем не знала, что теперь должна отвечать людям. Смущение приняли благосклонно, и даже за него, якобы за скромность, а на самом деле за непонимание, как следует себя вести в подобных ситуациях, она удостоилась отдельной похвалы. Матросы и не подумали бы окружать Каирхе со словами благодарности, слишком велика была разница в положении и статусе. Новую звезду, назначенную таковой за неимением других претендентов, они узнали сперва как пассажирку, что была не прочь посоревноваться в метании кинжалов в старый разошедшиеся бочки или послушать моряцкие байки. Ее называли звездой, но в то же время считали своей, и это было приятно. Глупо, их дороги все равно разойдутся вскоре после прибытия в порт, но приятно.

Второй ее мыслью было то, что настоящая звезда вроде Каирхе не пропустила бы приближение аномалии, и радость ее немного померкла. Команда даже не узнала бы об угрозе. Не пришлось бы терять двух человек и чинить поврежденное судно. Основная работа кипела вокруг парусов, при свете дня стало видно, что те пострадали от миража более всего. Разумеется, в трюме лежала запасная парусина, но в открытом море снять полотнища было сложно, и потому прорехи приходилось латать на весу, отчего ремонт не успели завершить за три дня, проведенные ею в беспамятстве. Облегчение смешивалось с беспокойством и торопливостью. Звезда и внимания не обратила, пока ей не показали, что треснувшая фок-мачта обзавелась дополнительным толстым железным кольцом для крепления. В днище появилась течь, но ее удалось быстро заделать.

После осмотра корабля Кэрис внимательно оглядела горизонт. Вдалеке проплывали перистые облака, на таком расстоянии почти неразличимые. Солнце казалось чуть выше, чуть ярче и белее, его лучи пронзали море горячими кинжалами. А вода — вода была невероятна, в бледную синеву будто добавили много, много голубизны и чуточку изумрудной краски. Море стало зеленовато-голубым и прозрачным настолько, что в глубине виднелись крупные разноцветные рыбы. Действительно разноцветные, не как зеленоватые речные окуни и судаки или коричневатые караси и карпы. Как раскрашенные игрушки для богатых детей — красные, синие, желтые, полосатые и пятнистые, с похожими на морские цветы плавниками. Сперва Кэрис подумала, что Лойна хотела показать ей это новое, изменившееся море, но тут же отбросила эту мысль. Ночью она ничего не разглядела бы.

— Вода как вода, — появился рядом Сайан, свешиваясь рядом с борта и всматриваясь вниз. — Я-то знаю, мы спустили ведро набрать немного. Соленая, теплая. И рыба тоже как рыба, вкусная.

— Лойна сказала, здесь по ночам что-то появляется.

— О да, — юнга едва не подпрыгивал от нетерпения, — одна ты еще не видела. Это что-то такое в небе, — он обрисовал ладонями нечто круглое, — и оно светится! Слышала ты когда-нибудь о таком?

Аномалии встречались и в небе, хоть и много реже, и упоминание о необъяснимом свете ее не слишком удивило. Но также свечение не должно было удивить и остальных, в особенности не раз бывавших на Граничном моряков. Там, говорят, небо часто переливалось эфирными полупрозрачными завесами лилового, синего и зеленого света. Для новоприбывших то было чудо, но местные к нему голов не поднимали. Кэрис несколько раз пыталась нарисовать небесный свет по чужим описаниям, и ей казалось, что выходило неплохо, но, конечно, хотелось сравнить с оригиналом. Она вдруг подумала, что в школе все ее рисунки, скорее всего, уже выбелили или соскоблили, чтобы отдать бумагу другому ученику. Рисунков было не жалко, но она корила себя, что не захватила из школы горсть угольков для рисования и смеси для красок. Не ожидала, что в городе они будут так дороги, а на «Симеду» ей достались только разводимые чернила, совершенннеподходящие для передачи оттенков, переходов и полутонов. И то только потому, что прошлая их хозяйка неожиданно переступила свой последний перекресток.

Потоков лучше было бы избегать до полного восстановления каравеллы, но она все равно потянулась к океану вокруг, насколько хватало сил. Нелишним казалось осмотреться, убедиться, что течения в этом сине-зеленом море не отличаются от привычных и смогут унести «Симеду» прочь, когда потребуется. Течения здесь были, но лишь несколько, и все дремали у дна, вялые и забытые.

Где-то далеко-далеко, на самой границе восприятия, она нашла — берег. Берег! Всего в двух днях пути под полными парусами был берег, едва-едва осязаемый и оттого только более привлекательный. Хотелось броситься к Лойне, капитану, рассказать всем, но она поостереглась. Неизвестно, где они, и что это за берег, ведь будь он знакомым, Акадо бы уже понял по звездам, куда развернуть корабль. Может, он ждал, пока каравелла будет готова к дальнейшему пути. Или же они оказались прямо посреди Граничного архипелага, сориентироваться среди блуждающих островов которого могли разве что тени. Она решила никому ничего не говорить, не выслушав прежде навигатора, но весь вечер держалась за чувство берега, цели и направления пути.

Темноты она ждала с нетерпением и замечала, что и другие изредка бросали на небо выжидательные, настороженные взгляды. День сменился ночью быстро и внезапно, минуя стадию заката. Красноватое солнце некоторое время висело над горизонтом, а затем не опустилось, а упало в море. Золотисто-розовый закатный свет не радовал глаз и пяти минут, прежде чем на мир вокруг будто набросили сизо-серое покрывало сумерек. Первым появление аномалии заметил глазастый юнга и поспешил указать на нее звезде. Проявлялась она постепенно, словно всегда была в небе, но прежде пряталась от солнца. Едва заметная окружность быстро налилась светом, и чем темнее становилось небо, тем различимее была она. Идеальный круг с четкими границами испускал мягкое ровное сияние. В его бледном свете все становилось светлым, серым, вода блестела серебром. Если присмотреться, на поверхности окружности можно было различить полосы и пятна.

— Это... но ведь это же... — она невольно отступила на шаг.

— Ага, — довольно отозвался Сайан, словно сам поместил аномалию в небо, раздвинув звезды.

Кэрис встречала подобный круг и раньше, но в таких обстоятельствах, что только сильнее поразила его присутствию в небе. Поверить в неожиданное появление бледного круга в лакуне ей оказалось проще, чем в его присутствие в старом мире. А ведь именно там Кэрис видела его раньше, на картинах, изображающих мир до Излома.

— Нет, — помотала головой она, торопясь объяснить, что ее поразило, — ты не понимаешь, я уже видела эту штуку на старых картинах. Мастера иногда рисовали такой круг в небе, если изображали ночь, да еще и подбирали к нему особую цветовую палитру. Не всегда, но довольно часто, и никто теперь не знает зачем. Принято считать, что это цеховой знак или что-то такое, но, — она указала на сияющую, четко очерченную аномалию, — оно теперь в небе!

Наверное, так «цеховой знак» и выглядел бы на самом деле, если бы наблюдатели оказались в картине. Но никакой мираж, какой бы он ни был могущественный, не мог оставить их в месте, существующем только на холсте. Или в прошлом, в мире, каким он был до Излома.

— Ну, мы за ним уже которую ночь смотрим, — пожал плечами Сайан. — Оно вроде ничего и не делает, только округляется. В первую ночь не такой правильной формы было, а стесанное какое-то.

Акадо подтвердил, что звезды остались те же самые, и по ним все еще можно найти дорогу к земле.

— Мы, должно быть, недалеко от берега, — сказал он, многозначительно поглядывая на звезду.

Она промолчала. Берег ощущался нечетким, но неизменным. Направление на негс навигатор указал точно, и она не стала даже упоминать, что почувствовала его первая. Не хотела объяснять, почему тут же не поделилась радостной вестью.

Далее последовали недолгие дебаты, когда Акадо настаивал на немедленном развороте дрейфующей «Симеду» к берегу, пока ее не подхватил другой мираж или не унесло магическое течение, а Наский отказывался поднимать паруса, пока все на борту не будет налажено как следует. Каравелла должна быть цела и готова к любым испытаниям. Неизвестно еще, что там за берег, и что на нем ждет.

— Нас забросило к архипелагу? — вмешался в споры немногословный, как обычно, господин Америкен.

Кэрис не удивилась бы, если бы он позволил боцману и навигатору ввязаться в спор единственно затем, чтобы взвесить аргументы за и против, но решение собирался принять единолично. Последнее слово всегда оставалось за капитаном. Но споры были нередки, и при обсуждениях, как правило, присутствовала половина команды. На сей раз в капитанской каюте собрались Акадо, Наский, Лойна, Кэрис и, конечно, сам Тио Америкен.

— Нет, к материку, — после недолгой заминки признался Акадо.

От его слов так и веяло недосказанностью. Или так казалось только Кэрис, ведь остальные облегченно выдохнули, заулыбались и принялись воодушевленно переглядываться. Даже Наский расправил спину и будто помолодел лет на десять. Она разделять робкую пока радость не спешила. Что-то серьезно не так было с прибрежными течениями, слишком уж они были малочисленные и тусклые. Да и не было у берегов Элхарии такого моря, она бы знала. Она говорила себе, что научилась видеть потоки только в открытом море несколько недель назад, а у берегов они вполне могли быть слабее. То говорил голос рассудка, но интуиция и чувство магии дорог, которому любая птица доверяла

больше, чем собственным глазам и ушам, предупреждали об опасности, источника которой она пока не видела. Не то чтобы неведомая земля ее отталкивала, не после больше четырех недель в открытом море, но и доверять ей девушка не спешила.

— К южной оконечности Ошрата, — мрачно припечатал навигатор, и едва-едва набравшие силу поздравления и выражения радости тут же стихли.

— К южному? — замялась Лойна. — А он разве... все еще существует?

— Выходит, что да, — невесело протянул Наский. — Та круглая штука вон вполне себе настоящая, не вижу, почему бы и южному не быть. Если только мы не в лакуне.

Если все вокруг становится страннее, чем обычно, страннее даже, чем возможно на бездорожье, где реки могут порой течь вертикально вверх, а граница между пустыней и старым мшистым болотом явна и тонка, как след пера на бумаге, дело всегда было в лакуне. Земли из металла, чуждые города из стекла и золотистой пыли, подводные миры посреди роскошных дворцов — отправляться туда рисковали только сильнейшие из звезд, и сделанные ими записи немедленно становились достоянием Храма, а слухи о чудесах и безумствах лакун росли и множились. Где-то среди них и был Лес Золота и Стекла, полный каменных деревьев, что окружали Перекресток-без-возврата. Именно туда отправлялись жрецы, желающие заключить договор с высшей тенью. Именно там, если повезет — или не повезет, это уж как посмотреть, — можно было найти высших, а если особенно не повезет, и самого Господина перекрестков. Последнего во плоти, насколько к сущностям такого порядка слово «плоть» вообще применимо, не видели уже триста лет, но в существовании его сомневаться не приходилось. Ни обычным людям, отделенным от бездорожья храмовыми барьерами, ни тем более путевым магам.

Лакуны — вернейшая дорога к последнему перекрестку.

Берег, необитаемый и негостеприимный, высился над бирюзовой водой острыми пиками скал. Корабль пришлось вести медленно и осторожно в опасении сесть на мель или пропороть днище о подводные камни. Прибегать к магии для управления кораблем Кэрис не рискнула, броски в тысячу лиг давались ей много проще, чем так и не освоенные ювелирные развороты, но ее умений хватило, чтобы следить за рельефом дна и направлять рулевого. Недолго проплыв вдоль нагромождения красноватых скал, отвесными стенами нависающих над морем, они нашли узкую, врезанную в горную породу бухту. «Симеду» бросила якорь, и капитан отправил шлюпку на разведку. Первым вызвался пойти Акадо, как-то незаметно и органично влившийся в команду и теперь принимавший участие во всех ее делах. Кэрис молча забралась в шлюпку, не дожидаясь приказа. В разведке новой территории было не обойтись без одаренной. Ей новая земля не нравилась, настораживала, но она не знала, как объяснить это другим. Они-то ее видели только глазами, а чувства дорог не имели. Кроме них на берег отправились два матроса и неугомонный юнга, выпросивший разрешение у капитана.

Солнце, с утра приятно пригревавшее, к полудню раскалилось хуже кузнечного горна. Кэрис пришлось повязать голову платком. Она подвернула штанины и рукава, первой спрыгнула на берег, в один шаг преодолев более десятка метров. На этой странной земле магия работала, как ей и было положено, что немного успокоило птицу. Девушка присела, пропустила горсть песка сквозь пальцы. Мелкий, округлый, грубоватый наощупь, он имел тот же красноватый оттенок, что и скалы вокруг. Бухта переходила в узкое извилистое ущелье. Как птица ни прислушивалась, ничего, кроме шелеста набегающих волн, не уловила.

— Не ходи далеко вперед, — окликнул ее Акадо, помогая вытащить шлюпку на

берег. — Мы не знаем, что там скрывается.

— Меня не так просто догнать.

— Но можно загнать в тупик.

— В тупик можно загнать кого угодно, — фыркнула она.

— Да. Но некоторые из нас готовы к этому больше других, — он демонстративно похлопал по рукояти меча.

Спорить с ним было сложно, хоть она и могла указать, что ей до сих пор не приходилось видеть, насколько ловко мужчина управляется с оружием. Меч он при ней не доставал, а из арбалета подстрелил только тень, да и то о том выстреле она слышала от других, а не наблюдала сама. Неизвестно, сколько в его намеках пустой самоуверенности, а сколько настоящей сноровки. Свое оружие она тоже взяла, но ее небольшой охотничий лук с самодельными стрелами годился разве что для мелкой живности. Она забросила его за спину в надежде раздобыть немного свежего мяса на ужин. Но пока что только мелкие прибрежные крабы при приближении людей разбегались в стороны и зарывались в песок.

Вблизи скалы оказались испещрены горизонтальными полосами разной ширины из чуть более светлых и темных оттенков породы, чего не было заметно с моря. Песок быстро сменился каменистой насыпью, стены ущелья кое-где смыкались над головой, расчерчивая дно тенями. Там росла трава с высокими жесткими стеблями, темно-зеленые соседствовали с высохшими и пожелтевшими. В траве мелькнула пара изогнутых скорпионьих хвостов, и они пошли осторожнее.

— Хэй! — выкрикнул Сайан и тут же получил в ответ слабое эхо. После чего ему пришлось спешно уворачиваться от подзатыльника старшего матроса Фалько. Шум мог привлечь ненужное внимание.

Дорога была ровной и стабильной, совсем как в городах. Она и предположить не могла, зачем местным жрецам вдруг вздумалось оградить магией необитаемый кусок земли. Это казалось бессмысленной тратой сил и времени. Не могло же у них быть столько одаренных, что они от нечего делать практиковались на отдаленных необитаемых территориях.

Скоро разведчики вышли к пещере, узкой темной расселине, где-то в глубине которой шумела вода. По бокам ее росли невысокие чахлые деревца, вплотную притулившиеся к скалам, цепляющиеся кривыми корнями за сухую, растрескавшуюся почву. Кэрис осматривала их минуты две, не меньше, пока за спиной не раздалось вежливое покашливание.

— Я таких не знаю, — наконец призналась она.

— Деревья как деревья, что на них смотреть. Пойдут на костер.

Акадо остановился за ее спиной, достаточно близко, чтобы ощутить идущий от него запах воды и соли, которым он за время плавания отчего-то пропитался больше всех остальных вместе взятых. Запах моря приглушал исходящий от земли сухой жар.

— По растительности можно понять, где находишься, в какой климатической зоне, что в ней обитает, и кто непременно попытается тебя съесть.

— Ты знаешь все деревья?

— Большинство. Растения, горные породы, архитектурные стили разных уголков старого мира. Все, по чему можно узнать местность.

Их водили по основным тропам, показывали окрестности и учили ориентироваться. Заставляли часами перелистывать стопки чужих эскизов местности и зарисовывать свои, чтобы обменяться с другими учениками. А потом найти место по его изображению. То были

любимые уроки Кэрис. У нее лучше всего выходило рисовать деревья, и достаточно было найти одно примечательное, чтобы справиться с заданием. Если две трети других учеников могли без труда выйти к нужному месту, опираясь только на нарисованный пейзаж, работа считалась выполненной.

— Птиц при Храме и такому учат?

Поняв, что сказала слишком много, она поспешила повернуться к темному провалу и заявить:

— Пещера сквозная, там есть выход.

И она могла бы его найти, если бы не риск переломать ноги в темноте, для птицы не менее весомый, чем для простого человека. К сожалению, чувство направления не говорило ничего об опасностях дороги, только о ее теоретической проходимости. Журчание воды было не настолько соблазнительно, чтобы лезть за ней в темную пещеру, о возможных обитателях которой магия ничего не говорила. Кэрис заверила, что внутри сумеет найти выход или хотя бы верное к нему направление, но без факелов или масляных ламп им пришлось отложить разведку.

Скоро почти весь экипаж гулял по песку, наслаждаясь не столько ощущением твердой земли под ногами, сколько ненормальной стабильностью пространства. Найденная земля в их положении была весомым поводом для праздника, и капитан в ее честь разрешил открыть бочонок с элем и пару бутылок вина из личных запасов. Росшие у пещеры деревья срубили на костер, на котором пожарили недавний улов. Набрали свежей воды в пещере, запасшись факелами. Ручеек тек недалеко от входа, но в какой-то момент уходил под землю, в отверстие скальной породы, чтобы влиться в океан где-то у дна.

Несмотря на кажущуюся безопасность, Кэрис не торопилась упоминать об отсутствии перекрестков, запутанных дорог и вывернутых мест. Разобраться бы сперва, что вызвало это самое отсутствие. Нечто подобное могла сотворить с миром высшая тень, но тогда бы их уже давно заметили. Еще птица подумала о лакуне, где законы физического мира по случайному совпадению оказались зафиксированы именно так, как в человеческом мире до Излома. Она раньше о таких лакунах не слышала, но имея дело с аномалиями, никогда нельзя было полагаться на прошлый опыт. Недаром они были известны как области, где возможно чуточку больше чем все.

К длительной разведке «Симеду» готова не была. Даже Кэрис не могла присутствовать в двух местах одновременно, и приходилось выбирать, остаться на каравелле и пойти вдоль берега в надежде найти порт, или отправиться в пещеру искать выход. На другой ее стороне тоже могли найтись поселения. Это не обсуждалось открыто, но все, что они видели вокруг, говорило о том, что южному континенту каким-то образом удалось пережить Излом. Значит, у них должны были быть свои маги, и даже если бы памятные по старым картам крупные города вроде Риерры, Тай-ак-Клина или Фезы были уничтожены, за триста лет отстроили бы другие. Поэтому шансы встретить здесь других людей оценивались высоко.

Птицу больше волновало, можно ли здесь встретить теней. Север прямо-таки кишел ими, на островах между двумя континентами они или не обитали вообще, или, по словам моряков, там иногда встречались слабейшие, что не прочь были заключить контракт, пусть даже и с птицей. Она надеялась на существование в мире хоть одного места, что принадлежало бы в первую очередь людям. Места, где она могла бы остаться.

В конце концов было решено испробовать оба варианта, но первым делом проверить окрестности пещеры. На следующее утро, пока «Симеду» оставили на якоре в бухте, в поход

собрались Акадо, Наский, не столько рвущийся своими глазами увидеть новые земли, сколько жаждущий спасения от Лойны и ее травяных отваров, и трое крепких матросов. И конечно же, Кэрис. По указанию капитана они должны были удалиться от выхода не более чем на день, и птица очень надеялась, что они не проведут весь этот день в бесплодных блужданиях. Они запаслись провизией, маслом и ветошью для факелов, веревками и крюками. Опасения оказались напрасными, а приготовления — чрезмерными. Пол пещеры уходил вверх, где плавно, где резко, и изобиловал глубокими трещинами, но веревка им все-таки не понадобилась. Кое-где стены смыкались настолько узко, что приходилось пробираться вдоль них боком, обтесывая спину. Рослому, широкоплечему Фалько пришлось вернуться на берег, и их осталось пятеро. Шли долго, следуя течению ручья, прорезавшего в толще скал узкое ложе, и чувству дороги, ведущему Кэрис мимо многочисленных ходов и ответвлений.

Пару раз свет факелов выхватывал царапины на стенах примерно на уровне глаз, нанесенные острым камнем, но она не взялась бы утверждать, что стены отметили намеренно. Слишком хаотично и небрежно выглядели метки, да и отмечали вовсе не каждую развилку. Если и была в них некая система, девушка ее не понимала.

— Ужасное место, — кряхтел боцман, и его голос гулко разносился под низкими сводами, — отсюда точно есть выход?

Большую часть пути пришлось проделать по ручью, намочив сапоги и подвернув штаны до колена. Снять обувь и босыми ступнями найти пару острых камней никто не решился. Кэрис могла бы поклясться, что снаружи уже наступила ночь, но, когда стены внезапно расступились, солнце еще только начинало клониться к горизонту. Перед ними раскинулась сухая равнина, покрытая редкой, чахлой растительностью. Широкий ручей бежал по камням, прозрачный и чистый, серебристо переливающийся на солнце. Вдоль его берегов на этой стороне росли акации, оливковые деревья и сикоморы. Размерами они были чуть меньше, чем ей встречались на севере. Кроны не достигали и пяти метров в высоту.

— Будем считать, что людей мы уже нашли, — повеселел Акадо, показывая куда-то в сторону роши.

На ветру покачивался привязанный к ветке сверток из небеленого полотна. За деревьями по плато бродили стада овец, издали похожие на пlyingшие по желтоватой равнине облачка.

Сухая, выжженная солнцем земля, где тут и там были разбросаны рощицы жмущихся друг к другу деревьев, от выхода из пещеры просматривалась во все стороны. Им не составило труда найти сперва пару мальчишек-пастухов, вытаращившихся на чужаков с нескрываемым изумлением, а затем и поселение. Последнее не имело ни стен, ни заборов, и, казалось, выросло среди саванны совершенно стихийно и развивалось так же случайно.

Квадратные обмазанные глиной хибарки стояли вперемешку с шатрами и плетеными загонами для скота, в дневное время пустыми, если не считать пестрых, шумных выводков кур. Дома были низкими, одноэтажными, но все без исключения могли похвастаться узкими, пристроенными снаружи лестницами, что вели на плоские крыши. Там стояли кувшины, иные почти в человеческий рост, сушилось белье, под полотняными навесами играли дети. И мужчины, и женщины ходили в одинаковых хламидах длиной чуть ниже колена, но женщины повязывали пояса и плечи яркими шаями и шарфами, а поверх них кольцами лежали длинные, заплетенные в косы волосы. На самом деле длинные, у каждой ниже пояса, что на севере было неслыханно. Длинные волосы требовали времени и средств для ухода, которые были разве что у знати, но и те не отращивали их ниже лопаток. Количество шалей было еще непрактичнее: из пошедших на них тканей можно было бы пошить сразу несколько туник, а местные все как один еще и головы заматывали широкими длинными шарфами.

Но больше всего поражало бездумное транжирство места. Между домами было по меньшей мере по пятнадцать шагов, куда можно было бы вместить еще по строению! Непохоже, чтобы хоть кого-нибудь это заботило, люди ходили вокруг без оглядки на ограждающие чары и стены. Потому что не было ни тех, ни других, да и перекрестков тоже не наблюдалось. Конечно, вытопанные тропы на сухой, утрамбованной земле скрещивались, пересекались под самыми разными углами, как им и полагалось. Но при этом перекрестков, настоящих, налитанных силой перекрестков, не образовывали. Кэрис прошла по одному такому, осторожно делая шаг за шагом, каждый миг ожидая всплеска магии пространства. Ничего не случилось. Места пересечений ничем не отличались от берега, от равнины, от окрестностей деревни. Ничем. Магии в них не было ни капли. Дороги не звали, не тянули в разные стороны. Лежали, втопанные в пыль десятками ног и сотнями копыт.

Чужаков приняли сперва настороженно, особенно сторонясь вооруженных мужчин. Первые попытки объяснить не вызвали ничего кроме смеха. Язык пастухов можно было понять, но с большим трудом. Грамматические конструкции и слова совпадали, но ритм речи и произношение сбивали с толку. Староста деревни, фажару, как его почтительно называли, говорил с чужаками как можно медленнее, временами переходя на жесты или рисунки в пыли, которые он чертил при помощи заменявшей ему трость узловатой палки. Им кое-как удалось объяснить ему про корабль, пришвартованный в бухте с другой стороны пещеры, на что Фажару глубокомысленно и, как показалось Кэрис, неодобрительно, покивал головой. Вплетенные в его бороду жестяные и медные шаррики-колокольчики еле слышно зазвенели.

— Феза! — он махнул палкой куда-то в сторону севера и растопырил пальцы. Указывая себе в грудь, выставил четыре пальца, затем показал один и изобразил ладонью плавное волновое движение.

До Фезы на севере четыре дня пешком или один на судне. Солнце у берегов Ошрата неизменно заходило на западе, будто его тянуло туда, как к родному дому, и не изменяло своим привычкам на протяжении последней недели, а потому Кэрис уже не опасалась называть направления сторонами света. Они, похоже, не имели привычки меняться местами в произвольном порядке, и на южном материке могли служить надежными ориентирами.

Акадо начертил носком сапога знакомую по старым картам береговую линию с точкой в центре полукруглого залива. Феза... Кэрис мало что знала о городе, но видела его обозначения на картах старой эпохи. Навигатор расположил ее достаточно точно на незамысловатом рисунке. И откуда у него только такие познания в старой географии? Она позволила себе отбросить в сторону мысли о более чем странных познаниях и увлечениях Акадо. Само их пребывание на южном материке, целом, не разорванном силами Перекрестка, не измененном его магией, виделось проблемой куда более насущной. Ошрат предстал перед ними таким, каким был до Излома, словно здесь и не было никакой войны и никакой катастрофы, не существовало Господина Перекрестков и его теней. И это было невыносимо, невозможно. Она бы скорее поверила, что мираж перенес их в прошлое на триста, а то и более лет назад, чем в существование земли, не подверженной прихотям блуждающих миражей, не разграниченной и разбитой зеркалами и перекрестками.

Этим же вечером на расстеленные на крыше дома фажару ковры бросили несколько набитых шерстью подушек и поставили блюда с хлебными лепешками, оливками, мягким сыром, инжиром в меду и сладким вином. Хозяева, нимало не смущаясь, ели руками, и гости тут же последовали их примеру. Господин Амерен расплатился за помощь отрезами тканей, сочтя, что о возмещении товаров купеческому совету подумает по возвращению в Ансвольм, а пока помощь и расположение местных были куда как важнее. Люди пытались объясниться, приноровиться к певучему тону чужого и в то же время такого знакомого языка. Лойна преуспела первой, щупая красную шерстяную шаль Найжин, дочери фажару, с целью разузнать, что та использовала в качестве красителя. Судя по посветлевшему лицу целительницы, ответ она получила, а затем принялась выкладывать косточки от оливок на опустевшее блюдо. Кэрис не видела, что она пыталась изобразить, но женщины смотрели на ее старания с любопытством и нетерпением.

— Феза! — внезапно указала пальцем на блюдо Найжин и счастливо засмеялась.

Лойна закивала головой.

— Ансвольм! — с широкой улыбкой указала она на другую часть блюда.

Южане непонимающе уставились на судовую целительницу. Та повторила слово и настойчивей указала на город, обозначенный оливковой косточкой. Найжин отпрянула и что-то торопливо зашептала остальным. Женщины воззрились на гостей с возрастающим беспокойством, что тут же передалось и остальным, словно собравшихся в круг объят порыв холодного ветра. Кэрис подобралась, готовая раствориться во мраке при первом же резком движении со стороны южан. Что-то подсказывало, что здесь считался уничтоженным северо-восточный материк, и с живым тому опровержением местным еще только предстоит смириться.

— Вы, — фажару Аражин указал на господина Амерена, намеренно используя самые простые слова и конструкции для лучшего понимания, — север? За океан?

Капитан медленно кивнул.

— За острова? Далеко? Дальше острова?

Акадо напрягся, рука его как бы невзначай легла на пояс, где в другое время нашла бы

рукоять меча, но сейчас все оружие пришельцев было сложено внизу у порога. Кэрис едва не совершила длинный прыжок на крышу соседнего дома, когда мужчины принялись быстро переговариваться друг с другом с все возрастающей настойчивостью и убежденностью. Наский мрачно насупился, и только Лойна пыталась что-то вставить, объяснить ситуацию простыми выражениями. Говорили местные так торопливо, что удавалось только вылавливать из их речи самые простые слова: север, океан, Излом, часто повторявшиеся незнакомые слова и выражения, то ли кхай, то ли икхе. Нападать на них никто не спешил, как не спешил и прогонять. Фажару хмуро оглядел пришельцев и жестом велел остаться на той же крыше, откуда женщины поспешно убрали пустую посуду.

Экипаж молча переглядывался, ожидая решения капитана. Их не то чтобы держали насильно и даже дали вышитые пестрыми узорами покрывала из козьей шерсти, чтобы защитить от ночного холода, но разошлись местные очень уж торопливо, оставив на улице нескольких мужчин для присмотра за чужаками. Куда и в какой момент пропало их оружие, никто не видел. Сквозь занавешенные тканью окна доносились возобновившиеся с новой силой споры, перемежающиеся все теми же непонятными, незнакомыми словами. На капитана обратилось полдюжины вопросительных взглядов, но ничуть не обеспокоенный Тио Америкен невозмутимо закутался в покрывало и уснул прежде, чем его голова коснулась подушки. Пришлось и остальным устроиться на крыше под полотняным навесом.

Уснуть не получалось из-за лезущих в голову мыслей, и, тихо осматриваясь по сторонам, Кэрис заметила, что Акадо тоже не спит. Он лежал у самого края крыши и смотрел на звезды, на вновь появившийся в небе светлый шар, сегодня будто обрезанный с одной стороны кривым ножом. Так его тоже иногда рисовали. Ей вдруг вспомнилось...

— Акадо? — когда он скосил в ее сторону блеснувшие в тусклом свете глаза, она шепотом продолжила: — Ты единственный не испугался, когда мы оказались у южного берега...

Она смутилась, сама не зная, что собиралась спросить, в чем обвинить. Ты вел нас к нему с самого начала? Бред, конечно. Акадо никак не мог знать, что другой материк пережил Излом. Это случайность, только и всего.

— У нас не было шансов вернуться к архипелагу. Острова слишком маленькие, хаотично разбросаны и постоянно перемещаются. Мы могли бы неделями петлять между ними, пока не закончится вода. Или влипнуть прямо в Хладь, что ничем не лучше. Я подумал, что материковый берег мы уж точно не пропустим.

— Почему не нацелился на север? Нам должно было хватить припасов вернуться.

Другое дело, что она сама бы того не желала. да и не ожидала от себя способности вести «Симеду» несколько недель наугад, практически наощупь. До того Каирхе вела каравеллу чуть больше двух недель, и воду в трюме можно было бы пить еще две-три недели, не больше. Это значило, что и ей, птице, нужно было бы привести корабль в порт тоже недели за две-три. С той же скоростью и эффективностью, как и опытная тень со звездой, что сейчас казалось еще более невозможным, чем раньше, когда она совсем ничего не знала о морских дорогах. «Симеду» спасла не она, «Симеду» спас мираж, едва не разорвав на части, но выбросив вблизи от берега. На одной только магии и ветре они никогда бы не успели добраться куда-либо вовремя.

Вместо ответа в темноте раздался едва слышный смешок.

— Ты ведь тоже почувствовала, да? Вмешательство чужого колдовства, когда нас почти затянуло в лакуну?

— Что значит «тоже»?

Акадо не поторопился делиться ответами.

— Спи. Они нам ничего не сделают, не сегодня. Я бы на месте фажару послал гонцов в Фезу, им придется сперва дождаться ответа, — что-то в его тоне подсказало Кэрис, что сам он, несмотря на уверенность, какую пытался в нее вселить, спать не собирался.

Дни на юге оказались много жарче, но ночи холоднее. К утру Кэрис, разбуженная предрассветной прохладой, завернулась в покрывало и смотрела, как небо постепенно наливаются голубизной. Как только коз выпустили из загон, для чужаков поставили отдельный шатер немного поодаль от обмазанных глиной домов. Внутри по стенам развесили амулеты из связанных вместе веточек, перьев, мелких косточек, обломков рога и кусочков меха. На земле постелили многочисленные потертые ковры и циновки из плетеной травы. В шатре пахло кардамоном, шафраном и сладостью корицы, а ковры были выкрашены в незнакомые яркие оттенки желтого, зеленого и пурпурного, каких она никогда не видела, но при этом лежащие у огня инструменты и посуда ничуть не отличались от привычных, их предназначение узнавалось с первого взгляда.

Найжин махнула рукой в сторону ручья:

— Там можно умыться и набрать воды.

Моряки неуверенно покосились на Кэрис.

— Пространство стабильно, — кивнула она.

Сперва с недоумением, затем покатываясь со смеху, пастухи наблюдали, как чужаки осторожно ступают по пыльной земле, точно прощупывая дорогу среди зыбких песков. Как озираются по сторонам, будто ожидают появления невесть чего из воздуха, а некоторые и вовсе обреченно зажмуриваются от малейшего дуновения ветерка. И все без исключения нет-нет, да и бросают вопросительные взгляды на молодую девушку в невзрачной, порядком потрепанной одежде.

На завтрак подали все те же лепешки с сыром и кунжутом и густую смесь из перетертых нутовых бобов. На пришлых поглядывали с любопытством и опасением, но пока что старались проявить гостеприимство. Кто знает, что за новости и распоряжения придут из Фезы, когда власти узнают, что северный континент не просто не уничтожен Изломом, но и научился с ним жить и даже обращать магию Господина Перекрестков себе на пользу. Иногда.

Существование за архипелагом целого материка, пригодного для жизни, неискаженного, казалось, должно было радовать Кэрис, но вызывало только смутную тревогу и опасения. В голове роились тысячи вопросов: как и почему, и ни на одни не находилось ответа. Было бы так легко заявить, что Храм, желая сохранить безраздельную власть над Элхарией, стер все упоминания о юге, заставил верить, что нет более иных земель. Но что-то внутри сопротивлялось такому простому и логичному решению. Потому что храмовая верхушка — если вообще существовала, так как даже в школе им не могли внятно объяснить, кто занимает должность Верховного жреца, да и есть ли вообще та самая должность, — не принимала простых и логичных решений. Как дороги никогда не вели прямо, так и указы сверху не имели видимой общей цели и направленности. Если бы вдруг оказалось, что Храмом руководит группа то и дело вцеплявшихся друг другу в глотки высших теней, Кэрис не слишком бы тому удивилась.

А еще слишком уж просто они высадились на Ошрат. С недоучкой без тени вместо настоящей звезды. На маленькой каравелле, готовой к длительному плаванию лишь по

какой-то нелепой, необъяснимой случайности и рассеянности капитана.

Благодаря лакуне и шторму, напоенному чужой, незнакомой силой.

Она могла понять, почему никто с севера не заплывал так далеко. По всеобщему убеждению, за Граничным не было ничего, кроме штормов, миражей, а то и чего-то похуже. Магов дорог к тому же сдерживали законы Храма и воля их теней. Неизвестно, могли ли южане руководствоваться похожими соображениями или навязанными свыше запретами. Но иначе было сложно объяснить, почему за триста лет никто ни с той, ни с другой стороны не достиг чужого берега, и это тревожило. Здесь не могли не найтись одаренные, способные вести корабли через океан.

Недовольство от постоянного надзора и лишения оружия проявлял только Акадо, которого они впервые имели удовольствие видеть без арбалета за спиной и меча на поясе. Моряки, за время пути изголодавшиеся по еде, кроме рыбы, сухарей и зерна с сушеными овощами, с молчаливого согласия капитана с готовностью меняли нехитрые корабельные запасы на козье мясо и сыр, молоко и оливки, инжир и гранаты. Они всеми силами старались избежать вахты на «Симеду». Постоянно на корабле находилось не более трех человек, зато берег в бухте не был усеян пастухами и детворой только потому, что пещера, через которую они добирались до плато, пользовалась дурной славой. Ее затапливало во время приливов, а в многочисленных отнорках и ответвлениях пропало немало народа. Найжин и еще несколько ее друзей однажды отважились проследовать за Кэрис вдоль ручья и долго восхищались «Симеду».

К вечеру птица выучила три десятка новых слов, среди коих любимым стало слово «Луна». Так называли сияющий диск в небе, от которого ночь мало-помалу обгрызала край, как от хлебного карава. Что это такое и почему оно там, ей объяснить не сумели, но ей казалось, будто слово ей уже встречалось. В старых текстах, не иначе, но наверняка она не помнила. Местные к Луне привыкли и не очень-то обращали на нее внимание, хоть и знали о ней не больше чужаков. Их язык, чужой и в то же время невероятно похожий, узнаваемый, давался ей все легче. Копировать его музыкальность и некоторые отдельные звуки она не могла и понимала, что произношение никогда не даст ей сойти за свою.

Она пару раз прошла к ручью и обратно, намеренно не используя магию, из-за чего путь вышел долгим и тягостным. Не зная, как здесь принято поступать с одаренными, она не спешила признаваться в принадлежности к их числу. Ей не препятствовали, но пара босоногих мальчишек постоянно следила за девушкой издалека. На второй день Акадо, отведя ее в сторону, настойчиво спросил, может ли она использовать магию, чтобы найти спрятанное оружие. Кэрис не могла, так магия дорог не работала, указывая на места, но не на предметы. До сих пор с чужаками обращались приветливо, а прибудь сюда отряд вооруженных солдат, одним мечом наемник все равно много не навоевал бы. Ее саму, непривыкшую полагаться на сталь, отсутствие под рукой лука и охотничьего ножа на поясе не смущало. Они виделись орудиями охоты, а не защиты.

Они с Лойной обычно составляли компанию женщинам, сидели в их шатре, куда не допускались мужчины, вымачивали и вычесывали овечью шерсть. Прясть у обеих получалось ужасно, и от этого задания их сочли за лучшее избавить. Слушали чужие разговоры, пытались кое-как рассказать об Ансвольме, Храме, тенях. О последних разговор завела Кэрис, желая заранее узнать, с чем предстоит столкнуться в неведомых землях. На стоянке теней не было, но это еще ни о чем не говорило. На бездорожье их тоже порой было неделями не встретить. Если она поняла правильно, здесь в крупных городах можно было

краем глаза увидеть тень или нечто на нее похожее, называемое на местном диалекте «кхайи». Или так называли связанных с тенями одаренных? Она еще не до конца разобралась. Присутствие их только в городах было совсем непохоже на поведение духов Перекрестка на севере, а встреча почему-то считались благом и большой удачей, а потому Кэрис сомневалась, что имеются в виду одни и те же существа.

Она пыталась рисовать на земле карту Ошрата, такого, каким помнила его по школьным атласам. К ее удивлению, местные знали о своей земле куда меньше нее. Кроме их маленькой стоянки с немногочисленными глиняными хижинами и шатрами да полупустынных пастбищ, где ветер гнул к земле вьющиеся колючие растения и невысокие деревца, а солнце изжаривало землю до трещин, для них существовала только близлежащая Феза. О Риерре, старой столице и крупнейшем городе на всей материке, они слышали, но вот сказать, верно ли Кэрис расположила ее на карте, уже не могли.

Куда больше чужого языка и нравов поражало полное отсутствие дорог. Мир лежал вокруг плоский и неизменный, и люди не шептали обереги, ступая на перекрестки бездумно и без оглядки. Мертвые, нехоженые, не напоенные силой перекрестки. Как ни смеялись над Сайаном дети, лишь на третий день он решился ступить за границу деревни и боязливо, шаг за шагом приблизиться к одиноко лежащему валуну. Экипаж «Симеду» с затаенным дыханием следил за цепочкой следов в пыли и удаляющейся фигурой юнги. Тот же, добравшись до камня, обернулся и нерешительно помахал рукой. Тогда путь рискнули проделать еще несколько человек. До того они уже ходили к ручью, но под присмотром Кэрис, и только теперь, после отчаянно-смелой прогулки юнги, принялись разбредаться по сторонам без оглядки на звезду дорог.

Господин Амерен попытался вызнать у фажару Аражина, насколько далеко простирается область стабильности, но тот даже не понял расспросов, как не понял, почему пришельцы сперва опасались далеко отходить от домов или возвращаться к кораблю без сопровождения худенькой рыжеволосой девушки. Если Акадо был прав, и старейшина в первую же ночь послал гонца в Фезу, не сомневаясь в самой возможности найти туда дорогу и вернуться домой, бездорожье здесь не начиналось вплоть до самых городских стен. Долго такая аномально огромная стабильная зона просуществовать не могла, иначе вокруг уже давно расползлись бы по жаркому плато новые города. Но вокруг стояли лишь легкие шатры и наспех сколоченные загоны. Как только мир сдвинется, и миражи захлестнут стоянку, местные птицы — ей так и не удалось понять, кто исполнял эту роль, здесь все как один были поразительно беспечны, когда дело касалось дорог, — найдут для семей новое безопасное место.

Ответ из Фезы прибыл к ночи седьмого дня. Как только пастухи донесли весть о появившемся на горизонте отряде всадников, жители и чужаки кто возбужденно, а кто и нервно, высыпали из шатров. На плоском плато конный отряд было видно издалека, но синесерые сумерки мешали рассмотреть посланников. Кэрис глубоко вдохнула, и дальний взор словно перенес ее на милю вперед. Заклинание действовало недолго, лишь несколько секунд, да и видеть в темноте не позволяло, но кое-что ей удалось уловить. Странные продолговатые шгуки, маячащие над головами, оказались тканевыми полотнищами, зачем-то натянутыми на тонкие жердины. На каждом было одно и то же изображение зверей и птиц, вышитое блестящими золотыми нитями, разглядеть его как следует она не успела. Доспехов ни на ком не было, зато изогнутые сабли имелись у каждого из дюжины воинов.

Женщины в суматохе выставляли кушанья и лакомства, спешно переодевались в лучшие

одежды, но ввиду всеобщей бедности ни те ни другие не слишком отличались от каждодневных. В центре стоянки расстелили покрывала, собрали подушки и начищенные до блеска медные блюда со всех домов и, что северяне отметили не без гордости, в центр поставили их бочонки с элем и запасы соленой рыбы, выменянные на свежие продукты. Посланцев встретили полукругом, в центре которого стоял Аражин, вплетший в бороду шесть латунных тихо звенящих при каждом движении шариков-колокольчиков и повязавший кафайю на голове хитрым узлом. Рядом с нетерпением вытягивалась вперед и то и дело привставала на цыпочки Найжин в лучшей своей шали. Кэрис отступила в тень, оглядывая толпу. Местные ничуть не боялись всадников, напротив, вели себя так, будто предвкушали прибытие дорогих и желанных гостей.

По левую руку от птицы Наский едва слышно пробормотал:

— Надо было остаться на «Симеду».

Первый из достигших деревни всадников спешил и ступил в круг света, отбрасываемого факелами. Золотые узоры сложно скроенного многослойного кафтана изображали сплетающихся в танце или схватке лисиц и соколов. Лица, замотанного таким же темно-синим шарфом-кафайей, что и у всего отряда, было не разглядеть. Фажару степенно поклонился. Капитан, выглядевший немного бодрее обычного, поколебался, но повторил его жест.

— Сиятельный кхайи, будь желанным гостем в моем жилище, — Аражин поклонился снова, на сей раз немного ниже.

Кэрис бросила на незнакомца оценивающий взгляд. Кхайи казался человеком, одетым богаче других, но и только. Тени рядом с ним не было, чужое присутствие не ощущалось...

...до тех самых пор, пока из-за его спины на плечо не легла лисья голова, внезапно и бесшумно, словно у человека выросла вторая, мохнатая и остромордая, с темно поблескивающими глазами и ехидно ощеренной пастью. Кэрис от неожиданности отшатнулась, натолкнувшись на кого-то сзади, но люди, поглощенные разглядыванием кхайи, этого даже не заметили. Без дара теней можно было увидеть, только когда они сами того хотели. На появление у человека второй лисьей головы больше никто не отреагировал, что заставило мага немедленно впиться взглядом в Кэрис. На правое плечо легла третья морда, идентичная первой, по бокам одна за другой высунулось еще шесть, но кхайи даже не моргнул, будто они не доставляли ему ни малейшего неудобства.

— Поцелованная Перекрестком! — вразнобой залаяли и завизжали головы, пока их голоса не превратились в неразличимую тарабарщину.

И снова никто не шевельнулся, по толпе не проносилось даже приглушенных шепотков. Фезские солдаты, в отличие от предводителя, не торопились спешиваться, но и они, похоже, не слышали лисьих голосов. Чувствуя, что притворяться слепой и нечуткой уже не выйдет, и ничем хорошим встреча не закончится, она напряглась. Один шаг, и дороги забросят ее далеко за пределы стоянки. Но от тени это, конечно, не спасет.

— Поцелованная Перекрестком? Быть не может... — прошептал кхайи, не сводя с нее взгляда.

Если Кэрис и надеялась, что дальше последует приветствие, то надеялась она недолго.

— Взять их! — и из-за спины мага в круг света выпрыгнуло с десятков лисиц, рыжих, темно-красных, серых и голубых. На их хвостах и боках блестели нанизанные на шерсть граненые бусины, в свете факелов переливающиеся всеми цветами радуги. Лапы пронесли их прямо по накрытым блюдам, но не шевельнулась ни одна оливка, не укатилась в сторону

ни одна лепешка, не осталось и следа на инжирном варенье. Тени остались незримы и невесомы, пока не обрушились на моряков. Раздался первый захлебывающийся болью и изумлением крик.

— Взять живыми! — спохватился кхайи. — Девчонку хватайте первой!

Но первой ее схватил Акадо, выдернул из чужих когтей и швырнул себе за спину.

— Уводи нас отсюда!

И она вцепилась в его плечо, нырнула в дороги без направления и цели, все равно куда, но лишь бы подальше. В открытые пасти лисиц полетел клубок свернутых путей, и те с визгом бросились в разные стороны. Свет огней вдруг оказался далеко позади, а после второго прыжка пропал совсем, зато рядом появилось несколько едва различимых в сумерках деревьев.

Она стремительно крутанулась на пятках, легкая, верткая, готовая сорваться с места и затеряться среди чужих дорог. Но не было вокруг ни теней, ни вооруженного отряда. Никого, кроме мрачно обзирающего пыльную темную равнину Акадо. Видеть разноцветных лис он не мог, сопротивляться им и по давню, но это не мешало наемнику настороженно зыркать по сторонам. В руках его Кэрис заметила широкий нож для разделки рыбы, судя по оплетке рукояти цветастыми шнурками, украденный на стоянке.

Их не преследовали. Она не знала, почему, теням ведь тоже достаточно всего шага, чтобы исполнить приказ кхайи и приволочь их назад. Но они этого делать не спешили, как не спешили и появляться на глаза. Играли?..

— Поцелованная Перекрестком, да? — развернулся к ней Акадо.

— Впервые слышу! Я сама не знаю, что это значит, — вскинулась птица.

Во время обучения она такого термина точно не встречала, не находила ни мимолетных упоминаний в книгах, не слышала в обрывках чужих разговоров. Одаренные делились на птиц, оградителей, звезд и жрецов. Как не имеющая тени, она называлась птицей, но никак не поцелованной Перекрестком. С поцелованными девушка никогда не сталкивалась, но полагала, что так могут называть одаренных на юге.

— Не знаешь? А я попробую догадаться, что это значит, — Акадо не глядя заткнул нож за пояс и сложил руки на груди. — Никакая ты не птица. Это еще задолго до «Симеду» было заметно. Не отпирайся, лжешь ты отвратительно, и ведешь себя совсем не как птица. Слишком много двигаешься, не любишь оставаться на месте. Не садись отдохнуть при возможности, даже на привалах остаешься на ногах. Это привычки звезд, не птиц.

Кэрис не задумывалась о привычках, видевшихся ей совершенно естественными, не придавала им значение. Зря, как оказалось. Если вдуматься, звезды и птицы действительно по-разному двигались, но она не обращала на то внимание, пока Акадо не указал на очевидное. Хорошо продуманный план побега на поверку оказался наспех шит белыми нитками, и если бы из-за вмешательства теней, так нет же — из-за ее собственной непредусмотрительности! Никакая птица не остается сутками на ногах, не чувствуя усталости, но Кэрис и в голову не пришло, что и ей самой надо бы больше отдыхать хотя бы для вида. Она-то считала, что достаточно будет не показывать всей силы, мастерства и скорости, не использовать при посторонних сложную магию, не переходить на зыбкие тропы. Постоянное движение было таким естественным, что о нем она как раз и не вспомнила.

— Спросил бы, где твоя тень, и что вы на самом деле забыли на островах, но если она сама не захочет показаться, все равно ведь не увижу.

— Нет у меня тени. Хочешь верь, хочешь нет, но я всего лишь птица.

Он медленно кивнул, но не поверил, смотрел насмешливо и скептически. Кэрис ответила не менее недоверчивым взглядом.

— Объяснить интерес Искьерше ты тоже не можешь, так?

— Это же тень. Пытаться объяснить ее поступки дело заведомо безнадежное.

— Ой ли? Тени хаотичны, но не глупы. Она идет за тобой, *птица*. Знаешь, там на поляне она ведь сидела в костре с самого утра, ни на что не реагируя и вообще отказываясь признавать наше существование. А с тобой поздоровалась первой. Искьерше знала твое имя.

В голове снова пронеслось: «Я знаю», сказанное обманчиво-мягким голосом, который ей было уже не забыть. Обстоятельства встречи с огненной тенью отпечатались в памяти, как и оставленные ею шрамы на плече. Кэрис не пыталась объяснить себе ни желание тени познакомиться, ни ее же попытку опробовать на птице остроту зубов. Думать, что тень действовала спонтанно и от скуки, было куда как проще. Тогда оставался шанс никогда ее более не встретить. Вот Кэрис и выбросила из головы те обстоятельства их встречи, что говорили об обратном. Какая разница, если на островах ее все равно было бы не достать.

Так ли это? Правда ли она видела сквозь закрытые веки ало-золотые всполохи, пока сражалась с миражом в океане, или то разыгралось ее воображение? Она заставила себя остановиться, не развивать мысль дальше. Так и до объяснения крайне подозрительного и своевременного самоубийства Каирхе можно дойти, а ведь связанного контрактом человека тени не убивают ни в коем случае. По крайней мере, так их уверяли в школе. Заключи договор, заслужи договор, и тень станет тебе и щитом, и мечом. Да-да, конечно. Будто раньше им ни в чем не лгали, ничего не скрывали, рисуя адептам восхитительные картины предстоящих подвигов и привилегий...

— Это бессмысленно, — наконец пробормотала она. — У Искьерше уже есть жрец.

— Есть, — быстро согласился Акадо, — А надолго ли? Вы, одаренные, если и переживаете простых людей, то все равно ненамного. Магия Перекрестка долголетия не дает. Что мешает ей присмотреть себе следующего жреца заранее?

Мысль одновременно и тревожная, и смехотворная. Высшие тени, если и снисходили до контракта, выбирали смертных первыми, выбирали лучших, сильнейших в поколении, а вовсе не середнячков вроде нее. Они забирали таких как Нэла. Иногда сжирали в считанные мгновения, но чаще растягивали их существование, как только могли. Сильные маги, способные стать жрецами и спутниками высших теней, большая редкость, разбрасываться ими расточительно. Да и отношение к таким в школе с самого начала было совсем иное.

Кэрис здраво оценивала свои таланты и знала, что вполне могла бы стать звездой, если бы не сбежала до завершения испытания дорогами. Звездой, но никак не жрицей. Искьерше выжгла бы ее за считанные дни. Магия имела цену, о чем не обладающие ей не склонны были задумываться.

У кхайи тоже был контракт. Ничем иным готовность теней следовать его воле — или то была одна-единственная тень во множестве воплощений? — не объяснялась. За чужаками отправили местную звезду в сопровождении отряда стражи. Понять бы еще зачем, что они такого сделали. Неужели просто за то, что высадились на берег материка, триста лет считавшегося уничтоженным? Или... за то, что привезли сюда ее, поцелованную Перекрестком, что бы это ни значило? Кэрис чувствовала себя виноватой, но не знала, что бы она могла изменить, сделать по-другому. Может, плыви они в другую сторону, в конце концов она нашла бы острова. Может, нет, и экипаж каравеллы бросился бы в море в

попытке избавиться от жажды и голода. Или их проглотил бы мираж, если не тот, в который они все равно попали, так другой.

— Нам надо в Фезу, — прервал ее самокопания Акадо с удивительно быстро вернувшейся к нему самоуверенностью и командными нотками в голосе. — Только там можно будет узнать, что здесь творится, и куда ведут их клятые перекрестки.

— В Фезу? — переспросила она, надеясь, что ослышалась. В тот самый город, куда кхайи увезет пленных моряков, и где таких кхайи наверняка найдется еще с десяток. — Что ты собираешься там делать?

— Неправильный вопрос. Что ты собираешься делать *здесь*? — он обвел рукой равнину, покрытую редкими приземистыми деревьями, едва различимыми в темноте наступающей ночи, и жухлой травой. — Всю жизнь бежать и прятаться, такой у тебя план?

— Да! — зло выпалила девушка. — Да, всю жизнь! А ты, если хочешь быть растворенным тенью, иди куда хочешь, скатертью дорога! Отличная идея, только напоминаю: еще никто не слышал, чтобы тень удалось убить или ранить. Нет в нашем мире ничего такого, что могло бы им навредить.

Кэрис помнила, что он единственный хотя бы пытался защитить ее от Искьерше. Как бесполезна ни была его попытка, она все равно была за нее благодарна. Но выпустить в тень болт под влиянием момента это не то же самое, что намеренно войти в кишаций ими город, зная, что их будут искать и выслеживать. Акадо был из породы редких упрямец, не желающих признавать очевидное. Духи Перекрестка материальны ровно настолько, насколько сами того хотят, а потому оружием их даже не коснуться. В теории магией можно было бы им противостоять, но только в теории. Сила в первую очередь принадлежала им и от них же исходила, немногим одаренным оставались лишь крохи, коими с человечеством был готов делиться Перекресток.

— Нет в нашем мире, — вкрадчиво заговорил навигатор. — А если бы и было, не думаешь же, что они не постарались бы уничтожить все упоминания об оружии, которым можно... Хмм, убить не совсем точное определение, к чему-то изначально неживому и даже нематериальному оно неприменимо. Тут речь скорее идет о начертании границ, разделении и изгнании тени из мира людей. Встречала когда-нибудь упоминание о кристальном ветре?

Она промолчала. Встречала, конечно. И о кристальных ветрах, артефактах охотников на чудовищ бездорожья, читала, и об осколках Валлиара, что якобы позволяли заточить тень внутри. Детские сказки старой эпохи, не более того. Да если бы был способ защититься, разве она стала бы бежать? У нее годы ушли на поиски возможного решения, и решение было одно: спрятаться, скрыться. Или умереть.

— Можешь не верить мне на слово, но есть относительно простой способ убедиться. Наверняка информацию о том, как теней удавалось сдерживать до Излома, можно найти в Фезе. Тебе же не составит труда прокрасться в библиотеку? — усмехнулся он. — Сама прочтешь.

— Ага, прочту. И о кристальном ветре, и об ушедших, и о сновидках...

— Ну, если тебе так хочется почитать о сновидках, не могу тебя остановить. В общем, доведи меня до Фезы, и я постараюсь разузнать, за что схватили остальных и можно ли им помочь, а ты пороешься в источниках, до которых переписчики Храма не имели возможности добраться.

Она подумала о высшем жреце в Ансвольме, о секретных архивах Храма, якобы существующих, а возможно, и вымышленных. Архивах, доступных одним только высшим

жрецам. Кэрис не верила, что доступ к ним мог иметь простой наемник, пусть и по некоему крайне удачному стечению обстоятельств. Такое же странное стечение обстоятельств привело их на южный материк, и Акадо практически признался, что с самого начала вел сюда «Симеду». К материку, триста лет считавшемуся уничтоженным, но, как оказалось, даже нетронутым Перекрестком. Откуда ему было о нем знать, если не из того же источника, что и об артефактах древних? Пусть мужчина и называл себя историком, но в представлении Кэрис историки не носили при себе мечей и арбалетов стоимостью с хорошего скакуна, не умели ими пользоваться и уж точно не двигались с пугающим изяществом теней. В первую их встречу он читал текст на незнакомом ей языке. И пытался собрать некий предмет старой эпохи прямо на исчерканных листах. Кроме того, приходилось признать, что корабль до цели он все-таки довел, пользуясь исключительно навигационными приборами и знаниями о созвездиях над океаном.

От количества совпадений становилось неуютно. Умирает Каирхе, но на корабле оказывается Кэрис, способная сплести потоки, и Акадо, указывающий, в какую сторону двигаться. Как ни странно, но сейчас они оказались в той же ситуации. Птица могла сплести дороги, но конечную цель пути назначал Акадо. Если бы она не была уверена в том, что он не мог подстроить смерть водной звезды, а он никак не мог — перед любым желающим прервать контракт вырастет злобная, разъяренная тень с сотней зубов и тысячей когтей. Не говоря уже о том, что убить человека сквозь запертую дверь не мог ни один наемник, сколь бы хорош он ни был.

— Ты с самого начала шел сюда за кристальным ветром, — не догадка, так, пробный камень в трейсе, с одной лишь целью посмотреть, куда бросит его ветер, и как примет земля.

— Возможно, — на удивление спокойно ответил он, и не думая отпираться. — Мы все равно уже здесь, так почему бы и не поискать парочку древних артефактов. Ты со мной?

Кэрис помедлила. Она могла уйти. Уходить было не впервой, ее всю жизнь только к этому и готовили. Но она устала срываться с места, ей хотелось хоть ненадолго быть уверенной, что люди вокруг не исчезнут из ее жизни, города не сотрутся из памяти. Хотелось разговаривать с Лойной, когда захочется, слушать байки Наския, вечерами присоединяться к играм. Или сидеть всем вместе у теплого очага, вычесывая шерсть на пряжу, как вчера. Граничные острова с самого начала виделись не просто безопасным, свободным от власти теней местом, но местом, где можно было бы остаться. Куда можно было бы возвращаться.

Здесь, с ее непривычным говором и слишком коротко для девушки обрезанными волосами, уходить и прятаться придется едва ли не больше. Пока не отрастут волосы, пока не исчезнет северный акцент. Годы, годы и годы. И все это время за ней будут охотиться. Тени так точно, люди — если им так велят. На незнакомой земле дороги сплелись не в ее пользу.

— Я с тобой, — решила она, поспешив добавить: — Но только пока! Если в Фезе не подтвердится, что кристальный ветер не выдумка, и команде будет не помочь, там наши пути разойдутся.

Светлый камень городских стен вблизи выглядел потрескавшимся и изношенным. И пусть сама стена в высоту достигала шести человеческих ростов и выглядела неприступной, ворота были открыты настежь. Створки занесены песком и, кажется, не закрывались уже по меньшей мере десятков лет. Двое равнодушных стражников, вооруженных изогнутыми мечами, даже не соизволили выйти из тени навеса. Лица обоих до самых глаз скрывала плотная ткань, отчего голоса звучали приглушенно и нечетко.

Кэрис, замотанная до самых глаз в два шарфа сразу, чтобы скрыть необычно коротко обрезанные рыжие волосы, осталась в стороне. Местный диалект давался Акадо намного легче, и его произношение хоть и слышалось странным, но все равно вызывало куда меньше вопросов, чем ее собственные попытки кое-как объясниться. Он выслушал стражу, слегка склонил голову, а затем обернулся и протянул к ней руку.

— С нас требуют два дирхама за вход в город. У меня ни монеты, — пояснил он, выжидающе поглядывая на птицу.

У нее деньги оставались еще с отплытия из Ансвольма, но то были золотые и серебряные монеты севера, покрытые нездешней чеканкой. Она предпочла бы обойти стену и посмотреть, нельзя ли на нее забраться или прокрасться в город ночью, чем показывать страже чуждые надписи и символы на монетах. Но Акадо не двигался с места и протягивал за деньгами руку слишком уж уверенно, чтобы увести его в сторону и спросить, насколько хорошо тот карабкается по отвесным стенам. Поэтому порывшись в поясном кармане, девушка ощупью нашла пару наиболее стёршихся мелких серебрушек и молча опустила их в протянутую руку. Опасения оказались беспочвенными. Стражник лишь мельком взглянул на монеты и бросил их в узкий глиняный кувшин. Серебро глухо задребезжало о стенки и дно, и по звуку немедленно стало ясно, что, кроме их взноса за вход, кувшин был абсолютно пуст.

— Нечасто здесь люди ходят, да?

— Вне сезона ярмарок-то? — хмыкнул страж, почесывая округлое пузо. — Конечно, нечасто.

На них смотрели без любопытства, но с некой долей жалости, заставившей предположить, что делать в Фезе было совершенно нечего, и с деньгами путники расстались напрасно. Кэрис нахмурилась. Феза, о которой она читала, представлялась огромным цветущим городом, одним из крупнейших на юге, центром торговли, искусств и ремесел. Сюда должны были бы стекаться люди со всего континента, а повозки и скот — создавать у ворот шумные, дурнопахнущие заторы. Но о величии трехсотлетней давности говорила разве что высота стены, по всей длине усеянной укрепленными башнями.

Она не стала спрашивать, не приводили ли в город два десятка чужаков под конвоем. Кхайи с отрядом добирался до становища слишком уж долго для умеющего плести дороги, так что на обратном пути они с Акадо вполне могли его опередить. Пусть и пришлось пару дней проблуждать по саванне, пока Кэрис наугад перебирала незнакомые тропы и еле переставляла ноги, проклиная жару. Спутник ее, к глубочайшей зависти птицы, к палящему солнцу привык за считанные часы и, в отличие от нее, даже не потел, что не могло не вызывать зависть. Но даже если господина Амерена, Лойну и остальных уже доставили в город, говорить о чужаках наверняка будут на каждом перекрестке и у каждого колодца. В Ансвольме прибытие корабля с мифического юга незамеченным бы не осталось.

— Не этого я ждала от Фезы, — призналась Кэрис, когда они миновали второй квартал.

Куда только делись блеск и слава, описываемые в исторических хрониках, многоцветные толпы и оживленная суета улиц! Здания, сложенные из грубо обтесанных кирпичей желтоватого ракушечника, смотрели на дорогу пустыми окнами. В дверные проемы ветром намело золотистый песок до голых стен с вырезанными в них нишами, где полагалось бы стоять домашней утвари. Песчаные дюны высились даже на плоских крышах, заменяя собой ковры и подушки. Со стен домов побольше и побогаче содрали облицовку и черепицу. Если на севере пространства никогда и ни на что не хватало, отчего приходилось изворачиваться и находить новые способы использовать его, то здесь люди, видно, решили, что город слишком велик для их нужд. И ушли. В Ансвольме дома строили впритык один к другому, возводили новые строения поверх старых. Город давно превратился в единую систему, объединенную и удерживаемую общими подпорками, балками и подвесными мостами, где в нижних проулках с трудом могли разминуться двое. В Фезе же в самом узком из закоулков можно было расставить руки в стороны и не коснуться стен. Да только дороги замело песком так, что и не понять, не скрывается ли под подошвами мощный камень.

— Не понимаю, как Феза могла превратиться... в это, — тихо заметил Акадо.

Она равнодушно пожала плечами, краем глаза уловив в пустом проеме большеухую морду пустынной лисицы. Кэрис больше занимало, безопасно ли это место. Судя по лениво развалившимся в тени старого навеса стражам, очень даже безопасно.

— Может, Излом зацепил и юг, просто не в той мере, что наш материк.

— Нет, — возразил Акадо, присаживаясь на корточки и ощупывая искрошившуюся стену, — за триста лет песка было бы намного больше, да и дома бы сильнее обветшали. Я бы сказал, еще сто, а то и пятьдесят лет назад здесь еще жили люди.

Идти пришлось около получаса, прежде чем в городе начали встречаться люди. Они носили хламиды, схожие по крою с пастушьими, но при этом красующиеся вычурной отделкой, вышивкой, нашитыми на подол бусинами и монетами. И мужчины, и женщины носили браслеты и ожерелья из серебра, золота и дутого стекла, рассыпающего вокруг яркие озорные блики. Все как один заматывали головы тонкими широкими шарфами, каффайами, из-под которых у кого-то беспорядочно торчали темные волосы, а у кого-то едва виднелись глаза.

Кэрис тоже натянула кафайю на нос, отчего горячий сухой воздух перестал царапать горло песчаной взвесью, но и дышать стало труднее. Лицо вспотело и чесалось, но девушка упрямо делала вид, будто каффайя на лице ей так же привычна, как и любому в Фезе. Акадо уверенно шагал вперед, едва бросая взгляды по сторонам. Со стороны и не скажешь, что он вовсе не знает, куда идет. Ей он предложил остаться в безопасности и подождать его в одном из заброшенных строений, но и не подумал настаивать после резкого отказа. Что бы там «историк» себе ни думал, разведка незнакомых и, скорее всего, опасных мест была в первую очередь делом звезд, и только потом вооруженных мужчин. А у Акадо при себе имелся только нож, да и тот даже не охотничий, а кухонный. Мысль о магии вселяла немного уверенности, пусть ее магия и была предназначена для бегства, а вовсе не для боя.

Царящая вокруг тишина подавляла, она накрыла город невидимым, скрадывающим шаги и голоса покрывалом. Редкие прохожие переговаривались вполголоса, а чужаков провожали безразличными взглядами. Тошная собака песчано-пыльного окраса плелась за ними около двух кварталов, пока не отстала, отогнанная ленивым взмахом копья проходящего мимо патруля стражи. От прочих горожан их отличало непривычно одинаковое, да еще и новое с

виду обмундирование и оружие. Вместо старых кирас, что использовались на севере, либо кольчуги, либо жилеты из толстой плетеной кожи. К каффайям или рукавам были приколоты овальные бронзовые медальоны, но изображения на них Кэрис не разглядела. И от дальнего взора отказалась, не зная, не привлечет ли магия на их головы целую стаю теней. Она еще ни одной не видела, не считая разноцветных лис кхайи, ни в саванне, ни в пустыне, ни в черте города, но в безопасности себя все равно не чувствовала. Тени на юге есть, это она уже точно знала, пускай и прячутся зачем-то.

А городской совет Фезы явно не испытывал недостатка в деньгах, раз снабжал стражу добротными доспехами и оружием. Но тем страннее казались полупустые улицы, где просторные дома высились вокруг в два, а то и в три этажа, а пустого пространства перед каждым хватило бы по меньшей мере еще на половину такого же дома. Иногда пустые дворы занимали скульптурные композиции и занесенные песком фонтаны.

Пару раз им встречались здания, из распахнутых дверей которых доносились густые, тяжелые ароматы тушеного мяса, острых специй и масел. Каждое из них Кэрис с тоской провожала взглядом, но понимала, что северные монеты лучше не показывать. Придется украсть немного еды, как стемнеет, потому что в пределах двух дней пути от города охотиться было не на кого. Можно было бы попробовать наловить рыбы, да только ее крючки остались в сундучке на «Симеду». Она попыталась бы стянуть с прилавков хоть мелкое кислое яблоко, но в странном этом городе нигде не торговали едой на открытых лотках, и даже после многочасовых блужданий четыре встреченные им крупные площади явили лишь округлые башенки, по колено занесенные песком, но ничего похожего на столь нужный каждому городу рынок. Такие же башенки, но покрупнее, они видели рассеянными по пустыне вокруг Фезы. Строения были стары и давно заброшены, и первоначального назначения их Кэрис не понимала.

— Сможешь вывести нас к порту?

Она кивнула. Зов моря притягивал ее с силой миража-водоворота, и казалось, что к воде она не идет, а скользит будто по обледенелой горке. С каждым шагом все быстрее и быстрее. Если бы Акадо вовремя не придержал за руку, наверное, бросила бы дорогу под ноги, сорвалась на привычный скользкий шаг, в котором легко могла обогнать мчащуюся галопом лошадь.

Гавань Фезы не просто ничем не походила на ансвольмскую, она одна могла уместить в себе весь северный город. Дело было не только в пустоте и бездарно потраченном пространстве, на волнах у пирсов не покачивалось ничего, что могло бы сравниться с гордыми каравеллами и легкими бригами. Куда ни глянь, одни только мелкие остроносые лодочки со скошенными треугольными парусами. У каждой всего по одной мачте, а если на корме и есть надстройка, то такая маленькая, что хватит ее в лучшем случае на пару маленьких комнат, а никак не на хорошие каюты для капитана и его первых помощников. Среди маленьких этих корабликов их «Симеду», даром что по северным меркам небольшая, высилась бы словно одинокое дерево среди разнотравной поляны. Но только каравеллы не было ни в порту, ни на горизонте. Не верилось, что кхайи мог бросить корабль в маленькой узкой лагуне, слишком уж ценным трофеем тот был.

— Думаешь, они...

Думаешь, они решили пришвартовать «Симеду» подальше от любопытных глаз? Думаешь, господин Амерен заартачился или, как говорят благородные, проявил недюжинную силу духа и отказался передать «Симеду» в подчинение одержимого тенью?

— Не знаю, — мрачно отозвался Акадо, складывая руки на груди и опускаясь на низкую каменную ограду, разделявшую основной пирс на две части. — Подождем еще пару дней. «Симеду» заметная, как только войдет в порт, о ней тут же узнает весь город и сбежится посмотреть.

Ей невольно представилась толпа Фезы. Не единая в унисондвигающаяся масса, собравшаяся встречать храмового жреца и высшую тень, когда людей друг от друга отделяет расстояние не более волоса, но при этом когда каждый так тонко чувствует направление всеобщего движения, что пребывание в толпе не доставляет неудобств и редко оканчивается отдавленными ногами, не говоря уже о жертвах посерьезнее. Нет, основатели и строители намеренно старались держаться как можно дальше друг от друга, и оттого казалось, фезцы наверняка собирались бы отдельными группками, да и в них стояли бы на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Внезапно осознав, что всю дорогу держалась к Акадо много ближе, чем любая другая встреченная ими пара, она торопливо шагнула в сторону и тоже забралась на ограду. Ее ноги немного не доставали до пирса.

И все же Кэрис не могла не отметить, что этот чужой город, в который их занесло капризом миража, красивейший из всех, что она когда-либо видела. Он вырос из моря, выходил белым камнем из прибрежной пены. Обширными террасами выплескивался в пустыню, от теплого золота которой взял золоченые купола и шпили. Она проводила взглядом мальчишку, в чьем ведре била хвостом крупная рыба. Вода выплескивалась на рубяху и отполированные за тысячи лет камни. Охотиться в пустыне она не умела, и потому они не ели уже два дня, но Кэрис слишком устала, чтобы чувствовать голод. Ее вело в Фезу ожидание скорой встречи с экипажем, надежда, что вместе им удастся придумать, как разрешить ситуацию. Объяснить, что произошло недоразумение, и границу они пересекли ненамеренно и даже не по своей воле. А лучше сбежать, скрыться, поднять паруса и попытаться найти более гостеприимный берег.

— Ты еще идти можешь? Надо вернуться к окраинам. Здесь переночевать не удастся.

— Могу, — безразлично пожала плечами птица.

Она могла бы шагать еще очень и очень долго. Удивительнее было, что историк все еще держался на ногах, не имея за плечами ни магии дорог, ни многих лет храмовых тренировок.

Когда на обратном пути Акадо остановился, застыл на месте, да так внезапно, что Кэрис едва в него не врезалась, она не сразу проследила за его взглядом. А проследив, торопливо потянула за руку.

— Пошли! Мы еще успеем найти себе книжный магазин, место для ночлега сейчас важнее.

Он не сразу и будто с усилием отвернулся от неказистой старой вывески, изображающей открытую книгу.

— Да-да, конечно...

За их спинами осталась маленькая лавка, у входа в которую под полотняным навесом трое стариков играли в некую разновидность трейса, но с костями и фишками. Один из них, возможно, сам хозяин лавки, смотрел им вслед, и глаза у него были... Кэрис не успела его как следует рассмотреть и выбросила из головы, стоило ей только отвернуться. Акадо отчего-то напрягся, и, пока они не миновали несколько кварталов, шагал рядом сам не свой, будто в спину ему был нацелен десяток острых стрел.

Солнце село, но от песка еще веяло накопленным за день теплом. Воздух наполнился едва слышными шорохами, долетающими из пустыни редкими порывами ветра, треском

цикад и перекличками ночных птиц. Если закрыть глаза, можно было представить, что они находятся где-то среди городов-островов Ирвенна. Только воздух был сух и пах солью и инжиром, свежестью и сладостью, а не мхом и жаром раскаленных камней.

Они выбрали заброшенный дом, в темноте ничем не отличающийся от соседних. Осмотреться внутри не удалось, не нашлось ни единой деревяшки для факела или костра. Только пустые комнаты, просторные, с низкими потолками, и узкие изломанные лестницы с ветхими остатками перил.

Кэрис уселась у стены, обхватив плечи руками. Акадо постоял над ней, едва различимый на фоне оконного проема. Такой неподвижный, что его можно было принять за часть обстановки.

— Оставайся здесь, — наконец решил он, — я пойду поищу еды.

Чуть погодя добавил:

— Если получится, раздобуду тебе метательные ножи.

Кэрис вскинулась, недоумевающе воззрилась на него.

— Ножи, — повторил он. — Ты ведь их предпочитаешь? Я видел, как ты бросала их на «Симеду».

Девушка помотала головой. Да, ножи она бросала со сноровкой, но то была лишь игра. В школе приветствовалась любая деятельность, развивающая ловкость, подвижность и глазомер. Метание ножей в мишень было одним из излюбленных развлечений, но дальше развлечения не заходило никогда. Будущим звездам просто не нужно было изучать приемы боя или владения оружием. Хватало и тени. Девушка даже как-то забыла, что то настоящее, тяжелое железо, оружие, а не игрушка. Принеси ей Акадо ножи, хватит ли ее на то, чтобы пустить их в дело и пролить кровь? Убивать ей ранее приходилось лишь мелкое зверье на охоте, и никогда — людей.

— Не надо, не ищи. Мне хватит магии.

У выхода он остановился и, поколебавшись, добавил:

— Никуда не уходи. Пожалуйста.

Кэрис пообещала остаться. Она и осталась, ненадолго, лишь чтобы убедиться в его уходе, а потом мягко выскользнула через окно. Теперь, когда не надо было принаравливаться к шагам другого человека, она могла вернуться в жилые кварталы Фезы за какие-нибудь четверть часа.

Феза поднималась от океана широкими округлыми террасами, улицы лучами расходились во все стороны от площадей и храмов. Стоило понять, по какому принципу строился город, и нужное место она смогла найти без труда. Не говоря уже о том, что птица запомнила дорогу. Книжных лавок в городе наверняка было не меньше десятка, но она выбрала замеченную ранее, ту, мимо которой ходила днем с Акадо. Дверь там была крепкая, надежная, но мага дорог она, конечно, остановить не могла.

В более изученном месте Кэрис ветром пронеслась бы по крышам, но в Фезе пришлось немного полавировать по лабиринтам улиц, держась в тених, чтобы ни стража, ни немногочисленные ночные гуляки не заметили нечеловечески стремительный силуэт. Совсем недавно точно так же в темноте она пробиралась в Ансвольм, стараясь остаться неузнанной, незамеченной. Там это было, пожалуй, сложнее, дома стояли много теснее, совсем не оставляя места для маневра, и людей жило не в пример больше, хоть по площади Феза в десятки раз превышала северный город.

Если получится, она вернется раньше Акадо. Лучше бы, конечно, найти остальных, но...

Кэрис поймала себя на том, что расстаться с командой «Симеду», остаться одной, ей оказалось куда проще и привычнее, чем хотелось бы. Это пугало. Людей несведущих особенности воспитания будущих звезд заботили мало. Если они и знали о внутренних обычаях школы, то толковали их согласно официальной позиции Храма. До первого экзамена учеников перебрасывали из школы в школу каждые полгода, чтобы те привыкали к разным городам и местностям. В случае провала испытания выброшенные за ворота новоявленные птицы разлетались куда глаза глядят. Вроде бы и неказистая судьба, оказаться в мире совсем одному, не будучи к тому готовым, а вроде и желанная. Магию-то птицы не теряли, и использование ее не отслеживалось и не возбранялось. Правда, и магии там было всего ничего.

То ли дело будущие звезды... Вот кого сплетению дорог начинали учить по-настоящему. Об отбраковке речь более не шла, и к двадцати годам все они должны были стать магами дорог. Все, кто выживет, разумеется. Во время второй фазы обучения их переселяли уже от полудюжины до двух десятков раз за год, приучали к новым местам и постоянной их перемене. Кэрис со временем начала подозревать, что на самом деле их отучали привязываться к людям.

Обычно кто-то из учителей подходил после обеда, поздравлял с чудесной новостью о переводе, и оставалось только собрать вещи. Вещей у учеников было немного, сборы редко занимали больше пяти минут. Прощания не приветствовались, переписка не дозволялась. Ночь приходилось встречать или в дороге, или в окружении незнакомцев. Мир вокруг казался зыбким, ненадежным. И он, и люди вокруг могли исчезнуть в любой момент, навсегда остаться где-то позади. Удивительно ли, что первые длительные отношения звезды заводили не с собратьями-людьми, а с бесплотными порождениями Перекрестка?

Может, со стороны их образ жизни и казался осознанным выбором, но себя Кэрис неоднократно ловила на том, что ей не хватает чего-то важного для взаимодействия с другими людьми. Любой разговор мог стать последним, любая встреча прерваться и со временем изгладиться из памяти, отойти Перекрестку, как говорили они. Она ведь думала, стоит остаться на островах, откуда ее уже никто никуда не заберет, не сорвет с места, и все будет по-другому. Но все оказалось немного сложнее. Длительное взаимодействие с людьми требовало навыков, которые из нее усердно выкорчевывали, и Кэрис только сейчас начала понимать, какую кропотливую работу проделали наставники. Она лишилась чего-то важного, свойственного людям, даже не осознав, что когда-либо это имела. Она смутно ощущала, что Акадо ожидал от нее более глубокой привязанности к «Симеду» и совершенно иной реакции на пленение друзей. Должна была чувствовать что-то — сострадание, гнев, страх за судьбу друзей, — но находила в себе то же смутное сожаление, что появлялось в сердце после очередной перетасовки и быстро пропадало после обустройства на новом месте.

Храм забрал у нее нечто исконно человеческое, чтобы превратить в удобного компаньона для тени, а она даже не заметила, как это произошло.

Кэрис остановилась перед запертой дверью. Прислушалась. Было тихо, и она решилась: глубоко вдохнула, сосредоточилась на пути — и прошла сквозь преграду, мигом ставшую несущественной. Внутри даже днем пришлось бы передвигаться медленно и осторожно, чтобы не обрушить бумажные башни. Их было слишком много, стоявших вдоль стен шкафов не хватало, и книги выплеснулись наружу, усеяли все доступные поверхности, в том числе и пол, стопками, пирамидами, ворохами свитков. Складывалось впечатление, что магазин не

так давно переехал из много большего помещения, и хозяин даже не попытался навести порядок.

Кэрис не знала, где искать нужную информацию, но знала: времени у нее немного. Хорошо бы найти хоть что-то. Даже если не о кристальном ветре, то о Фезе, о социально-политическом устройстве юга, кхайи и отношениях людей с тенями. На конторке, к которой пришлось пробраться через опасно накренившиеся стопки книг, заваленные низкие столики и будто нарочно расставленные там и тут пузырьки с чернилами, ее ждала маленькая масляная лампа. Кэрис зажгла масло огнивом из поясного кармана, но оставила на конторке, не желая ненароком поджечь магазин. Сверху по-прежнему не доносилось ни звука.

Она поднесла ближе к свету первые несколько книг, радуясь, что, несмотря на различия в произношении и диалектах, может читать написанные слова. Они оказались не написаны от руки, чего можно было бы ожидать, но отпечатаны на станках, некоторые даже с гравюрами. Печатные книги она видела и раньше, их и на севере было немало, но все старые, еще доизломной эпохи, а этим на вид и десятка лет не было. Надо же, в Фезе есть печатные станки, и они, судя по всему, не редкость, раз такие книги можно найти в первом же попавшемся маленьком магазинчике. «Сказания о странствиях Гереона в край неведомый» — не то. «Перепись музыкальных шкатулок» — это вообще что? «О чудищах среди песков» она бегло пролистала, но по описанию чудища эти на теней нисколько не походили.

Девушка решила попытать удачу в другом конце комнаты. Ловко обошла очередную книжную башню, не заботясь о чтении названий. Ей все равно до верха не дотянуться и из середины ничего не вытащить, не нарушив равновесия, а на шум и грохот хозяин точно прибежит. Под сапогом раздался едва слышный клик. Краем глаза поймав в воздухе движение, она дернулась назад и наткнулась на ту самую башню, которую только что обошла. Сверху упала сеть, разрушенная стопка задела другую, еще выше и объемнее, и на Кэрис посыпались книги, увлекая ее на пол. Девушка попыталась поднять руки и прикрыть голову от твердых, острых углов, но только сильнее запуталась в сети. Книги падали невероятно громко, каждая приземлялась с глухим отчетливым стуком, в воздух взвились пыль и мелкий песок, заставив ее расчихаться. Полузаваленная книгами птица отчаянно завозилась под сетью. Острый уголок одного из томов рассек кожу на тыльной стороне ладони, теплым ручейком потекла кровь. Голова, в которую угодило не меньше трех томов, гудела и кружилась, а в магазине будто стало еще темнее. Предметы потеряли четкость, масляная лампа на конторке виделась оранжевым облаком. Кэрис дернулась, пытаясь отползти в сторону, поддеть сеть и сбросить с себя книги. Двигаться она могла, но не настолько быстро, чтобы надеяться на быстрое освобождение. Старик лавочник наверняка уже...

В следующее мгновение над ней навис темный силуэт с короткой дубинкой наперевес. Убедившись, что воровка надежно спелената и обездвижена, он угрожающе, но вместе с тем как-то не слишком уверенно махнул дубинкой в воздухе над ее головой. Кэрис зажмурилась, но удара не последовало, и торговец исчез из вида, чтобы через минуту вернуться с зажжённой ею лампой. С дубинкой старик не расстался, лампу неловко держал в левой руке, и по пути назад с трудом переступал через завалы. Не иначе как от осознания ситуации, в которую по неразумной своей милости вляпалась, голова у девушки тут же перестала гудеть, и зрение прояснилось.

Лет ему было около семидесяти, высокий, сухощавый, и в неверном тусклом свете рассмотреть его лицо не удавалось. И все же у него были глаза человека, дубинку взявшего

не от готовности применить ее, но личного спокойствия ради. Держал он ее неуверенно, не как оружие, но как не очень знакомый предмет. Человек никак не ожидал, что в магазин заберутся воры, и, казалось, сам не знал, что теперь делать. Кэрис немного приободрилась, поняв, что, по крайней мере, бить ее не будут, а если удастся уговорить его распутать сеть до прибытия стражи, внутри ее будет уже не удержать. Надо же было умудриться так вляпаться! Конечно, она сумеет сбежать, но какие слухи станут после того гулять по городу! О том, чтобы показаться на улице днем, придется забыть.

— Ага, — протянул старик, пристроив дубинку на плече, а после раздосадовано обрушился на Кэрис. К счастью, только словесно. — Да кто в наше время грабит книжные лавки? Великие Покровители, да только на соседней улице целых две стеклодувные мастерские и живет ювелир, а тебе захотелось раздобыть высокого слова?! Последний нищий в Фезе знает, что книги продаются не лучше горячего песка!

— Я бы ничего не взяла! Хотела только посмотреть...

Оправдание звучало откровенно жалко. Но если дубинка не опустилась на ее ребра сразу, велик шанс, что хоть разбить ей голову до прихода стражи торговец не попытается. Книжники к насилию, как правило, не склонны. К тому же от человека, заговорившего первым, вспышки ярости она уже не ожидала.

— Ты разгромила мне лавку! — перебил ее возмущенный торговец. — А это не публичная библиотека, чтобы «только посмотреть».

Да если бы только она знала, где именно в Фезе находится эта библиотека, не оказалась бы пришпиленной к полу десятком увесистых томов! Вот что стоило подождать, разузнать о городе немного больше, а не рыскать в темноте?

Торговец сердито выговаривал ей что-то еще, но Кэрис не слушала, соображая, как бы убедить его ее распутать. Притвориться оглушенной и неспособной к побегу? Расплакаться, а затем попросить воды? Сделать вид, будто книги повредили ей ногу?

Она не сразу уловила резкое, пугающее наступление тишины. Книготорговец замер, застыл на месте, не закрыв рта, и остекленевшими глазами уставился куда-то в пространство над ее головой. Кэрис медленно, осторожно повернула голову, больше всего на свете боясь увидеть отблески пламени, рубины среди лохмотьев и зубастую улыбку.

То была не Искърше, совсем не Искърше. Но не опознать во втором незваном госте высшую тень было невозможно. Человеческую внешность и одежду он копировал намного лучше огненной тени. Его сложно скроенный и богато украшенный кафтан, чьи сотканые золотыми нитями узоры ловили и отражали тусклый свет лампы, выглядел так, будто вполне мог быть создан искусными смертными мастерами. Да и лицо, красивое, но не до такой степени, чтобы потерять всякое сходство с живым существом, вполне могло быть скопировано у какого-нибудь смертного. Но дойдя до волос, он словно бы потерял терпение и оставил их как придется. Черные пряди текли по плечам в самом буквальном смысле слова, состояли из темной воды и ночного ветра, лент чистой тьмы и прорех в мироздании. Все они сплетались в сложные узоры, едва заметно шевелились, будто имея собственную волю и стремление поудобнее улечься на плечах тени.

Человек, боясь даже пошевелиться, прошептал нечто сдавленное и невразумительное. Кэрис попыталась вжаться в пол, жалея, что не может провалиться и уйти в землю на дюжину-другую метров.

Сила, разлитая по маленькому полутемному помещению, шептала о ночи над пустыней, о затягивающих зыбучих песках и пустых пространствах. Кэрис к ужасу своему осознала, что

узнает эту силу.

Двигался он как нечто, научившееся внешне копировать человеческую форму, но при этом имеющее весьма отдаленное представление о том, что на самом деле представляет собой тело как физический объект в пространстве. Тени не было дела до веса, плотности, строения скелета или работы мышц. Да и о воздействии на людей физических законов реальности он нимало не заботился, отчего двигался, будто находился не вполне здесь и даже не вполне существовал. Как дым в ночном небе, как темная вода в толще бескрайнего океана. Хаотично, свободно, с полнейшим презрением к рамкам, отчего виделся частью чего-то большего, невидимого глазу, непознаваемого. Ни на секунду не давал забыть, что для высшей тени само нахождение в мире людей, как и копирование человеческого облика не более чем забавная игра, правила которой они порой соблюдают.

— Не очень-то ты ко мне торопилась. От поцелованной Перекрестком я ожидал скорейшего прибытия.

Носком расшитой туфли тень поддел ловчую сеть. От прикосновения та расползлась и истлела, будто истаяла. Кэрис дернулась в сторону, попыталась вскочить, но сердце бешено колотилось, тело отказывалось повиноваться. Буде тень пожелает, растворит он ее точно так же или расплескает по стенам и полу? Она забарахталась среди книг с неловкостью, свойственной младенцу, но никак не звезде-в-восхождении, и смогла отползти на несколько шагов, пока не уперлась спиной в стену.

Тень не двигался с места, стоял на шатающейся стопке книг, но даже не делал вид, что балансирует. Наверное, рухни стопка, и темный силуэт останется в воздухе на том же месте, будто для опоры достаточно желания и намерения, а не плебейского физического объекта.

— Постоянно забываю, как вас правильно держать, чтобы не сломать, — беспечно пожаловалась тварь, после чего плавно повернула голову к замершему посреди комнаты торговцу, выставившему перед собой лампу и вцепившемуся в нее так, словно свет должен быть стать барьером, через который тени не перебраться. — Ты ведь почти человек. Сможешь донести ее до дворца живой? Без необратимых повреждений?

Лампа дрогнула, огонек замерцал. Торговец не ответил, но сделал шаг назад.

— Я п-пойду. Сама, — выдавила Кэрис, челюсть которой слушалась ее не больше, чем остальные части тела. Зубы стучали так, что, произнеся два коротких слова, она едва не прокусила губу.

Тень улыбнулся почти благожелательно, не размыкая губ. В мерцающем свете лампы кожа чудовища едва заметно отливала металлом, но глаза — темные провалы, — света не отражали совсем.

Пара служанок проводила ее в купальню, где над водой в глубоком бассейне поднимался пар, а в стенных нишах стояли жаровни с раскаленными углями, будто и без них в Фезе не было достаточно жарко. Тень растворился в воздухе, как только передал ее на попечение смертным, так ничего и не сказав об ожидающем девушку будущем. Он и пальцем ее не коснулся, но Кэрис все равно не могла унять дрожь и справиться со слабостью в теле. Она испугалась даже больше, чем на поляне у разожженного костра: там все закончилось быстро, задолго до того, как птица поняла, что происходит. Искьерше любезно представилась и впиалась зубами в плечо, чтобы через миг исчезнуть, Кэрис тогда и осознать всего толком не успела. Этот же дошел с ней до дворца, и тени вились и струились за его спиной, делая ночь непроглядно-темной, поглощая звуки и запахи. С каждым шагом в животе словно ту же и ту же завязывался узел, росло ощущение разливающейся вокруг пустоты.

Она рада была вновь оказаться в компании смертных, пусть даже смотрящих на высшую тень с необъяснимым восторгом и благоговением. Рада вымыть красный песок из волос, избавиться от пыли и пота. Старую одежду — и подаренную в стойбище верхнюю тунику длиной до колен, и ее старые штаны с рубахой, — унесли, стоило только их скинуть. Наверняка к утру от них не останется даже пепла. Взамен ей оставили хламиду из тонкой шерсти и костяной гребень, которым Кэрис сумела наскоро пригладить растрепанные волосы.

Затем двое седобородых мужчин в одеяниях, похожих на военную форму даже больше, чем одинаковые кожаные доспехи стражи, долго вглядывались в ее лицо при свете факела.

— Серый, — сухо бросил один, смотря в глаза Кэрис и в то же время куда-то сквозь нее. — Цвет чистый, отметь.

В стороне перо зашуршало о бумагу. Она повернула голову и поразилась, как быстро и точно второй мужчина набрасывал ее портрет. Четкими уверенными штрихами он подмечал самые характерные детали вроде слегка асимметричных бровей и настороженного, недоверчивого взгляда.

Отведенная ей комната, куда девушку проводила пара служанок, оказалась до смешного огромной. Там, где могли бы с комфортом разместиться два семейства, стояла кровать с балдахинном, достаточно широкая для пяти человек сразу, резной круглый столик с тремя креслами и инкрустированный бирюзой и лазуритом сундук. Свободное пространство занимали ковры, многочисленные подушки, два лимонных деревца в больших кадках, перегородки с изображенным на них сценами городской жизни. В городе угадывалась Феза, но не та поблекшая и пустынная, в которой Кэрис провела день, а настоящая торговая и ремесленная столица, какой ее представляли летописи.

Левая стена напоминала о храмах Перекрестка на далеком севере, потому как состояла из нескольких колонн, наверху сходящихся изящными арками. К колоннам крепились деревянные ставни, за которыми скрывалась выходящая в сад мраморная терраса. Закрытые на ночь, ставни образовывали стену, а утром превращались в вереницу дверей, путей и возможностей. Но если в ее комнате такая стена-не-стена была одна, храмы только из таких и строились, превращая и без того искаженное магией пространство в извечно меняющиеся, текущие лабиринты.

Комната виделась ей бестолковой, будто строители и сами не знали, что делать с огромным пустым пространством, да и не стремились его использовать. Здесь можно было бы устроить еще два дополнительных горизонтальных яруса: один под самым потолком для хранения вещей, один над головой для лежанок и матрасов. И все равно внизу осталось бы еще полно места, чтобы собираться целыми семьями.

Сон долго не шел, но стоило ей наконец провалиться в темноту, как кто-то грубо схватил девушку за плечо, встряхнул так, что голова мотнулась в сторону. Кэрис распахнула глаза, и тут же невольно зажмурилась от яркого света сунутого ей под нос факела. Вдобавок к маячащим перед глазами цветным пятнам по лицу потекли слезы, мешая рассмотреть нападавшего. Она попыталась рвануться в сторону, но хватка на плече не ослабевала, да и в волосы вцепилась чья-то рука, выворачивая голову к свету. Она заорала и замахала руками, вслепую обрушив на человека град ударов.

— Да открой ты глаза наконец! — ее снова грубо встряхнули.

Пальцы, держащие ее за плечо, разжались, чтобы тут же сомкнуться на подбородке. Глаза, конечно, еще слезились, но она уже могла видеть и узнала в мужчине того, кто рисовал ее парой часов ранее. Он обзавелся парой царапин на щеке и разбитой губой, дополнявшими сердитое выражение лица. Факел у ее головы держал кто-то другой, кого она не видела, не имея возможности повернуть голову.

— В норме. Уходим, — раздраженно бросил он.

Как только хватка на ее подбородке исчезла, а пряди выскользнули из чужих пальцев, Кэрис скатилась с кровати, ринулась к ведущей в сад раздвижной стене — чтобы рухнуть на пол в двух шагах от нее. Воздух стал густым и вязким, тени выбрались из углов и витали над ней, касаясь кожи острыми взглядами. Казалось, в ее мозгу что-то сдвинулось, и девушка забыла, как надо пользоваться руками и ногами, как начать движение. Сердце бешено колотилось, по щекам текли слезы ужаса и бессилия.

Но ее больше не тронули, только оставили одну в темноте среди безмолвных теней и собственных обрывочных, панических мыслей, и невозможности плакать и кричать в голос от сковавшего горло страха.

Заснуть уже не удалось, но к утру получилось кое-как заползти на кровать. Когда те же две служанки, что встретили ее ночью в купальнях, принесли завтрак, Кэрис стащила со стола нож и спрятала среди подушек. Кажется, девушки заметили, но помешать не попытались. Одна из них, помоложе, курносая и со смеющимися глазами, представилась Казарой и попыталась выудить из гостыи хоть что-нибудь, но та все вопросы встречала настороженно и угрюмо, и служанка скоро оставила попытки.

— Вы прошли все проверки, ан, — поклонилась она. — Желаете осмотреть дворец?

Все... проверки?!

— Те двое серых приходили ко мне ночью...

— Конечно! — лучезарно улыбнулась Казара, видно, радуясь любому отклику на свои слова, и тут же защебетала: — Серый Орден испокон веков защищает нас от сновид, им надо было удостовериться, что вы не чудовище и не находитесь под их влиянием, а то ведь, сами знаете, люди иногда оказываются в их власти и потом даже не помнят, что совершили по чужому приказу...

Сновид не существует! Это все детские сказки, их нет, а есть только орден военизированных безумцев, которым эти сказки дают силу и власть! Но Кэрис сдержала рвущиеся с языка слова.

Количество тканей, в кои ее завернули, вызвало оторопь, быстро перешедшую в глухое раздражение. Сперва на тело набросили белоснежную накидку из тончайшей гладкой ткани, какой она ранее никогда не видела. Здесь ее называли шелком, и он скользил по коже, как весенний ручей. Далее слуги использовали еще несколько метров разноцветных шелков, хитрым образом спрятав все концы. Полученный результат — саабр, — внешне выглядел очень похоже на общепринятые на юге легкие хламиды, но требовал не в пример больше времени и усилий на сооружение. Сверху на плечи легла полупрозрачная накидка-тахари. Как Кэрис скоро предстояло выяснить, ей полагалось не более одной накидки, тогда как Наэллор, представители правящего семейства, щеголяли в двух, а то и трех летящих, скрепленных на груди и животе драгоценными брошами-застежками тахари. Их вышитые серебряными нитями узоры наслаивались друг на друга, отчего в движении становились похожи на солнечную рябь на воде.

Вне дворцовых стен с их многочисленными садами, искусственными водоемами и фонтанами в многослойных облачениях кто угодно изжарился и задохнулся бы от палящего солнца и зноя пустыни. Кто угодно, но только не владеющие городом потомственные заклинатели теней. Благороднейшие Наэллор, Фезу посещавшие не иначе как в паланкинах и в сопровождении не менее полудюжины человек личной прислуги, конечно, ни малейших неудобств от сковывающих движения одежд не испытывали. Неудобство доставляло им разве что присутствие Кэрис, приведенной во дворец лично Великим Покровителем Архааррадом, и теперь угрюмой, диковатой тенью слоняющейся по комплексу в местах самых дальних и темных, где, как ей казалось, был наименьший шанс на этого самого Покровителя наткнуться. С полным презрением к ее стараниям и маневрам тот появлялся в одном помещении с птицей не меньше раза в день. Находил ее неведомо как, как умеют только тени, но ни о чем не спрашивал и ничего не приказывал. Только неизменно улыбался, тонко, не показывая зубы, что на третий день даже почти перестало ее нервировать.

Она считала шаги. Пятнадцать от большого фонтана — это еще позволено? А вплотную к дворцовой стене в дальней, почти нехоженной части сада, где пахнет розмарином и терпкой листвой? Шаг за шагом она прощупывала границы отведенного ей пространства, краем глаза следила за тьмой у переплетенных корней, движением в кронах. Тени не падали на плечи, пока она не пыталась коснуться стены. Не ранили и не держали долго, но каждое прикосновение обжигало кожу потусторонним холодом, вытягивало силы.

Вероятность ускользнуть и так не вселяла надежд, а из-за спутывающих ноги вычурных подолов и мягких туфель Кэрис чувствовала себя беспомощней вдвойне. Каждая лестница становилась вызовом, препятствием. Преодолевать его медленно и с достоинством она не умела и не хотела, а сам покроем одеяний, вившихся вокруг тела и ног, не предполагал, что для большего удобства их можно приподнять, как простую юбку.

Дворец представал ожившей сказкой из белого мрамора, украшенной мозаикой и причудливыми фресками. Сводчатые потолки и арки сверкали позолотой, всюду, куда ни глянь, искусная мебель из редких пород дерева, тайные уголки, задрапированные тяжелым бархатом, вазы из тонкого стекла и кадки с цветами. Многочисленные помещения дворца окутывали звуки музыки, голоса сказителей, запахи медовых сладостей, сандалового дерева и розовой воды. Она же с тоской поглядывала на зубчатую стену, отделяющую его территории от лежащей за ними Фезы. Если бы они отвернулись, если бы они только ненадолго отвернулись, как далеко она успела бы уйти? И за какую часть тела тени притащили бы ее назад? Осторожно и бережно, конечно, чтобы не повредить.

Зачем бы Архааррад ни привел ее сюда, претворять план в жизнь он не торопился, а спрашивать у высшей тени объяснение его поступкам никто, разумеется, не стал. Кэрис не могла сказать, что ее к чему-то готовят или чего-то от нее ждут. Наэллор обращали на девушку не больше внимания, чем на принесенную хозяином дома бродячую кошку, коей теперь можно греться у кухонного очага, но не путаться под ногами. Слуги исправно одевали ее по утрам и сервировали стол, но после она неизменно оказывалась предоставлена сама себе. В основное крыло, главную резиденцию Великого Дома, ее не пускали. Да и не хотелось ей туда, зачем, и в доступных помещениях хватало недоуменных, любопытных и зачастую презрительных взглядов.

Наверное, Акадо решил, что она бросила его, как и остальной экипаж, сбежала подальше от проблем и поближе к беззаботной жизни вольной птицы. А она даже не могла о нем спросить, надеясь, что наемнику удалось скрыться, и его не начнут искать, если только она станет держать язык за зубами и никому не расскажет, что явилась в город не одна. Конечно, в любой миг кхайи, допросивший и пересчитавший пленников, может вернуться и сложить два и два, но до тех пор она сумеет молчанием выгадать для Акадо немного времени. И все же прошло несколько дней, но прибытие «Симеду» осталось без внимания, корабль до сих пор не появился в гавани, а кхайи не вернулся в город. По крайней мере, во дворце его видно не было, да и о двух десятках пленных чужеземцев разговоры не велись. «Симеду» будто пропала в море, так и не дойдя до берега.

Библиотеку Кэрис нашла случайно, заметила за приоткрытой дверью краешек стеллажа и разноцветные корешки книг. Дверь, что удивительно, не охранялась, но она поняла бы, вздумай Архааррад ограничить ее в получении информации. Птицам в клетках не положено знать о происходящем за прутьями. Поэтому в первый раз она остановилась на пороге с готовой историей на губах, заблудилась, не туда свернула, не знала... Но никто и спрашивать не стал, как она здесь оказалась и зачем пришла. Стоило переступить порог, и девушка застыла, медленно блуждая взглядом по заставленным томами, заваленным пергаментами полкам, стеллажам в три человеческих роста. Сквозь распахнутые окна лился свет пустынного солнца, горячий и белый, отражался в искусно установленных зеркалах и размытыми бликами пробегал по полированному дереву стеллажей, столов, кресел и скамеек. Она прошлась вдоль рядов, ступая тихо и стараясь держаться подальше от центра, откуда доносились едва слышные шорохи одежды и шелест перелистываемых страниц.

Ни разу в жизни ей не доводилось видеть столько книг в одном месте. Триста лет назад во многих крупных городах вроде Лондре и Л'Иерре работали печатные станки, в городах поменьше всюду трудились переписчики, но после Излома все было потеряно. Города стерлись или остались на бездорожье, а люди, спасаясь, брали с собой не книги, а оружие и утварь, необходимую для выживания. Даже после образования Храма, дававшего людям какую-никакую, а защиту от Перекрестка и его творений, печатное дело, как и многие другие отрасли, осталось в прошлом. Знание о создании печатных станков утеряно не было, но в условиях вечной нехватки ресурсов предпочтение всегда отдавалось иному: сельскому хозяйству, строительству, медицине. Старые же книги иногда приносили с собой звезды или особо рискованные птицы, не боящиеся забираться в покинутые искаженные города за обломками ушедшей эпохи.

Блуждая в лабиринте полок в поисках запертых, закрытых участков, где, как ей казалось, и должны были располагаться книги о тенях и магии, и Великих Домах, она вышла к центру библиотеки. Никаких тайных комнат и ответвлений не нашлось. Последнее

разочаровало Кэрис и заставило предположить, что найденное сборище томов потому и доступно всем желающим, что ничего ценного и секретного в себе не несет. Она выхватывала тут и там написанные на корешках названия, но те мало о чем говорили.

Девушка сняла книгу наугад, бегло пролистала.

— Что у тебя там? — окликнул ее звонкий, властный голос.

Даже не будь в нем капризных ноток, Кэрис не составило бы труда понять, что обращается к ней кто-то из урожденных Наэллор. Птица повернула голову и заметила девушку в сразу трех расшитых золотом тахари. Темные пряди, в сложном узоре переплетенные с лентами кафайи, отличались тем же золотым, почти магическим блеском. Августейшая семья не проявляла к ней интереса, и Кэрис научилась игнорировать их в ответ, скользя по выложенным цветной мозаикой коридорам бесшумной тенью. Но эта Наэллор, тонкими пальцами перебиравшая за столом старые свитки, явно обращалась к ней.

Вместо ответа она демонстративно засунула книгу на прежнее место и вызывающе воззрилась на золотую высокородную. Будто мало было разницы в происхождении и положении, девушка эта, не в пример самой Кэрис, отличалась редкой, запоминающейся красотой, которую только подчеркивали яркие ткани и чистые цвета самоцветов всех оттенков синего и фиолетового, совсем как ее глаза. Конечно же, у нее, как назло, были правильные, тонкие черты, что было и вовсе несправедливо, если вспомнить, что к прекрасному личику прилагались сравнимый со жреческим дар к колдовству, громкое имя и столько золота, что его хватило бы на постройку второго Ансвольма или снаряжение целого флота. Еще не зная ни ее имени, ни точного положения в правящем семействе — вдаваться в тонкости родственных связей любимцев Архаарада ей как-то не хотелось, — Кэрис уже не чувствовала к золотой деке ничего, кроме неприязни. И зависти, если быть совсем уж откровенной.

Один скользкий шаг, и птица оказалась у двери библиотеки, миновав лабиринты книжных шкафов, словно их и не было вовсе. Она и сама понимала, что поступает глупо. Могла бы остаться, вступить в беседу с золотой Наэллор, может, выведала бы что. Всего-то и надо было, что вытерпеть чужое высокомерие, но как раз это и претило. Во дворце ее считали кем-то вроде живой — надолго ли? — игрушки высшей тени Фезы, раа-ши, как его еще иногда называли. Архааррад вытащил ее неизвестно откуда, и ожидалось, что он же и избавится от диковины, когда та ему наскучит. Но не сейчас, еще не сейчас. Порой Кэрис все еще ловила уголок глаза плавно-стремительные движения или зубастые улыбки, пряди волос, обладающие собственной чужеродной природой и гравитацией. Тогда она пряталась в тених, нишах, пустых комнатах и коридорах. Попытки избежать встреч забавляли тень, возможно, поэтому он и не пытался загнать птицу в угол, и у той неизменно оставался путь к побегу. До скрывающихся за собой город стен, разумеется.

Она очень хотела бы забыть о встрече в библиотеке и самом существовании разодетой в шелка и драгоценности красавицы. Но забыть не получалось. Неприязнь вызвали не столько пренебрежительные оклик и взгляд, сколько ее изысканная внешность, подобной которой она не видела ни в жизни, ни на картинах. В старых текстах ей доводилось встречать упоминания об особой, волшебной красоте представителей Великих Домов, но ни в одном источнике не уточнялось, в чем конкретно она проявлялась. Теперь-то было ясно, что в случае Наэллор имелся в виду золотой отблеск кожи и волос, почти что исходящий от них теплый золотистый свет.

И эта... Эта точно была от древней крови теневых заклинателей от носков расшитых

мягких туфель до кончиков пальцев. Кэрис не без причины подозревала, что кто-то вроде нее просто не мог появиться на свет без очень специфического колдовства. Ее лицо казалось почти нечеловеческим в своем совершенстве, но при этом живым, совсем не таким, как лица теней, когда те изображали людей. Те все же мало заботились о правильности черт и еще меньше о естественности мимики.

От Наэллор, Ид'Арне, Мейар и иже с ними на севере не осталось и следа. Когда крупнейшие города были уничтожены или канули в бездорожье, все, кто имел возможность не оставаться в искаженном мире на милость Господина Перекрестков, возможностью этой тут же воспользовались. Всю жизнь Кэрис считала рассказы о семействах, где дар к магии много превосходил дикие таланты и к тому же передавался по наследству, полной и абсолютной чужью. Как будто Храм никогда не проводил экспериментов, результаты которых почему-то не считал нужным скрывать от учеников. С другой стороны, ее неприятно кольнула мысль, что у Храма на эти эксперименты было всего лишь триста лет, тогда как история Великих Домов насчитывала тысячелетия и тысячелетия...

У детей магов дорог дар выявлялся с ничуть не большей вероятностью, чем у случайного мальчишки из затерянного в лесу поселения на три десятка домов. Сила не передавалась от поколения к поколению и уж точно не зависела от крови, иначе не было бы нужды в ежегодных поисках и отборах. Но Наэллор совсем о том не задумывались и колдовали естественно, как дышали. Кэрис не знала, что в представителях Великого Дома пугает ее больше: необъяснимое наличие дара у каждого его представителя или тот факт, что ей никак не удавалось понять, по каким законам работает их магия и какие ограничения имеет.

После ужина — курятины в густом сладком соусе и рассыпчатого красного риса с миндалем, — в дверь ее комнаты громко, настойчиво постучали. Не дожидаясь ответа, внутрь вошли две незнакомые служанки в одинаковых, винного цвета платьях. Они не приблизились к столу, но молча остановились у двери. Явившаяся следом золотая дева едва заметно поморщилась, бросив взгляд на пустые миски и плоски, на обглоданные косточки в тарелке. Тахари на ней было сразу три, все другие, не те, что она носила в библиотеке, но все с похожей вышивкой резвящихся соколов и лисиц, что искорками ловила свет от ламп и свечей.

Кэрис как раз привалилась спиной к кадке с лимонным деревцем и пыталась зарисовать комнату в тающем вечернем свете, и гостей, конечно, не ждала.

— Все вон, ждите за дверью.

Девушки в темно-красных платьях молча вышли из комнаты. Кэрис с удовольствием сделала бы то же самое, находись она в любом другом помещении дворца. Но сбегать из собственной комнаты она готова была только от Архааррада или в крайнем случае от одержимого тенями кхайи. Не от избалованной девчонки.

Как только дверь закрылась, девчонка нетерпеливо шагнула к ней и требовательно спросила:

— Как ты покинула библиотеку сегодня утром? Развернулась и пропала с места. Я хочу знать, как. Ну-ка повтори!

Птица удивленно и, что скрывать, отчасти демонстративно приподняла бровь. Не верилось, что дочь магической династии не знала простейшего трюка Перекрестка, которому птиц учили еще в десятилетнем возрасте. Скорее уж пришла убедиться в наличии у госты-пленницы особых дарований и хоть так объяснить интерес к ней покровителя Фезы.

— Если повторю, ты уйдешь?

Кажется, она должна была обращаться к благородной Наэллор как-то не так, но как именно, ей никто объяснить не потрудились. Поэтому, если граничащая с грубостью фамильярность девушке не понравится, она вольна будет уйти через ту же дверь или любым магическим способом, коим захочет похвастаться в ответ. Кэрис очень на это надеялась. Ей хотелось увидеть как можно больше проявлений южной магии, чтобы затем строить догадки и теории о принципах ее работы и, возможно, самой чему-нибудь научиться.

Кэрис отложила стопку бумаги и уголек в сторону, плавно поднялась. В несколько шагов обошла комнату, оказавшись сперва у двери, затем у резных ставен, отделяющих ее покои от выходящей в сад террасы, и наконец вернулась к кровати. Каждый раз ее фигура слегка размывалась в воздухе, а затем появлялась в нужном месте. От одной точки в другую, волшебным образом минуя путь, что предстояло бы проделать обычному человеку для преодоления того же расстояния.

Наэллор потрясенно выдохнула:

— Ты... Нет, это же невозможно!.. Как?!

— Это очень простой фокус, — пожалала плечами Кэрис, не понимая, что за игру ведет Наэллор, и не желая ей следовать, — ему учат детей.

Одаренных детей, конечно, а не всех подряд, но это красавица должна была знать и сама.

— Как он называется?

Как называется? Что за вопрос? Сама мысль о том, что у приемов или техник, каким ее обучали более пятнадцати лет, были названия, казалась дикой. Адептам показывали, что делать и как, заставляли раз за разом оттачивать навыки непрерывной практикой, но чтобы давать магии имена или тем более объяснять, как именно она работает...

Нэла вечно задавалась вопросами, строила предположения, Кэрис же тогда все устраивало как есть.

— Никак не называется.

— Но ты работаешь с пространством через... через кого? Очевидно, тени у тебя еще нет, иначе господин Архааррад не стал бы тебя здесь держать. Так у кого ты берешь магию?

Магию во дворце Кэрис использовала и раньше, но лишь для того, чтобы скрываться и по возможности избегать встреч с его обитателями. С трудом верилось, что золотая дева была первой, кто поймал ее на колдовстве. Скорее уж на птицу обращали так мало внимания, что все ею сделанное и сказанное тут же забывалось, если вообще бывало замечено. При слугах у нее не возникало нужды сбежать или затаиться в незаметной стенной нише. Только при Великом Покровителе, но в присутствии твари на рыжую девчонку смотрели и того меньше. Кэрис вдруг осознала, что ее колдовство и вправду вполне могло остаться незамеченным до сих пор.

— Собираю силу дорог и перекрестков. Их здесь тысячи.

Строго говоря, это было не совсем так. Магия перекрестков сосредоточена главным образом в них самих, а те крохи, что разлиты повсюду в воздухе, и магией-то назвать сложно. Негласно они считались отсветом силы Господина Перекрестков, коим он позволял пользоваться всем, кому хватит силы и сноровки дотянуться и взять.

Наэллор выглядела по-детски потрясенной, голос ее зазвучал почти жалобно, и птица вдруг поняла, что за слоями шелка и парчи скрывается некто уязвимый и молодой, ничуть не старше ее самой.

— Но это никак невозможно, — она будто просила, чтобы это и впрямь оказалось

невозможным, — магия дается по договору и только по договору. Без тени за спиной ты не должна быть способна даже на простой, как ты выразилась, фокус.

Кэрис могла бы поверить в свою уникальность, не зная она о существовании сотен других птиц, коим отсутствие теней нисколько не мешало пользоваться выученными до первого экзамена трюками.

Наэллор рассеянно блуждала глазами по комнате, пока не нашла взглядом стеклянный графин с разбавленным гранатовым соком. Она подошла к столу, налила себе полный кубок, оставив на столе красное пятно. Осушила до дна, но не вернула на место, а принялась бездумно вертеть в руках. Серебряный ободок ловил блики заходящего солнца. Кэрис с неясным удовлетворением отметила резкие, нервные движения, хмурую складку меж тонких бровей. Даже с ней золотая дева была красива как сон, как идеал, что задумал мастер-живописец, но на холст смог перенести лишь бледную тень.

— И уж конечно, ты не можешь дотянуться до Перекрестка, у него нет здесь никакой власти! Согласно разделению и завету, Домен Перекрестка находится на севере и востоке. На западе и юге влияния у него нет.

— Что еще за разделение и завет? Я вообще не знаю, о чем ты говоришь, но если тебе это что-то объяснит, я поцелована Перекрестком. Что бы это ни значило.

Гостья вздрогнула, и, не осушив она ранее кубок до дна, сок выплеснулся бы на подушки. Наэллор отшвырнула его в сторону, в комнате раздался жалобный тонкий звон разбивающегося стекла, и подскочила к Кэрис. Та сделала шаг в сторону, и руки, унизанные десятками золотых браслетов, с тихим бряцаньем и перезвоном поймали пустоту. Уж в эту-то игру птица умела играть куда лучше аристократки.

— Да стой же ты на месте, я должна увидеть! — рассердилась она.

Носи Кэрис привычную рубаху или даже распространенную на юге свободную хламиду, ей не составило бы труда оттянуть ворот и показать россыпь черно-багровых точек у основания шеи. Она не была до конца уверена, что именно они назывались поцелуем тени или, в ее случае, поцелуем Перекрестка, но никаких других знаков или отметин на ее теле не было. Тени, естественно, видели след сквозь одежду, как всегда воспринимая любые проявления магии отчетливее обыденного мира людей и вещей. Но и Наэллор безошибочно остановила взгляд на скрытом саабром плече Кэрис, явно зная, где стоит искать шрамы, и это только утвердило девушку в ее догадках.

Пришлось стянуть через голову тахари, не утруждая себя возней с крючками и застежками, а затем с чужой помощью, ибо справиться с метрами ткани в одиночку было решительно невозможно, размотать верхнюю часть одеяния. Нательную рубашку она приспустила с плеча, открывая внешне беспорядочную россыпь точек.

— Ты и правда... — она осеклась, темные глаза вспыхнули злым пламенем. — Да как ты могла! Если господин Архааррад узнает, если из-за тебя начнется война!..

— Уж поверь мне, он знает, — Кэрис сложила руки на груди, проникаясь к незваной гостье только большей неприязнью. — Напоминаю, он меня видел и вообще сам сюда и притащил.

Последнее не совсем соответствовало действительности, к дворцу она плелась сама. Но сути дела это не меняло. Чьи бы метки она ни носила, кем или чем бы ни была, Архааррад прекрасно все видел и знал. Другой вопрос, насколько он вообще принимал в расчет действия и намерения другой высшей тени, оставшейся далеко в Ансвольме огненной Искьерше. Не то чтобы Кэрис и вправду верила, что из-за нее между двумя высшими тенями

может начаться война, те скорее уж разделили бы ее в качестве совместной трапезы, как... Она осеклась, поймав себя на мыслях, о которых думать не стоило, и воспоминаниях, которые очень хотела бы стереть.

Если бы и случилась война, вот хорошо было бы, разорви твари друг друга на мелкие кусочки.

Наверное, поймав тень сомнения в ее глазах, Наэллор продолжила:

— Мы думали, что он сделает из тебя новую кхайи, ждали, когда ты принесешь клятвы. Но ты не можешь стать кхайи, и Архаарад не примет твоих клятв. Ты уже обещана Господину Перекрестков и не должна здесь оставаться.

Говорила она уже спокойнее, тише. Всплеска эмоций словно и не было, он промелькнул и исчез краткой вспышкой падающей звезды.

— Никому я не обещана и кхайи становиться не собираюсь, — ее едва не передернуло. Это что же, из ее тела тоже выбирались бы в зримый мир тени? Ну нет, спасибо, по собственной воле она на такое не пойдет. — Меня просто укусили, ясно?

Наэллор медленно покачала головой.

— Поцелуем называется метка, которую покровители ставят на понравившихся им смертным, чтобы не потерять. Это еще не предложение союза, но уже выражение интереса.

Кэрис зло подумала, что теням пришлось немало поломать голову, прежде чем они нашли часть тела, от которой человек не сможет избавиться, не расставшись при этом с жизнью.

— Поцелуй это выражение намерения, но не всегда известно, какого именно. У той тени был? ...

Наэллор устроилась на кровати, изящно сложив руки на коленях. Полупрозрачные тахари стекали на пол строгими, изысканными линиями.

— Да, у нее уже есть человек, — едва слышно отозвалась Кэрис.

В горле внезапно пересохло, рассуждения Акадо посреди сумрачной саванны вдруг показались не такими уж и нелепыми. Договор не дает ни долгой жизни, ни тем более бессмертия, а силы и здоровье так и вовсе убавляет день за днем. Жрец у Искьерше пока есть, но неизвестно, надолго ли еще его хватит. Она не знала, как часто высшие тени меняют жрецов, но подозревала, что уж ее-то Храм отдаст принявшему женский облик вихрю искр и огненных бликов с легким сердцем. Значит, возвращаться назад никак нельзя. Пусть, это она и раньше знала. Но ведь и в Фезе остаться не получится: если Архаарад надумает предложить контракт, выкрутиться она не сможет. Даже не если, а когда, ведь не просто же так он держит птицу при себе.

Кэрис очень хотелось быть умной и смелой, быть той, кто сейчас в мгновение ока придумал бы, как обхитрить двух высших теней и уйти живой, свободной. Но в голове вместо озарений и планов смешивалось с тупой болью уныние. Если Искьерше лишится своего жреца, придет ли она сюда, несмотря на запрет Господина Перекрестков? А если придет, как отреагирует Архаарад? Будто прочтя ее мысли, Наэллор заметила:

— Не понимаю, почему тебя не отметил наш великий господин?

При мысли о второй обжигающей, впивающейсяяв плоть до костей метке Кэрис вздрогнула и бросила на девушку затравленный взгляд. Укуса, что поклоняющиеся теням фанатики звали поцелуем, от дочери Фезы ожидать не стоило, но от той, кто его упомянул, все равно хотелось отодвинуться. Потому что она говорила о нем чуть ли не с завистью, а на птицу смотрела как на дурочку, нашедшую в песках крупный рубин, но счастья своего еще не

осознавшую.

— Вот и спроси его, — буркнула она, нагибаясь и собирая рисунки с разбросанных по ковру подушек.

Хотелось съязвить, сказать, что золотая дева могла бы и сама попросить покровителя о поцелуе, раз считала такой уж великой честью. Ему несложно, одно движение челюстями — и дело сделано. Или на своих ему метки ставить незачем, их и так издалека видно. Вон, сидит одна на постели и чуть ли не светится золотом. Но Кэрис удержалась, промолчала. В происшедшем с ней вины Наэллор нет никакой, а объяснить ей, что она чувствует, Кэрис не сумеет. Слишком разным мирам они принадлежат. Попробовал бы кто объяснить ей год назад существование ночного солнца среди звезд, ночами медленно меняющего форму от едва заметной изогнутой линии до округлого диска.

— Архааррад в Домене Мельницы. Возможно, ему необязательно... — девушка не стала продолжать, но спросила: — О Доменах и Воплощениях ты ведь знаешь, да?

Выражение лица Кэрис послужило достаточно красноречивым ответом. Кажется, на сей раз ей удалось удивить Наэллор не меньше, чем при демонстрации магии.

— Нет? То есть ты можешь делать неслыханные вещи, но при этом не знаешь простейшей теории, кою рассказывают детям еще до того, как они учатся завязывать кафайю?

Птица пожала плечами, убрала бумагу и угольки в шкатулку. Неслыханные вещи для нее были привычными и практичными. Она всего-то делала шаг и оказывалась там, где хотела. Ходьба работала по тому же принципу, и неслыханной ее никто не называл. Магия всего лишь упрощала естественный процесс.

Солнце почти село, сумерки на юге длились считанные минуты, и ночь приходила на смену дню внезапно и резко, словно падала с неба хищной птицей.

— Ладно, — вздохнула гостья, поднимаясь с кровати. — Никому не рассказывай и не показывай, на что способна. Я об этом еще подумаю.

Движения ее были отточены и изящны, тахари, которые у Кэрис непременно спутались бы и перекошились, окутали тонкую фигуру невесомым облаком. Золотое шитье ловило последние тусклые лучи, и в наступившей темноте Наэллор сама казалась источником света. И все же птице не жалко было потерять ее свечение, когда девушка вышла из комнаты, и служанки бесшумно затворили за ней дверь. Ни на миг она не подумала, что золотая дева может стать ей другом в чужом жарком городе. Только не эта разряженная красотка. Но там, где южная принцесса заботилась о своих интересах, Кэрис вполне могла позаботиться о своих. Она не собиралась принимать участие в чужих планах, но предпочитала о них знать как раз потому, что не желала оказаться втянутой в чью-то игру.

Кэрис с удовольствием обменяла бы все расшитые тахари на одну-единственную длинную тунику. Пусть во дворце ее носили только слуги, в свободной одежде можно было спокойно передвигаться, не путаясь в многочисленных подолах, и главное, не ограничивать ширину шагов. Закутанная в метры сковывающей движения ткани, она казалась себе неуклюжей спеленутой куклой. Но столь важной персоне, как личная гостья Великого Покровителя, надлежало появляться на людях в подобающем виде. Кэрис быстро научилась ослаблять тугие завязки, как только прислуга покидала ее покои, и после ее стараний саабр выглядел мешковато, но, как считала Кэрис, под разноцветными тахари этого все равно не было видно. Зато двигаться становилось не в пример легче. Конечно, она все равно предпочла бы штаны, но до сих пор видела их только на городской страже.

На севере одежда мало что могла рассказать о роде занятий и положении человека, ее носившего. Люди побогаче могли позволить себе ткани редких, ярких окрасов, меха и мягкую кожу, но покрой всегда оставался простым и удобным. Нехватка ресурсов распространялась и на ткани, из-за чего крой если чем и отличался, так это экономичностью. В Фезе же кто-то не в меру умный однажды придумал, что люди знатные не должны передвигаться без паланкинов и свиты, а богатство не мешало бы показать количеством ушедшего на повседневный наряд шелка и сложностью получившейся конструкции.

Пробормотав себе под нос парочку заковыристых ругательств, Кэрис ослабила саабр и пару раз прошлась по комнате от одной стены к другой. Никакой магии, только шаг и другой, и третий. Двигаться грациозно, словно экзотическая бабочка, у нее не получалось, как ни старайся. У золотой Наэллор вчера не вызывали проблем ни два дополнительных тахари, ни много ту же намотанный на тело саабр. Птица нахмурилась, разглядывая свои ступни в переплетении тонких ремешков сандалий. Почему она вообще пытается двигаться как Наэллор, когда до вчерашнего дня ни разу не задумывалась, как выглядит в движении? Она могла обогнать ветер или пройти сквозь запертую дверь, ну так к хеймам грацию и изящество! Мысль эта отчего-то не послужила утешением, раздражение никуда не ушло.

Наэллор вчера удивилась, что птица не знает о Доменах и упомянула, что их высшая тень принадлежит Домену Мельницы. Кэрис понятия не имела, что это означает, зато знала теперь, что искать в библиотеке. Если спрашивать о кристальном ветре Кэрис остерегалась, понимая, как быстро о ее интересе станет известно покровителю и его питомцам, то до информации общеизвестной, например, о происходящем в городе и отношениях, связывающих Архааррада с семьей Наэллор, можно было бы добраться. Кэрис корила себя за упущенное время, за прятки в коридорах и попытки подслушивать чужие разговоры, за страх сделать лишний шаг и вновь оказаться по рукам и ногам спеленутой магией. Но уж что-что, а скрываться и выжидать она умела. Пока тени позволяют ей шаг за шагом прощупывать границы дозволенного, она сумеет найти лазейку, возможность, решение... дорогу.

У высшей тени должен был быть жрец-компаньон, скорее всего, виденный ею мельком правитель Фезы, но — насколько птица успела понять, краем глаза подмечая запутанную внутреннюю иерархию правителей, — его тварь выделяла не более остальных. Архааррад, казалось, ни к кому не испытывал стоящей упоминания привязанности, ни с кем рядом не появлялся чаще, чем с остальными, не одаривал вниманием. “Ему необязательно”, — сказала

вчера Наэллор. Необязательно что, иметь своего жреца? Ну да, конечно, необязательно. Тени в принципе в большинстве своем не связывали себя контрактами и человеческим поселениям предпочитали бездорожье. Это люди ценили каждый потенциальный источник магии, каким бы зубастым и безумным тот ни был, и тряслись над каждым контрактом, готовые каждый год предоставлять чудовищам выбор из десятков одаренных. Сами тени от отсутствия в их жизни смертных не страдали, их-то выживание не зависело от возможности магией провести черту между своими поселениями и искаженными землями Перекрестка.

Она уверенно проследовала в библиотеку и даже в дверном проеме застыла лишь на мгновение. Привычки и осторожность требовали оставаться тихой и незаметной, держаться стен и отдаленных книжных шкафов, не выходить на открытые пространства. Но стратегии, хранившие ее жизнь последние шесть лет, в новом окружении Фезы потеряли актуальность и волшебную силу. Она поймала себя на том, что рука невольно тянется к шее, к отметинам. Незаметной ей теперь не быть. Только не для теней. Значит, все зря. Значит...

Кэрис почти что промаршировала к библиотечарскому столу. Почти, потому как шагала она лишь настолько уверенно, насколько позволял проклятый саабр. Ее план не провалился на начальной стадии, ну нет, в это птица верить отказывалась. Он всего лишь нуждался в небольшой доработке.

Утром в библиотеке не нашлось никого, кроме совсем молоденькой девушки, почти девочки, приставленной помогать в читальном зале. Кэрис вспомнила, что видела ее и вчера, но приняла за чтицу. И неудивительно: та с ногами забралась в мягкое кресло, оставив рядом плетеные сандалии, и что-то увлеченно читала.

— Доброе утро, я ищу книги о Доменах и о Мельнице, — выпалила Кэрис.

Волнение вернуло ее к северному акценту, из-за чего просьбу пришлось повторить еще дважды, прежде чем девушка поняла, чего от нее хотят. Она коротко поклонилась Кэрис — в переплетенных с лентами кафайи косах сверкнули граненые медные бусины, — и, как была босиком, вприпрыжку умчалась вглубь помещения.

Через несколько минут на столе высилась целая стопка книг, и если бы Кэрис вовремя не остановила помощницу, книги эти множились и множились бы, пока у стола не подломились бы ножки. Знания о Домене Архааррада к засекреченным и доступным лишь избранным явно не относились. От количества предложенных ей книг птица на миг почувствовала себя в ловушке, словно снова оказалась в чужом темном помещении с низким потолком, со всех сторон придавленная тяжелыми томами, неспособная пошевелиться. Не хватало только нависающей над ней высшей тени. Она невольно заозиралась по сторонам, но, хвала Перекрестку, мысли твари не читали и на мысленный зов не являлись. От одного только вида предстоящей работы заныли виски.

На севере единственной расхожей литературой о тенях и их магии была Книга Теней, что в сущности всего лишь перечисляла имена чудовищ, не говоря о них самих почти ничего полезного. И не только потому, что Храм как мог ограничивал людям доступ к информации. Смутные рассказы о Доменах и войне между ними, окончившейся окончательной и бескомпромиссной победой Перекрестка, жрецы, конечно, не могли стереть, словно буквы с пожелтевших страниц. Да только правды в них, как подозревала Кэрис, изначально было немного.

До Излома единственными обладателями дара и, соответственно, книг по магии были Великие Дома, строго хранящие свои секреты. После катастрофы по официальным и, как оказалось, насквозь ложным, сведениям, никто из магов тех времен не выжил. Теперь

девушка полагала, что на самом деле они либо вывезли свои библиотеки на другой, нетронутый материк, либо запечатали, а то и вовсе уничтожили все, что не сумели или не успели забрать. Новая элита, жрецы Перекрестка, не торопилась переносить свои знания на бумагу и передавать потомкам. Отдельные работы, основанные на спекуляциях ученых мужей, прямого доступа к магии не имеющих, упоминания, как правило, не стоили. Некоторые вещи они угадывали, но многие не замечали или замечать не хотели, отчего их труды имели не большую ценность, чем ходящие в народе слухи.

Прося книги о Доменах, она в глубине души ожидала получить всего несколько, а затем как-нибудь разобраться, где в них правда, а где вымысел или намеренная дезинформация. Но количество их откровенно пугало. Словно здесь никакое знание не считалось тайной. Словно... словно она оказалась в одной из легендарных библиотек Великих Домов, и никто не спрашивает, имеет ли птица право в ней находиться. Кэрис оторвала взгляд от трех аккуратных стопок и медленно, уже по-новому оглядела возвышающиеся со всех сторон массивные шкафы и полки, от пола и до выложенного затейливой мозаикой купола заставленные старинными томами. Потертые кожаные переплеты кое-где ловили лучи утреннего солнца потускневшей бронзовыми уголками или тонкой золотой филигранью.

Перекресток, ну и дурой же она была, что не пришла сюда раньше!

— Если вам понадобится что-нибудь еще, дайте мне знать, ан.

Девушка поклонилась еще раз и вернулась в кресло, где тут же уткнулась в книгу. Кэрис дрожащими руками схватила ближайший том и жадно зашелестела страницами, уже не заботясь, о чем следовало бы читать в первую очередь, и насколько новые знания будут полезны лично для нее. Она попала в библиотеку Великого Дома Наэллор!

Но через какое-то время восторги пришлось поумерить. Авторы не то чтобы пытались напустить тумана или не знали, о чем говорят, но писали явно для людей, уже хорошо знакомых с основами. Многие слова, длинные, как текущие в океан реки, Кэрис встречала впервые в жизни и совсем не понимала их значения. С таким же успехом книги могли быть написаны на незнакомом ей языке. Вместо того чтобы попросить помощи, она принялась упрямо продираться сквозь тексты в надежде найти в них хоть крупицу информации. Очень помогло то, что и о Домене Перекрестка было сказано немало, и уже имеющиеся знания стали основой для сопоставления.

Как Господин Перекрестков, часто называемый воплощением, но воплощением чего конкретно не упоминалось, ведал пространством, так и нечто, принявшее от людей имя Хозяина Мельницы, имело власть над... Ох, нет, нет-нет-нет, быть того не может... Ей пришлось отложить в сторону книгу, чтобы затем и во второй, и в третьей найти то же самое. Кэрис невидяще уставилась на выцветший от времени шрифт, в голове шумело от гулко отдававшегося в ушах тока крови, дыхание сбилось, и даже сердце стучало в неровном, рваном ритме.

Если высшие тени, принадлежащие домену Перекрестка, получали безграничный доступ к его силе и возможностям, Архаардад из домена Мельницы, в свою очередь, мог...

... видеть будущее?!

Она-то все это время считала, что Великий Покровитель уловил применение чужой магии, но возможно, он с самого начала знал, где и когда она, Кэрис, появится. Та ночь вспоминалась смутно и обрывочно, и Архааррад, склонившись над ней, тогда сказал... Она не помнила точно, что он сказал, что-то странное, размытое и скрытое пеленой ужаса и усталости. Все это время, пока она пряталась от тени по углам, Архааррада, должно быть,

знатно развлекали ее неведение и заранее обреченные попытки избежать его внимания.

Кэрис пошатнулась, поднимаясь из-за стола. Ей не хватало воздуха, а в разуме огонь и текущая тьма выжгли и растворили все до того упорядоченные мысли и старые планы побега, и новые, не до конца оформленные.

Теперь она понимала, о чем вскользь упомянула Наэллор: он в домене Мельницы, ему не нужно... Не нужно ставить меток, он и так заранее знает, где и когда Кэрис окажется и что сделает.

— Как, скажи мне, Перекресток, можно сбежать от такого монстра?! — едва слышно пробормотала она.

И вот тогда птица, оторвав взгляд от текста, перевела его на текущие, словно черный дым и зимние ручьи, волосы Великого Покровителя. Она не вздрогнула при виде устроившейся напротив высшей тени. И в глубине души даже не удивилась его визиту. Для твари, заранее знающей обо всем, что должно случиться, сейчас был идеальный момент для появления. Именно сейчас, когда Кэрис узнала о силах его домена. Даже снисходительно-терпеливое выражение на лице Архааррада было в точности таким, какого она ожидала, только-только прочтя о присущих ему возможностях.

— На мне метка Перекрестка, — зачем-то предупредила его Кэрис, будто это могло остановить тень, вздумай он сотворить что-нибудь с ней прямо в библиотеке.

Глупо, конечно, уж кто-кто, а Архааррад знал о метках больше всех представителей Дома, вместе взятых, и, конечно, видел ее на Кэрис сквозь все слои ткани. Но слова вырвались невольно, и иного способа защиты она все равно не знала.

Молоденькая помощница, отложив книгу, пожирала тень восхищенным взглядом, но притом разумно не пыталась приблизиться или даже пошевелиться. Так смотрят на торнадо или волну небывалой величины — с восторгом и ужасом, и обязательно издалека. Кэрис ее вполне понимала. Если Архааррад был покровителем Дома Наэллор тысячи лет приближенные к магам люди давно усвоили правила поведения, позволяющие выжить в его присутствии. Не то чтобы тени отличались намеренной и беспричинной жестокостью, но, изначально будучи существами нематериальными, не давали себе труда запомнить, насколько хрупко может быть человеческое тело. Она и сама предпочла бы держаться подальше и не привлекать к себе внимания сущности, да только как раз у нее выбора-то и не было.

— Давно пора было, они и так слишком затянули.

Может, и стоило спросить его, с чем затянули северные тени — или то была инициатива исключительно Искъерше? — но знать о том ей совсем не хотелось. Казалось, узнай она, и будущее, до того блеклое и неоформленное, станет определенным и неизбежным. Она бы обхватила плечи руками, но не хотела выдать охватившие ее неуверенность и страх, и поэтому замерла, осторожная, внимательная, старающаяся не выдать себя неосторожным движением. Кроме того, некое шестое чувство подсказывало, что вместо ответа на прямой вопрос Архааррад растворится в пронизывающих библиотеку лучах солнечного света.

Иногда кратчайший путь к цели кружной и окольный, кому как не страннице Перекрестка о том знать. Вопросов, по-настоящему ее волнующих, она задавать не стала, попытавшись подступиться с иной стороны.

— Девушка из Наэллор сказала, что из-за меня может начаться война...

Тень пожал плечами. Это выглядело не естественным выражением эмоций, а

просчитанным жестом, словно Архааррад прикинул, что в его случае мог бы сделать человек, а затем аккуратно повторил скопированное у кого-то движение.

— Война и так начнется, с тобой или без тебя. Ее не избежать, она...

Кэрис не была уверена, что ей удалось правильно расслышать последнее слово, по крайней мере, половина звуков в нем для человеческой гортани была непроизносима, и она подозревала, что слово включало в себя еще и звуки, человеческому уху неслышные. Но та малая часть, ей доступная, начиналась перезвоном ветряных колокольчиков по весне, а заканчивалась лязгом стали о сталь.

— ... как и ты. Ты тоже теперь в какой-то степени... — спокойно рассуждал Архааррад.

— Я... вот это самое, что вы сейчас сказали? Неизбежное?

Что бы он там ни подразумевал, в книгах она этого не найдет и в разговорах с другими магами не услышит, это Кэрис знала точно. С видением неизбежного будущего у нее ассоциировались только пророчества, но если бы существовало некое пророчество, он бы так и сказал. Архааррад почему-то выбрал термин, к миру людей отношения не имеющий.

— Не совсем так, ты сама не... но включена в... — после еще одного непроизносимого понятия он ненадолго замолчал, после чего поднял к лицу руку, и тонкий луч света просветил плоть насквозь, как стекло. Строение и взаимное расположение костей тень скопировал тщательно, но о сухожилиях и кровеносных сосудах то ли забыл, то ли с самого начала отмел как несущественную деталь анатомии. — А, ты подумала о пророчестве? Для вас, смертных, любое видение того, что уже случилось, и чему еще только предстоит произойти, в той или иной мере пророчество.

С кончиков полупрозрачных пальцев стек темный дым, закручиваясь в спирали и сложные асимметричные узоры.

— Люди часто называют собственные судьбы нитями, сплетающимися в особый узор, но это сравнение верно лишь отчасти. У узора есть повторяющаяся, предсказуемая структура, паттерн, конечная цель, если хочешь. Время не рисует отдельную единую картину, будущее зыбко, изменчиво и складывается из множества вариантов. Вероятности ежесекундно появляются и исчезают.

Дымные линии образовывали сложные узоры, похожие на изысканную инеевую изморозь, но с каждым мгновением становились все беспорядочнее и хаотичнее. Словно некто выткал половину изысканного гобелена, а затем вышел из комнаты, и оставшиеся нити перепутали игривые кошки.

— Будущее, в которое я включена, еще может не случиться? — уточнила Кэрис, уловив в речи тени важнейшее для себя.

Архааррад придирчиво осмотрел зависшую в воздухе конструкцию из темных, чуть размывающихся по краям струй. А затем неожиданно принялся складывать ее слоями, точно длинный отрез ткани. Линии ложились друг на друга, сцеплялись и перекрывали одна другую, отчего творение с каждым мигом становилось еще непонятнее и бесформеннее.

— Как раз оно случится обязательно. Потому что уже произошло и происходит, и произойдет еще и еще. Дело не в пророчествах, скорее в их противоположностях. Пророчества образуются в будущем и тянутся оттуда в настоящее, меняя мир, а... — и опять то самое слово, несуществующее ни в одном из человеческих языков: звук весенней капли и сталкивающихся материков, — однажды возникнув, существует вне времени и пространства.

Архааррад внезапно и очень по-человечески просиял, придумав сравнение, что должно было объяснить Кэрис теорию магии времени и судьбы:

— Как гвоздь.

Понятнее ей, конечно, не стало. Попытаться разобраться в теории магии по древним глубокомысленным и туманным текстам было и то проще.

— Как гвоздь? — в замешательстве уточнила она.

— Представь любимую вами, смертными, ткань, сплетенную из множества нитей, но не разложенную во всю длину, а свернутую в рулон или сложенную в несколько раз, — он кивнул на многослойный дымный узор над столешницей. Отдельные составляющие его нити были светлее или темнее прочих, но ничего конкретного в их мешанине было не различить. — Настоящее опирается на прошлое и взаимодействует с ним сильнее, чем люди привыкли думать. Время не течет, оно наслаивается. Теперь вбей в эту ткань несколько гвоздей. Они сами по себе и события, и опорные точки, вокруг которых строится реальность. Если остальные нити в ткани можно расплести и переплести заново, сложив новый узор, то отдельные части, пронзенные таким гвоздем, изменению уже не подлежат. Это статичные точки, избежать которых не удастся, и растут они обычно во все стороны — и в будущее, и в прошлое, подстраивая их под себя.

— Но ведь прошлое уже свершилось, оно неизменно, — нахмурилась Кэрис.

Она поняла аналогию, но все еще не видела, какое отношение может иметь к материям высокого порядка и вопросам видениям будущего.

— Разумеется, прошлое точно так же постоянно изменяется и переписывается, как и будущее, но прошлое — территория Часовщика, и над ним у меня нет власти. Что тебе нужно постараться понять, так это то, что... гвоздь — буду называть его так, чтобы тебе было легче, — это особая форма причинно-следственной связи. Где-то когда-то произошло некое событие, в свое время, возможно, оставшееся без внимания и не вызвавшее видимого резонанса в реальности, но самого факта его существования оказалось достаточно, чтобы сформировать многократное повторение этого события в разных вариациях. Как в будущем, так и в прошлом. Классические манифестации будущего, пророчества, сами по себе довольно просты, их можно создавать или отменять бесчисленное количество раз. Но гвозди куда существеннее искажают реальность, оттого что тянутся и растут во все стороны сразу. Даже в случае обнаружения изначального события во времени и пространстве ни изменению, ни исправлению оно уже не подлежит. Можно только наблюдать и считывать повторяющиеся элементы.

— И одно из таких повторяющихся событий связано со мной? — во рту она ощутила привкус кислой меди, в животе тянущую боль.

— Ты соответствуешь всем параметрам, чтобы стать очередным звеном в цепи.

Кажется, Архааррад всерьез ожидал, что новость ее осчастливит. Звучали его слова так, словно судьба приготовила ей подарок, а не испытание, да только радостная весть в понимании высшей тени совсем необязательно являлась таковой в глазах смертных. Знала Кэрис все еще недостаточно, но откровения тени немного прояснили картину. Искверше и не собиралась связывать ее контрактом, наверное, потому и позволила птице уплыть на «Симеду» в сторону архипелага. Она хотела чего-то другого, для чего девушка подходила по одним лишь теням известным параметрам. И готова была поставить на Кэрис личную метку, лишь бы не пропустить повторения однажды уже случившейся истории, что так или иначе могла послужить ее выгоде.

— Излом?.. — вопросительно вскинула она голову.

— Единовременное событие, не имеющее ко всему этому никакого отношения, — отмел

ее страхи Архааррад. — Очень сомневаюсь, что нечто настолько масштабное и неожиданное может случиться еще раз. Мы этого не допустим.

Дымные струи свернулись в плотную сферу, легли в подставленную ладонь Покровителя. Затем растаяли, впитавшись в кожу, и кисти его рук перестали быть прозрачными, обрели цвет. Видимость и дым, ни песчинки настоящей плоти в этом существе, сидящем напротив, одни только видимость и дым.

— Я умру?

— Да. Нет. Не знаю. Все вместе? — в глазах тени плескался и вился спиралями тот же самый темный туман, что тек по его волосам. Невозможно сказать, смотрел ли он прямо на Кэрис или на различные варианты ее будущего.

— Тогда что... — голос задрожал, но она справилась, — что должно со мной случиться?

Спрашивать тень о собственном будущем это все равно, что отдать будущее в руки этой самой тени. Но как она могла выдержать и хотя бы не спросить?

— Ничего такого, что уже не случилось ранее и не повторится впредь. И кое-что еще, чего никогда не было и более не будет.

Когда Покровитель Фезы растаял в воздухе, Кэрис клубком свернулась в кресле, обхватив колени руками, насколько позволил саабр, и тихо, беззвучно заплакала.

* * *

Кэрис никогда не снились сны, а если и снились, то к рассвету растворялись без следа, не оставляя после себя даже смутных ощущений. Ни снов, ни кошмаров, ни обрывочных видений, навянных насыщенными днями. Она закрывала глаза и медленно уплывала в темноту, чтобы утром вынырнуть из нее отдохнувшей и полной сил. Ранее ей не приходилось задумываться, благом было отсутствие снов или проклятием, но теперь впору было решить, что благом. Хватало и того, что с утра до ночи мысли носились по кругу до головной боли и темноты в глазах. Как она ни пыталась, но не возвращаться к воспоминаниям о неожиданных откровениях раа-ши, не прокручивать их в голове раз за разом Кэрисне могла.

Казалось, в отсветах и бликах повсеместной стеклянной мозаики затаилось само время. В самом сердце древнего города на границе между морем песчаным и морем синих вод ждал и ждал ему одному видимого будущего Архааррад. И дождался если не полного его наступления, то малой части, прибывшей с далекого, закрытого севера на ныне невесть где пропавшей каравелле. За этим будущим, рыжим, перепуганным, оглушенным и исцарапанным, нужно было всего-то заглянуть летней ночью в книжный магазин на тихой улочке. И забрать, и хранить под рукой, пока не случится то, что уже не раз случалось, и чего ранее никогда не происходило.

Выразиться туманнее было просто невозможно. Возможно, Архааррад намеренно отказался открывать ей суть своих видений. Иначе девушка, пользуясь предзнанием, попыталась предотвратить грядущее невесть что, представлявшееся ей неясным багрово-черным маревом, где кружили и сталкивались ало-золотые искры и ключья густого черного тумана. Знай она дорогу, по которой предстоит идти в круговерть огня и тьмы, непременно выбрала бы другую. Но что выбрать, когда в безвременьи высшая тень видит каждый ее шаг еще до того, как ей представляется возможность его сделать? Любой ее выбор, любой

поступок становились изначально несущественны и бессмысленны. Остаться в Фезе и ждать, повинаясь чужим законам, приноравливаясь к чужим традициям? Сбежать, как и пыталась, но на сей раз не через океан к островам, а вглубь материка, подальше от неровной кромки побережья? Что бы она ни выбрала в итоге, Архааррад наверняка только того и ждал.

Она перестала выходить из комнаты, где только и делала, что валялась на кровати или слонялась от стены к стене. По принесенной еде скользила равнодушным взглядом. Если и ела, то не от голода, а по чужому настоянию. Было все равно, останется она без обеда или нет, просто не спорить со слугами и проглатывать хоть часть принесенного оказалось проще, чем не есть совсем ничего.

Птица даже помечтала недолго, что случилось бы, сумей она наложить руки на кристальный ветер. Вот только вместо достоверных сведений о губительности артефакта для теней приходилось довольствоваться старыми сказками, противоречащими одна другой, да непонятно чем вызванной уверенностью Акадо. Со стороны теней было бы глупо допускать само существование артефакта, какой можно было бы превратить в оружие против порождений Доменов. Но, с другой стороны, Покровитель Фезы узнал бы заранее, кто и когда принесет кристальный ветер по его темную эфемерную сущность. Другим высшим теням ничто не мешало иметь иные, неизвестные широкому кругу людей силы, превращавшие теоретически смертоносный артефакт в глупую шутку. Не говоря уже о том, что все не могло, никак не могло быть так же просто, как в детских сказках! Слишком давно Кэрис имела дело с тенями, чтобы поверить, будто тварь вроде раа-ши Архааррада и правда согласится умереть или быть изгнанной из человеческого мира, всего лишь найдя в груди кинжал, сколь бы волшебным тот ни был.

Врожденная подозрительность нашептывала, что все это походит на ловушку, очередную, одну из многих. Но не видя общей картины, не имея ни малейшего предположения, как могут быть связаны Искьерше, Акадо, «Симеду», Архааррад и кристальный ветер — если они вообще связаны! — Кэрис лишь купалась в собственной паранойе.

Долго заворачиваться в кокон ни к чему не ведущих размышлений и страхов ей не позволили. Через пару дней все та же золотая Наэллор, равнодушная к мнению и готовности Кэрис потакать желаниям потомственной заклинательницы теней, вытащила птицу в сад, где не терпящим возражений тоном объявила:

— Сегодня мы отправляемся в город.

— Ахха, — нечленораздельно фыркнула Кэрис, с отстраненным злорадством представляя, как тени вцепятся в лицо и волосы принцессы.

Но... если не вцепятся? Если ей разрешат покинуть дворец в сопровождении Наэллор?!

— То есть, конечно же, давай пойдём в город! — торопливо выпалила она и с готовностью шагнула вперед.

Золотая дева все еще вызывала раздражение и неприязнь, но лучше уж составить компанию ей, а не незримой свите Великого Покровителя. Особенно если ей и правда позволят ненадолго убраться подальше от мрамора и мозаик, и разлитых в воздухе запахов жасмина и розового масла.

— Только я не могу идти в этом, — она провела ладонью вдоль тела.

Сегодня на ней был песочно-желтый саабр, покрытый сверху тахари чуть более темного оттенка, отороченным по краям зеленоватыми лентами. Не то чтобы она всерьез размышляла о побеге, только не с магической меткой на плече и видениями высшей тени.

Просто, как бы ни хотелось выбраться из дворца хоть куда-нибудь, Кэрис предпочитала при этом не быть связанной неудобной одеждой по рукам и ногам. Способность колдовать у магов Перекрестка напрямую зависела от свободы передвижения, и выходить в люди, будучи ограниченной в скорости и возможности как следует пользоваться как магией, так и ногами, ей не хотелось.

Ее просьбы о нормальной одежде Казара игнорировала под предлогом следования традициям и распоряжений управляющего. Но дочери Великого Дома, разумеется, стоило только закатить глаза с демонстративной усталостью, как Кэрис тут же получила длинную до колен льняную тунику и к ней юбку в пол. К новой одежде прилагались широкий пояс и темно-синяя кафайя с нашитыми на нее тонкими медными колечками.

Нашелся и вместительный паланкин вкупе с четверкой крепких носильщиков. Внутри он оказался просторнее, чем на первый взгляд, и обе девушки разместились в нем не без комфорта. Наэллор изящно подогнула ноги под себя, оперлась на пятки, руки сложила на коленях. Кэрис, будь ее воля, весь путь проделала бы пешком. Проще и быстрее. Но только не в ее власти было выбирать, как и когда покинуть дворец, да и глупым казалось упрячиться, откладывая лишь чужим капризом доставшуюся ей поездку.

Ничего вокруг не было видно за плотными задернутыми занавесями. Дороги, и без того вялые и сонные, без прямого к ним доступа чувствовались приглушенно, словно обернутые бархатом. Но Наэллор, верно, и того не ощущала, так как же она понимала, куда их несут? Когда, как птица считала, носильщикам предстояло подойти к воротам, Кэрис напряглась, ожидая, что из воздуха соткнутся тени, цепями лягут на ее руки и ноги. Но нет, равномерное и едва ощутимое, в такт чужим шагам, покачивание паланкина не прервала ничья магия.

Девушка напротив напряженно всматривалась в нее темными лиловыми глазами, но не говорила ни слова и даже не шевелилась. Ничего не зная о ее намерениях и не особо желая заводить беседу, Кэрис тем не менее испытывала неловкость от разделявшего их молчания. Паланкин пропах им так же, как медом и лепестками жасмина. Птица сдалась первой. Перебрав в голове несколько подходящих к случаю, как ей казалось, вопросов, она тихо, как бы вскользь поинтересовалась направлением и целью их прогулки.

— Я велела доставить нас к площади Салвата ан-Фари, — пояснила Наэллор. — Не если хочешь увидеть что-нибудь другое, только скажи.

Велела доставить, ну конечно. Такой и в голову не придет, что приказ не будет исполнен в точности и наилучшим образом.

— Возможно, позже. Пока пусть будет площадь.

Она старалась выглядеть равнодушной, но в душе была счастлива выбраться в город. На площадь, на рынок, на пустые улицы — куда угодно, лишь бы подальше от дворца. Если бы Кэрис самой пришлось выбирать маршрут, она, не зная Фезы как следует, бродила бы по ней бездумными спиралями, стараясь увидеть и охватить как можно больше. Заглянула бы в порт в надежде увидеть, как в него под всеми парусами входит «Симеду», а по палубе в восторге от открывшегося вида мечется Сайан, вглядывается в прибрежные воды Наский, расслабленно стоит на корме флегматичный капитан. Но об экипаже до сих пор не гуляло ни единого слуха, и отсутствие новостей тревожило все сильнее и сильнее с каждым днем. Акадо, скорее всего, все еще оставался в Фезе, отсюда ему некуда было идти. Только обратно в море или через пустыню к другим городам Ошрата, но без мага перекрестков или на худой конец каравана слепящие, источающие жар пески не пересечь.

— Нас не представили друг другу как подобает. Я Шаэн ар-Наэллор, дочь Великого

Дома Наэллор под покровительством Архааррада из Домена Мельницы.

Выдав плавную и, очевидно, заученную речь, золотая дева слегка склонила голову. Не в поклоне, так, всего лишь обозначила приветствие мимолетным вежливым кивком в сторону приبلудной птицы. Кэрис и хотела бы ответить ей не менее затейливой и высокопарной фразой, но такой в запасе не имела.

— Мое имя Кэрис.

Шаэн не сводила с нее вопросительного взгляда, явно ожидая продолжения, но на этом официальное представление, как и знание Кэрис о собственном происхождении и положении, исчерпывалось.

— Просто Кэрис, ладно? — раздраженно повторила девушка.

— Не хочешь говорить, какого ты рода?

Птица неопределенно мотнула головой. Ей не хотелось признаваться, что об обстоятельствах своего рождения она не знала ровным счетом ничего. Особенно не хотелось, чтобы об этом узнала «дочь Великого Дома ар-Наэллор», и без того разглядывающая ее, как диковинную зверушку. Шаэн, возможно, ничего не скажет, но одарит ее еще одним высокомерным, полным превосходства взглядом. И тогда она, Кэрис, выскользнет из мерно покачивающегося паланкина и затеряется на улицах так, что ловить ее придется теньям.

— Никакого. У нас не осталось Великих Домов после Излома.

— Не осталось? — нахмурилась Наэллор. — Нет, но как же Аньерни или Файдаралл они веками служили Перекрестку...

— Не знаю, о чем ты.

Во время отбора тени указывали на всех детей, имеющих в себе хоть каплю магии, способных их видеть и взаимодействовать с многомерными паутинами дорог и хищными сущностями эфемерного мира. Но точно определить уровень личной силы или сродство с ней не могли даже они, и особенно не в трехлетних детях. Потому после первого испытания в двенадцать-тринадцать лет в школе оставалась хорошо если десятая часть адептов, а остальных отпускали на тысячи сторон света, возвращали в прежние семьи, открывали данные им при рождении имена, до того хранившиеся где-то в архивах Храма. Те же, кто проходил испытание успешно, считались отныне детьми Перекрестка, будущими послушниками, путниками, оградителями, звездами, а в исключительных случаях даже жрецами. Другой жизни они не имели и иметь уже не могли. Любые сведения об адептах тут же уничтожались, чтобы отныне они были связаны только и исключительно с Перекрестком и его представителями в человеческом мире.

Кэрис не приходило в голову попытаться разузнать что-либо о своей семье, пока это еще было возможно, а потом стало уже слишком поздно. Может, даже имя ее ненастоящее, и при рождении она получила другое, какое помнит теперь только ее мать, если все еще жива. Может, она была единственной дочерью, и о ней до сих пор не забыли, может, седьмым по счету ребенком, и родители только рады были отдать Храму лишний голодный рот. Сложись все иначе, она вернулась бы домой шесть лет назад или стала бы одной из сотен отпущенных на волю и никому не нужных птиц, как Найро. Было бы проще, помни она хоть что-то о жизни до, но первые ее воспоминания были об узких тропках пришкольного сада и золотисто-зеленых кронах над головой.

Нельзя и незачем было забирать их так рано. Тени могли бы проводить первый отбор уже в сознательном возрасте, и Храму не пришлось бы десять лет держать взаперти чужих

детей, от девяти десятых которых в итоге все равно приходилось избавляться. Но твари знали, что делают, и оставшиеся ученики, будущие маги, уже не представляли себе иной судьбы, кроме той, для какой их готовили. Не имея ни родных, ни прошлого, ни друзей из-за постоянных перетасовок и переездов, новые звезды безраздельно принадлежали своим теням. В представлении иномирных существ это стоило многих лет лишних усилий и ресурсов, потраченных на менее одаренных собратьев их смертных компаньонов.

— Ты хотела бы стать ан-Наэллор?

Чтобы уйти от ответа, Кэрис обратила внимание на услышанное различие в титуловании. На небольшое несоответствие, с каким она сталкивалась и раньше, но о чем не трудилась разузнать побольше в попытке оградить себя от всего, что имело бы отношение к высшей тени и его любимчикам.

— Ар-Наэллор рождены от крови, а ан-Наэллор приняты в семью благодаря своим силам?

— Верно. Ан-Наэллор наши кхайи. Они нередко бывают не менее талантливы, чем истинные заклинатели, и становятся гордостью принявшего их Дома.

Птица не чувствовала в себе ни воодушевления от открывающихся перспектив, ни малейшей склонности к принятию предложения Покровителя Фезы — невысказанного, но явно подразумеваемого предложения, — в попытке показать свои силы и стать очередной пригретой гордостью Великого Дома. Она хотела быть Кэрис, на плече которой нет магической метки, о существовании которой тени даже не знают. Кэрис, которую не сковывают тянущиеся из глубины веков в будущее цепи событий, о каких знают только сами тени. Она не станет, уж тем более не по собственной доброй воле, кхайи, из чьего тела в любой момент могла выбраться наружу чужая сущность. Обещание слить воедино тело, душу и магию во время заключения контракта тени порой воспринимали очень даже буквально.

Но отказываться прямо нельзя, Архаарраду это могло прийтись не по нраву. Не хотелось думать, что он тогда сделает. И все же... Домен Мельницы, силы судьбы и будущего, и еще не принятых решений... Он мог с равной вероятностью ждать как ее согласия, так и отказа, и еще неизвестно, что лучше послужило бы планам раа-ши. Да и кто знает, что может произойти, и что за возможность может подвернуться, если выгадать еще немного времени.

— Сколько у вас сейчас кхайи?

— Пятнадцать, но в Фезе постоянно живут только двое: Ниаррам и Айили... Ах, нет, совсем забыла, Айили уехал пару недель назад по поручению владыки Ашхая ар-Наэллор и еще не вернулся.

Кэрис кольнуло осознание, что видела она тогда именно Айили. Но что заставило того пропасть в пастушьем стойбище вместе с отрядом стражи и экипажем «Симеду», она даже предположить не могла. Наверное, он остался выполнить еще одно поручение главы Дома Наэллор. Хотелось бы думать, что начиналось оно не с истребления всех чужаков и свидетелей их появления.

Носильщики остановились, плавно опустили паланкин на землю. Шаэн вышла первой, грациозная и яркая, словно солнечный блик. Кэрис последовала за ней, на миг сощурившись от яркого света, отражающегося от белого мрамора и струй трех фонтанов. В водной взвеси в воздухе дрожали и переливались семицветьем маленькие радуги, а под ними на роскошных коврах в тени расставленных на площади навесов, сидели люди в расшитых серебром и всеми оттенками голубого и фиолетового тахари. У фонтана играли дети, со смехом и криками запуская руки в прозрачную воду.

Появившиеся с обеих сторон слуги отвесили Шаэн несколько церемониальных поклонов, по Кэрис же лишь мазнули ничего не выражающими взглядами.

— Ваше присутствие делает день светлее, молодая госпожа, — со сладкой улыбкой проговорила полная женщина, чьи многочисленные перстни разноцветьем камней соперничали с витающими в воздухе радугами.

Кэрис она тоже улыбнулась, профессионально и приветливо, как улыбнулась бы и любимой собаке ар-Наэллор, вздумай та привести ее с собой. Если бы не Архааррад, птица точно могла бы без труда затеряться в Фезе, невидимая и неприметная. Она ожидала, что для Наэллор будет приготовлено место под одним из тентов, но Шаэн распорядилась принести им напитки и легкие закуски, после чего уверенно двинулась в противоположную от фонтанов сторону. Через внутренний дворик со скульптурой девушки, держащей в ладонях в мельчайших подробностях вылитую из бронзы ладью, она поднялась на третий этаж примыкающего к площади дома. Следуя за ней, Кэрис вскоре оказалась на закрытой террасе, огороженной от остального мира шпалерами из светлого дерева, к которым льнули красные и розовые цветы гибискуса. Внизу раскинулась площадь Салвата ан-Фари, почему-то посвященная кхайи, принадлежащему, судя по имени, вовсе не правящей семье Фезы.

На небольшой террасе вокруг низкого столика раскинулись разноразмерные шелковые подушки и валики. На взгляд Кэрис, подушек было слишком много, и слишком много было вокруг мрамора, цветов, спрятанных в нишах плоских с ароматными маслами. От смешения запахов и палящего солнца в голове гудело, в душе нарастало разочарование. Она не для того согласилась на прогулку, чтобы вместо города с его лабиринтами неисследованных улиц и узких лестниц попасть в помпезное, если не даже более вычурное подобие дворца.

— Чудесно, — мурлыкнула Наэллор, когда на столик выставили кувшины с водой, холодным чаем из гибискуса и поднос с сыром, оливками, халвой и орехами в меду, после чего слуги с поклонами удалились. — Здесь мы сможем говорить без лишних ушей.

Она крутанулась на пятках, поворачиваясь к птице, и хлопнула в ладоши, в мгновение ока превратившись из надменной аристократки в беззаботную девушку одного с Кэрис возраста. Превращение было таким резким и неожиданным, что от него птица опешила даже больше чем от последовавшего за ним не то приказа, не то предложения:

— Ты научишь меня своей магии!

— Нет! — выпалила та, еще прежде чем успела задуматься над словами Наэллор. — То есть... нет.

— Почему нет? — вкрадчиво поинтересовалась Шаэн, нимало не смущенная резким отказом. — Я хорошо тебе заплачу.

Действительно, почему нет? Кэрис в замешательстве уставилась на нее. Чем больше она об этом думала, тем меньше у нее находилось причин отказать. Ничего — ладно, почти ничего, — из известного ей не было секретом в Элхарии, она не клялась и не считала себя обязанной оберегать тайны Храма, да и эта Наэллор могла быть ей полезна. Но почему-то чем больше причин находилось принять предложение Шаэн, тем больше Кэрис ему противилась.

— Не нужно мне ваше золото.

Она покосилась на город, на площадь, заполненную праздным народом. На лучами расходящиеся во все стороны пустые улицы.

— А что нужно?

Кэрис заколебалась. Что ей сейчас было нужно, так это информация, и не того толка,

что можно найти в книгах. Сведения, о которых если кому и известно, то Наэллор, дочери рода, который тысячи лет по крупицам собирал их о Великом Покровителе, его силах и целях.

— Тогда ты научишь меня своей, — решила она, упрямо вскинув голову.

Они стояли в самом центре безлюдного перекрестка, где сплетались друг с другом сразу пять узких улочек. Смыкались и уходили вдаль ряды домов из песчаника и обожженной глины, чью заброшенность и ненужность выдавали наглухо запертые ставни, выцветшая краска на дверях да тишина, свойственная скорее пустыне, чем человеческому поселению. Из всех звуков в мире остался только шелест песка под подошвами. Не было даже ветра, что доносил бы до девушек отголоски бесед обретающихся где-то неподалеку носильщиков. Сам факт необходимости их услуг Кэрис порой смешил, порой раздражал, но чаще вызывал бессилие и опустошенность. Маг Перекрестка, коего приходится носить в роскошном паланкине и не маг путей вовсе, а нечто нелепое: исключительно декоративное и бессмысленное существо. Одно дело позволить пронести себя по городу один-единственный раз на церемонии приветствия, но совсем другое — пользоваться паланкином изо дня в день.

Кэрис не видела ни одной причины, почему бы потомственной заклинательнице Наэллор не научиться перебирать дороги с не меньшей легкостью, чем низки бусин в шкатулке красного дерева или струны арфы. Расслабленно и бездумно. Стоило бросить на источающую почти видимый золотой свет Шаэн один мимолетный взгляд, чтобы осознать ее принадлежность к древнему роду магов и жрецов. Теням, чье зрение кардинально отличалось от человеческого и, насколько знала Кэрис, в первую очередь улавливало мельчайшие проявления магии и лишь затем предметы физического мира, Шаэн Наэллор должна была казаться горящим костром среди ночных пустошей.

Но эта же Наэллор упрямо отказывалась понимать, что магия Перекрестка это в первую очередь действие, движение, стремление вперед. Что в голове надо держать не сотни томов теории и чужих заумных высказываний, а полное осознание окружающего пространства и себя в нем, образ места, куда хочешь отправиться. Немаловажным был и контроль над собственным телом, сугубо физическая возможность добраться до желаемой цели. Перекресток не склонен открывать пути тем, кто неспособен на них ступить. Но Шаэн, за пределами дворцового комплекса привыкшая перемещаться в паланкине, а за высокими белоснежными стенами оставаться связанной и ограниченной в движении ярким саабром, предупреждения и советы принимала за отговорки.

— Магии Перекрестка учатся на перекрестках, а не в маленьких запертых комнатках с кучей пыльных книг. По дорогам надо ходить, а не слушать о них или смотреть издалека.

Шаэн не возражала. Она никогда не возражала прямо, не спорила, но в то же время и не торопилась следовать чужим указаниям, не разобравшись прежде в стоявших за ними изысканиях. Вот только не было никаких изысканий, никаких предпосылок, размышлений или ведущих к определенным умозаключениям логических построений. В храмовой школе детей бросали в самую гущу перекрестков и дорог, чтобы те проросли в тело и душу, как выкидывают из гнезда птенцов в надежде, что те инстинктивно расправят крылья, и падение превратится в полет. В итоге Кэрис интуитивно знала, что делает и как, но не могла объяснить, откуда берется магия и почему работает.

— Почему бы тебе не признать, что ты просто не любишь оставаться в «маленьких запертых комнатках» и используешь наши уроки как повод выбраться в город, и каждый раз в новую его часть?

Кэрис развела руками.

— А что, если и так? Может, мне не нравится во дворце.

Во дворце хотелось лезть на стену, чтобы сбежать от вездесущих застывших мозаик, шелков и смыкающихся над головой арок. Хотелось, чтобы стены рухнули или истерлись под извечными потоками песка и ветра и более не ограничивали бы взор. Чтобы вместо галерей и коридоров вокруг предстал неограниченный простор поросших высокой травой степей, каменистых пустошей или полных обманчиво-прекрасных миражей пустынь. Хотелось вернуться к морю, где за тонкой гранью водной глади в плавном и завораживающем калейдоскопе ежеминутно перетекали друг в друга тысячи путей и направлений. Но страх перед высшей тенью был сильнее стремления к свободе, и девушке оставалась лишь отдушина в виде совместных прогулок и уроков.

— Ведешь себя так, будто завтра тебя уже здесь не будет. Я иногда задаюсь вопросом, ты такая, как есть, потому что только такие и могут стать сильными магами дорог, или напротив, это магия Перекрестка меняет сознание.

— Магия не... — она осеклась, вдруг вспомнив, что для жрицы Архааррада магия заключалась в первую очередь в видении будущего, и как раз его магия не могла не менять если не сознание, то мировоззрение точно.

Но магия Перекрестка подобной силой и влиянием на разум не обладала. Ведь не обладала же?.. Кэрис нервно переступила с ноги на ногу, дважды обошла перекресток кругом, но движение не успокаивало, а вопросы Шаэн никак не хотели вылетать из головы.

Птица подозревала, что Шаэн не во всем была с ней откровенна. Она отвечала на вопросы, объясняла недостающие части картины, и выстраивавшиеся теории выглядели вроде бы стройно и логично. Для магии юга, но не магии севера. То и дело находились неувязки и несостыковки, гладкие на бумаге идеи не совмещались с практикой, а ее, Кэрис, личный опыт, опровергал ряд принятых в Фезе представлений о магии теней. Чего стоило одно только убеждение Шаэн, что Перекресток не должен иметь никаких сил на юге, а значит, Кэрис априори не может использовать здесь его магию. И уж точно не может иметь к ней доступ без заключенного с тенью контракта.

— Послушать тебя, так даже Наэллор получают доступ к силе, только будучи привязанными к теням, но что-то из высших никого, кроме Архааррада, я не видела.

— Контракт у Великого Покровителя заключен со всем семейством, а не отдельными его представителями. Иногда он отдает кого-нибудь своей свите, как правило, кого-нибудь принятого в семью по силе, а не крови, и так получают кхайи.

Более пятнадцати лет прожив буквально в шаге от тварей Перекрестка, Кэрис с уверенностью могла сказать, что связанные пары всегда состояли из одного мага и одной тени. Твои крылья, мои ветра, кажется, так с древнего, давно забытого языка переводилась первая строка контракта. Никаких трактований, изменений и послаблений договор не допускал. Ей не доводилось слышать ни о тени, связанной магией с целым многочисленным семейством, ни о магах, пользующихся благосклонностью сразу нескольких потусторонних существ. Нет уж, триста лет истории неопровержимо и твердо указывали, что контракт заключается с одной конкретной тенью и более не подлежит ни отмене, ни пересмотру.

Она не могла вообразить, каково родиться, уже будучи отмеченной силой тени, особенно такой могущественной и древней. Расти, зная, что в обмен на магию Покровителю Фезы принадлежит твоя жизнь, как и жизни твоих предков и еще не рожденных потомков. Кэрис проклинала отсутствие выбора, но впервые задумалась, что по сравнению с Наэллор некоторый выбор у нее все же имелся. Любой одаренный, достаточно сильный для

установления прочной связи с тенью, отыскать себе духа-компаньона обязан был в любом случае, ведь само выживание человечества зависело от наличия заклинателей дорог. Никто не спрашивал, что думали по этому поводу сами заклинатели, и чего им стоило служить проводниками чуждой силы. Но во время заключительного испытания, восхождения, им хотя бы позволялось самим сделать первый шаг и выбрать, которой из теней предложить себя. У Шаэн не было и той иллюзии свободы воли, впрочем, вместо ожидаемых ненависти и отчаяния золотая дева наслаждалась своим положением.

Сколь безумным бы ни казалось наличие собственной, одной только ей принадлежащей комнаты, у Шаэн их было три. Одна отведенная для сна, одна для рисования, музицирования или любых других занятий, что могли прийти принцессе на ум, и последняя для приема и развлечения гостей. Все, разумеется, роскошно обставленные и наполненные всевозможными безделушками.

В ее покоях по возвращении девушки застали гостя, при виде которого привычная настороженность Кэрис сменилась непонятной растерянностью, жаром и — лишь на миг — ощущением, что кости в теле превращаются в желе. Видеть красоту Шаэн, к какой она все никак не могла привыкнуть, отраженной в мужчине, словно в зеркале, было... Кэрис не сумела бы подобрать слова, но наличие у золотой девы брата-близнеца отчего-то выбило ее из колеи не меньше, чем близкое присутствие высшей тени.

— Мейдир... — Шаэн замерла на пороге и заколебалась, прежде чем перешагнуть его. Будто не она была безраздельной хозяйкой в этих комнатах. — Ты вернулся.

— На несколько дней, — беспечно кивнул тот, и перевел взгляд на Кэрис.

Она ощущала присутствие по меньшей мере трех теней, и далеко не слабых, но проявляться из незримого мира они не спешили. Но Кэрис и не нужно было их разглядывать. Разлитая в воздухе сила и без того отдавалась в костях безмолвным предостережением. На севере Мейдир ар-Наэллор, несмотря на молодость, был бы жрецом. Возможно, одним из сильнейших на континенте.

— Это она?

Кэрис внезапно пришло в голову, что не следует мешать брату с сестрой, и она осторожно попятилась назад, не отрывая взгляда от Мейдира. Дверь захлопнулась, как от резкого порыва ветра, едва не ударив ее по спине.

— Заходите. Как я сказал, я в Фезе ненадолго, и хочу провести вечер с семьей. Рад, что у тебя появилась компания, — обратился он к Шаэн.

Та улыбнулась, усаживаясь в кресло напротив, и улыбка маской застыла на лице.

— Конечно.

Кэрис отчаянно желала, чтобы Наэллор о ней забыли, и в то же время прекрасно понимала всю тщетность таких желаний. Тело требовало движения, хоть бы и мерного шага из угла в угол. Движение успокаивало, движение приводило мир в порядок. И все же, пока внимание Мейдира, казалось, было всецело поглощено Шаэн, птица застыла у двери.

— Она и правда явилась из Элхарии без тени?

— И с меткой Перекрестка на теле, — уточнила Шаэн.

То, что ее открыто обсуждали в ее же присутствии, волновало и вполнину не так, как оценивающие взгляды теней, отражения в зеркалах и полированном боку серебряного кувшина, несоответствующие действительности.

— Ну надо же, — Мейдир медленно поднял глаза, будто наконец ее заметил.

Кэрис, злясь на себя за слабость и нерешительность, с непринужденным спокойствием

— как она надеялась, — уселась на гору подушек. При этом она все равно предусмотрительно осталась ближе всех к двери.

— И зачем? — он цапнул крупное яблоко из вазы с фруктами на столе. — Ты ведь даже не можешь колдовать вне владений своего Домена.

Она чуть было не выпалила, что еще как может, не хуже, чем на севере, но вовремя поймала предостерегающий взгляд Шаэн.

— Почему я не могу здесь колдовать?

Мейдир повертел яблоко в руках, придирчиво оглядел, прежде чем впиться зубами в хрустящий бок.

— Да потому что Элхария целиком и полностью перешла в Домен Перекрестка, там теперь иная магия и иные законы. Здесь, на Ошрате, ничего не изменилось, все осталось точно таким, как было триста лет назад. Но Домен Перекрестка отказался от какой-либо власти здесь, а значит, его магия на юге бессильна. У нее нет источника, — пояснила Шаэн.

Все это Кэрис слышала от нее и прежде. Высшие тени двенадцати Доменов делили власть над миром и его обитателями тысячи и тысячи лет, пока Излом не опрокинул чаши весов, не дал Перекрестку столько силы, что один-единственный Домен за считанные дни отхватил себе в безраздельное пользование целый континент. На взгляд Кэрис, это никак не объясняло, почему магия пространства не должна более действовать на юге, а магия остальных — на севере.

— Ты говорила, жрецы Перекрестка иногда появляются в крупных городах, — напомнила она о маленьком несоответствии теории с практикой.

— Да, и нескольких я знаю лично, — усмехнулся Мейдир, расправившийся с яблоком. — Они приходят как посланники Перекрестка, и Покровители позволяют им обращаться к силам дорог на своей территории.

— Приходят с тенями, с уже устоявшейся, надежной связью. А в твоем случае дело не в разрешении Архааррада, а в полном отсутствии источника магии.

— Верно. Не знаю, как ты сюда добралась, но такая отчаянная смелость заслуживает награды. Если господин одарит тебя тенью из своей свиты, я соглашусь принять тебя под свою руку как кхайи.

Улыбка пропала с лица Шаэн, но вернулась так быстро, что Кэрис не могла с уверенностью сказать, не почудилось ли ей это из-за игры света. На нее золотая дева не смотрела.

— Но если... Что, если теории неверны?

Наэллор обменялись мрачными взглядами.

— Эти теории и принципы никогда и не были объективны, они основаны на взаимных договоренностях меж Доменами. Если они перестают работать...

— Готовится новый передел власти, пересмотр старых союзов, — тихо пояснила Шаэн, по-прежнему не встречаясь с ней взглядом.

Война все равно случится, со мной или без меня, вспомнила Кэрис. Ее не избежать. Архааррад знает, конечно, он знает, и он готов. Но войны их ведутся совсем не так, как человеческие, и последствия для смертных... Она видела эти последствия, она выросла в мире, переломанном и собранном заново так, как того пожелал Перекресток.

В горле пересохло.

— Зачем им это? Войны, союзы, договоры... Тени ведь даже не социальные существа. Слишком хаотичны и разрушительны, чтобы образовывать какие бы то ни было

общественные структуры. В лучшем случае они друг друга терпят.

И тем не менее у Архааррада была свита, кому, как не Кэрис было о том знать, это ведь с нее не спускали глаз его невидимые слуги.

— Рефракси, младшие тени, хаотичны и не слишком разумны, да, но мы же сейчас говорим о Великих Покровителях, раа-ши, водителях стай. Разумеется, у каждого из них есть свита, и многочисленная.

— Не думаю, что на севере нет высших теней мощи и древности господина Архааррада, — вмешался Мейдир, — но они, скорее всего, не заинтересованы во вмешательстве. Перекресток уже получил свое, он не развяжет новую войну из-за потери одной одаренной, как случилось во времена Неназываемого.

Неназываемый. Упоминание его вызывало в птице смешанные чувства. Маг, о котором не было известно ровным счетом ничего достоверного. Сильнейший из всех, когда-либо рождавшихся, источник и первопричина Излома и разделения севера и юга на два совершенно разных мира. Где-то его проклинали, где-то едва ли не молились, возведя чуть ли не на один уровень с Воплощениями, незримыми и вездесущими хозяевами Доменов. Но при этом Неназываемым или Великим Неизвестным называли вовсе не потому, что имя его во всех частях света было под запретом, а исключительно потому, что его попросту не осталось в человеческой памяти. Одни лишь высшие тени знали, что он был за человек и откуда, и как дошло до того, что то ли благодаря одному-единственному, то ли вопреки его стараниям, Перекресток раздробил на части огромный континент и перемешал с участками чужих неведомых миров.

— Расскажите о нем, — попросила Кэрис. — Нам на севере вообще ничего неизвестно.

Шаэн медленно разгладила ладонями и без того безупречное тахари и неохотно призналась:

— Нам тоже на самом деле. Одна из версий говорит, он родился от смешения крови двух Великих Домов, и Покровители не смогли договориться миром, кому он будет принадлежать.

— Это, конечно, только домыслы, но домыслы достаточно достоверные, — поддержал ее Мейдир. — Смещение крови во все времена было сложным вопросом, требующим многолетней подготовки и личного разрешения Покровителей. Мы ведь и раньше подозревали, что что-то такое может произойти. Но есть и другая теория, и согласно ей, Забытый был настолько силен, что каким-то образом заключил контракт непосредственно с Господином Перекрестков и оказался поглощен его силами вместе с половиной земного шара. Высшие тени до сих пор злятся, считают, что тогда произошло нечто недопустимое и немислимое, и виноваты в этом люди, но не желают говорить ни о Неназываемом, ни об Изломе.

— Наэллор тогда было не до истории и не до выяснения первопричины случившегося, мы потеряли большую часть семьи, все свои земли и в Лондре, и на побережье моря Адри. Я слышала, его воды были лазурны и полны жемчуга, а берега — янтаря. Что с ним теперь?

Кэрис замаялась, не зная, как лучше преподнести новость.

— Ну, мы его... потеряли.

— Прости? — переспросила Шаэн. — Ты хочешь сказать, оно уничтожено Перекрестком? Нельзя же потерять море.

Птица смерила обоих Наэллор мрачным взглядом. Все представители золотого семейства были красивы, но эти двое — особенно, до такой степени, что внешность их сама

по себе была и магией, и оружием, и ядом. Они казались выходцами из другой, совершенной, реальности. И Шаэн, и Мейдир, чья красота восхищала в той же мере, в какой и пугала, даже поодиночке заставляли сомневаться, не снится ли ей все это. Двое сразу в одном помещении они виделись порождениями грани, не менее чуждыми и опасными человечеству, чем тени.

— Хочу сказать, что мы не знаем. Мы потеряли не только море, но и многие княжества, и никто теперь не знает, где и когда они найдутся, и в каком виде.

Зато нашли не меньше всякого, что люди с удовольствием согласились бы отдать Перекрестку обратно.

Удивительно, что отсутствие на прежнем месте водоема, пусть даже такого большого и значимого, как море Адри, вызывало у заклинателей больше вопросов, чем свечение луны над головой. Луна все же была куда больше и заметнее из любого уголка Ошрата, но тем не менее над Элхарией не всходила никогда. Потому что Перекресток согласился ее отдать. Они и представить себе не могли, что такое север, во что превратил его Излом.

* * *

Солнце поднялось из-за моря, но еще не показалось над крышами, не залило город ослепительным, выбеливающим все вокруг светом. Его неизменное появление на одном и том же месте и привычка изо дня в день проделывать по небу один и тот же путь не переставали изумлять Кэрис. Да и солнце всходило всегда одно и то же. Не то чтобы ей самой доводилось видеть другие, но в хрониках отмечалось, что пару раз над горизонтом показывалась иная, голубая звезда, и тогда наступали дни иссушающего жара. Жизнь замирала, листва на деревьях покрывалась мелкими ожогами, а то и вовсе опадала к полудню. Люди жаловались на духоту, боль в груди не то от раскаленного воздуха, не то от чего-то еще, приходящего с чужим солнцем. Умиряли дети и старики. К счастью, Перекресток был по-своему милостив и не задавался целью окончательно изничтожить человечество. Голубая звезда показывалась на небе всего дважды за триста лет.

В Фезе, наверное, никто не поверил бы в рассказы о чужих злых звездах. Здесь издревле рассчитывали на постоянство светила, и оно не подводило. И дворец, и город были спроектированы так, чтобы получить как можно больше света и не впустить в помещения жар. Для того служили маленькие окна, в большинстве своем глядящие в сторону моря, вечно продуваемые сквозняками коридоры, бассейны, фонтаны и даже чаши с испаряющейся водой, тканевые навесы, дающие тень в самое жаркое обеденное время.

На заброшенных зданиях поодаль от пристани и дворца, куда они с Шаэн в очередной раз пришли в попытке научить друг друга чужой магии, ни от навесов, ни от ставен уже давно не осталось ни следа. Не нужно было заходить внутрь, чтобы знать, что и в домах не найдется ни клочка ткани, ни битой посуды. Ничего, кроме голых стен да невесть как заметенного за порог песка. Кэрис вспомнилась заброшенная деревня, где они, казалось, целую жизнь назад, останавливались по дороге к карьеру. Оттуда люди или не успели, или не смогли вывезти мебель и утварь, и те сгнили и рассохлись под действием времени или же остались валяться бесполезным мусором. Но в Фезе ничто не мешало жителям забрать с собой все, что можно было отодрать от стен и пола, или же наведаться в чужой, никому уже не нужный дом в поисках оставленного скарба.

— Не так я представляла себе Фезу, — пробормотала она.

Кэрис сплетала дорогу для них обеих, кругами водила Шаэн по кварталу, показывая, как

и для чего используется магия Перекрестка. Каждый шаг уносил их в новое место, одни картины тихого запустения сменялись другими. Не изучи она район заранее, не смогла бы так ловко тасовать перекрестки. Конечно, Кэрис могла бы менять их и быстрее, но ради Наэллор приходилось притормаживать. Внезапные смены окружающего пространства выбивали ту из колеи, заставляли останавливаться после каждого шага, озираться по сторонам жадно и почти испуганно, медлить, прежде чем вновь двинуться вперед. Птице не раз приходилось впускать других людей на свои дороги, хоть по одному, хоть дюжиной сразу. Отличие было лишь в том, что северяне, знакомые с принципами работы магов дорог, пусть и вертели головами, разинув рот от удивления, но ногами перебирать не забывали.

— Так было не всегда. Феза, о которой рассказывала мне мама, некогда была великим и прекрасным городом.

— Что изменилось?

— Ветер.

Кэрис искоса взглянула на Наэллор, пытаясь понять, не шутит та. При каждом ее движении золотые узоры тахари переливались, словно юркие, блестящие рыбки в прозрачной воде. Солнечные лучи играли в смоляных волосах, каскаде кос и прядей, искусно переплетенных с лентами кафайи глубокого синего цвета. Темно-рыжей шевелюре птицы до нужной длины было еще далеко, отчего ей приходилось повязывать кафайю на мужской манер и ловить на улицах множество недоуменных взглядов.

— Понимаю, кажется, обычному ветру не под силу уничтожить империю, но так и случилось, — принялась объяснять заклинательница. — Не думай, что нас Излом совсем не коснулся. В давние времена ветер дул или с моря, или с севера, климат был мягче и ровнее, да и дожди шли не в пример чаще. В мире все взаимосвязано, и из-за того, что сейчас творится у вас далеко за океаном, воздушные массы повсеместно сменили направление, а вслед за ними изменилась и погода. Где-то стало жарче и суше, где-то, наоборот, холоднее. Но то еще полбеда.

Она протянула руку и смахнула с низкой ограды слой мелкого песка, спрессованного временем и почти превращенного в камень. В воздух поднялось облачко желтовато-серой пыли.

— Основные источники пресной воды находились в пустыне к западу от города. Всего за две сотни лет колодцы и близлежащие оазисы занесло песком. Мы пытались спрятать, закрыть колодцы от пустыни, но...

— Так вот для чего построили те башенки! Мы видели по меньшей мере десяток, пока шли через пустыню.

— Мы?.. — переспросила Наэллор.

— Я, — Кэрис твердо встретила ее взгляд. — По дороге сюда я видела их довольно часто, старые, полусасыпанные песком, но не поняла, что они такое.

Шаэн внимательно всмотрелась птице в лицо, но настаивать на получении немедленных ответов не стала. Оговорка будто бы осталась без внимания, но Кэрис знала, что позже девушка наверняка попытается разузнать все о ее спутниках иными путями. С одной стороны, птица корила себя за то, что могла ненароком выдать Акадо, последнего из чужаков, еще не заключенных под стражу, ловко маскирующуюся под прислугу и охрану. С другой стороны, у Наэллор было куда больше возможностей найти «Симеду» и ее пропавший экипаж, а Кэрис жаждала ответов.

— Да, когда-то там были наши источники. Теперь в них гнездятся змеи, скорпионы и

хищные птицы. Колодцев, что остались в стенах Фезы, едва хватает на тысячу человек. Больше у нас бывает только во время ярмарок, и питьевую воду караваны везут с собой. К счастью, здесь все еще живут лучшие чеканщики и стеклодувы на материке, и порт удобно расположен для торговли, иначе в городе не осталось бы никого, кроме нас.

Насчет удобного порта можно было бы поспорить. На первый взгляд, Феза, и правда, была удачно расположена для торговли со всем побережьем и Граничным архипелагом, вздумай кто до него добраться. Но несколько недель плавания научили ее, что моряки вряд ли захотят править курс и тратить время на порт, где нельзя пополнить запасы пресной воды. Она видела пристани Фезы лишь однажды, и они, в отличие от ансвольмских, не казались оживленным местом.

Трагедия города Кэрис не трогала. Все города севера жили сходным образом. Где-то остался доступ к морю, где-то — к пастбищам или источникам железа и соли. Несколько относительно стабильных дорог со сновавшими по ним туда-сюда звездами и птицами обеспечивали торговлю и взаимный обмен, но в Фезе без возможности сократить путь привезенная вода обошлась бы слишком дорого и в любом случае прибыла бы изрядно застоявшейся.

— Вы не можете покинуть Фезу?

— Господин Архааррад не желает уходить.

Ах да, господин Архааррад... Разумеется, в конечном итоге все и всегда сводится к высшей тени. Великий Дом следует за своим божеством и покровителем, а не возит его с собой. И поди знай, тень не торопится покидать город, потому что наличие или отсутствие в нем пресной воды, как и десятков тысяч неодаренного населения, не играет для него никакой роли, или же видит нечто в будущем и знает, что Феза еще вернется к расцвету.

Кэрис без запинки оттарабанила выученное заклинание. Читалось оно меньше минуты, и хоть ни одно слово древнего языка не было ей понятно, ритмичная структура позволяла легко запомнить текст. Огонька над ладонью не появилось. Не произошло вообще ничего. И не происходило никогда, как она ни старалась. Магия тут заключалась в словах, но странная магия: кому-то было достаточно лишь начать, кому-то приходилось проговаривать всю фразу целиком, а то и читать долгие речитативы. Иные, как она успела заметить, колдовали вовсе без слов, одними лишь волей и желанием. Правила, что и так были не одинаковы для разных заклинателей, казалось, меняются и подстраиваются им в угоду, и это совсем не помогало понять, что стоит за словесными формулами, почему порой сила откликается мгновенно, а порой приходится выпрашивать ее у мира.

Она старалась произносить слова четче и громче, вкладывать в них эмоциональный посыл, подстраивать ритм — все без толку. Как будто ей и вправду не было дано постичь заключенное в слова волшебство, как и Шаэн не дано было научиться черпать силу через движение и сосредоточение. Она не раз просила Наэллор показать, как та колдует, но та только качала головой и говорила, что демонстрации помогут Кэрис в обучении не больше, чем помогает ей, Шаэн, наблюдение за перемещениями птицы и ее фокусами с пространством.

— Почему у меня не получается?

Раздосадованная принцесса обернулась, смерила взглядом цепочку следов на песке. Ни один шаг не перенес ее дальше, чем она могла пройти и сама. Оказалось, со временем можно было привыкнуть и к красоте. Конечно, появись золотая дева на улицах Ансвольма, ее приняли бы за высшую тень. Потому как не рождаются в мире люди с идеальными лицами и

магией, почти видимой глазу. Но в Фезе люди на улицах не застывали в восхищении, стоило Шаэн оказаться поблизости. Слишком долго они жили бок о бок с Великим Домом.

— Пойдем дальше, покажешь еще, как ты колдуешь, — девушка пригладила ладонями полы тахари, всем своим видом показывая готовность пересечь город от края до края подобно летящему муссону. Правда, поменять приличествующий ее статусу саабр на практичную плебейскую тунику и свободную юбку она отказалась, что в глазах птицы не прибавляло серьезности ее намерениям.

Уроки магии, сколь безрезультатными бы ни были, все равно служили поводом покинуть дворец. Причем поводом великолепным, потому как его обитатели, видно, решили, будто Шаэн взяла будущую кхайи под негласную опеку и готовит к предстоящей ей роли. Девушек старались не беспокоить, не вмешиваться в процесс объяснения диковатой и нелюдимо чужачке принятых в Фезе правил и традиций. Как обмолвилась Шаэн, ни ценности, ни интереса для других Наэллор Кэрис не представляла. Архааррад, и раньше не раз находивший для семьи новых претендентов, не одарял гостью благосклонностью, а о чужой метке на плече девушки как будто забыл или изначально не принял во внимание. Следуя его примеру, аристократы задумывались о существовании Кэрис не больше, чем о живущих в неделе от города пастухах.

Птица застыла на месте, выровняла дыхание, на минуту закрыла глаза. А затем принялась сплетать дороги сложными спиралями. Окружение то и дело менялось, дома раздавались ввысь и в стороны, разбегались, стены отпрыгивали и растворялись в хаотичном мельтешении смазанных красок и полутонов. Незыблемым остался только песок под ногами, а весь остальной мир предстал чередой расписанных шатров, будто возводимых вокруг застывших девушек невидимой рукой и тут же сворачивавшихся, предоставляя место все новым и новым.

— Красиво, — прошептала Наэллор. — Все маги Перекрестков такое могут?

— Нет. На самом деле тут все больше зависит от места, чем от моих способностей. Многие должны совпасть, количество и посещаемость перекрестков, почти полное отсутствие людей на улицах...

... и границ стабильности поселений, которые хранили жрецы. Настоящие птицы, не храмовые беглянки вроде нее, техникой размытия мира не владели, а звезды прекрасно знали, чем чревата попытка вмешаться в стабилизирующую магию Храма. Архааррад, конечно, не мог не знать о творимой ею магии, но к вольностям на своей территории относился равнодушно, если не снисходительно.

— Не сходи с места, — предупредила она Шаэн, вовремя одернув ее за руку. — Это опасно. Представь, что мы листаем книгу с изображениями окрестностей, и бумагой можно порезаться. Или попасть не на ту страницу.

— Поэтому мир выглядит таким?..

— Нечетким?

— Хрупким, — тихо поправила принцесса. — Нарисованным на тонкой до прозрачности бумаге.

* * *

К полудню жизнь в Фезе замирала на несколько невыносимо жарких часов. Закрывались торговые лавки, возвращались в дома горожане, забивались в тень поджарые

бродячие псы. Стихал ветер, и сквозь поднимавшееся над пустыней жаркое марево с дворцовых башен порой виднелись очертания далеких, размытых гор. Если не знать заранее, что горы на самом деле много, много дальше, и изображение их в горячем воздухе не более чем мираж, можно было бы решить, что караван дошел бы к подножиям за пару недель.

В жару Кэрис чувствовала себя медлительной и неповоротливой. Она предпочла бы провести это время в прохладной воде бассейна, уйдя в воду по самый подбородок. К несчастью, то же стремление разделяли и многие другие дети Великого Дома. Раздеваться при них и являть на всеобщее обозрение оставленные Искьерше шрамы она не стала бы ни за что на свете. Уж лучше перетерпеть у себя с кувшином лимонада и миской колотого льда. Шаэн оставалась с ней или приглашала в свои покои, где после отъезда Мейдира редко появлялись гости.

— Не хватит ли тебе ютиться в маленькой каморке? — она повела плечом с изяществом, какое Кэрис не раз безуспешно пыталась скопировать перед зеркалом. Порой казалось, будто это Шаэн, а не ее, с пяти лет только и учили, что двигаться, использовать тело как проводник магии.

— У тебя уже давно могли бы быть покои в главном крыле и личные слуги, прими ты предложение господина Архааррада, — невозмутимо продолжала Наэллор, даже не глядя в ее сторону. Вместо этого она устроилась на крупной расшитой узором из листьев и цветов лимона подушке и лениво перебирала рисунки и наброски птицы, расположив стопку на коленях.

Они никогда не возвращались к разговору о возможных последствиях нахождения в Фезе поцелованной Перекрестком, Шаэн умело избегала вопросов, что тревожило Кэрис все сильнее день ото дня. Наэллор, видно, всецело уверилась, что у Архааррада есть план, и высшая тень знает, что делает, держа птицу при себе. Да и как было не верить в силу темного пророка, хранящего семью на протяжении тысяч лет? Готовится передел власти или нет, их раа-ши все равно останется на вершине, а вместе с ним и Великий Дом.

— Мне он не господин.

В ответ ей достался усталый взгляд, который нельзя было интерпретировать иначе чем «ну и дура», но, конечно, до оскорблений золотая дева не опускалась никогда. Ни уговаривать, ни выяснять истоки ее нежелания предложить себя высшей тени она не стала, а просто сменила тему:

— Ты не закончила ни один из своих рисунков. Почему?

— Да нет же, они все завершённые.

Кэрис подошла и заглянула Шаэн через плечо. На лежащих у той на коленях рисунках были изображены наиболее приметные здания Фезы, где-то только сами дома, где-то на заднем плане виднелись дворец или шпили беспорядочно разбросанных по городу башен. Каждый пейзаж мог служить надежным ориентиром для любого другого мага Перекрестка.

Шаэн потянулась за угольком и принялась дополнять рисунок легкими штрихами. Здание на глазах обрастало деталями и тенями, обретало объем, текстуру и плотность. Кэрис застыла. Она не задумывалась, что Шаэн умеет рисовать, а ведь это было так естественно. Заклинательница теней в сотом, если не более, поколении, родившаяся в богатой и влиятельной семье, разумеется, получила лучшее образование. Живопись, музыка, точные и естественные науки — не стоило даже уточнять, у Шаэн наверняка с детства было не менее дюжины частных преподавателей, готовых делиться знаниями и навыками в любой выбранной ею области.

Точность, скорость и эффективность, пестуемые Храмом в учениках, не то чтобы потеряли привлекательность в глазах птицы, но вдруг показались недостаточными. Ее быстрые наброски в один миг из развлечения и предмета затаенной гордости превратились в сугубо практические ориентиры для других звезд, такие же как небрежно вбитые в землю верстовые столбы или грубо нацарапанные на камнях стрелки. И только в руках Шаэн стали тем, чем и должны были стать — искусством.

Кэрис молча сдернула с колен Наэллор стопку бумаги и сунула в ларец, резко захлопнув крышку.

— Я собираюсь немного поспать перед ужином, — заявила она.

Заклинательница вскинула на нее глаза, но промолчала. Поднялась, будто ничего и не произошло. Ее тахари, нижнее прозрачно-голубое и два верхних, расшитых напоминающими волны золотыми узорами, не смялись и не сползли с плеч. Не пришлось поправлять выполненные в виде львиных голов с глазами-сапфирами застежки, спускающиеся от ключиц к животу ровным треугольником.

Когда за ней затворилась дверь, Кэрис попыталась утешиться тем, что у золотой девы не было друзей во дворце. Догадаться о том было несложно: девушки проводили вместе долгие часы, и Кэрис не заметила, чтобы на время и внимание Шаэн претендовал кто-либо еще. Она не знала почему. Ей эта Наэллор, временами высокомерная, требовательная и нетерпеливая, казалась ничем не хуже, если не лучше других. Но раз уж она одна искала общества птицы... Некстати вспомнилось, что и у нее самой тоже нет друзей ни во дворце, ни за его пределами. Тех, что были, если то были друзья, она потеряла.

Кэрис схватила подушку, на которой ранее сидела гостья, и швырнула ее в дверь. Подушка была тяжелее, чем казалось на вид, и шлепнулась на пол, немного не долетев до цели.

Шаэн не появлялась в ее покоях до следующего обеда, на который пожаловала по обыкновению без приглашения, но с корзинкой фруктов и сладостей. Стол в этот раз накрывали ее личные служанки, и трапеза, во дворце состоявшая из десятка маленьких, на один-два укуса, закусок и тарелочек, превратилась в настоящий пир. На столе появилось мясо, коим до того Кэрис не баловали, и несколько видов морской рыбы на выбор. Сама Шаэн была мила, как никогда, и даже предприняла попытку если не извиниться, то подойти к тому настолько близко, насколько позволяла гордость.

— Мне следовало учесть, что на севере приняты совсем другие каноны живописи, и не настаивать на соблюдении единственных мне известных. Твой стиль очень оригинален. Квинтэссенция изображаемого объекта, самая суть в нескольких четких, уверенных линиях.

В ее словах звучало больше вежливости, чем искренности. Но Кэрис оставалось либо признать за собой право на оригинальность северной школы, либо расписаться в собственном неумении переносить картины на бумагу иначе.

— Ничего страшного, мне понравилось, как ты вчера дополнила рисунок, — неохотно признала она.

Это было глупо, но совершенство золотой девы внушало зависть и раздражение тем больше, чем лучше Кэрис ее узнавала. Что еще глупее, в глазах птицы явный талант к живописи давал ей даже больше очков, чем красота, магия или благородное происхождение. Насколько было бы проще считать ее избалованной девчонкой, коей всего-навсего повезло родиться в правильной семье, но никакими личными талантами, как и упорством в их развитии не обладающей. Но Шаэн умудрялась быть невыносимой и оставаться при этом

идеальной. Неудивительно, что ее избегали ее же кровные родственники.

— Сегодня мы могли бы погулять по городу просто так. Сходим к морю или выберем украшения в ремесленном квартале, что скажешь?

Кэрис, равнодушная к украшениям, но не к прогулкам, без слов потянувшись за сандалиями, ловко подцепила их за переплетение кожаных ремешков.

Ради прогулки пришлось вытерпеть десять минут в паланкине, но вечер в Фезе того стоил. Рыбаки давно вернулись с промысла, и их лодочки со скошенными парусами покачивались у пирсов. Из-за немногочисленности в порту даже пахло по-другому — морем, теплой водой и солью, а не рыбой и гниющими водорослями. Каменные, чуть сточенные волнами пирсы тянулись в море, словно город, раскинувшийся на берегу широкими террасами, понемногу вращался в воду и сам пытался оторваться от пустыни, расправить паруса на тысяче тонких башен и выйти в море. За низкими деревянными столиками пили вино и играли в клетки старики, по пирсам прогуливались люди в разноцветных тахари, а пустые склады с распахнутыми настежь дверьми заняты для своих игр и тайных штабов дети. Из редких кабаков доносились мелодичные звуки уда и кануна, запахи хмеля, специй и жареного мяса.

Кэрис подозревала, что пустынность порта и отсутствие кораблей — а их было даже меньше чем в ее первый день в Фезе — связаны не только со всеобщим запустением и малонаселенностью. Приближалась осень, а значит, и время штормов. Пусть воздух не становился холоднее, а дни короче, напротив, становилось жарче и жарче, но ветер уже начинал менять направление и все чаще дул со стороны океана. Морская торговля, и без того вялотекущая, приостанавливалась на время штормов, дабы не рисковать понапрасну кораблями и товарами. Ближе к зиме, когда пересекать пустыню станет безопаснее, в Фезу и из нее потянутся нагруженные караваны верблюдов.

В прибрежной части города Кэрис не торопилась прибегать к магии для сокращения пути. Не потому, что не желала собрать вокруг толпу зевак, а чтобы подольше насладиться видимостью свободы. Бредя куда глаза глядят, рассеянно озираясь по сторонам и изредка поддакивая щебечущей Шаэн, она вдруг подумала, что могла быть не первой звездой-восхождении, забравшейся так далеко. Кто знает, удалось бы им доплыть до южного континента без помощи Архааррада, без подхватившего и едва не уничтожившего «Симеду» миража, но вместе с тем — отчего нет? Она никогда не входила в число сильнейших и наиболее способных адептов, а значит, по крайней мере треть остальных будущих звезд, еще не имеющих теней, тоже смогли бы перебирать течения в поисках нужных. При наличии на корабле достаточного запаса пресной воды и продовольствия, умения ориентироваться по звездам и доле удачи, чтобы избежать попадания в Хладь, этого было бы вполне достаточно для путешествия на запретный континент. Да, плаванье вышло бы неоправданно, необыкновенно долгим, но в теории казалось вполне осуществимым.

В конце концов, разве наставники не поощряли их раз за разом пересекать горизонт? Чем дальше, тем лучше, тем сильнее и влиятельнее окажется тень, что одарит адепта вниманием, а затем и силой. Надо же, не солгали. Кэрис перебралась через океан на землю, считавшуюся безвозвратно утерянной при Изломе, и тень ею заинтересовалась не абы какая, а сам Великий Покровитель Архааррад и его ручные заклинатели из ужасно древней семьи... Ее путь яркой нитью тянулся от ворот школы через леса севера, через океан и путался в песках и улочках Фезы, чтобы потом нитью этой связать ее с будущей тенью. Хватит нити, и договор станет нерушим, а нет — так птица и пропадет на дорогах, не

поднимется на крыло и не станет ни звездой, ни охранительницей.

— Прибрежный песок стеклодувы используют для тонкой работы, а для смальты подходит и обычный, какой можно набрать в пустыне. Обрати внимание на настенные мозаики, — щебетала Шаэн, указывая на яркие картины из цветного стекла на фасадах зданий. — Правда, они чудо?..

Кэрис рассеянно кивнула и потянулась к дорогам, мысленно погладила их плетения, похожие на толстые махровые нити. Феза была много больше и древнее любого из виденных ею городов, но пути ее собственной силы почти не имели. У Господина Перекрестков, и правда, не было здесь власти. На всем юге или нет, она не знала, но на узкой береговой кромке меж песками и океаном точно не было. И все же его магия работала. Наверное, стоило бы уже смириться с мыслью, что даже с помощью всей библиотеки Наэллор ей не удастся разобраться, как и почему. Птица погладила нити дорог еще раз и с сожалением отпустила, поборов желание потянуть их на себя.

Они с Шаэн не бывали здесь раньше, предпочитая безлюдные окраины, а не жилую прибрежную часть города. И все же добротные двухэтажные дома, где на первых этажах располагались торговые лавки под полотняными пестрыми навесами, показались ей смутно знакомыми. Когда из-за поворота показалась книжная лавка с неприметной старой вывеской, она поняла, что проходила здесь однажды с Акадо. Птица замерла на мгновение, вспомнив и темноту последующей ночи, грохот, с каким падали на плитки пола книжные башни. Собственную беспомощность и неуклюжесть в ловчей сети, запах книжной пыли и масла для лампы. Должно быть, хозяину стоило немалых трудов привести магазинчик в порядок после ее ночного визита, прошедшего совсем не так, как ей бы того хотелось, а завершившегося и того хуже. Торговец не тронул ночную гостью и пальцем, даже когда вполне оправданно посчитал воровкой. И от этого стало стыдно за доставленные человеку неприятности. Сейчас, возможно, она могла как-то их компенсировать.

— Давай зайдем, — мягко потянула она заклинательницу в сторону магазина.

На пороге показалась высокая фигура в зеленовато-серой тунике-галабее и серой кафайе, закрывавшей лицо до самых глаз. При виде девушек человек замешкался, затем торопливо поклонился и стянул полу кафайи на грудь, открывая лицо, и Кэрис тут же узнала книготорговца.

— Добро пожаловать, благородные Наэллор.

Он посторонился с еще одним поклоном. Шаэн царственно вплыла в полумрак лавки, птица последовала за ней. На последнюю торговец бросил настороженный взгляд, явно узнал и не очень-то хотел впускать внутрь девушку, за которой в любой миг могла явиться высшая тень, но и оставить за порогом не мог.

Она сразу заметила, что кто-то пытался привести магазин в порядок и частично преуспел. Их встретили аккуратные книжные стопки на столах и узорчатых плитах пола, заполненные томами массивные шкафы во всю стену и маленькая конторка в дальнем углу, по-прежнему заваленная перевязанными шелковыми шнурами свитками. За ней над бумагами склонился мужчина и что-то торопливо писал. Он был настолько поглощен делом, что поднял голову лишь на мгновение, бросил в сторону вошедших короткий взгляд... Кэрис едва удержалась от удивленного возгласа, но Акадо уже вновь вернулся к свиткам. Видно, не узнал ее в ярком дворцовом наряде.

— Дочери великого господина желают посмотреть что-то особенное?

Наэллор благосклонно кивнула. Черные с золотым отливом волосы косами рассыпались по плечам, выглядывая из-под белоснежной кафайи.

— Какое милое место, — равнодушно протянула она и медленно обвела помещение темными глазами. — Жаль, я не узнала о нем раньше.

— У меня могут найтись издания, достойные вашей коллекции. Позвольте показать несколько стоящих внимания диковинок, — приободрился торговец. — Прошу, следуйте за мной, ценнейшие экземпляры хранятся под замком...

На вид ему было около семидесяти, но держался он уверенно и прямо, отчего возраст только добавлял высокой сухощавой фигуре статности и представительности. Шаэн он указал на узкую лестницу, ведущую на второй этаж, а Кэрис пригвоздил к месту строгим взглядом.

— ... мой помощник тем временем останется с вашей сестрой.

За сестру Шаэн ее можно было принять разве что в полнейшей темноте. Но Кэрис хорошо понимала, что происходит: рядом с ценнейшими экземплярами ее видеть не хотят. Справедливо, она не могла винить торговца за разумные опасения, вызванные опытом их прошлой встречи. Да и ей самой куда больше хотелось остаться с Акадо, в чью сторону она намеренно не смотрела, выжидая, пока фезцы скроются из вида.

Как только шаги и скрип ступеней стихли, Кэрис развернулась на месте, намереваясь тут же оказаться у конторки, задать тысячу вопросов, рассказать сотню историй... И вздрогнула, когда рядом со свойственной теням бесшумной плавностью возник чужой силуэт. На мгновение показалось, будто сюда снова явился Архааррад, и девушка в страхе отшатнулась. Акадо поднес палец к губам и предупреждающе кивнул в сторону лестницы, откуда слышался ровный, уверенный голос хозяина магазина.

— У нас не так много времени. Надо поговорить, — быстро зашептал он. — Сумеешь вернуться ночью?

Вернуться ночью?! Задай он этот вопрос пару недель назад, и Кэрис, не раздумывая, отказалась бы рисковать. Но они с Шаэн уходили все дальше и дальше, и тени сопровождали их реже и реже, порой их присутствия не ощущалось целыми днями. Архааррад ослабил контроль, и за каждым ее шагом более не следили из-за грани.

— Я попытаюсь.

Она подалась вперед и выпалила:

— Как ты здесь оказался?

Акадо только нетерпеливо тряхнул головой и вопрос проигнорировал.

— Уже заключила контракт?

— Нет.

— Хорошо, — он не скрывал облегчения. — Ни в коем случае не соглашайся ни на какие их условия! С контрактом пределов материка ты уже не покинешь, а так еще есть шанс отсюда выбраться.

— Условия! — из горла вырвался нервный смех.

В душе смешались шок и облегчение от внезапной встречи, от осознания, что Акадо жив и все еще в Фезе, и долгое напряжение от непрестанного ожидания чего-то страшного, и

разочарование в бесплодных попытках овладеть местной магией. Кэрис, которая еще минуту назад была совершенно спокойна и собрана, сейчас не могла сдержать смешивающийся с судорожными всхлипами смех. Акадо схватил ее за плечи, с силой встряхнул, и птица захлебнулась воздухом, закашлялась. Голоса наверху стали чуть ближе. Ступени вновь закрипели. Кэрис, не успев выровнять дыхание, схватила первую попавшуюся книгу как раз вовремя, чтобы не навлечь подозрений показавшейся в проеме Шаэн. В руках у нее лежал свиток из тонкой воощенной бумаги с потрепанными краями.

— А, «Сказания земель без времени», — Кэрис прижала к себе книгу, закрывая название ладонью, но показавшийся за Наэллор старик-хозяин все равно узнал ее по обложке. — Классика никогда не устаревает.

Отточенным движением он вытащил из стопки еще одну книгу — попробуй это сделать кто другой, и башня наверняка бы обрушилась, — и вручил девушке. Продажа свитка явно привела его в благодушное расположение духа, и ей был прощен неудавшийся ночной визит.

— Эту возьмите в подарок, вам должно понравиться, если любите старые сказки.

Кэрис неуверенно приняла книгу. Тяжелая, с чуть потертой кожаной обложкой и отделанными бронзой уголками для большей сохранности. Раньше ей никогда и ничего не дарили. Все, что она имела, было собственностью Храма, выданной лишь на время. Или же доставалось Казарой откуда-то из многочисленных одежных сундуков и кладовых дворца для будущей кхайи, не для нее лично. Сейчас место будущего ан-Наэллор занимала Кэрис, но мог бы появиться и кто-нибудь другой, и тогда и комната, и дурацкие саабры достались бы ему или ей. Те немногие личные вещи, что она приобрела на рынке в Ансвольме перед отплытием, остались в каюте «Симеду», а значит, все равно что пропали. Лук со стрелами и сапоги было особенно жалко. К сапогам она успела привыкнуть, а из лука так ни разу и не выстрелила.

Пытаясь справиться с неловкой благодарностью, она оставила на вершине ближайшей книжной башенки две золотые монеты, все, что у нее осталось от выплат Хво. Перед уходом не удержалась, бросила на Акадо еще один, последний, взгляд. Тот молча поклонился в ответ.

Уже в паланкине Шаэн снисходительно заметила:

— Ты не должна была платить. Мы не берем с собой деньги, когда выходим в город. Со счетами разбираются казначеи.

Кэрис пожала плечами. Спорить не хотелось, разговаривать тоже. В тусклом свете, пробивающемся сквозь неплотно зашторенные оконца, читать не удавалось, но обе ее новые книги изобиловали яркими, явно для детей нарисованными картинками. Во многих изображениях, разумеется, угадывались тени, о чем же еще как не о них люди складывали сказки и легенды. Сущности смотрели со страниц как всегда чуждые и лишённые плоти, но на бумаге совсем не казались опасными.

— Совсем детские истории. У нас таких сотни в библиотеке, — скучающе протянула заклинательница, но затем, словно вспомнив, что сегодня собиралась быть милой и приветливой, добавила: — Можешь забрать себе все, какие понравятся.

— Спасибо, — безразлично отозвалась Кэрис.

Выбирать книги в дворцовой библиотеке ей отчего-то совсем не хотелось. Еще вчера она была бы в восторге, но теперь чувствовала, что это будет уже не то, и ничто среди принадлежащих Золотому Дому изданий не приобретет в ее глазах той же ценности, как две

случайно доставшиеся ей старые детские книги.

Весь вечер она разглядывала картинки, по-прежнему яркие, будто новые. Книги явно напечатали еще до Излома. Время потрепало и истерло обложки, истончило бумагу, но не сказалось на иллюстрациях. Они совсем не потускнели за триста с лишним лет. Кое-где изображения и шрифт были смазаны, но не настолько, чтобы текст стал нечитаем. Оказалось, большинство сказок было ей давно знакомо. Их вариации рассказывали вечерами детям, а иногда ставили спектакли с марионетками и давали представления на площадях. Кэрис раз за разом открывала книгу наугад в разных местах, вчитывалась и узнавала если не всю историю целиком, то ее отдельные элементы неизменно.

Подождав для верности еще пару часов после наступления темноты, она оставила на столе записку всего из двух слов: «Я вернусь». Для Архааррада и его теней, для себя и для самого времени. Она на самом деле собиралась вернуться и хотела думать, что если сосредоточиться на этой мысли, на намерении, будущее не изменит направления. Высшая тень не заметит перемен в судьбе рыжей птицы и ее краткой отлучки, потому что изменений не случится, и отлучка не обернется бегством. Она всего-то выйдет на пару часов, а к утру бросит записку в тлеющую жаровню и завернется в одеяло, чтобы доспать оставшиеся часы.

Благодаря раздвижным ставням в пол и выходящей в сад галерее выскользнуть из дворца было не сложнее, чем пересечь улицу. Феза и днем-то безлюдна, а ночью и подавно никто не обернется на мелькнувший в темноте силуэт. Кэрис приоткрыла ставни. Холодный воздух влился в комнату запахом сладкого инжира и терпкостью листвы. Ночь, словно в любимой Шаэн песне, была "лилова и золота", и на отдаленных причалах наверняка, как в той же южной песне, тихо гасли огни. В густой и пряной темноте не слышалось ничего, кроме журчания фонтанов.

Птица застыла на минуту, выжидая, не раздадутся ли шаги или голоса, и наконец шагнула в галерею, а там перемахнула через перила и спрыгнула на землю. Ее комната располагалась на втором этаже дворца, но из-за смехотворно высоких потолков прыжок вниз для обычного человека грозил обернуться переломом, а то и не одним. Кэрис высоту галереи знала заранее, а потому оказалась готова. Через минуту она уже стояла у стены, толстой, массивной и, на первый взгляд, неприступной — но только не для мага дорог. Она невольно задержала дыхание, ожидая увидеть водовороты искажений в воздухе и ощутить чужие выжидающие взгляды. Но ничего не произошло ни тогда, когда девушка коснулась шершавого камня, ни когда оказалась на вершине. Ночной воздух был холоднее, чем можно было бы ожидать от пустыни в конце лета, и легкой туники не хватало для комфортной прогулки. По коже прошел озноб. Свет звезд казался колючим и свежим, словно они вот-вот осыпятся с неба острыми снежинками.

— Я вернусь, — едва слышно прошептала она.

Дома вокруг высились в три-четыре этажа и неудовольствия Наэллор не вызывали лишь потому, что благодаря широким улицам и площадям, окружавшим территорию чародейского семейства со всех сторон, тени от городских зданий не проникали в сад даже в предзакатные часы. Дворец являлся отдельным, неприкосновенным мирком, вроде бы стоящим в центре Фезы, но в то же время бесконечно от нее далеким.

Камень мостовой отдавал дневное тепло куда быстрее, чем того бы хотелось Кэрис, и неприятно холодил ступни сквозь тонкие подошвы сандалий. Пару месяцев назад она не сочла бы это маленькое неудобство стоящим внимания, но теперь успела привыкнуть к теплу и комфорту дворца. Сперва она хотела пробраться в торговый квартал по крышам, но

здания в дворцовой части города располагались чересчур далеко друг от друга даже для птицы. Не перемахнуть и не перескочить, и хоть на первый взгляд за оградами и в садах особняков было темно и тихо, охрана все равно могла поглядывать по сторонам. Прямой Кэрис не знала, но уже ориентировалась в Фезе достаточно хорошо, чтобы представлять, как и куда следует двигаться: к южным кварталам немного в стороне от порта. Знакомое чувство верного направления охватило ее впервые за многие недели, и Кэрис позволила себе осознать, как скучала по нему. Оно неявно нашептывало, что все будет правильно и хорошо, что не только она сама, но и мир движется в верном направлении, а дороги сворачиваются вокруг уютным, безопасным коконом. В движении отступил даже страх перед Архааррадом, и она забыла ежеминутно повторять про себя обещание вернуться.

Увлечшись забытым было ощущением верности и прочности дороги под ногами, она едва не попалась ночному патрулю. Спихнулась, только заслышав ленивые шаркающие шаги стражи. Вскрабкалась на плоскую крышу и переждала, пока утихнут за углом монотонное поскрипывание песка под подошвами и шорох одежды, растает в темноте неровный колышущийся круг света факела. Тогда же, на крыше, глядя в недвижимое звездное небо, Кэрис подумала, что надо бы повторить мантру еще раз, но почему-то выждала еще минуту. Ничего не случилось, но беспокойство не отступало. И не понять, чем было вызвано подспудное чувство тревоги: то ли внезапной остановкой и схождением с дороги, то ли вниманием незримых пока что теней.

Она перескочила на соседнюю крышу, откуда бесшумно стекли в темноту улиц две потревоженные кошки. Кэрис крепко сомкнула губы, вдруг упрямо решив больше не убеждать теней в собственной благонадежности. По крайней мере, этой ночью. Захотят остановить, пусть покажутся по-настоящему, а нет, так кто знает, следуют они за ней или нет. Может, и нет в темноте ничего, кроме ее собственных страхов и сомнений, а их-то словами не развеять и не успокоить.

Нужный дом нашелся сразу. Не по вывеске, в темноте едва различимой, не по знакомым очертаниям, но по теплоте, разлившемуся в груди удовлетворению от завершеного, замкнувшегося пути. Если бы только внутренний компас магов Перекрестка указывал не только на конкретные места в пространстве! Если бы можно было задать дорогам вопрос, правильно ли она поступает, крадясь по ночным улицам чужого южного города, и здесь ли ей надо сейчас быть... но Перекресток будущего не ведал. Тут скорее надо было бы обращаться к домену Мельницы, но только его представитель в Фезе руководствоваться будет прежде всего своими интересами и планами, без оглядки на участь птицы после исполнения предписанной ей роли.

Кэрис прислушалась, но не уловила за дверью ни шороха, ни пробивающегося в щель луча света. Казалось, ее никто не ждал, и внутри спали так же крепко, как и на всей улице. Она толкнула дверь, та не поддавалась. Кэрис это не слишком расстроило. Что с того, что дверь заперта, ключи, скорее всего, у хозяина, а он-то никого не приглашал. Не стоило и надеяться на такую же радушную встречу, как днем в компании золотой Наэллор. Девушка поколебалась, но не решилась в этот раз пройти сквозь дверь. Вряд ли Акадо ждет ее в лавке среди книг, а значит, все равно придется искать путь вверх.

Она обошла здание и нашла то, что нужно: выходящее в узкий переулок оконце на втором этаже, маленькое, но вполне достаточное, чтобы худенькая девушка протиснулась внутрь без всякой магии. Кэрис легко оттолкнулась от земли и уцепилась одной рукой за подоконник, второй за оконный проем.

Без особой надежды пробормотала:

— Эсс-а инна, эх'тэар мали...

Заклинание сюрпризов не преподнесло и, как обычно, не сработало. Видеть в темноте девушка не стала, единственным откликом неудавшемуся волшебству послужило недоуменное «Что-что?» из темноты, после чего сильные руки втащили ее внутрь. Акадо запалил свечу, и Кэрис увидела на нем все ту же рубаху с широким поясом, что он носил несколько часов назад. Мужчина снял только кафайю, и черные волосы, не стриженные от самого Ансвольма, закрывали лицо и уже почти касались плеч. Он был один, и от облегчения захотелось повиснуть на шее у единственного человека, знакомого еще по той жизни, рассказать обо всем, что случилось. С первым порывом она справилась, со вторым — нет.

Сбивчивый рассказ об Архаарраде, Наэллор, снова Архаарраде, туманных не-пророчествах и поцелуях тени Акадо выслушал, не перебивая. По лицу его было неясно, винит ли он ее за то, что не осталась ждать в наполовину засыпанном песком доме на окраине, что попалась тени. Вспоминать о необдуманных и поспешных решениях той ночи было до того неловко, что она обошла их стороной. Об обстоятельствах ее встречи с Великим Покровителем Акадо должен был знать и так, учитывая, где он в итоге оказался.

Навигатор слушал торопливый, путаный рассказ, не перебивая, даже не шевелясь. В свете единственной свечи в скудно обставленной комнате он казался до странности далеким, будто не живым, а вырезанным в камне. В его облике было нечто неуловимое, трудноописуемое, что роднило его с Наэллор. Ни золотистым отблеском кожи и волос, ни совершенством черт мужчина не обладал, но в тусклом мерцающем свете смотрелся почти тенью, эфемерной и призрачной.

— Я с самого начала знал, что ты во дворце. Не знал только, как с тобой связаться. Стены там неприступные, чужаков не допускают ни к кухне, ни к складам, ни во двор. Припасы проверяет дворцовая стража. И это еще не говоря о магических преградах и невидимых тенях, коими там все наверняка кишит.

Кэрис неопределенно повела плечом. Она все это время только и думала, как из дворца выбраться, и слава Перекрестку, без силы которого разве что могла побродить по саду, предварительно спустившись с галереи на веревке из связанных простыней. О том, как попасть во дворец, птица, ясное дело, не думала, и ее беспокоило, что Акадо всерьез этим озаботился. Если он все еще собирался украсть у Наэллор кристальный ветер, то зря, очень и очень зря.

— Там ничего нет, нет кристального ветра, — заявила она. — На юге остался только один артефакт, и он в Риерре у Марэйла Керано, великого магистра Серого Ордена. Егс наверняка охраняют даже лучше, чем местный дворец, так что забудь.

Акадо окинул девушку оценивающим взглядом, будто прикидывая, как далеко она готова зайти в дальнейшем и насколько готова справляться с помехами на пути.

— В Риерру я отправлюсь сам, раз ты боишься. Справлюсь и один, а тебе останется только дожидаться меня здесь и не заключать, я повторяю, — голос его вдруг зазвучал тяжелее, весомее, налился металлом и темной глубиной подземных каверн, — не заключать никаких контрактов с Архааррадом или любой из его теней.

Не то чтобы Кэрис желала договариваться с высшей тенью, но и настойчивость Акадо была ей непонятна. Он, верно, полагал, будто, не давая никаких обещаний, птица оставалась свободной в любой миг упорхнуть из золотой клетки Фезы. От его непонятной

настойчивости, почти одержимости артефактом, свойств которого она так до конца и не поняла, опасаясь слишком явно проявлять интерес к потенциальному оружию с очень и очень сомнительными свойствами. В ее книгах сказок кристальный ветер упоминался лишь как ключ к той стороне, но ключ ненадежный и капризный.

— Архааррад меня не отпустит, — прошептала девушка, бездумно скользя взглядом по маленькой комнатке. Лишь произнеся эти слова, она поняла, что звучат они не то жалобой, не то оправданием.

В комнате всего-то и было, что низенький столик с глиняным кувшином и медным блюдом, сейчас пустым, пара ковров на полу да одно-единственное потертое покрывало. Наверное, здесь Акадо и спал, когда книготорговец закрывал магазин.

— Как ты здесь оказался? Как нашел это место?

— Это Ришшек меня нашел. Ришшек ан-Найи, — пояснил он, — книжный торговец и коллекционер. В Фезе не так много посторонних, а он видел нас вместе еще в первый день, поэтому и узнал меня, когда я носился по всему городу в поисках своей пропавшей звезды.

— Прости, — пробормотала она.

Извинения Акадо принял легко, будто дело изначально их и не стоило.

— Да ничего, если подумать, так даже лучше вышло. Великий Покровитель мог бы вытащить тебя и из заброшенного дома, тогда не нашлось бы никакого свидетеля, и я бы никогда не узнал, куда ты пропала.

— Этот Ришшек, он... знает?

— Нет, конечно. Я сказал, что мы вдвоем пришли с севера в поисках работы, но не сказал, что совсем с севера. Он добрый старик, не хочу, чтобы из-за меня у него были проблемы.

Он протянул девушке покрывало, заметив, что та зябнет. От ткани пахло шерстью, пылью, но еще едва уловимо водой и солью. Закутав плечи, Кэрис отстраненно подумала, что только очень увлеченный книжник мог поверить в такую откровенную чушь, как поиски работы в Фезе, где последнюю сотню лет горожане, казалось, только и делали, что бесцельно слонялись по улицам.

— Слушай, не знаю, что ты задумал, но даже если у тебя вдруг появится этот самый артефакт, Архааррад из Домена Мельницы. Это значит, он видит будущее, и если только кристальный ветер его не ослепит, ничего ты не добьешься. Он всегда будет знать заранее, что и когда ты сделаешь.

Вопреки ожиданиям, Акадо серьезностью ситуации не только не проникся, но даже обрадовался:

— Нам это только на руку, разве нет? Я не собираюсь ни использовать кристальный ветер против теней Фезы, ни причинять вред Наэллор, и потому нахожу полезным, что здешняя высшая тень видит будущее. Не возникнет... недоразумений и недопониманий.

Кэрис сложила руки на груди. Она привыкла, что Акадо вечно что-то недоговаривает, но на этот раз он не потрудился поделиться с ней и намеком на план. Все, как и прежде, свелось к древнему артефакту с неясными возможностями и еще более неясными способами применения, а все остальное представилось мелкими, незначительными деталями. Его упорство казалось тем подозрительнее, что ему-то ничто не мешало обо всем забыть и начать на юге новую жизнь. Работа для наемника найдется, а акцент уже почти сгладился, уже сейчас с трудом верится, что он не всегда здесь жил. А вот Кэрис уже к утру придется вернуться во дворец под крыло к видящей будущее бессмертной и неуязвимой твари и ждать

там непонятно чего.

— А для чего ты собираешься его использовать?

— Тебе отдам.

Кэрис ни на миг ему не поверила. Уж точно Акадо не для того по звездам искал путь на юг, чтобы найденное там сокровище отдать первой встречной девчонке. Удивляло, что он, так ловко умевший лгать и недоговаривать, сейчас даже не старался выдумать правдоподобную историю.

— Не смотри на меня так, это не за мной гоняются тени от севера до юга. Веришь или нет, но кристальный ветер — это твой единственный шанс. Он даст защиту, сложно сказать, насколько надежную, но хоть какую-то. А ты, в свою очередь, будь добра, верни нас домой. «Симеду» пришвартована в Лазаане, это мелкое прибрежное поселение в дне пути отсюда. Там же под стражей держат команду. Пока что.

Он разлил застоявшуюся в кувшине воду по чашкам, одну вручил Кэрис и продолжил:

— «Симеду», как никогда, нуждается в своей звезде. Я наведаюсь в Риерру, очень быстро, туда и назад. Думаю, трех месяцев на дорогу должно хватить...

— Трех месяцев?!

Акадо с деланным непониманием вскинул голову и почти что ласково пояснил:

— Ну да, примерно столько занимает дорога от Фезы в столицу для нас, обычных смертных. Конечно, придется еще подождать месяц-другой, пока погода не станет прохладнее и мягче, и только тогда искать место при караване. Ну или ты всегда можешь меня проводить. За сколько дней ты бы могла добраться до Риерры, имей все дорожные карты?

За пять. Или меньше. Дороги не перепутаны, пространство не меняется местами в хаотичном вихре, не возникает лакун и миражей, и ветров из иных миров. Не придется огибать чужие, непригодные для жизни измерения, и, уж конечно, Риерра все это время будет оставаться на одном и том же месте, как послушный пес на цепи. Кэрис даже могла бы воспользоваться картой и — мыслимое ли дело! — идти прямо по тонким линиям и меткам, зная, что им можно довериться.

Она начинала понимать, почему Акадо не старался придумать историю, в которую она поверит. Считал ее достаточно отчаявшейся, чтобы броситься вперед без оглядки, считал, что иного выбора у нее нет. Кэрис сжала кулаки, ногти болезненно впились в ладони. Да, наемник был прав, она оказалась в тупике и не видела из него выхода, и ринулась бы на любую дорогу, если бы в ее конце маячила призрачная надежда избавиться от Архааррада, Искъерше и иже с ними. Вот только как бы ни хотелось верить звучащей в его словах убежденности, Акадо, кажется, вообще не понимал, что такое Архааррад, а оттого не совсем верно оценивал ситуацию.

Страшило вовсе не то, что тень не позволит ей покинуть пределов города. Как раз наоборот, не хотелось думать, что Архааррад ее отпустит, закроет глаза на двухнедельное отсутствие. Может, как раз этого он и ждал с первого дня их встречи, если не гораздо раньше. Зачем раа-ши хочет увидеть в руках не принадлежащего его золотому роду и не дававшего никаких клятв неопытного мага кристальный ветер? О взаимоотношениях Великих Покровителей или их Домов Кэрис мало что знала и, если бы на то была ее воля, предпочитала не знать и дальше. Пусть они не вели между собой открытых войн, интриги бессмертных существ ничего хорошего человечеству тоже не сулили. Шаэн и Мейдир неохотно признавали, что тени могут готовиться к новому переделу власти, а темный пророк

Фезы не скрывал ожидания некоего важного для него события. В таких условиях артефакт в руках Кэрис мог с равной вероятностью стать и путем к спасению, и смертельной ловушкой в эпицентре надвигающегося шторма.

Все же тени это тени. Древние, могущественные и, главное, чуждые и хаотичные. Их поступки и стремления не поддаются человеческой логике и зачастую противоречат сами себе, а значит, и реакции чудовищ предсказать невозможно. Недаром люди тысячи лет собирали истории для Книги теней, чтобы изучить если не весь их вид как таковой, то хотя бы отдельных его представителей, охотнее идущих на контакт с человечеством.

Она исподлобья зыркнула на Акадо. Тот безмятежно улыбался, будто речь шла о походе на рынок за кунжутом, а не планирующейся попытке обвести вокруг пальца и высшую тень, и Серый Орден.

— Я не смогу покинуть город ни на пять, ни даже на один день без ведома Архааррада. И даже если у нас и правда получится — если! — это просто будет значить, что в конечном итоге кристальный ветер достанется ему или послужит к его выгоде.

Произнесенные вслух слова обладали силой запечатать бесформенное, неопределенное пока будущее. Почти видно было, как в углах сгущаются тени, злые, голодные взгляды царапали кожу.

— Да брось, — отмахнулся наемник, — прошло триста лет с момента Излома, более чем достаточно времени для Покровителя Фезы заполучить себе все, чего бы он там ни хотел.

Возможно. Но возможно также, что Архааррад не мог ни взять артефакт сам, ни послать за ним кхайи. Мало ли как к этому отнеслись бы другие тени и покровители. Кэрис корила себя за бездарно упущенное время, могла бы давно разузнать все о кристальном ветре в библиотеке или расспросить Шаэн, и плевать на опасность выдать интерес к оружию или намерение им воспользоваться. Все равно его тени уже слышали произнесенные слова, и оттого было ничуть не легче. Полное отсутствие их реакции на текущую беседу совсем не помогало понять, как Архааррад отнесется к задуманной Акадо авантюре. Его слуги наблюдали, но не вмешивались. Кэрис не знала, чего ждала, попыток подтолкнуть их в нужном направлении или, наоборот, удержать, но уж никак не отстраненного равнодушия. Она осознавала, что от недостатка информации сама загнала себя в ловушку попытками понять мотивы или вообразить ожидания высшей тени.

— Мне надо об этом подумать, — наконец сдалась птица.

Некстати вспомнились грандиозные различия в магических практиках севера и юга, да и в самих путях, какими магия работала и приходила в мир. То, что являлось незыблемой правдой на одном континенте, на другом не вызывало ничего, кроме смеха. Значит, все, что Акадо сумел узнать о кристальном ветре в Элхарии, необязательно соответствует истине здесь, за океаном. Правила нового мира изначально известны были только теням, и они не трудились их объяснять. Людям оставался метод проб, ошибок, зачастую смертельных, и наблюдений. Кэрис предпочла бы не быть той, кто возьмет в руки кристальный ветер и обнаружит, что, вместо отпугивания иномирных тварей, он притягивает их подобно тому, как волны увлекают за собою песок.

— Подумай, — неожиданно спокойно согласился Акадо, словно и не нужна ему была помощь птицы, словно он с самого начала на нее не рассчитывал. — Но подумай вот еще о чем: что если Архааррад ничего не предпримет? Вообще ничего. Что случится с тобой тогда?

Уже на широкой, темной улице, где воздух холодил лицо, она гнала от себя непрошенные, страшные мысли. Нельзя сказать, чтобы они и раньше не приходили Кэрис в голову, но не думать их было куда как легче, когда в голове не звучал чужой безжалостный в своем умении выискивать неприятную правду голос. До сих пор Архааррад мог оставить ее в покое как раз потому, что его как нельзя кстати устраивала запертая во дворце собственной трусостью и сомнениями птица. Он уже получил все, чего желал, или был уверен, что получит, хоть Кэрис пока не видела, как и чем ее присутствие в Фезе могло пригодиться высшей тени.

В ночном городе было до ужаса тихо. На севере в городах подобной тишины не бывало вовсе: возвращались по домам запоздалые гуляки, доносились разухабистые пьяные песни из трактиров, выли и переругивались псы в подворотнях, скрипели ставни и двери. Здесь же остался лишь шепот песка, сонное движение теней на краю зрения. Даже воздух, удивительно чистый, пах вовсе не городом и множеством человеческих тел, а морем и остывшим песком. Все вокруг казалось эфемерным, застывшим в магии и во времени. В сказке, старой, как сам этот город, сказке. А в страшнейших из сказок тени давали героям золото и дворцы лишь затем, чтобы потом, как настанет срок, съесть глупых человечков. Бред, конечно, что за дело призрачным иномирным сущностям до живой плоти и крови, и однако же... однако же...

Укус на плече напоминал о белом жаре, об острых клыках, в тот миг очень даже настоящих и осязаемых. О теле на краснеющем песке в некогда белых, а теперь запятнанных алым одеждах послушницы, и о полупрозрачных тенях, тянущихся вниз, к жертве, с ветки раскидистого осеннего клена. Им говорили, сильнейшие из магов получают свои контракты еще в школе, без обязательного для остальных одаренных ритуала пути-восхождения. Им говорили, они получают лучших теней. Зря Нэла на это понадеялась, но что скрывать, тогда им обоим очень хотелось бы, чтобы слухи оказались правдой, чтобы одна маленькая адептка Храма стала жрицей, а другая — ее напарницей и звездой.

Ни до, ни после Кэрис не встречала никого, более достойного занять место в верхнем эшелоне Храма, получить в компаньоны тень из высших, чем Нэла. Умная, сильная, лучшая всегда и во всем, не то что сама Кэрис, чьи способности в магии учителями оценивались не иначе как средние. Кто, как не Нэла... Но нет, тень не приникла к протянутой в ритуальном жесте руке, а вцепилась в горло, и следом за ней из тьмы и шороха листвы во внутреннем дворе со всех сторон слетелись другие, бесформенные, бесшумные. Каждая коснулась оседающего на песок тела лишь раз, и в местах прикосновений ткань потемнела и влажно заблестела в свете факелов.

Кэрис, еще секунду назад застывшая на пороге света и тени в нетерпении и радостном предвкушении, готовая приветствовать новую жрицу, прокусила себе ладонь, чтобы не закричать. Развернулась и бросилась прочь, как тогда казалось, что было сил, но на деле спотыкаясь и с трудом волоча ноги, что для воспитанницы Храма немислимо. Конечно, тени ее видели, но не задержали, даже не придали значения. Повезло, что на ней-то они никогда не задерживались взглядом и даже не знали ее имени. Не следили, как следили за Нэлой в терпеливом ожидании, доступным только вечным духам ночных дорог. Кровь во дворе засыпали свежим песком сразу на рассвете. Внезапное отсутствие Нэлы учителя, такие спокойные, такие безмятежные объяснили перетасовкой, совсем не редким в школе явлением. Ее, Кэрис, убрали из поместья на следующий же день, и больше она уже не возвращалась к старому кленовому дереву во внутреннем дворе.

Девушка взобралась на гребень стены, уже не заботясь о том, кто мог ее увидеть, и неслышно стекла вниз, в сад. Развешанные на деревьях тут и там лампадки, защищенные от ветра стеклянными экранами, ночью, естественно, никто не зажигал, и пробираться по саду было непросто даже птице. В воздухе витал едва уловимый сладковатый аромат инжира и фиников, густой зелени и белых цветов. Кэрис прикрыла за собой резной ставень, отделяющий ее комнату от галереи. Провела ладонями по столешнице, чтобы забрать записку, но ничего не обнаружила. Должно быть, клочок бумаги упал на пол. Не желая, чтобы утром его нашли слуги, она обошла вокруг стола, медленно водя свечой, закрепленной в медном держателе. Записки не нашлось ни на столе, ни на полу, ни даже среди подушек на ковре. Она слишком устала, чтобы раздумывать еще и над тем, чем ей это может грозить, и где, а точнее, в чьих руках ее слова могут оказаться.

В голове было пусто, мысли, совершив с десяток ни к чему не ведущих кругов, иссякли и оставили глухую пустоту. Ее хорошо было бы заполнить сном, но сон никак не шел. И она лежала на чересчур широкой для одного человека кровати, невидяще уставившись в смутные очертания полога над головой. В этот раз хотя бы не было ощущения, будто тьма смотрит на нее в ответ. И на том спасибо.

Но все равно где-то там, вне пределов окружающих ее стен и вообще вне пределов человеческого мира существовал Архаррад, и ему не жалко было обеспечить птице и эту комнату, и эту ужасно огромную кровать, на которой ночью можно потеряться, и слуг, что каждый день приносят еду... Как в старых-старых сказках. Только в сказках героям помогали добрые тени, что уже само по себе смешно: кто и где вообще видел добрых теней? Или у героев были волшебные мечи, которых боялись твари чуждых пространств.

А у нее, вместо грозного артефакта, всего-то и есть, что смутные, обрывочные истории невесты о чем да непрочная связь с Перекрестком и позволение пользоваться его силой на время затянувшегося восхождения. И Акадо, что якобы собирается помочь ей добыть кристальный ветер, чтобы спастись от Великого Покровителя. Но только как это может быть правдой, когда он завел речь об артефакте еще до того, как они вошли в город, но тогда подразумевал, что защита ей может понадобиться от Искьерше? И он же нашел сюда дорогу, в место, нетронутое Перекрестком. В место, которого быть не может, но оно есть, и сюда можно попасть, только потеряв дорогу, звезду и тень в океане... Звездочет не то чтобы пытался ею манипулировать, но как-то раз за разом словно бы само собой оказывалось, что другого пути, кроме как следовать его указаниям, у Кэрис не оставалось. И это беспокоило больше всего. Положим, на «Симеду» она поднялась сама, соблазнившись низкой ценой и подходящим маршрутом, а затем вела корабль, потому как никто другой не сумел бы ни почувствовать скрытые течения, ни тем более коснуться их. Она привела Акадо в Фезу, потому что им некуда больше оставалось идти, и тогда выбор ближайшего крупного города казался оправданным.

Ей не нравилось думать, что и сейчас все подводило к единственному возможному решению: продолжить путь и отправиться дальше в Риерру за кристальным ветром. Это означало снова пойти на поводу у Акадо, но альтернатива пугала куда больше. Действительно, что она станет делать, если Архаррад так и не вмешается, не сделает первый шаг? Останется здесь. На год, на два, на весь остаток жизни, не решаясь что-либо предпринять, чтобы не вызвать гнев Покровителя. Утром ее разбудят слуги, принесут новый яркий саабр, завтрак, последние дворцовые новости и сплетни, и все повторится на следующее утро, и на утро после него. На весь остаток жизни, пока время не остановится

совсем, не превратится в один бесконечный день. Пока она не решится на что-нибудь отчаянное и безумное, лишь бы только вырваться из проклятой беззаботной жизни и из города несказанных пророчеств.

Может ли быть, что все это время она боялась не того, чего следовало бояться? Кэрис не знала, что было бы хуже — остаться на песке изломанной фигурой или же остаться в Фезе покорной игрушкой высшей тени.

Следующим утром Кэрис немалых трудов стоило постоять смирно, не сорваться с места, пока Казара завязывала ленты красновато-песочного саабра на ее боках и плечах, а затем застегивала маленькие крючки тахари на груди. Ей вычурных золотых медальонов-застежек не полагалось, и слава Перекрестку, мороки с их хитрыми замками было немало.

— Я не буду завтракать, спасибо! — выпалила девушка уже в дверях.

Насколько же проще было бы проскользнуть в другую часть комплекса зыбкой тропой! Но на глазах снующих по коридорам слуг и придворных об этом, разумеется, не могло быть и речи. Кэрис нечасто бывала в покоях Шаэн, но в пространстве ориентировалась прекрасно, как и всякий маг дорог. Через несколько украшенных бирюзовой и голубой мозаикой со сценами морских баталий коридоров и пары лестниц, подъем по которым в саабре как всегда в ее исполнении походил на краткий, яростный натиск, Кэрис добралась до палисандровой двери. Вырезанный на ней пустынный сокол широко раскинул крылья и нацелил на входящих острые когти. Каждое перышко неведомый резчик обозначил искусно и тщательно.

Она уже знала, что Шаэн завтрак подавали чуть позже и не в личных комнатах, а в семейной трапезной с несколькими длинными низкими столами. Не-Наэллор могли зайти туда разве что с груженными подносами, но птица уже успела ночами осмотреть множество якобы закрытых для нее внутренних помещений. Трапезная не впечатлила ее ничем, кроме отдельного алькова для музыкантов. Но укутывать Шаэн в саабр слуги должны были сейчас, это совершенно точно. Жизнь в городе, пропавшем и затерявшемся во времени и в песках, текла размеренно и неторопливо. Кэрис выучила все мелкие ежедневные ритуалы местной знати, распорядок их дней, излюбленные занятия и места отдыха. Это помогало не сталкиваться в коридорах с теми из Наэллор, каким она не желала попадаться на глаза, то есть с большинством из них.

Девушка постучалась, ожидая немедленного отклика.

— Шаэн? — разумеется, за дверь оказалась бы не сама золотая дева, но кто-то из прислуги должен был ее услышать.

Затем постучалась настойчивее, но дверь не распахнулась. За ней не раздавалось ни единого шороха, словно сегодня приемные покои заклинательницы не наполнились народом, как это обычно бывало по утрам. На резные плиты пола ложились неровные тени. Камни пахли солнцем. Дождавшись, пока мимо по коридору торопливо пробежит девочка с выбивающимися из-под кафайи кое-как расчесанными волосами и стопкой разноцветных тканей в руках, Кэрис приникла ухом к двери. Дворец не был бесшумным местом, даже сейчас издали доносились приглушенные голоса и шаги, слышалось еле уловимое звяканье колокольчиков. Но за дверь она не уловила ничего, кроме тишины.

Убедившись, что за ней не наблюдают, Кэрис глубоко вдохнула и принялась проговаривать про себя наставление, помогающее сосредоточиться и войти в необходимое для колдовства состояние.

— У дороги нет начала и нет конца. Путь не сковать, не запечатать и не запереть. Путь продолжается на любой из дорог, за любой из дверей... — она шагнула вперед, прямо в барельеф с изображением сокола, сквозь и мимо него. И оказалась внутри.

В покоях принцессы было пусто и тихо. Утренний свет, проникающий сквозь

витражные окна, рассыпал по полу и коврам многоцветные солнечные зайчики, отражался от зеркал и пузатых боков глазурованных кувшинчиков на столе. Комната, лишенная человеческого присутствия, вдруг показалась ей больше и пустынное, чем на самом деле. Дверь за спиной отрезала ее от остального дворца, скрыла все звуки и запахи, кроме постоянно витающего в жилых помещениях аромата меда и жасмина. Она словно не порог пересекла, а нырнула ненароком в чужую лауну. Только там можно было испытать похожее подспудное ощущение собственной неуместности. Интуиции Кэрис привыкла доверять, на бездорожье иначе не выжить. Она сделала было шаг назад, но тут же взяла себя в руки.

Не хотелось признавать, что такая малость как неожиданно-пустая комната могла поколебать ее решимость и выбить из колеи. Еще больше не хотелось думать, что Акадо может оказаться прав, и в Фезе ее не держит ничего кроме собственной трусости. Но ведь это не навигатор рисковал жизнью, идя наперекор желаниям Великого Покровителя, а она. Ему, никакого интереса для теней не представляющему, легко было судить о поступках бывшей корабельной звезды из маленького, уютного магазина, затерянного на узких улочках.

Кэрис прошла в следующую комнату, служившую для посиделок за чашкой охлажденного красного чая и вечерних чтений. Разбросанные с вечера книги никто не расставил по местам, как не убрал и высокие стеклянные стаканы с остатками лавандового лимонада. В нескольких оставленных не на положенном месте вещах не было бы ничего тревожащего, если не осознавать, что находились они в личном кабинете золотой девы, за коей никогда не ходило менее двух служанок. В следующее мгновение взгляд птицы поймал холодный блеск разбитого стекла у дальней стены. За приоткрытой дверью в спальню виднелась полутемная комната, куда никто не пришел открыть ставни после рассвета. Она помедлила на пороге, не то чтобы беспокоясь о Наэллор, ведь что могло случиться с ней во дворце? Тем более во дворце благоволящей семейству высшей тени... разве что с ведома и позволения Архааррада.

— Шаэн? Ты здесь?

Она еще раз стукнула по косяку костяшками пальцев. Звук вышел неуверенный и едва слышный. Не дожидаясь ответа, заглянула внутрь.

Хозяйка комнат, подперев подбородок ладонями, сидела за изящным столиком, заставленным вычурными флаконами с благовониями и коробочками косметических мазей и притираний. Зеркало на стене отражало в полумраке бледное, ничего не выражающее лицо.

— Все вон, — бесстрастно бросила Шаэн, не повернув головы.

Саабр сидел на ней безупречно, но тахари в беспорядке валялись на разобранной постели. Золотые нити узоров тускло блестели. Перевязанные на ночь лентами косы, наполовину распущенные, никто не переплел в сложную утреннюю прическу, отчего черты лица Шаэн казались мягче, ранимее. Даже сейчас, нерасчесанные с ночи, черные волосы струились гладким шелком, ничем не напоминающим наспех приглаженное мокрой щеткой гнездо на голове Кэрис. Заклинательница выглядела хрупкой, потерянной.

— Никуда я не уйду, — Кэрис упрямо склонила голову и, вместо того чтобы развернуться, очутилась за спиной южанки.

Та метнула в девушку гневный взгляд.

— Я же заперла дверь, как?.. А, ну да, разумеется, — протянула Шаэн, скривив идеально очерченные губы, — теперь ты ходишь сквозь стены.

В тоне золотой девы слышались горечь и издевка, каких ранее не наблюдалось. Шаэн

прекрасно умела прятать пренебрежение за безукоризненной вежливостью, скрывать нетерпение и раздражение за милой улыбкой — когда хотела. Сегодня она не хотела. Но и Кэрис явилась вовсе не за тем, чтобы Наэллор вымещала на ней поганое настроение. Что бы там у принцессы ни случилось, Кэрис полагала, что ларец с новыми драгоценностями или новый наряд мигом вернут ей прежнее беззаботно-счастливое расположение духа. Жаль, ей самой от теней золотом не откупиться, да и каверзные вопросы Акадо из головы просто так не выкинуть.

— Я пришла спросить кое-что важное. Зачем Архаарраду кристальный ветер?

Шаэн воззрилась на птицу, будто не понимая вопроса. Теням, как правило, несвойственны были ни привязанность к объектам материального мира, ни стремление обладать его сокровищами. Более того, они настолько мало интересовались обстоятельствами и мелочами человеческих жизней, к каким относили и вещи в любом их проявлении и назначении, что не утруждались запомнить, чем один предмет отличается от другого и для чего предназначен. Само представление, что дворец, как и вся Феза, принадлежит Архаарраду, было исключительно человеческим: не более чем выражением уважения к силе высшей тени со стороны горожан. Великий Покровитель мог при случае снизойти к их просьбам, но город заботил его лишь как место, где удобно было держать его Наэллор. Людей, в отличие от вещей, тени — не все, но отдельные их представители, — коллекционировали, иначе не возникли бы в древности Великие Дома.

Но при этом кристальный ветер был не просто предметом, а артефактом, средоточием магии. Нечто подобное вполне могло привлечь внимание Архааррада.

— Незачем, — отрезала Шаэн.

— А все-таки?

Наэллор закатила глаза. Затем запустила пальцы в волосы, выпутывая ленты.

— Открой ставни, пожалуйста... Спасибо. Так вот, кристальный ветер господину Архаарраду не нужен. Сотню лет назад на всем Ошрате остался только один кинжал, и господин сам отдал его Серому Ордену. Зачем спрашиваешь?

Она не сказала, что раа-ши в любой момент может получить артефакт обратно, если захочет, но явно это подразумевала. Все теории, выстраиваемые Кэрис на протяжении ночи, рассыпались, как давно нехоженые тропы. Наэллор намного превосходили ее в магии, и единственное, что птица могла делать лучше: в кратчайшие сроки преодолевать огромные расстояния и проникать в закрытые для других места. Заполучить с ее помощью древний артефакт казалось логичным и очевидным решением. До этой самой минуты.

— Кристальный ветер может ранить тень, — пробормотала она, сама понимая, насколько нелепо это звучит.

Даже в ее книгах со сказками не было ни одной, где человеку удалось бы убить тень. Сбежать, перехитрить, договориться, но не избавиться, не отпугнуть. Хотелось бы верить, что подобное оружие существовало в мире, но если бы то было так, Архааррад никогда не отдал бы его в руки человека. Тем более не в руки открыто пытающихся противостоять теням серых. Или... напротив, отдал бы, посчитав результат забавным и открыто указав смертным на их беспомощность?

Тени не использовали людей для избавления от себе подобных и внутренние разногласия решали сами, зачастую с применением непредставимой магии. Битвы высших теней, выплескиваясь в мир человеческий, служили причиной колоссальных разрушений, порой даже изменения облика мира, хоть и не настолько масштабного, каким стал Излом.

Они же были причиной отсутствия у городов и государств регулярных армий. Оказалось, если собрать крупный отряд в одном месте, высшей тени будет удобнее с ним расправляться, только и всего.

Как и почему все еще продолжал существование Серый орден, созданный тысячелетия назад для противостояния теням, оставалось загадкой. Никаких видимых успехов серые все равно не достигли, разве что приобрели славу охотников на чудовищ более мелкого масштаба: монстров из плоти и крови, каких можно было коснуться честной сталью. Тени, верно, относили деятельность ордена к скучной повседневной возне смертных, позволяя множиться и процветать.

Шаэн перебирала баночки с мазями, пудрами и красками, открывала, рассматривала, нюхала ароматические масла, и по комнате разливались горьковатые запахи удовой древесины и пустынных цветов. В ее движениях не было целеустремленности, желания найти нечто определенное. То были жесты человека, не знающего, чем занять руки. Она даже в зеркало ни разу не взглянула, и волосы так и оставила наполовину расплетенными, будто совсем о них забыла.

— Ну и чушь. Это у вас на севере в такое верят? Убить кристальный ветер может только сновиду и еще некоторых тварей заграния, но никак не нематериальную сущность. Еще у Раббаса ар-Танде сказано, будто он открывает двери и закрывает их, но не совсем ясно, что именно подразумевалось под дверьми. В любом случае, раз уж ты собралась убить нашего господина, скоро тебе представится возможность попытаться. Но ты это и так уже знаешь, да? Потому и пришла.

Птица настороженно вскинулась, не веря, что Шаэн может знать о ее ночной вылазке, но и не понимая, о чем та говорит.

— О чем это ты?

Очередной флакон, источающий нежный аромат цветов лимона, Шаэн закрыла с большей силой, чем следовало, резким движением отправила к остальным под жалобный перезвон стекла и клацанье фарфоровых баночек.

— Ну как же, скоро великий магистр прибудет в Фезу, и кристальный ветер вместе с ним.

Вспомнив наконец про прическу, Шаэн дернула за ленту, поморщилась от боли. Еще минуту назад Кэрис была бы рада этой новости, теперь же не знала, что и думать. Слишком уж все оказалось вовремя, подозрительно вовремя и удобно. Не придется ни примыкать к каравану, пересекающему пустыню, ни отправляться вглубь континента, ни пробираться в тщательно охраняемую и неприступную цитадель Серого ордена. Какое удачное совпадение! Надо всего-то подождать, и кристальный ветер сам придет в руки.

Наверное, если бы она и правда воткнула кинжал в Архааррада, того бы это здорово посмешило.

— Зачем главе Ордена ехать в Фезу?

Она очень хотела бы услышать, что магистр совершает ежегодный визит к каждому из Великих Покровителей. Лучше бы его прибытие не было связано с личным приглашением Архааррада, коего метания птицы забавляли достаточно, чтобы подтолкнуть события в нужном ему направлении и насладиться нелепыми и заранее обреченными на провал трепыханиями смертных.

Шаэн развернулась и внимательно посмотрела на нее, не отрывая ладоней от очередной коробочки с краской. С нечитаемым выражением лица она наблюдала, как птица плавно

шагает по комнате от стены к стене. Кэрис не останавливалась и тем более не присаживалась на подушки у кровати вовсе не от невозможности успокоиться, унять круговорот мыслей и страхов, но потому, что движение было естественным, правильным. Движение было самым обыденным ее состоянием. Молчание затягивалось.

— Он хочет от меня избавиться, — неожиданно прошептала Шаэн.

Маска золотой принцессы дала трещину, и на миг из-под нее выглянула беззащитная, растерянная девушка. Но Наэллор тут же отвернулась и ровным голосом объявила:

— Меня отсылают в Риерру.

— Архааррад отправляет тебя прочь из Фезы? Но ты же его Наэллор, тени никогда не отдадут своих людей...

— Если ты не заметила, у господина есть любимцы, и я в их число не вхожу, — она помолчала, бледная, странно сосредоточенная, и, не отрывая взгляда от коллекции косметики на столике, пояснила: — Не думаю, что ты верно оцениваешь ситуацию. Господин Архааррад не хочет от меня избавиться, я не совсем удачно выразилась. Он скорее не замечает моего существования и никогда не замечал. Поэтому, когда владыка решил выдать меня за магистра Керано, наш Покровитель не стал вмешиваться. Ему все равно, оставить меня или отдать.

Кэрис захотелось схватить ее за плечи, встряхнуть, напомнить, что она — Наэллор, дочь Великого Дома. Высшие тени долго и придирчиво отбирали себе людей, лично следили за чистотой семейных линий и жестко пресекали неудобные им связи. Кровь и магию Великих Домов оберегали их сверхъестественные покровители. Они не отдавали другим плоды своих трудов, уж точно не результаты тысяч лет селекции. Наэллор принадлежали Архаарраду с незапамятных времен. Он создал Великий Дом из ничего, богатство и влияние семейства опирались на его силу и могущество, а вовсе не на количество золота в сокровищнице или наличие личной стражи. Древние обязательства связали Шаэн с Архааррадом задолго до ее рождения, как до того связывали бесчисленные поколения ее предков.

В смятении птица не понимала, что чувствует и как ей относиться к неожиданным откровениям. Да, она была рада за Шаэн и сама многое бы отдала, чтобы выйти из сферы власти и внимания тени. Но в том, как просто и внезапно произошло отделение золотой девы от семьи, было нечто тревожащее, подрывающее само мироустройство, каким его знала Кэрис. Не было ничего нового в желании Архааррада добавить к коллекции еще одну одаренную, но и ничего хорошего в готовности отдать Шаэн. Планы раа-ши в свете открывшейся информации становились только запутаннее и сложнее. И все-таки в утверждение Шаэн, будто Покровителю все равно, и он не видит в ее существовании никакой выгоды, девушка не верила.

— А как же твоя помолвка с Иерне-Тальн?

— Расторгнута.

Шаэн держала спину очень ровно, на Кэрис по-прежнему не смотрела, и по отражению ее лица в зеркале нельзя было понять, что она думает ни о расторгнутой помолвке, ни о предстоящей свадьбе. Чувствовалось, что спрашивать о том бессмысленно и узнавать о планах золотой девы тоже. Несмотря на высокое положение и принадлежность к правящей династии, если не благодаря им, выбора у нее было не больше, чем у Кэрис, вокруг которой бродили, сужая круги, бессмертные иномирные твари. Шаэн может разбить еще пару стаканов, запереться на несколько дней в своих покоях, но против воли владыки не пойдет.

— Тебе-то бояться нечего, тебя он оставит себе. Единственная на юге сплетающаяся

дороги, ну конечно, он такую хочет... Можешь забрать себе мои комнаты. Мне все равно.

Ни в позе, ни в голосе Шаэн ничего не изменилось, но как раз это и выдавало, что ей совсем не все равно.

— Не хочу. Я вообще не хочу здесь оставаться, — призналась Кэрис, не переставая мерить комнату шагами.

Теперь обе девушки избегали смотреть друг на друга. В спальне мало-помалу становилось жарче, прямоугольники света от застекленных окон медленно ползли по полу к кровати по мере того, как солнце поднималось выше. Свет коснулся разложенных на покрывалах тахари, золотые нити засверкали и заискрились. Наэллор замерла, и чем быстрее из угла в угол металась птица, тем неподвижнее казалась Шаэн.

— Не хочешь оставаться в Фезе и становиться кхайи, — усмехнулась она. — А чего хочешь?

Кэрис остановилась. Действительно, чего? Может, мирной жизни на островах, где она никогда не была, но слышала, что там нет теней. Но она столько всего слышала и знала, вернее, думала, что знает, а все внезапно оказалось не совсем так или совсем даже не так... Южный континент не стерт Изломом, его магия отвечает слову, а не движению и намерению, а дороги ровные и непрерывные, как линии на бумаге. Люди здесь не боятся теней, зато все еще верят в сновид. Великий Покровитель готов отдать свою Наэллор, будто та не представляет никакой ценности. Отдать даже не другой тени по некоей неведомой смертным договоренности, а Серому Ордену, что до сих пор не прекратил бесплодных попыток изгнания тварей и их магии из мира. Картина вырисовывалась странная и бессмысленная. Кто знает, насколько достоверны были имеющиеся у нее сведения об архипелаге, и что на самом деле она встретила бы на Пограничном, если бы путешествие «Симеду» прошло, как и планировалось.

— Ты не хочешь уезжать из Фезы, — неловко ушла она от ответа.

— Феза мой дом. Кто покидает дом по собственной воле?

Кэрис могла бы ответить на этот вопрос, нелепый по своей сути, но благоразумно промолчала. У нее дома не было никогда, только десятки филиалов школы и сотни дорог.

— Конечно, я бы осталась, если бы он позволил, — продолжала Шаэн. — Все лучше, чем быть отданной неизвестно кому, и если бы еще в другой Дом!

— По-твоему, выйти замуж хуже, чем оказаться подарком для другой высшей тени?

Наэллор вновь потянулась к косметике, поднесла к носу флакон, источающий незнакомый сухой и терпкий аромат, и только потом ответила:

— Я дочь Великого Дома.

Кэрис достаточно времени провела во дворце, чтобы принять такое объяснение. То ли для Шаэн брак с человеком, к числу заклинателей не принадлежащему, был много ниже ее статуса, то ли, как и любой представитель Великого Дома, она видела высшее счастье в служении духам доменов. Если не то и другое одновременно.

* * *

О предстоящей свадьбе не объявили во всеуслышание, и признаков приготовления к торжеству заметно не было. Слуги неторопливо собирали вещи Шаэн ар-Наэллор и ее приданое. Среди последнего было много предметов искусства, картин, тканей, ковров, изысканной посуды и мебели, но мало вещей практичных и полезных. Кэрис пришлось

напомнить себе, что новый дом Шаэн в Риерре будет отличаться лишь много более прохладным и влажным климатом, а образ жизни вряд ли сильно изменится. Ничего не зная о магистре Керано, она тем не менее не сомневалась, что он достаточно богат, чтобы его будущей супруге не пришлось изменять своим привычкам.

Невеста ни разу не пришла взглянуть на приготовления. Она вела себя так, словно и не ожидалось никакой свадьбы, разве только небольшое путешествие в столицу, до того кратковременное, что о нем и упоминать не стоило. Шаэн не следила за сбором вещей, не задавала вопросов о будущем муже, его семье или доме, не прощалась с родными, и те отчего-то тоже делали вид, будто ничего не происходило. Теперь девушки выходили в город каждый день. На пустых, занесенных песком улицах Шаэн раз за разом просила показать ей еще немного магии дорог, но уже не пыталась учиться и повторять за птицей. Порой Кэрис ловила ее ищущие, беспокойные взгляды, обращенные то на нее, то на окружающие заброшенные здания или вездесущий красноватый песок.

Если где-то и крылись ответы на ее невысказываемые вопросы, то не здесь, не в древнем и умирающем городе. Глядя на Шаэн, Кэрис, и без того тихая и молчаливая, чувствовала себя потерянной. И в то же время осознавала, что в любой миг готова была поменяться с Наэллор местами. Магистр, каков бы он ни оказался, все же был человеком, а не жуткой иномирной сущностью, с которой надо разделить тело, душу и саму жизнь, как того страстно желала Шаэн. Она не знала, не понимала, неоткуда ей, воспитанной в благоговении к Архаарраду и ему подобным, было понять. Кэрис не была уверена, что у нее получится объяснить, но должна была хотя бы попытаться.

— Я никому не рассказывала, как здесь оказалась. То есть не как, а почему. Не про «Симеду» и остальное, а про то, что было еще раньше. Почему я сбежала.

— Из-за Искьерше?

Девушка помотала головой. Да, Искьерше она боялась, и страх только возрос после подтверждения того, что укус на плече не просто результат мимолетного желания тени, а объявляющая об интересе невысказанных намерениях метка. Но только огненная тень была не первой.

Они сидели на маленькой террасе, закрытой от солнца увитыми цветущей зеленью решетками и полосатым полотняным навесом. Шаэн знала подобных мест великое множество, и везде в городе ее привечали как желанную гостью. Им подали холодный чай с медом и засахаренными розовыми лепестками, но, несмотря на это, Кэрис не могла с уверенностью сказать, что они пришли в чайную. Здесь не было ни других столиков, ни тем более других посетителей. Казалось, девушки зашли в гости к старому другу, вот только радушный хозяин отлучился и предоставил слугам самим поить и развлекать их.

— Ты уже знаешь про школу и наш выпускной экзамен, восхождение, — начала Кэрис, принявшись расхаживать от увитого цветами экрана до маленькой неприметной двери, ведущей на террасу.

Ученики школы считались равными в возможностях, им всем предстояло пройти один и тот же ритуал по завершении обучения. Разумеется, они верили, будто все, к испытанию дорогами допущенные, не могут его не пройти. Не для того их натаскивали пятнадцать лет. Различие будет, конечно же, но только в силе и способностях тени, с которой удастся заключить договор. Лучше всего, если тень эта будет из диких, еще не оказывавших Храму посильной помощи. Человечеству для выживания в искаженном мире севера необходимы были могущественные союзники, и что поделаться, если единственным способом заручиться

поддержкой какой-нибудь жути из-за грани бытия было приношение ей в жертву одаренного. Как успех в ритуале вознесения, преподносившийся ученикам как великая честь и священный долг, так и провал в сущности означали одно и то же — смерть заклинателя дорог. Вопрос заключался лишь в том, когда и каком обличье она явится. Пока обычных людей косили голод и болезни, звезды и жрецы знали: их смерть стоит за плечом, их срок сокращается день ото дня.

Объяснения Кэрис были путанными и эмоциональными, говорить складно ее не учили, но она и не могла сказать ничего такого, чего Наэллор не знали бы поколениями. Шаэн неопределенно пожала плечами.

— Они суть иное, и, делясь с нами силой, невольно отдают и частичку себя. Тела смертных служат плохими проводниками магии, а переносят ее и того хуже.

Птица обожгла ее сердитым взглядом. Легко ей рассуждать о сути чародейства! Что бы там в давние времена ни сделали с Великими Домами, какую бы селекцию или магию ни использовали, но из их представителей получались идеальные заклинатели. Ни малейших неудобств ни от присутствия Архааррада, ни от разделения с ним магии ни один из Наэллор не испытывал. Сперва она думала, что причина кроется в разделенном контракте, позволяющем связать высшую тень с десятками человек одновременно, что на севере уже само по себе было немыслимо. Но нет, Наэллор сопровождало и множество других теней, находившихся в подчинении у раа-ши. Непохоже, чтобы Мейдир испытывал хоть малейшее неудобство от присутствия своих трех теней, тогда как для обычного человека даже одна становилась нелегким бременем.

— Разве не естественно, что, отдавая нам немного себя, они вправе рассчитывать на частицу человеческой сути в ответ? Это самая распространенная плата за силу, для каждого заклинателя своя. Магия имеет цену, и чем она сильнее, тем выше цена.

— Естественно?! Может быть — для тех, кто знал, на что идет, и был на это согласен, а нас просто отдают, не предупреждая о плате и последствиях и не спрашивая нашего мнения!

Шаэн гордо вскинула голову, темные глаза горели яростным золотым огнем.

— Так не пользуйся магией, за которую не желаешь расплачиваться! Тысячи людей хотели бы оказаться на твоём месте, стать кхайи это... это честь, это мечта! А тебе дар достался от рождения, и...

Ее прервал горький смех Кэрис, которая и рада была бы признать себя эгоистичной, неблагодарной девчонкой, по прихоти судьбы получившей доступ к силе, о какой большинство и мечтать не может. Но правда, как всегда, была немного сложнее.

— Вам всем тоже говорят, будто сильнейший маг в поколении получает самую лучшую, самую могущественную тень, да? — дождавшись осторожного кивка Шаэн, она зло выкрикнула: — А это не так, это все ложь! Никто не знает, как оно все происходит на самом деле, как и почему они выбирают себе людей — и что происходит с теми из нас, у кого никого не выходит привязать к себе. Что с нами случается?

— Одаренных во все времена рождалось больше, чем существует согласных на договор теней. Конечно, они выбирают лучших, а остальные живут обычной жизнью, зачастую и не догадываясь о своем потенциале.

— Тогда где они, Шаэн? Даже маг без контракта, как я, все равно способен на несколько простых фокусов. Много ты таких знаешь?

— Нескольких знаю, — холодно отрезала та. — Их магии хватает, чтобы видеть теней, но и только. И не пытайся меня убедить, что их приносят в жертву высшим, эти убогие слухи

уже давно распространяет Орден. Я достоверно знаю: в них нет ничего правдивого. Господин Архааррад таких магов даже не замечает, их жизнь и смерть для него равнозначны и несущественны.

Птицы, конечно. На юге были и свои птицы, слишком слабые, чтобы представлять интерес для заграния. И потому все еще живые.

Молчаливые, бесшумно ступающие в мягких туфлях слуги вновь наполнили кувшины холодным чаем и лимонадом, оставили на столе поднос с выпечкой, после чего с поклонами удалились. Терпкие и пряные запахи корицы, аниса и кардамона облаком окутали небольшую террасу. С улицы доносился мелодичный перезвон колокольчиков. Жара пробиралась в складки тахари.

— Они не считают нужным скрывать интерес, — продолжила Шаэн как ни в чем не бывало. — Сразу видно, кого выделяют среди остальных.

— Да, — прошептала Кэрис, на мгновение замерев у витого цветами экрана. — У нас они тоже не скрывают, кого выбирают в будущие жрецы. Теням ведь не запретишь сопровождать понравившегося им человека что в школе, что в пути. Обычно такие одаренные и правда становятся жрецами, но не все. Иногда...

Она запнулась, не зная, как объяснить Шаэн нечто, что, возможно, вообще не имело места быть на юге с его куда более сложной и разнообразной магией. С тенями, что не облюбовывали укромных мест и заброшенных жилищ, не показывались на глаза и не подбирались к ночным кострам.

— Нас не так уж мало остается после первого отбора, будущих звезд и охранителей, в исключительных случаях и жрецов. Но отчего-то после каждого восхождения новых магов появляются считанные единицы. Этого незаметно на первый взгляд из-за раздробленности общин, политики Храма и самого образа жизни одаренных. Их должно быть гораздо, гораздо больше — но их нет. Я могу допустить, что какая-то часть неизбежно теряется на бездорожье, пропадает в лакунах или поглощается зеркалами и блуждающими миражами. Но мы гораздо чувствительнее к проявлениям Перекрестка, чем обычные люди, и обучены их избегать. На бездорожье просто нет ничего такого, что могло бы десятками забирать одаренных. Кроме теней. Ну да, ну да, есть еще различные жуткие твари лакун, но они сами, как правило, далеко от осколков своих миров не отходят, если только миражи не бросают их куда-нибудь к самым границам поселения или на головы путников... Я, например, никогда их не встречала, зато диких теней видела постоянно. У вас их почему-то нет, не знаю почему.

Она не стала упоминать, что будущие звезды могли заблудиться, сама идея была до нелепости абсурдна. Шаэн рассуждения птицы нимало не впечатлили.

— Судя по твоим рассказам о бездорожье, Элхария куда ближе к грани, чем Ошрат. Полагаю, не каждой дикой тени хватает личной силы на проявление в физическом мире, а те, что присоединились к стае господина Архааррада, живут на его территории, в отблесках его личной силы.

Кэрис рассеянно кивнула. Она никогда не задумывалась, насколько комфортно низшим теням может быть в тесном физическом мире, на севере такой вопрос вообще не стоял. Могло ли быть, что в Элхарии они хоть частично, но опирались на силу Господина Перекрестков, как делали птицы и адепты до заключения личных контрактов? Да, нет, возможно. Имеющихся у нее знаний все равно не хватило бы ни подтвердить, ни опровергнуть догадку Шаэн. Но если Забытый на самом деле призвал в мир самс

воплощение Домена Перекрестка, что и стало причиной Излома и нового миропорядка, ничто не могло помешать Господину Перекрестков взять на себя ту же роль, что в Фезе играл Архааррад, вобрать весь континент в ауру собственной силы и позволить и теням, и смертным вытягивать из нее ниточки для плетения дорог.

— Не забудь добавить к списку подстерегающих учеников опасностей никакого отношения к магии не имеющие, — продолжала принцесса, опуская в стакан с лимонадом ярко-зеленую веточку мяты. — Несчастные случаи, хищники, отравления и болезни. Да мало ли что еще. Ну в самом деле, если у вас принято испытывать молодых магов, выкидывая их в глушь на несколько месяцев в полном одиночестве, какого еще результата можно ожидать? Даже я, живя в Фезе, слышала, что в северных областях материка порой достаточно остаться на ночь под дождем, чтобы слечь с лихорадкой.

Не то чтобы Шаэн была совсем неправа, но обогнать дождь и холод, как и любого хищного зверя, было совсем просто. Куда опаснее виделись травмы, затрудняющие передвижение. Перелом ноги или обычный вывих, влекущий за собой невозможность передвигаться с привычной сноровкой, тут же выводил мага дорог из строя. Мало что казалось страшнее, чем оказаться среди бездорожья, не будучи при этом способной держаться на ногах.

— В школе у меня была подруга. Нэла. Из тех, кого считали особенными, кого выделяли. Учителя говорили, что она, возможно, сильнейший маг в поколении, а тени следовали за ней по пятам. Будущая жрица.

Шаэн не шевелилась, не выказывала даже поверхностного интереса, и казалось, целиком ушла в собственные размышления. Что ей до девочки, некогда считавшейся талантливейшей одаренной на далеком севере. У Великих Домов таких, должно быть, рождается трое на каждый десяток, а не единицы в поколении, ради которых Храм и проводит отбор.

— Тени разорвали ее в клочья, — сухо закончила Кэрис.

По одному прикосновению, по одному укусу от каждой. По одному глотку крови, темной и маслянисто блестящей в свете факелов.

— Ну и чушь! Кто тебе ее только рассказал? Тени не трогают магов.

Я там была, я видела, хотела сказать она. Слова застряли в горле. Неумелые попытки объяснить, предупредить обернулись опустошением и усталостью. Конечно, Шаэн ей не верила, и птица не могла ее за это винить. На ее месте она тоже не поверила бы. Тело к утру убрали, как и запекшийся от крови песок. Учителя больше никогда не упоминали о Нэле. Перетасовки тогда длились уже несколько лет и чаще инициировались внезапными распоряжениями Храма, чем волей наставников. Исчезновение адепки вызвало не больше вопросов, чем обычно. Проснуться и обнаружить соседнюю кровать пустующей было в порядке вещей. Не отправься они тогда вдвоем в ночную вылазку, Кэрис и сама бы считала, что Нэла продолжила обучение в другом филиале, а затем, разумеется, обрела тень и красно-белые жреческие одежды. Но вместо этого она за миг до запомнила тонкую девичью фигурку в свете факелов, протягивающую вверх, к ветвям кленового дерева, к замершим на них теням, открытую ладонь в ритуальном жесте предложения союза...

Она не знала, даже себе самой не могла объяснить, почему хотела открыть заклинательнице глаза. Шаэн как ар-Наэллор опасность угрожала в последнюю очередь. Не желала больше оставаться единственной, кто знает, чтобы Шаэн продолжала смотреть на Архааррада как на снизошедшее до человечества божество, а не хищную потустороннюю

жуть.

Хуже всего было то, что временами ей казалось, будто убийство Нэлы не что иное, как недоразумение, несчастный случай, вызванный взаимным непониманием. Слишком многое они, две маленькие дурочки, могли сделать не так. Нэла предложила себя слишком рано или не той тени и уж точно не пересекла ради экзамена половину континента. Им тогда мнилось, что незачем это делать, все и без того признавали Нэлу лучшей из магов их поколения, а экзамен... экзамен не более чем дань традициям. Необязательная дань. Но, может, восхождение все-таки было необходимым этапом становления? Она долго размышляла, наблюдала. Если бы твари и правда имели привычку планомерно охотиться на людей, ничто не мешало им делать это в крупных городах и общинах, смертным совершенно нечего было противопоставить чуждой силе и власти над реальностью. Но нет, если маги и пропадали, то на бездорожье за незримыми границами, сдерживающими Перекресток. Обычные же люди для духов словно и не существовали вовсе.

* * *

Чем скорее приближалась свадьба, тем беспокойнее становилось Кэрис. Она хотела бы улучшить возможность и ускользнуть из дворца для разговора с Акадо, но Шаэн из-за скорого расставания старалась держать девушку при себе. Она утешала себя тем, что слухи о скором приезде магистра дошли и до города, а если и нет, Акадо не принял бы поспешного и необдуманного решения. Не отправился бы добывать кристальный ветер в одиночку, не дождавшись ее ответа. В это время года, когда дневная жара и не думала спадать, а до штормов в океане оставалось всего ничего, отправляться в путешествие было слишком рискованно. Даже прибывающему отряду Ордена неизбежно придется переждать в Фезе до конца осени — так она считала, пока Казара, в одно тихое утро явившаяся прислуживать гостю, не выпалила:

— А вы видели новый корабль, ан?

Кэрис помотала головой.

— Что, серые уже приплыли?

Новость оказалась неудивительной, орденцев ждали со дня на день. Морских звезд у них, конечно, не было, но попутные ветра и течения, видимо, сыграли людям на руку.

— Да нет же, корабль совсем другой, ни на что не похожий. Целых две мачты, и паруса огромные как... как водяные башни!

Кэрис вскинула голову, боясь поверить, что наконец-то услышала о «Симеду». Сердце учащенно забилось, оставаться на месте стало невыносимо. Служанка торопливо завязывала на ней саабр, пытаясь деликатно придержать за плечо, и продолжала:

— Никто не знает, откуда он взялся, но владыка отдает его госпоже Шаэн ар-Наэллор вместе с приданным, и слуги уже с рассвета грузят в трюм сокровища и припасы в дорогу до Анкр-Сахта.

Анкр-Сахт... Для Кэрис не более чем маленькая точка на карте далеко на побережье к северу от Фезы, где пустыня постепенно переходила в разнотравную степь. Сама она предпочла бы проплыть немного дальше и через устье Ашширины подняться к Риерре против течения. Но раз серым, куда лучше знающим местность, это в голову не пришло, или река изобиловала непроходимыми порогами, или им требовалось отклониться от курса и сделать несколько остановок в пути. Или просто «Симеду» не слишком-то подходила для

путешествий по рекам, будучи созданной для океанских просторов.

Кэрис вывернулась из рук Казары, не успевшей как следует застегнуть на ней серо-синее тахари, выскочила из комнаты. Ей пришло в голову, что с кораблем отправится и прежняя команда. Каравелл или подобных им кораблей у южан попросту не было. Несомненно, местных матросов можно было научить управлять незнакомым судном, но доверять неопытной команде жизни главы Ордена и его невесты в городе бы не решились.

Впервые на ее памяти порт был полон народа и на миг напомнил Ансвольм. Люди толпились у пристани, но внимание их было поглощено вовсе не вереницей работников, один за другим вносящих в трюм резные и расписанные яркими красками сундуки с приданым, а плавными очертаниями северной каравеллы. Крыши складов и припортовых таверн, куда можно было залезть по приставным лестницам или через люки на крышах, усеяла детвора. Над восхищенным гомоном и гулом, над покрытыми разноцветными кафайями головами пустынников высились знакомые мачты, и реяли паруса. Белоснежные, совсем новые и не знающие еще ни соленых ветров, ни разрушительного дыхания аномалий. Зевак оттесняли от сходен воины Ордена в невзрачных легких доспехах из вываренной кожи. Подобраться поближе, пробраться сквозь толпу и взглянуть, кто там на палубе, было совершенно невозможно. Девушка завертела головой в поисках крыши, на какую можно было тихо и незаметно забраться, чтобы оттуда, когда взгляду ничто не будет мешать, дальний взор позволил ей получше рассмотреть «Симеду».

Птица устроилась на крыше бывшего портового представительства за скульптурной композицией дельфинов, подняться куда для обычного человека не представлялось возможным. Она тут же узнала стоящего на корме Наския. Туника-галабея сидела на нем как на заправском пустыннике, не скрывая приметную чуть скособоченную коренастую фигуру. Затем Кэрис крепче ухватила дельфина за каменный плавник и всмотрелась в «Симеду», зная, что магия дальнего взора будет действовать недолго, и нужно успеть охватить взглядом как можно больше, пока не закружится голова, и не потемнеет в глазах. Рядом с боцманом с неудовольствием обозревал собравшуюся толпу капитан Америкен, которому удивительно шла ярко-желтая кафайя. Вынужденное заточение пошло ему на пользу: в лице капитана, сосредоточенном и хмуром, не осталось и следа прежней сонливости. Кэрис переводила взгляд с одного знакомого лица на другое и все их находила посвежевшими и даже несколько пополневшими, и понимала, что экипаж наверняка держали под замком, но совсем не в темнице, и недостатка в еде они не испытывали. Лойна и Сайан, запрокинув головы, любовались тонкими башнями и террасами Фезы.

Подать бы им знак... Пусть остальные и не знали, но на пристани сейчас собрались все члены экипажа, приведшего каравеллу к южному материку. Все, кроме Акадо. Но тот не мог не знать о возвращении «Симеду» в порт, он тоже должен был явиться. Кэрис ползком, чтобы ее не заметили, сместилась к краю крыши и завертела головой. Она достаточно хорошо изучила привычки навигатора, чтобы не искать его в самой гуще толпы. И верно, уже через несколько минут она наткнулась взглядом на высокую фигуру в закрывающей лицо до самых глаз кафайе. Акадо стоял, сложив руки на груди и прислонившись к маленькой будке портового сторожа, откуда хорошо просматривалась пристань. Рядом с ним, подавшись вперед всем телом, переминался с ноги на ногу книготорговец, Ришшек ан-Найи, коему хватало роста, чтобы смотреть поверх голов.

Вот ан-Найи, поглощенный зрелищем, пошатнулся, и Акадо быстрым движением схватил его за рукав. Оборотился к книжнику, будто пытаясь что-то объяснить, растолковать,

но тот только досадливо отмахнулся. Он не сводил с «Симеду» восторженного взгляда. Но вот оба мужчины, не сговариваясь, плавно и слаженно повернули головы, и птица оказалась на перекрестье их взглядов. Она вздрогнула, чувствуя, что, несмотря на разделяющие их сотню метров и плотные, непрерывно стекающиеся к воде потоки людей, взгляды обоих были направлены точно и только на нее. Было в этом нечто жутковатое, схожее с безошибочной прицельностью взоров теней, когда те снисходили до прямых взоров. Кэрис на миг объял необъяснимый страх, но так же быстро и отхлынул, стоило старому Ришке расплыться в широкой улыбке узнавания и приветливо махнуть рукой. Когда девушка приблизилась, ловко лавируя в толпе, торговец окинул их с Акадо хитрым, понимающим взглядом.

— Замечательнейшее утро! А какое чудо в нашей гавани, видели ли вы такое где-либо еще? — воскликнул он с такой гордостью, будто нахождение «Симеду» в Фезе было исключительно его заслугой.

— Да, действительно, прекрасное утро, — кивнула Кэрис, поглядывая на Акадо.

За закрывающей лицо кафайей о чем он думает, было не разобрать.

— Ну, не буду мешать вам любоваться зрелищем. Тем более что помощь в лавке мне сегодня не понадобится, — открыто улыбнулся торговец и, верно, думая, что Кэрис не видит, подмигнул помощнику.

Он растворился в толпе пружинистой легкой походкой, нисколько не свойственной почтенному возрасту. Двое чужеземцев остались сверлить другу друга взглядами в тени некогда выкрашенной белой известью, а теперь облупившейся и посеревшей сторожки. В свете изменившихся обстоятельств негласный договор между последними оставшимися на свободе членами экипажа «Симеду» подлежал пересмотру, но так же негласно оба они чувствовали, что первый заговоривший поставит себя в невыгодную, уязвимую позицию.

Первой сдалась Кэрис. Она развернулась на пятках, но на прощание бросила через плечо:

— Будь готов.

Ей не приходил на ум лучший способ не сообщать тени-провидцу о своих планах, кроме как впервые в жизни никаких планов не строить. Не позволять будущему определиться и оформиться до самого последнего момента. Надежда, что так Архааррада удастся обмануть, была смехотворной, но Великий Покровитель сущность бессмертная и бесконечно терпеливая. Он уже дал понять, что не предпримет никаких шагов и предоставит птице действовать первой. Вопрос только в том, сколько времени и сколько свободы даст ей высшая тень, прежде чем вмешаться.

Требовавшая неотрывно составлять ей компанию в последние дни Шаэн куда-то пропала, не иначе готовилась к приезду жениха. Кэрис оказалась предоставлена сама себе, за что в любой другой день была бы благодарна, но сегодня время тянулось бесконечно долго. В ожидании ночи, когда в темноте и прохладе пронизанного звездным светом воздуха можно будет прокрасться к морю, она заглянула в библиотеку. Там уже устроились девушки с перевитыми золотыми цепочками тяжелыми косами и сияющей золотистой кожей. В воздухе перед ними расцветали огненные цветы, тут же превращались в цветы настоящие, осыпающиеся на пол нежными розовыми лепестками, чтобы там стать сверкающими изумрудами и бриллиантами и затем растаять без следа. То ли двоюродные, то ли троюродные сестры Шаэн одарили ее преувеличенно любезными взглядами, напомнившими, как нелепо смотрится на чужачке саабр, который она так и не научилась носить. У кресла одной из девушек расположилась тень размерами не больше кошки и непрестанно перетекающая из одной формы, а вернее, бесформенности, в другую: от клубящегося серого тумана к жидкому зеркальному блеску. Птица глянула на их упражнения в магии с безопасного расстояния и задержалась в библиотеке ровно настолько, чтобы стащить с полок несколько книг для Казары, которую как-то застала за чтением своих сказок. А затем постаралась сделать вид, что уходит вовсе не из-за присутствия Наэллор, а потому что вовсе и не собиралась задерживаться.

В саду на апельсиновых деревьях появились первые ранние плоды, пока еще темно-зеленые, неотличимые по цвету от глянцевої листвы. Размером они были не больше грецкого ореха и такие же твердые. При виде старого, перекрученного, но все еще упрямо подставляющего солнцу крупные зеленые листья, инжира ее кольнуло неприятное чувство. Она ведь собиралась изобразить его уже давно, как только увидела. Дерево было приметным и послужило бы хорошим ориентиром любой звезде, если бы дороги здесь были живыми, чуткими и податливыми. Пусть своевольными, но сильными, напоенными магией Перекрестка. Здесь же найти дорогу в место, где никогда не была, по одним только визуальным меткам Кэрис не могла. Если у нее и получалось пару раз находить в городе изображенные на мозаиках виды и места, то даже самые подробные картины Риерры не давали ни отклика, ни направления. Это она уже знала, потому как — ничего не планируя, конечно, просто интереса ради, — пыталась мысленно проложить себе путь в столицу Ошрата. К тому же она не бралась за уголь и бумагу с тех самых пор, как увидела рисунки Шаэн. Зато вместо этого не без некоторых моральных угрызений, но вместе с тем со мстительным удовлетворением, показывала Наэллор все новые и новые приемы из арсенала северной школы, какие та не могла повторить.

Казара не вернулась и к обеду. Хотелось думать, что ее заняли работой над приданным Шаэн и вещами, что могли понадобиться ей в пути, а не что девушка напрочь забыла и о времени, и о своей ан. Никто, разумеется, не принес обед в комнату Кэрис, и она запаслась на кухне горячими лепешками, фруктами и куском твердого зернистого сыра.

В ожидании ночи она слонялась по дворцу в самые жаркие часы, когда солнце плавало светлые камни стен в дрожащем полуденном мареве и слепило так, что даже небо казалось белым. Зато и Наэллор в это время предпочитали оставаться в своих покоях, тенистых уголках сада или купальнях. Кэрис охотнее готова была перетерпеть жару, чем их

высокомерные, выжидающие взгляды. Как же, они-то со своих тронов ясно видели грядущие перемены в расстановке сил. Ее выбранную покровительницу, и до того не обладавшую практически никаким влиянием, ссылали в далекую столицу без права возвращения, и семья ожидала от полупризнанной кхайи клятв верности другому Наэллор. Мейдиру, например, у коего уже было в подчинении пятеро магов, и чья благосклонность, как любимца Архааррада, считалась большой удачей. Или лично владыке Ашхаю, что, по всем соображениям, виделось разумным жестом. Да хоть бы и той встреченной ранее в библиотеке молодой заклинательнице, чье имя птица наверняка как-то раз слышала, но не запомнила. Она могла бы научиться вовремя улыбаться, носить саабр, прекратить искать укрытия и укромные уголки, не избегать чужих взглядов. Быть может, даже попытаться стать больше Наэллор, чем сами Наэллор, как делали некоторые посвященные. Вот только для этого надо было в первую очередь перестать быть Кэрис, чего она не умела и не желала уметь.

Больше от скуки и незнания чем занять время, чем от настоящего желания увидеться, она поискала Шаэн, но ни в покоях, ни в излюбленных местах дворца ее не оказалось. Принцесса успешнее остальных делала вид, будто никакой свадьбы не ожидается. Все приготовления нисколько не затрагивали ее привычного образа жизни и словно проходили в совершенно ином мире, не соприкасавшемся со сферой ее уютного, наполненного роскошью бытия. Только этим девушка, не решающаяся высказать открытое неповиновение воле владыки ар-Наэллор, выказывала свое истинное отношение и к жениху, и к предстоящему союзу. С нее стало бы уйти с парой доверенных служанок в дальнюю часть города и есть там гранаты и финики, делая вид, будто ничего особенного не происходит.

Близкого присутствия теней не ощущалось с самого утра. Ни неразборчивого шепота на грани слышимости, которым они иногда давали о себе знать, ни едва уловимого движения в уголках глаз, ни холодных царапающих взглядов с той стороны мира. В другое время птица радовалась бы, что твари оставили ее в покое, но сегодня полное их отсутствие казалось подозрительным вдвойне. Не иначе как Архааррад разогнал свою свиту, дабы облегчить ей первый шаг — но зачем и куда? Чем дольше она пыталась убедить себя, что это все совпадение, внимание и мысли высшей тени никак не могут быть направлены на одну только маленькую смертную, и у Архааррада вполне могут быть неизвестные людям дела за пределами Фезы, если вообще не за пределами физического мира, тем отчетливее мнилась оплетающая ее со всех сторон паутина. И паук, облаченный в дым и туман, извечно существующий во тьме на границе сна и яви. Похоже, Кэрис самой предоставили решать, чего она больше боится. Того, что случится, если она послушается Великого Покровителя, или ожидающего ее под властью темного пророка будущего.

Перемещаться по Фезе этой ночью было сложнее обычного: горожане, насытившись зрелищем чужеземного корабля в порту, даже после наступления темноты не спешили расходиться по домам. Из таверн доносились струнные переборы и мелодичные напевы, запахи сочной баранины, густой нутовой пасты, обжаренного в оливковом масле риса, ячменного эля. Повсюду раздавались голоса и смех, а парочки, как назло, ютились в самых темных углах, отчего затененные пространства не могла использовать Кэрис. Пусть в отсутствие теней она больше не соизмеряла шаги, не ступала, словно по зыбким пескам, в поисках той невидимой линии, до которой Архааррад согласен был ее отпустить, нечего было и думать пробежать по крышам. Магия делала ее быстрой, но, увы, не невидимой, и совсем избежать любопытных взглядов у нее бы не вышло. Приходилось идти пешком по

улицам, освещенным факелами и огоньками свеч, закрытых от редких порывов изредка долетающего со стороны пустыни ветра сферическими стеклянными куполами.

Рыжие волосы девушка убрала под кафайю, чтобы не выдали ярким отблеском цвета, непривычного среди черноволосых пустынников, и в просторной светлой тунике ничем не привлекала внимания. С каждым шагом людей на улицах только прибавлялось.

На «Симеду» не горело ни единого огонька, но силуэт корабля явственно чернел на фоне темно-лилового, усыпанного звездами неба. На корму падали желто-оранжевые отсветы многочисленных ламп и свечей, установленных на разномастных столах, гудах ящиков, бочек и всего остального, что фезцы сумели притащить в порт. Обычно безлюдная пристань кипела жизнью, и в толпе носились мальчишки с кувшинами, поочередно выкрикивая:

— Три фелса за чашку воды!

— Четыре за лимонад!

На импровизированной сцене, наспех укрытом старым ковром сооружении из ящиков, мешков и снастей, выступала немолодая уже женщина в темно-синем саабре. Она рассказывала об истории кораблестроения всем желающим послушать и убедительно размахивала руками в сторону каравеллы.

— Наши шхуны, очевидно, маневреннее и могут плавать против ветра, но косою парус постоянно приходится переустанавливать, тогда как использование паруса прямого, да еще и двух мачт сразу позволяет...

Люди наслаждались долгожданной прохладой после знойного дня и даже не думали возвращаться по домам. Напротив, казалось, их стало еще больше! Одни разбрелись по округе в поисках наиболее удобного места для наблюдения или отдыха, другие ужинали за накрытыми прямо на причале столами, но были и те, кто все еще толпились у сходен, терпеливо оттесняемые полудюжиной серых. Попасть на «Симеду» птица могла, ни толпе, ни солдатам ее было не удержать. Но вот подняться на корабль незамеченной — нет. Можно было остаться и подождать в надежде, что рано или поздно желание спать и мысли о предстоящем дне возьмут свое, и толпа рассеется. Но как быть с охраной? Угрожающе воины не выглядели, да и вооружены были лишь короткими клинками, но признаков усталости или недовольства не выказывали. Такие могли и до рассвета простоять, не сомкнув глаз.

Нет, решила она, ждать нельзя, придется придумать, как пробраться на борт.

Она уставилась на море, непроглядно-черное уже в метре от берега. Если бы не едва различимый в гомонящей толпе плеск, с каким волны бились о камень, можно было бы подумать, что моря там и вовсе нет, а есть одна только безмерная дышащая влагой чернота. Иного способа подобраться к каравелле Кэрис не видела. В ином порту она побродила бы по пирсам в надежде найти маленькую рыбацкую лодку, но если таковые и были, то в другой части гавани, где она еще не бывала. Без брошенного с борта каната человеку на борт ни за что не взобраться, не найти точки опоры на гладкой, просоленной древесине кормы, но это как раз и не пугало. Она-то влезет, и очень просто, если сумеет подплыть к кораблю незамеченной. Птица отошла подальше, чтобы никто не увидел, как она прячет сандалии с шарфом-кафайей в укромном узком переулке и завязывает полы туники узлами на бедрах, чтобы длинные полы не путались в ногах. Затем мягко, без всплеска, опустилась в воду с отдаленного пирса. Холод ошеломил, пробрал до костей, но уже через несколько мгновений, цепляясь за осклизлые, покрытые водорослями камни причала, Кэрис начала к нему привыкать. Не настолько вода была холодна, слишком уж яростно днем прогривало ее

солнце, чтобы тепло успевало уйти за несколько сумеречных часов, да и течения у берегов Фезы теплые. Первоначальный шок был вызван только внезапностью погружения.

Холод бодрил, туника потяжелела и льнула к телу, но плыть не мешала. Кэрис старалась держаться подальше от берега и от света многочисленных факелов. Маловероятно, что гуляки, чей смех и выкрики разносились над морем, обратили бы внимание на темное пространство за границами непрекращающегося веселья, но птица, как всегда, ощущала себя увереннее и спокойнее, когда на нее не смотрели десятки людей. К тому же ей вовсе не улыбалось быть выловленной из воды хмурыми орденами.

Дерево кормы под пальцами ощущалось холодным и скользким, громада корабля на фоне сияющего огнями порта казалась даже чернее неба и моря, по которому нет-нет да и пробегали случайные еле различимые блики. Оказалось непросто зацепиться кончиками пальцев за шов кормы, нащупать его и обозначить для себя точкой опоры. Но затем меньше чем через минуту птица взобралась на палубу и приникла к группе связанных толстым пеньковым канатом бочек, отгородившись ими от любопытных глаз и ночного веселья. Осторожно высунув голову из укрытия, она порадовалась, что на борту не оставили горящих ламп, убедилась, что ее присутствие осталось незамеченным. На палубе, знакомой настолько, что она могла бы ориентироваться здесь и с закрытыми глазами, не было ни единого живого существа. Оставалось надеяться, что капитан Америкен и остальные спят в каютах, не имея возможности сойти на берег, а не содержатся под стражей где-нибудь на другом конце Фезы. Мокрая туника липла к телу, редкие порывы ветра гладили кожу холодом.

Опасаясь, что случайный прохожий заметит на борту движение, стоит ей выпрямиться в полный рост, девушка едва ли не ползком прокралась к крепкой дубовой двери, ведущей с палубы к каютам. Дверь оказалась заперта, но, к ее облегчению, заперта изнутри, не снаружи. Засов на миг задержал ее, но не более чем на миг. Из-под двери капитанской каюты в дальнем конце коридора пробивалась узкая полоска света. Ее не хватало, чтобы разогнать тьму, но Кэрис прекрасно помнила расположение кают и вела по шероховатой стене ладонью, пока не нащупала косяк нужной ей двери. На палубе и в коридоре за ней осталась цепочка мокрых следов.

Кэрис постучала, и в пустом пространстве звук показался оглушительным — как бы не перебудить весь экипаж. Но из каюты не раздалось ни единого шороха. Птица могла бы пробраться внутрь так же легко, как и в коридор, если бы в глубине души не боялась, что Лойны там не окажется. Хотелось верить, что нападение лисов-теней и длительное заточение пережили все, но она, до того не желавшая о том думать, ощутила, как внутри все холодеет при мысли о пустоте за тонкой деревянной перегородкой.

Она подняла руку, стукнула еще раз, неувереннее и тише. И тогда из каюты наконец донесся сонный, приглушенный голос Лойны:

— Кто там еще?

— Это я, Кэрис!

Спросонья Лойне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, чей именно возглас, полный облегчения и ликования, она слышит из темноты. Затем, после недолгой возни с щеколдой, дверь каюты распахнулась, и целительница ухватилась за девушку обеими руками.

— Кэрис! Где же ты была?! Мы-то думали, ты... тебя... Что случилось?

Спохватившись, Лойна схватила со стола мятую рубашку, и закутала в нее мокрую птицу. От ткани пахло чернилами и свечным воском. Затем запалила свечной огарок со

сноровкой человека, плохо видящего в темноте, но в знакомой обстановке не нуждающегося в свете, с точностью до ладони зная, что и где располагается. Крошечный колеблющийся огонек подчеркнул темные круги под глазами корабельной целительницы и беспорядочно сваленные по углам пузырьки, бутылочки, связки сушеных корней, еще одну рубашку, небрежно наброшенную на спинку стула. С края стола свешивалась, рискуя свалиться при малейшем толчке, связка толстых свечей, несколько огарков валялись на полу. Для аккуратной до педантичности Лойны, которая порой во время беседы принималась машинально раскладывать в аккуратные стопки эскизы и убирать немногочисленные пожитки Кэрис, у кого даже в прикроватном сундучке бутылочки с лекарствами стояли каждая на своем строго определенном месте, подобный беспорядок был не просто не свойственен. Он казался столь же диким и непредставимым, как и окутавшая южные дороги дремота.

— Мы пошли в Фезу и...

— Мы?

На щеке у Лойны виднелся отпечаток подушки, взгляд казался расфокусированным, тяжелым.

— Да, я и Акадо, — торопливо принялась объяснять она, — но меня схватил Архааррад, высшая тень Фезы...

— Акадо? — медленно, без тени узнавания повторила Лойна.

Девушка осеклась. Имя второго пассажира, а затем и навигатора каравеллы, неизменно участвовавшего во всех корабельных делах, не пробудило в Лойне никаких воспоминаний. Словно такого человека и вовсе не существовало. Прежде чем Кэрис успела задуматься о странностях, Лойна заговорила:

— Надо скорее рассказать капитану Амерену. Он будет рад, что ты жива.

Идя за ней по коридору, Кэрис уже не была так уверена, что сама она рада возвращению. В каюте чистоплотной Лойны она нашла беспорядок и бедлам, а вялый и вечно сонный затворник Тио Амерен допоздна засиделся в своей каюте да и утром издали показался ей совсем другим человеком. Думать об изменениях в экипаже не хотелось и не получалось, а об их причинах тем более. «Симеду» все еще была той самой старой «Синей Медузой», но людей на борту она нашла других, не до конца знакомых, пусть они и выглядели в точности как прежние. Босые ноги Лойны шлепали по деревянному настилу, птица шла, как всегда, бесшумно, маленькая и легкая, словно падающий с дерева лист. Их фигуры в свете свечи отбрасывали на стены резкие, изломанные тени.

Капитан распахнул дверь в натальной рубашке, видно, уже готовился ко сну. На лице его оторопь и кратковременное замешательство быстро сменились облегчением. До обещанной Лойной радости не дошло, но Кэрис готова была его понять. Ей еще не раз придется объяснять, почему она бросила остальных в деревне и что пережила за последние недели.

— Гхм... — Амерен нахмурился, всмотрелся в ее лицо с подозрением, верно, выискивая признаки и несоответствия, что выдают принявших человеческий облик теней.

— Это я, Кэрис! — в доказательство она шагнула мимо капитана к противоположной стене каюты. К столу, где стояла плотно закупоренная чернильница, придерживая угол карты с узнаваемой береговой линией юга Ошрата. Феза цеплялась за самый край выдающегося в море мыса, будто вытесненная туда пустыней и готовая в любой момент сорваться в воду. Карта эта сама по себе служила напоминанием извечного желания песков

если не засыпать, так утопить древний город.

— Капитан, это правда звезда, — поддержала ее целительница. — Они ведь говорили, что это не могла быть она, иначе не смогла бы колдовством привести корабль к берегу...

О чем она вообще? Кэрис в растерянности уставилась на Лойну. Кто такие они? В чем ее подозревают, и что вообще здесь происходит?

— Да-да, верю, — оборвал ее Америкен. — Они очень много чуши наговорили, выдумали нелепейший повод забрать «Симеду», и если бы могли справиться с ней сами, уже давно избавились бы от нас.

На невысказанный, но явно написанный на лице, вопрос Кэрис Лойна со вздохом пояснила:

— Серый Орден три недели продержал нас под замком в каком-то сарае неподалеку от Лазаана, потому как мы все якобы находились под воздействием сновиды.

Капитан поморщился, не скрывая скептицизма, и из прибитого к стене шкафчика извлек три оловянных, украшенных простым геометрическим орнаментом кубка и запечатанный глиняный кувшин. Наполнил кубки вином, судя по запаху, сладковатым южным, а не тем терпким с примесью трав, что они должны были доставить на острова.

— Люди здесь до сих пор верят в сновид, — кивнула она. — Зато за все время в Фезе я ни разу не слышала о магических аномалиях, сдвигах или странных происшествиях. Как будто... — Кэрис на мгновение запнулась, пытаясь подобрать слова поточнее. — Здесь нет дикой магии, вот. Она вся подконтрольна заклинателям из Великих Домов, как в старых сказках, и теням, конечно, но они почти не влияют на окружающий мир, не как в Элхарии.

Отчего было и странно, и тревожно. Тени пустынного города перетекали из одного темного угла в другой, заглядывали в окна, но, словно отделенные от человеческого мира невидимой завесой, ни во что не вмешивались без приказа раа-ши и никак себя не проявляли. Простым людям они не показывались, видно, не испытывая такого желания, но и к свободным магам не льнули, как то бывало дома.

— Верят? Да они придумали эту нелепую сказочку о сновидках только чтобы лишить меня командования кораблем! И до сих пор держат «Симеду» под стражей!

Темные глаза Тио Америкена зло сверкнули. Кэрис, до того ни разу не видевшая проявления капитанских эмоций даже в первые темные минуты после внезапной смерти Каирхе, невольно поежилась. Стоявший перед ней сейчас человек немного не так двигался, говорил быстрее и чуть надменнее, смотрел уверенно и прямо, без малейших признаков безразличия ко всему окружающему миру, к какому корабельная звезда успела привыкнуть за недели на борту.

— Ну, некоторые вещи и правда выглядят довольно странно, если подумать... — под яростным взглядом капитана голос Лойны становился все тише и тише, пока женщина не замолчала, притворившись, что ее куда больше волнует содержимое кубка чем скомканная, неоконченная мысль.

До того Кэрис была в капитанской каюте лишь однажды, когда решалось, что делать и куда плыть после смерти Каирхе. Тогда капитан с отсутствующим видом сидел за столом, Наский занял второе и последнее кресло в каюте, а Акадо по своему обыкновению прислонился к стене, сложив руки на груди. Сейчас место Наския заняла Лойна, задумчиво вертящая кубок с вином. Кэрис, за неимением свободного места для успокаивающего, размеренного шага из угла в угол, свернула карту и села на краешек стола.

Капитан резко поинтересовался:

— Ты все еще можешь колдовать?

Она, помедлив, кивнула. Кэрис ожидала, что он спросит, как одаренная спаслась, где была и как себя чувствует, но он не спросил. Морская звезда являлась такой же частью корабля, как паруса и снасти, и в первую очередь должна была выполнять свою роль и лишь потом быть живым человеком. Девушка подозревала, что отношение господина Амерена должно было задеть ее больше, но не задело. Из нее всю жизнь ковали инструмент, готовили к заключению договора в обмен на крохи магии, и Кэрис пришлось самой учиться видеть в себе личность, а не будущий придаток к тени, и потому отношение к ней как к полезному инструменту не было чем-то из ряда вон выходящим.

— Хорошо, тогда...

— Не так просто, — помотала она головой, — я не могу сдвинуть с места корабль на якоре. Нужно будет поднять паруса и выйти из гавани, но нам не дадут этого сделать.

Ни тени, ни сам Великий Покровитель не спешили являться, что и радовало, и вместе с тем пугало. Что Архааррад видит, что знает? Почему не считает нужным вмешиваться?

— Дадут, — подняла голову Лойна. — Я слышала разговоры. Они ждут своего магистра со дня на день, и как только он поднимется на борт, «Симеду» отчалит.

— Отчалить мы должны раньше, — решил капитан. — До того, как на борт поднимется вооруженный отряд сопровождения и какая-то местная принцесска, чьим добром забит мой трюм. Сейчас, этой ночью, пока все в сборе.

Не все в сборе, хотелось сказать Кэрис. Капитану неоткуда было знать, что Акадо выжил и тоже находится в городе. Она не хотела бросать навигатора, но упрямец наверняка настоит на том, чтобы дожидаться главу Ордена и попытаться наложить руки на принадлежащий ему артефакт. И пора было признаться, чем дальше, тем больше птица разделяла его желание. Кристальный ветер хотя бы в теории мог отвести от нее теней, тогда как никакая другая магия ничего подобного и близко не обещала. Магистр Керано и Шаэн ар-Наэллор отправятся в Риерру не сразу, сперва состоится свадьба. И во время ее внимание всего города будет направлено на дворец, тогда как каравелла в порту уже станет вчерашней историей. Сейчас же до них все еще доносились отзвуки непрекращающихся народных гуляний у поднятого трапа. Любое движение на борту будет тотчас же замечено.

— Пристань полна празднующих горожан, и к рассвету они не разойдутся. Экипаж не готов к экстренному отплытию, припасы... — она перевела взгляд на Лойну, но та уверенно кивнула, подтверждая, что как раз о припасах беспокоиться не придется.

— Команда будет готова, когда я скажу, — уверенно отчеканил Амерен, но затем неохотно признал: — Звезда права, мы не сумеем у всех на виду сняться с якоря достаточно быстро, чтобы палуба тут же не заполнилась солдатами.

— Я вернусь завтра ночью. Или послезавтра, — она отставила в сторону кубок с недопитым вином, сладким и слабым, лишь немногим крепче виноградного сока, точно южным.

Ложь далась легко. Она не собиралась возвращаться, пока хотя бы не попытается достать кристальный ветер. Но говорить о том нельзя и думать нежелательно. Разговоры и размышления ведут к составлению планов, а этого она стремилась избежать. Кто знает, как действует сила Архааррада, и в какой момент определяется судьба.

Назад она шла, не таясь. Не от кого было. Тени, незримые свидетели всего происходящего в Фезе, и так наверняка слышали каждое ее слово. Людей же одинокая девушка, ночами бродящая по городу, нимало не интересовала. Только не в Фезе. На мокрую

тунику она набросила кафайю, ей же скрыла волосы и лицо. Белые камни, из которых было построено большинство зданий, днем нагревались, а ночью неохотно отдавали тепло. Птица могла бы обойти город с другой стороны и идти по тихим, малонаселенным улицам, но в выбранной дороге видела вызов — остановят ли ее тени, вмешаются ли сейчас? Нет. Только иногда казалось, она слышала за спиной смех, злой, веселый, похожий на детский. Почти предвкушающий. Возвращаться во дворец не хотелось, но больше идти было некуда. Она сорвалась на бег, но взгляды в спину и шорохи, конечно, никуда не делись.

В ее отсутствие кто-то заходил в комнату. Ставни, оставленные приоткрытыми, закрыли, внутрь хода не было. Открыть ставни снаружи было немного сложнее, чем изнутри, так плотно и искусно они были прилажены друг к другу. Но птица нащупала кончиками пальцев выступающий узор, вырезанную из палисандра округлость гранатового плода, потянула в сторону и сумела протиснуться в открывшуюся щель. Ночная прохлада льнула к задернутым занавесям. В жаровнях по углам еще теплились угли, которые — она точно помнила, — никто не зажигал перед ее уходом. Их багровые и темно-красные отблески были почти уже неразличимы. Не зрение, но звук чужого размеренного дыхания сказало о присутствии в комнате еще одного человека. Были, конечно, и тени, витали над головой. Те самые, следовавшие за ней от самой гавани в предвкушении им одним известного развлечения, но их присутствие ощущалось совсем иначе, и с человеческим его никто бы не спутал.

Чем ближе подбиралась она к кровати, тем явственнее становилось наличие в спальне иного живого существа, и тем теснее смыкался над головой круг незримых тварей.

— Казара?

С трудом верилось, что служанка, не дождавшись ее, легла бы в кровать Кэрис. Но она не знала, кого еще могла бы здесь застать за несколько часов до рассвета. Птица нашла в темноте чужую руку, тонкую и прохладную. Стоило углям в жаровнях чуть погаснуть, и девушка в ее постели тут же замерзла. Словно это она, а не Кэрис, вынырнула недавно из черной холодной воды.

Гостья вздрогнула, отдернула руку, и по первому резкому вздоху после внезапного пробуждения стало ясно, что ждала ее вовсе не Казара.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала Кэрис, скидывая обувь и мокрую, пропитанную солью, одежду на пол и взбираясь на кровать.

Она не отдавала себе отчет, отчего важным казалось сохранить тишину. Не из-за теней, те и так слышали каждое слово, от них здесь никак не спрятаться и не убежать. Ночь казалась хрупкой, точно она все еще кралась по палубе «Симеду» и не желала быть обнаруженной.

— Где ты была? — вопросом на вопрос ответила Шаэн. Голос звучал тихо и чисто, не неся в себе ни следа недавнего сна.

Кэрис пожалала плечами. Какая разница, где она была, сейчас-то вернулась. Спohватившись, что в темноте жест этот все равно неразличим, заговорила:

— Гуляла. Купалась.

— Купалась? — едва слышный шорох покрывал, перина прогнулась чуть иначе, Шаэн приподнялась, опираясь на локти. — Ладно, неважно.

Кэрис ожидала приглашения в Риерру для составления компании одинокой, готовой со дня на день оказаться в месяцах пути от семьи и друзей девушке. Она боялась этого приглашения и готова была отказаться, сославшись на веление Архааррада. Такое

объяснение Наэллор приняла бы без дальнейших вопросов и попыток ее переубедить. Но на самом деле в глубине души она знала, если окажется в Риерре, завязнет еще глубже и с южного континента уже никогда не выберется, и потому не хотела туда ехать.

Но Шаэн ничего не сказала, будто ждала ее просто так, без всякой цели. Неловкое молчание нарушила сама Кэрис:

— Ты бы хотела побывать на севере?

Окончание вопроса заглушил уже не сдерживаемый многоголосый смех, доносящийся из тьмы со всех сторон. Птица невольно вздрогнула, взгляд метнулся к потолку, но, конечно, ничего и никого там не различил. Она ведь не имела в виду ничего такого, не предлагала Шаэн отправиться вместе с ней в плаванье, прекрасно зная, что Наэллор не согласится покинуть дом. И не понимала, почему само упоминание о севере — сейчас, а не во время их прошлых бесед, когда Элхария всплывала в разговорах из раза в раз, — вызывает у теней веселье. Какие бы планы ни строили они с Шаэн вместе или по отдельности, умеющие заглядывать в будущее слуги Архааррада от них были просто в восторге. Кэрис зажмурилась в бесплодной попытке не чувствовать, как близко они подобрались к кровати. Тьма осталась тьмой, только в уголках зрения не видно было больше теплых отсветов от жаровен, а смех все не утихал.

Что бы она ни сделала, все виделось незначительным и мелким, и в конечном итоге служащим на благо не ей, но Архаарраду. Что бы она ни выбрала, именно это он и предвидел. Его не переиграть и не обхитрить, не на его территории, где у высшей тени повсюду глаза и уши, и возможность вмешаться в любой момент, если ему того захочется. Можно ли хоть ненадолго заставить его отвернуться? Может быть, но она не знала как. И все равно собиралась попытаться, не желая сдаваться без боя.

— Да, наверное. Но туда не попасть, сама знаешь. Север целиком и полностью принадлежит Господину Перекрестков, господин Архааррад не пошлет никого из своих магов в чужой домен. Покровители и до Излома не любили терять своих одаренных из вида, а после запретов стало только больше.

Птица коснулась ладонью отметины на плече, казавшиеся теплее остального тела, будто искры золота и огня засели глубоко под кожей. Поцелуй тени служил постоянным напоминанием об Искьерше и источником множества неразрешимых вопросов. Иногда Кэрис полагала, что лишь чужая метка удерживает Архааррада от прямого ультиматума и обеспечивает ей некую свободу выбора. Возможность выбирать между одной иномирной тварью и другой, да еще и плохо представляя себе, на что каждая из них способна и чего добивается, прямо сказать, не радовала. Но пока ей удавалось держаться нейтральной территории между стенами обжигающего огня и голодного тумана. Искьерше ни во что не вмешивалась и никак себя не проявляла. Пока что. Кэрис напомнила себе, что с момента ее встречи с огненной тенью не прошло и трех месяцев, а это и для смертных не такой уж долгий срок. Ее ненадолго оставили в покое, но это вовсе не означает, что о ней забыли.

— Я бы хотела увидеть мир, о котором ты рассказывала, но ведь это означает пойти против воли владыки, а это невозможно...

Чужого смеха, притихшего, но все равно безмерно довольного, Шаэн будто не слышала. Их внешне беспричинное веселье пугало Кэрис, но не принцессу. Хорошо, наверное, жить, не сомневаясь, что тени всегда на твоей стороне и готовы в любой миг прийти на помощь.

— И потом, я не могу отказаться от брака и подвести семью. Магистр Керано дает за меня сотню груженных золотом верблюдов, и нам нужно это золото.

— Но Наэллор и так сказочно богаты. У вас ведь есть все, то есть вообще все, что только можно представить, — пробормотала Кэрис.

До этого лета она и вообразить себе не могла, что где-то в мире существует такая роскошь, разнообразие и изобилие. От огромных и никак не используемых пространств до изысканных блюд, от которых аристократы во время трапез съедали не более трети, а от остального бездумно избавлялись. От количества тонкого, почти прозрачного шелка и парчи, необходимого для сооружения всего лишь одного саабра, которого обычному человеку хватило бы для пошива целого гардероба на десяток лет, до неимоверного количества украшений в шкатулках Шаэн: колец и браслетов, заколок, брошей и драгоценных застежек для тахари. От картин, мозаик и коллекций всевозможных диковин до приданного лежащей рядом с ней девушки, что сейчас занимало отнюдь не маленький трюм «Симеду».

— Наши сокровища — это не то же самое, что чистое золото, которое необходимо городу, где платить приходится даже за воду. Все, что у нас на самом деле есть, это милость господина Архааррада, а драгоценности и предметы искусства... Сама посуди, много ли они будут стоить, если однажды Феза не сумеет обеспечить себя питьевой водой, или другие города решат, что наши товары не стоят долгого и изнурительного пути?

Кэрис ранее не смотрела на жизнь Великого Дома с такой точки зрения, но признавала, что в чем-то Шаэн права. В первые десятилетия после Излома из опустевших городов звезды и охотники за артефактами приносили удивительные, прекрасные вещи, брошенные прежними хозяевами, словно мусор. Они мало кому оказывались нужны в мире, где не было ничего ценнее стабильного участка пространства или дороги, что не забрасывала бы шедших по ней на заснеженную вершину или непроходимые болота, где от воды поднимались ядовитые испарения, а то и еще куда похуже без возможности вернуться по собственным следам. Наверное, поэтому в школе всегда было так много картин и маленьких безделушек старого мира — в новом они уже ничего стоили. У Кэрис до сих пор не укладывалось в голове, что многочисленные красивые, но бессмысленные в сущности вещи не играли никакой роли, кроме как служить признаками статуса и богатства.

— Феза приходит в упадок уже триста лет, а они ожидают, что ты принесешь в жертву свое будущее, чтобы замедлить процесс.

Слова прозвучали с неожиданным укором, хоть адресовать его стоило не Шаэн, а ее отцу и всем тем владыкам, что занимали трон до него. Злило, что Шаэн могла бы отказаться, пойти против воли отца и выбрать собственный путь, пусть это и было бы несравненно сложнее. Но вместо этого она смирилась с кажущимся отсутствием выбора и выразила готовность принести себя в жертву интересам семьи.

— Я Наэллор и несу ответственность за свой город. Я не могу думать только о себе.

Невзирая на происхождение, дававшее доступ ко всей разнообразнейшей магии юга и вообще ко всему, чего Шаэн только могла пожелать, Кэрис впервые со дня их встречи поймала себя на том, что не хотела бы быть Шаэн ар-Наэллор. Не хотела быть вынужденной подчиняться приказам семьи, что видела в девушке не что иное, как разменную фигуру на доске. Не ценой той эфемерной свободы и иллюзии выбора, что еще оставались у не имеющей ни корней, ни опор Кэрис. В них обеих люди видели прежде всего ключи к иной жизни, к богатству и положению, или, в ее случае, способ быстро и безопасно добраться к другому месту, куда иначе никак не попасть. Им в детстве тоже постоянно твердили о чести, ответственности и долге с той лишь разницей, что преподаватели в школе принесли ту же

жертву и были связаны контрактами со своими тенями, а Наэллор с радостью готовы были переложить все бремя ответственности на хрупкие плечи одной своей дочери, чтобы остальные могли продолжить беззаботно наслаждаться жизнью в своем маленьком закрытом мире.

Птица, глупая, наивная птица до сих пор хотела бы думать, что у нее и правда получится найти в жизни собственный, не зависящий и желательный вообще не пересекающийся с тенями путь. Уголок мира, где ей не пришлось бы подчиняться и переделывать свою жизнь в угоду одному из многочисленных порождений Доменов.

Шаэн нашла в темноте ее руку. Пальцы у нее были холодные, но ничто кроме не выдавало страха и сомнений.

— Ты придешь на мою свадьбу?

— Да, конечно, — сегодня она с необыкновенной легкостью раздавала обещания, которые не собиралась держать.

Если повезет, кристальный ветер окажется у нее в руках еще до церемонии, и тогда... Она зажмурилась, выгоняя из головы все мысли и планы, пока не осталась лишь темнота и тишина, нарушаемая размеренным дыханием и потусторонним шелестом и шорохом в углах и над головой.

Кэрис готова была поспорить, кому из них страшнее думать о будущем, и кто больше сомневается в верности намеченной дороги, но уснула она первой.

Они вышли рано, когда огонь в кухонных печах уже всю горел, но слуги рангом повыше, из тех, кто был вхож в личные покои правителей, еще только одевались. В тусклом розово-сером свете, готовом через час-другой смениться ослепительным белым золотом южного солнца, девушек проводили любопытными взглядами две служанки, но тут же вернулись к перешептываниям вполголоса и оттиранию широких ступеней у входа во дворец. Остаться совсем незамеченными, как хотела бы того Кэрис, не получилось. Но воспользоваться излюбленным маршрутом и перелезть через стену вместе с Шаэн она не могла ни с помощью магии, ни без оной. Она предпочла бы ускользнуть одной, поговорить с Акадо и вернуться незадолго после рассвета, когда даже Казара не успела бы ее хватиться, но оказалось, молодая заклинательница просыпается от малейшего движения рядом, смотрит требовательно и пристально... А время уже утекает в песок, времени осталось совсем немного...

Наэллор до того не хотела отпускать ее от себя — совсем не то что вчера, — и оставаться одна, что даже согласилась сменить саабр на одну из простых длинных туник Кэрис. Ростом она была повыше, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Чуть коротковатый подол Шаэн прикрыла парой своих тахари, на простой тунике блестящими еще более вычурно, чем обычно, лицо и волосы замотала кафайей так, чтобы из-под нее выбивалась лишь пара отливающих золотом прядей. Птица предпочла бы спрятать и их и уж точно не брать расшитые драгоценными нитями тахари, но количество уступок принцесса тщательно дозировала, и сегодня ее покладистость окончилась на тунике. И то лишь потому, что завязать на ней строгое и сложное переплетение саабра как следует, Кэрис ни за что бы не сумела. К тому же приходилось признать, что красота Шаэн и манера держаться в любом случае не позволили бы ей сойти за простую горожанку. Кэрис было куда как проще превратиться в невидимку на запутанных улочках.

Город проснулся, но по обыкновению оставался полупустым в прилегающих ко дворцу районах и совершенно пустым в отдаленных. В это время на рынке взвешивали специи, разливали по кувшинам масло и отпускали покупателям свежий хлеб. Стеклодувы загружали в печи смеси песка с медью и кобальтом, рыбаки возвращались с промысла.

— Куда мы идем?

К человеку, который умеет находить дорогу по звездам. Конечно, Кэрис так не сказала. Для Шаэн это прозвучало бы бессмысленно, ведь искать путь по ночному небу здесь умели многие моряки, начальники караванов, звездочеты и картографы. Все те люди, о чьих занятиях на севере или не знали вообще, или имели весьма смутное представление. Но она, хоть и упоминала навигатора, когда говорила с Шаэн о «Симеду», скрыла, что сбежала от кхайи не одна, а после встретила Акадо в Фезе. Шаэн полагала, будто весь экипаж каравеллы, кроме Кэрис, оказался в руках серых, и сейчас было не время ее разубеждать.

— Да так, гуляем.

— Мы очень целенаправленно гуляем, — подметила золотая дева. — Ты совсем не смотришь по сторонам.

Кэрис замаялась, торопливо подыскивая удовлетворительное объяснение:

— Ну ладно, подловила. Я хочу книгу, те я уже прочла, и не один раз.

— Ты можешь выбрать любую в библиотеке, — закатила глаза Шаэн.

— Да, но... Она не будет полностью моей, — объяснение звучало сомнительно, но другого подобрать она не успела. — У меня нет ничего своего, кроме тех двух томов со сказками, вот и я подумала...

Кажется, ей удалось удивить Шаэн, указав на очевидную вроде бы вещь, о которой золотой деве до того не приходилось задумываться. Наэллор данное обстоятельство смутило куда больше, чем саму птицу, что, по правде говоря, и не привыкла иметь ничего сверх того, что могла бы унести в руках. Да и сейчас не особенно о том жалела, отговорку придумав исключительно для оправдания визита в книжную лавку.

— Можешь взять в моих комнатах все, что тебе понравится, — после недолгой заминки Шаэн добавила: — На память.

Темный проем маленького магазина манил прохладой, будто обещая не бумагу и чернила, но влагу и глубину подземных озер. Внутри оказалось неожиданно пусто и тихо даже для раннего утра, и лишь немногим прохладнее, чем в тени. У входа на круглом столике стоял пузатый кувшин с водой и несколько чашек из покрытой эмалью глины. Отливающий синевой бок облепили мелкие капельки. Шаэн окинула помещение беглым взглядом и налила себе воды, пока Кэрис замерла посреди комнаты, осматривая шаткие книжные башни.

— Есть здесь кто-нибудь? Акадо? Господин ан-Найи?

И только поймав взгляд подруги, осознала, какую оплошность только что допустила.

— Мы познакомились еще в тот раз, когда я купила свои сказки, — быстро пояснила она, не дожидаясь вопроса.

Ясно было, что хозяин отлучился ненадолго, и все же, наверное, только в Фезе можно было оставить дверь уличного магазинчика нараспашку и беспечно уйти по своим делам. Кэрис задрала голову к потолку: ловчая сеть вновь оказалась прилажена к какому-то хитрому механизму и терпеливо ждала нарушителей. Это несколько удивляло, потому как, казалось, не было никакого смысла оставлять и ловушку, и нараспашку открытую дверь. Кэрис виделось в том противоречие, какое она не могла для себя разрешить. Разве что старый ан-Найи свято верил, будто воры приходят только и исключительно по ночам.

Одни девушки оставались недолго. Шаэн не успела сделать и пары глотков, как Акадо появился в дверном проеме. На нем была та же серая, небрежно выкрашенная и потертая рубаха-галабея, что и вчера. Кафайя на этот раз не закрывала лицо, а свободно лежала на плечах. Двигался он все так же бесшумно и проворно, но все же как человек, привыкший к ношению штанов, а не длинных просторных одеяний до земли. Обеими руками придерживал объемные бурдюки, в которых едва слышно плескалась и булькала вода. Ни один другой товар в Фезе не пользовался большим спросом, и к немногим не иссякшим еще колодцам с рассвета выстраивались очереди горожан, несущих водным распорядителям медь и серебро.

Кэрис махнула ему рукой, лихорадочно раздумывая, как бы улучшить момент и поговорить с ним наедине или хотя бы условиться о скорой встрече. В прошлый раз Ришшек отвлек Шаэн редкими свитками, но сегодня все никак не появлялся. Наэллор на помощника книготорговца и внимания не обратила, пока тот не удостоил Кэрис ответным чуть настороженным кивком. Только тогда Шаэн внимательнее присмотрелась к Акадо, стоящему у входа в лучах розоватого утреннего света. Поймав ее взгляд и золотой отблеск кожи и волос, едва различимые в полумраке помещения, он резким движением набросил на лицо кафайю.

Из руки Шаэн выпала чашка и с дребезгом покатила по полу, расплескивая воду на

светлые плиты.

— Сновида! — ахнула она.

От неожиданности и нелепости обвинения Кэрис закашлялась, поперхнувшись воздухом и словами приветствия, что не успела произнести.

— Ты серьезно?!

Разумеется, она ни на миг не поверила бы, что ее старый знакомый на самом деле древнее чудовище, коим пугали маленьких детей на обоих континентах. То была неожиданная и неудачная шутка со стороны Шаэн, грозящая сократить пребывание в книжной лавке, превратив любые потенциальные разговоры в череду неловких извинений. Кэрис повернулась к Акадо, ожидая увидеть, как в бирюзово-синих глазах появляются искорки еле сдерживаемого смеха. Но наткнулась на взгляд задумчивый и недовольный. И взгляд этот она знала. Акадо не спешил опровергать слова Шаэн, вместо этого в свете новых обстоятельств просчитывая стратегию дальнейших действий.

Страшно не было. Кэрис не видела ни единой стоящей причины верить в существование сновид вообще и тем более верить, что давний ее знакомый окажется одним из таких выходцев из старых сказок. В два широких шага Акадо пересек комнату, не сводя взгляд с Шаэн. Та с нескрываемым страхом попятилась назад, запнулась о стопку книг, с трудом удержала равновесие, затем в смятении торопливо обратилась к Кэрис:

— Забери нас...

Навигатор размазался в воздухе — Кэрис скорее почувствовала, чем увидела движение, — резко выбросил руку в сторону...

— ...отсюда!

...схватил птицу и забросил на плечо с такой легкостью, словно она совсем ничего не весила. Бурдюки с глухим плеском упали на пол. Невысокая и худенькая девушка и правда весила немного, но в жесте Акадо, слишком быстром и точном для человека, ощущалась вовсе не сила рук, а что-то от того, как с физическим миром взаимодействовали тени. Так, будто его законы несущественны, материя податливее воздуха, и вес не играет никакой роли. Кэрис сдернуло с места, швырнуло вверх, а затем вниз и в сторону, удар о плечо мужчины вышиб воздух из легких.

— Гхах!

Ей все еще не было страшно, совсем не так, как в присутствии Искьерше или Архааррада. Попытки уложить в голове нечеловеческую природу Акадо вкупе с ранее слышанным о сновидях сведениями, непоследовательными и противоречивыми, не вызывали ничего, кроме отстраненного непонимания, недоумения и... обиды. Казалось, после пройденного вместе пути навигатор должен был бы сам признаться в умении подсматривать чужие сны. Кэрис все никак не могла заставить себя поверить, что это все по-настоящему, и чудища грани встречаются несколько чаще, чем ей бы того хотелось, и неверие это обернулось раздражением.

— Поставь меня на землю! — она неловко, но от души, ткнула Акадо коленом в ребра. Ощущался он, в отличие от теней, плотным, горячим и очень даже живым.

— Нет. Я предпочел бы, чтобы ты не растворилась в воздухе, пока мы не поговорим.

Кэрис пнула его снова, и снова — без видимого эффекта. К несчастью, Акадо хорошо знал, что, будучи скованной или попросту оторванной от дороги, сорваться с места она не сумеет. Тогда она вскинула голову, метнула сердитый взгляд в сторону Шаэн — перепуганной и бледной в полумраке книжной лавки, окруженной беспорядочными

стопками и башенками томов.

— Твоя очередь колдовать.

Невозможность двинуться с места казалась невыносимее и куда опаснее открывшейся тайны Акадо. Скванность и отсутствие свободы передвижения пугали сильнее, чем близость существа, способного гулять по чужим снам и делать кто-его-знает-что-еще. Для мага Перекрестка неспособность свободно перемещаться в пространстве вела к неспособности колдовать как таковой, что для Кэрис, сколько она себя помнила, являлось единственным оружием, выходом из любой ситуации и даже способом существования как таковым. Снов своих она или не видела, или не помнила, а потому сама возможность вмешательства в них, как и возможные последствия оно, не приходили ей на ум.

Отчасти отсутствие страха объяснялись уверенностью, что Акадо она нужна, пусть всего лишь как шанс получить артефакт, но нужна, иначе он не стал бы с ней разговаривать. К тому же Шаэн как урожденная Наэллор могла уничтожить сновиду одним заклинанием, о чем красноречиво свидетельствовали все до одной прочитанные птицей истории как о сновидках и иных монстрах старого мира, так и о чародеях Великих Домов. В историях этих встречи магов с чудовищами никогда не заканчивались в пользу последних. Кажущаяся простота, с какой герои уничтожали своих врагов на страницах, со временем стала несколько разочаровывать, но лишь до момента, пока Кэрис сама не оказалась в положении пленницы сновиды, словно в тех самых сказках. Со стороны Акадо было крайне неразумно заступать дорогу заклинательнице Золотого Дома.

Но Шаэн не двинулась с места, видно, ожидая ответа и решения от нее, Кэрис. Затем и вовсе мягко покачнувшись, закрыла глаза и плавно опустилась на пол. Лицо ее в одно мгновение стало спокойным и безмятежным, словно девушка не попала под воздействие чужой магии, а сама решила отдохнуть. Опустила голову на грудь и даже руки чинно сложила на коленях, по-прежнему оставаясь образцом грации и изящества.

Ладно, возможно, Кэрис недооценила магию сновид и опасность, ими представляемую. Старые сказки стоило бы перечитать внимательнее.

— Она не одаренная, — раздался в стороне тихий голос.

Кэрис резко повернула голову, чтобы увидеть у дальней стены Ришшека, которого — она могла поклясться, — раньше в помещении не было. Зайти через единственный дверной проем, загораживаемый Акадо, он никак не мог, как и спуститься по лестнице, ясно видимой ей с порога. Как маг Перекрестка Кэрис была уверена, что появиться у стены ни с того ни с сего человек тоже не мог. Как работала магия пространства, она знала досконально, и работала она не так. Просто не могло быть такого, что они с Шаэн, войдя в лавку одни, упустили бы из вида присутствие хозяина, но ведь и заклинателем тот точно не был.

— Почти человек... — в замешательстве прошептала она, вспомнив, что той ночью сказал Архааррад и как обратился к старику, перед тем как забрать ее в возвышающуюся над Фезой громаду дворца. — Перекресток, так вас двое, вас всегда было двое!

Ты почти человек. Почти человек!

— Двое сновид в одном городе, более того, в одном и том же месте — ну разве не странное совпадение?

На сей раз Акадо поморщился. Кэрис подозревала, что каковы бы ни были его планы, ни раскрытие его как сновиды, ни само присутствие поблизости Наэллор, пусть и спящей, в них не входило.

— И все-таки это совпадение, каким невероятным оно бы ни казалось, — покачал головой старик, делая шаг вперед. — Я жил в Фезе уже очень и очень давно, что меня как нельзя более устраивало, и был неприятно удивлен появлением молодого Акадо. Мы-то друг друга сразу узнаем, и два сновиды в одном городе это... неприятная и сложная ситуация.

— Не стоит бояться, мы не причиним вам вреда, — поспешно добавил Акадо, поудобнее пристраивая Кэрис на плече.

Она охотно верила. Неизвестно, насколько нужна Архаарраду она сама — может, виденное им будущее все время заключалось в этом самом неизвестно зачем нужном тени моменте, — но свою Наэллор он сновидам не отдаст. Если бы существовала хоть малейшая возможность, что в скором времени с Шаэн произойдет нечто, не одобряемое Великим Покровителем, дом уже давно заполонили бы тени.

Ришшек неторопливо обошел книжные стопки и остановился около Шаэн. Так близко, что полы его хламиды коснулись плеча девушки.

— Ришке, мы не можем ее отпустить. Стоит Наэллор оказаться во дворце, и весь город будет кишеть серыми, — начал Акадо.

— Только попробуйте ее тронуть, и Архааррад вас обоих превратит в слизь!

Старик перевел взгляд на Шаэн, на чьей темно-красной кафайе тускло блестели мелкие золотые монетки, оттеняя золотой отлив гладких черных кос.

— Ошибаешься, Архаарраду нет никакого дела до этой девочки. Его заботят только одаренные.

— Шаэн одаренная!

Косые лучи восходящего солнца ложились на содержимое лавки неровными полосами, подчеркивая золотистый оттенок кожи дремлющей девушки. Играли на острых гранях сапфиров на застежках ее тахари. Не распознать в ней Наэллор не смог бы ни один житель Фезы.

— Разве ты еще не поняла? Видела хоть раз, чтобы она колдовала?

Нет, но... Шаэн — Наэллор, а значит, заклинательница теней по праву рождения. Еще одна из сотен поколений золотых чародеев, чей дар развился в результате тщательной селекции. Да у нее заключен контракт с сильнейшей тенью, самим раа-ши Фезы, с момента первого вдоха!

— Она ведь... — Кэрис запнулась.

Она ведь непринужденно вводила разговор в сторону всякий раз, когда Кэрис просила показать что-то из магии ее Дома. И сама упоминала в редкие моменты откровенности, что ее судьба нимало не волнует высшую тень. Некоторое пренебрежение со стороны Архааррада было вполне объяснимо, если допустить, что Шаэн оказалась слабее других своих братьев и сестер. Но полное равнодушие, граничащее с отказом признавать само существование смертной, тени выказывали только...

— Наэллор? — с насмешкой вмешался Акадо. Он не двигался с места, будто и не чувствовал веса Кэрис на плече. — О да, несомненно. Со всеми полагающимися внешними признаками и красотой золотой крови, недостижимой иначе как с помощью волшебства. Выглядит впечатляюще, признаю. Но о наличии дара ничего не говорит.

Урожденная Наэллор и не волшебница?! Такое не укладывалось в голове, но с другой стороны... Это объясняло, почему у Шаэн не было подруг, почему та проводила дни в городе в сопровождении одних лишь слуг или часами оставалась в своих покоях. Почему при всем внешнем блеске и великолепии нарядов держалась поодаль от остальных Наэллор и на

простейшие фокусы птицы смотрела с жадным восхищением. Наконец, почему, когда пришло время отдать Ордену одну из золотых дочерей, владыка недолго выбирал кандидатуру. Если не сам предложил этот брак магистру и ради обещанного золота, и чтобы отослать подальше не оправдавшую надежд, не имеющую ни крохи магии дочь.

— Среди Наэллор рождаются неодаренные, — неуверенно пробормотала Кэрис.

Доказательство тому всегда было у нее перед глазами, она просто не желала его замечать. Внезапное откровение противоречило всему, что она знала с детства, в чем была уверена не меньше, чем в силе перепутанных дорог. И как только Великий Дом, поддерживая репутацию избранных, отличных от живущих за дворцовыми стенами простолюдинов, не избавился от Шаэн намного раньше?

— Сколько из них на самом деле умеют колдовать?

— Почти все. Все же Великие Дома тысячелетиями выковывали из себя магические династии, и нельзя сказать, что у них совсем ничего не получилось. Но иногда появляются... неудачные экземпляры. Эта девочка всего лишь досадное недоразумение.

Так вот почему Шаэн пыталась научиться магии севера. Увидела, как Кэрис колдует без заключения контракта, и подумала, что и у нее может получиться.

— Элхария полностью принадлежит Домену Перекрестка, потому на ее территории одаренных больше, чем желающих связываться со смертными тенями. Перекресток может позволить себе избавляться от слабейших, — Акадо бережно опустил девушку на пол.

Кэрис пока не знала, зачем он вдруг завел этот разговор. Она переступила с ноги на ногу, и дороги тихо отозвались под подошвами. Ничто не мешало ей сбежать, кроме безмятежно дремлющей Шаэн, оставить которую паре неизвестно что замышляющих сновид она не могла.

— А у нас на юге на той же территории, не считая пустыни, одиннадцать Доменов, и конкуренция за кхайи между ними нешуточная. В Фезе этого не видно, потому как Архааррад строго хранит границы своих земель и стай, и даже среди высших теней или других раа-ши мало кто готов выступить против него.

К счастью или несчастью, Кэрис поняла, что осталось недосказанным. На юге ее в покое не оставят. Обязательно найдется тень, которая захочет себе человека, так почему бы и не эту рыжую испуганную девчонку. Вот вопрос, Архааррад все это время держал ее при себе как пленницу... или защищал? Она быстро отогнала непрошеную мысль. Бескорыстно творящие добро тени не встречались даже в сказках.

Ан-Найи поднял с пола бурдюки с водой. Жест выглядел естественным, обыденным и очень человеческим. Впору было усомниться, что она оказалась в обществе двух древних монстров. Если в движениях Акадо иногда скользила хищная плавность, то Ришшек являл собой абсолютно неприметного пожилого торговца, чья истончившаяся галабея и старые, потрепанные книги в лавке красноречивее любых слов свидетельствовали о переживаемых владельцем тяжелых временах.

— Почему я единственная, кто может здесь колдовать без контракта?

Старый сновидец смерил ее долгим задумчивым взглядом.

— Откуда мне знать? Наши знания о Доменах и магии проистекают из недостижимо долгой по человеческим меркам жизни, но источника знаний, недоступного смертным, у нас все же нет. Могу предположить, что во время Излома Перекресток получил достаточно силы, чтобы щедро раздавать ее даже спустя три столетия всем, в ком найдется хоть искорка дара. Но возможно еще, поцелуй тени связывает тебя с той огненной Искъерше неким

подобием одностороннего договора. Люди редко получают метки, сложно сказать, как на самом деле они работают.

Конечно, как будто она могла хоть раз в жизни получить прямой и однозначный ответ. Кэрис исподлобья осматривала мужчин — люди, как ни погляди, но люди. Ни обликом, ни повадками сновиды ничем не напоминали теней, а странная их усыпляющая магия и вскользь упомянутое долголетие, должны были бы пугать, но лишь делали их ближе и понятнее. Давний страх легко объяснялся их независимым от благоволения теней и Доменов даром. Но ей самой много проще оказалось примириться с существованием древних монстров, чем с предзнанием Архааррада. Существа, умеющие колдовать без позволения Доменов, интриговали... И в конечном итоге не так уж отличались от нее самой, оторванной от северных земель, но все еще неким не вполне определенным образом способной дотянуться до их магии. Главное, сновиды казались достаточно людьми, чтобы попытаться понять, чего они хотят.

Она вздернула подбородок, чтобы заглянуть Акадо в глаза. Синие, как морская вода в солнечный день.

— Ты с самого начала вел меня на юг по этим своим звездам.

Птица ожидала, что тот начнет отрицать, оправдываться, объясняться. Но он смотрел прямо и спокойно, совсем как тогда у костра в нескольких днях пути от Ансвольма.

— Не просто на юг. В Фезу. Тогда я еще не знал, что кристального ветра здесь больше нет, и, конечно, не ожидал такого плачевного состояния города. Немного промахнулся, но в итоге нас это не слишком задержало, и все устроилось как нельзя кстати. Если бы мы с самого начала бросили якорь в порту, остаться незамеченным было бы много труднее.

— Но ты не мог знать, что корабль без звезды не пропадет в океане!

— Без звезды? — рассмеялся он. — Я следил за тобой в Ансвольме после встречи на постоялом дворе. Видела бы ты себя! Шла, сравнивая окружающий мир с каждым виденным отражением, считала шпиль и флюгера в лужах на мостовой — так делают только звезды дорог. А я долго — ты и не представляешь, как долго! — искал звезду, готовую нарушить закон и прямой запрет Храма о пересечении архипелага, и чья тень не стала бы ее останавливать.

Пока не встретил ее, отчаявшуюся достаточно, чтобы подняться на борт первого попавшегося корабля. Нет, не первого попавшегося, вдруг осознала она, того, на какой как бы мимоходом указал ей Акадо. Он нашел себе крепкую каравеллу, пусть не идеальную для долгого пути, но для его целей вполне подходящую. Нашел звезду, молодую, не обученную, еще не имеющую тени и потому неизвестно, способную ли вытащить «Симеду» к чужому берегу или нет, но сильную и, главное, не связанную обязательствами и ограничениями Храма. В горле пересохло, сердце билось гулко и сильно, требуя бежать, бежать, двигаться, не оставаться на месте.

— Так поиски каменоломни с самого начала были только проверкой моих сил. Ты рассчитывал, что их хватит найти дорогу в океане, но...

Недаром Хво дал ей слишком сложное, заведомо провальное для птицы задание — но выходит, и Хво работал на сновиду или находился под его влиянием. Ей вспомнились отрешенность и сонливость скупщика, какие благодаря его возрасту не вызвали подозрений сами по себе, но ведь точно так же вела себя дама Айрис, а Тио Америкен как будто... Как будто всю дорогу провел во сне.

Кроме того, на борту оказалось намного больше съестных припасов, чем было записано

в бумагах Лойны, и в трюме нашлись неучтенные бочки с пресной водой. «Симеду» покидала гавань, будучи полностью оснащенной для длительного морского путешествия, пусть даже о настоящей цели плавания на борту знал только один человек.

— Каирхе...

Она запнулась, не желая договаривать очевидное. Каирхе умерла слишком уж вовремя. Отравилась, кто знает, как и почему, и тень-компаньон ее не защитил. Птица очень смутно представляла себе, что такое сновиды, и что они могут делать с человеческим разумом. Усыплять, контролировать, подталкивать к нужным им решениям. Но насколько незаметно и эффективно?

Уловив тревогу в ее глазах, Акадо поспешил уточнить:

— На тебя я влиять не пытался, не бойся.

— Потому что я не вижу снов, — прошептала она.

— Нет, не поэтому. Но это одна из причин. Не зря из таких как раз и набирают элитные охотничьи отряды Ордена. Наша магия, увы, не на всех действует одинаково.

Но он сумел внушить корабельной звезде...

— Почему ты с самого начала не велел Каирхе поставить Симеду на нужный курс?

— А это уже вторая, куда более существенная, причина. Видишь ли, спящие маги неспособны колдовать, повинувшись нашей воле. Иначе все было бы куда как проще.

Шаэн поднялась на ноги, не открывая глаз. Пошатнулась, наступила на полу тахари, и Ришшек подхватил ее под локоть. В лице девушки ничто не изменилось, казалось, рухнула она на пол, все равно не разомкнет век. Она, несомненно, сны видела. Быть может, видела даже сейчас.

— Что вы собираетесь с ней делать? — Кэрис заступила дорогу сновиде, ведущему Наэллор к лестнице.

— Я могу держать ее спящей довольно долгое время, но предпочел бы не делать этого в лавке, куда в любой момент могут зайти соседи.

— Нельзя хранить Шаэн наверху как ненужную книгу!

Теперь, зная, что жизнь или смерть принцессы и правда не имеют никакого значения для раа-ши, и Архааррад не станет ее защищать, Кэрис уже не очень-то верила, что сновиды и правда не убьют Шаэн, если отпускать ее станет слишком опасно. А ее придется отпустить, ведь когда невеста не явится на свадьбу, ее примется искать весь город. В том числе и незримые его обитатели. Кто знает, зачем на самом деле Золотому Дому нужен союз с Орденом.

Акадо убил Каирхе. Глухой шок и первый порыв отрицания — не думать об этом, просто закрыть глаза было бы так легко! — сменились холодным пустым онемением и кислым привкусом во рту.

— Если у тебя есть другие предложения, мы слушаем, — навигатор сложил руки на груди и прислонился плечом к дверному косяку.

Он уже не держал ее, но по-прежнему загораживал единственный выход. Как будто она не могла взлететь по лестнице быстрее ветра и выскочить из окна на втором этаже. И обращался к ней так, словно птица была не невольной свидетельницей и соучастницей, по незнанию вовлеченной в чужие планы, но полноправной сообщницей.

Кэрис никогда не считала своей сильной стороной способность действовать по обстоятельствам и мигом менять планы, приноравливаясь к быстро меняющимся условиям. Голова у нее шла кругом от противоречивых мыслей и стремлений, и попыток увязать

воедино всю историю с первого ее дня в Ансвольме и до этого самого момента. Открывшаяся часть правды не только ничего не объяснила, но еще больше запутала и породила множество новых вопросов.

— Чего вы хотите?

Она ожидала, что сновиды обменяются быстрыми взглядами в попытке молчаливо условиться, о чем рассказывать и о чем умалчивать. Но оба смотрели только на нее несколько долгих секунд, пока наконец Ришшек не произнес:

— Нет никаких "мы". Я делаю одолжение Акадо, позволяя ненадолго остаться в Фезе вместо того, чтобы убить на месте. Только и всего.

Она бы восприняла эти слова как шутку, но слишком уж серьезно смотрели на нее сновиды. Кафайя старика сползла набок, из-под нее топорщились седые волосы, придавая ему беззащитный вид. Образ торговца-книжника настолько не соотносился с его словами, сказанными размеренным, очень спокойным тоном, что Кэрис чуть было не переспросила, не ослышалась ли она. Но ведь и высшие тени тоже старались не пугать смертных своим видом, не видя в том необходимости, и потому принимали знакомый им, схожий с человеческим, облик.

— Я пришел за кристальным ветром и уйду, как только получу его, — пожал плечами нимало не обеспокоенный Акадо.

Ну что же, откровенно. Но он уже давал понять, что зачем-то ему нужен кристальный ветер, оружие смертных против сновид. Против таких, как он. Поэтому прямой ответ не дал Кэрис ничего нового. Она осталась там же, где и была, на пересечении ненадежных, теряющихся во тьме троп.

— Зачем? Все-таки собираешься убить тень?

— Кристальный ветер не убивает теней, — вмешался ан-Найи. — Нас — да, но их... Может ранить, ослабить, но не убить.

В ответ на гневный взгляд Кэрис Акадо лишь пожал плечами.

— Все равно это лучшее, на что ты можешь рассчитывать. Ничто иное нематериальную сущность даже не коснется.

Она вспомнила боль и жар в шее. Когда надо, зубы у Искьерше становились вполне материальными. И очень острыми.

— ... Лучше иметь при себе оружие, способное пусть частично, но лишать их силы, не находишь?

Она находила, что у сновиды все получалось слишком уж гладко. Он, конечно, избегал упоминаний о том, что у магистра, по словам Наэллор, находился последний и единственный артефакт, и Акадо не затеял долгую охоту за ним с тем, чтобы взять и отдать оружие девчонке, обманом втянутой в его махинации.

— Ну, удачи, мешать не буду. Магистр со дня на день привезет свою волшебную игрушку. Иди за ней без меня, — она скопировала позу Акадо, сложив руки на груди. Но не ушла.

А все же, если бы кристальный ветер оказался у нее в руках... Нет, развеяла она неоформленные фантазии. Даже если бы кинжал убивал духов с одного удара, в бою с высшей тенью она не продержалась бы и минуты. Не было бы и не могло быть никакого удара, ни первого, ни последнего. Искьерше, наверное, испепелила бы ее живьем. Архааррад в любом случае нашел бы способ обратить будущее себе во благо. К тому же Кэрис не забывала, что она всего лишь человек, нуждающийся в еде, сне и отдыхе. Даже с артефактом

в руках она станет для теней не опаснее, чем котенок, вдруг обнаруживший у себя когти.

Она вспомнила, что, какой бы малой доли мгновения ни потребовалось Искьерше, чтобы вцепиться в нее клыками, того же хватило и Акадо, чтобы выпустить в глаз тени арбалетный болт. И он поймал ее за руку тогда в таверне, хотя никак не мог этого сделать. До сего дня у птицы не было повода подозревать, что это случилось вовсе не из-за того, что она задумалась и ушла в себя. Возможно, дело было вовсе не в ней?..

Кэрис сократила расстояние между собой и Акадо стремительным рывком, размазавшись в воздухе эфемерным росчерком, чтобы впечатать кулак в живот сновиды — на ее запястье сомкнулись цепкие мужские пальцы. Она не сумела коснуться навигатора, но, если бы разжала кулак, смогла бы царапнуть ногтями грубое полотно его галабеи.

Никакой ошибки, он все-таки мог двигаться, как тень.

— Я так понимаю, это был ответ?

— Это был вопрос.

Нельзя было отрицать, что у Акадо возможностей противостоять теням имелось куда больше. Да только лгал он слишком часто, чтобы Кэрис могла ему довериться.

— И? — он насмешливо приподнял бровь.

Птица резко вырвала руку из захвата, Акадо не стал удерживать.

— И какой план, обменять Шаэн на кристальный ветер?

Наэллор стояла посреди комнаты в лучах прозрачного утреннего света, уронив голову на грудь. Тонкие руки безвольно свисали вдоль тела. Ришшек смерил ее пристальным взглядом с головы до ног, будто оценивал, насколько крепко та спит.

— Боюсь, серые на это не согласятся.

— Так ты все-таки хочешь, чтобы я украла у магистра Керано артефакт.

На проказы вороватых сорок, таскающих горстями мелкие монеты или еду, смотрели сквозь пальцы. Те же, кто зарился на добычу покрупнее, скоро пропадали на закрытых, безопасных вроде бы перекрестках. На исчезновение уникального артефакта Серый Орден не закроет глаза, и неизвестно, что на самом деле связывает магистра с правящими семьями и Покровителями. Те могут позлорадствовать, но могут и предложить помощь в поисках наглой воровки. Если сами не зарюют ее в песок вниз головой с наказом, что негоже почти-Наэллор заниматься столь низменными делами.

— С этим я и сам справлюсь. Но затем мне нужно будет вернуться на север, — признался Акадо. — Здесь, в Фезе, артефакт для меня бесполезен.

Север. Бездорожье. Искьерше. Кэрис знала, она все еще может уйти, и ее не остановят. Да только уходить было некуда, хоть над городом и высился ждавший ее дворец. Она не могла вернуться без Шаэн, и не только потому, что тогда бросила бы подругу в компании двух чудовищ. Казалось, будто отвернувшись от Шаэн сейчас, она неким негласным образом согласится занять ее место. Не то, что у золотой девы было на самом деле, но то, для которого она была рождена. Кэрис ан-Наэллор, заклинательница теней, оставит за спиной менее удачливую и ценную для семьи сестру, как до того оставили ее остальные. Просто потому что не посчитали достаточно значимой, чтобы принять как часть своей чудесной жизни. Или потому что существование Шаэн непрестанно напоминало Великому Дому, что работа над закреплением наследия в крови далека от завершения. Ее чувства и желания не принимал во внимание Архааррад, а Наэллор, осознанно или нет, старались услужить повелителю и невольно копировали его отношение к миру.

Но и согласиться вернуться в Элхарию Кэрис не могла. Не только из-за Искьерше, что

наверняка будет ждать ее на берегу, привлеченная зовом метки, словно гулким, отдающимся в сердце ритмом путевого кристалла. Четыре года девушка вынашивала свой план, искала пути и тропки, и скрытые толкования в древних текстах, лишь бы только найти способ стать свободной. Изначальный план не сработал, как ей бы того хотелось, из-за вмешательства сновиды, но она еще не готова была от него отказаться. Возвращение на север для нее означало бы признание поражения, смирение с участью путеводной звезды, горящей, пока тень глоток за глотком не заберет силы, годы или даже разум. Возвращение в Домен Перекрестка означало бы принятие навязанного ей если не самими теньями, — им-то что, человечком больше, человечком меньше, — то Храмом контракта.

— Я могла бы... — начала она и тут же осеклась.

Стоит ей сказать еще несколько слов, дать им понять, как действовать и к чему стремиться, как мысль станет планом. Что хуже, не ее личным, а уже совместным планом, и поди знай, как скоро он затронет то будущее, что видел и к которому вел город Архааррад.

Ришшек ан-Найи — или, как звал его Акадо, Ришке, — дернулся, зрачки его мигом расширились и заполнили собой радужку, превращая глаза в черные провалы.

— Он здесь! — хрипло выдохнул торговец.

Шаэн вздрогнула и приподняла голову, чтобы уронить ее снова под тяжелым взглядом и торопливым неразборчивым шепотом Акадо. Теперь она хмурилась и кривила губы, сон ее стал поверхностным и беспокойным.

Время вышло.

У Кэрис все еще не было плана, но в том и заключался ее — их? — единственный шанс.

— Возьми Шаэн! — она требовательно протянула Акадо руку и обернулась к Ришкеку. — Вы с нами?

— Сейчас?! — опешил навигатор. — Атт'айя даах ше! Мы не готовы!

— Да, не готовы, и именно поэтому мы бежим сейчас!

Будущее распадалось туманными клочьями, вихрилось и рисовало новый узор, исчезающий во тьме времени. Кэрис остро ощущала касание горячего воздуха к коже, плиты пола под тонкими подошвами, запахи морской соли, песка и старых книг с кожаными переплетами, сонное переплетение дорог и троп, и все это вместе чудилось свободой.

— То, что ты задумал, безумие. Ничего не выйдет, — на лицо Ришкека падала тень, оно казалось неразличимым.

— Мы не бежим, — прошипел Акадо, — не с пустыми руками и не с похищенной принцессой!

Птица вскинула глаза на единственного человека, способного указать ей путь к Граничному. Пусть ее магия нужна была, чтобы вести «Симеду» по дорогам скрытых течений, но выбирать среди них нужные она не умела. Бездумный перебор приведет экипаж к гибели в шторме или лакуне, а не пользуясь волшебными тропами вовсе, они навеки затеряются в водах вне всех берегов. Ей нужна была каравелла, чтобы выбраться отсюда, и нужен был сновидца, читающий звезды, как карты.

— Нельзя больше ждать, — обратилась к нему девушка. — Архааррад не позволит нам забрать кристальный ветер и покинуть город.

В последнем она была уверена, но намерения тени касательно артефакта или Ордена в целом оставались неясны. Она и думать не хотела о связывающих тысячелетия человеческой истории планах Великого Покровителя. Сейчас лишь нужно было, чтобы Акадо ей поверил.

— Ренн аллор ай-тари диртха. Возьми принцессу и возвращайся в Лондре, — вдрут

подал голос Ришке.

Акадо на миг растерянно замер, но тут же на его лице мелькнуло понимание, после чего на Шаэн обратился быстрый, по-новому оценивающий взгляд. Пара размашистых шагов, и сновида вскинул безвольно обмякшую Наэллор на плечо с той же легкостью, как до того Кэрис.

— Я все равно не верю в твою затею, но немного времени дам. Отвлеку серых и Наэллор, — обратился к нему старик. — Оставаться в Фезе мне больше нельзя, ордены сегодня же пойдут по твоему следу и быстро поймут, где и кого искать.

По лестнице на второй этаж ан-Найи взбежал порывистым вихрем. Двигался он, в отличие от Акадо, совсем не как тень, но как молодой и полный сил человек, что ни капли не соответствовало внешнему возрасту сновиды. Сверху раздался протяжный скрип, треск дерева и звон разбитого стекла. Шум и грохот передвигаемой мебели, будто Ришке нечто второпях искал, уже нимало не заботясь о сохранности жилища.

Акадо вздрогнул, точно внезапно очнувшись от дневного сна, до боли, до онемения вцепился ей в плечо.

— Я готов.

Южные перекрестки шли на контакт неохотно, направления путались и пересекались, изворачивались и текли сквозь пальцы, словно предостерегая от необдуманного шага. Но Кэрис успела хорошо изучить лабиринты древнего города, что должно было облегчить задачу. На улицы стекались жители Фезы, возвращающиеся домой с рынка и от колодцев, отправляющиеся на прогулку, пока солнце не поднялось в зенит, идущие кто куда по делам, не имеющим ничего общего ни с равнодушными обитателями чужих Доменов, ни с иной разновидностью чудовищ, безумно схожих с людьми.

Кэрис не дала себе времени настроиться и прочувствовать дорогу и цель, к которой та вела, а потому Акадо приходилось вести за руку. Шаэн обмякла на его плече, длинные черные волосы и концы кафайи почти касались земли. Птица знала, стоит ей остановиться, подумать, и она тут же найдет сотню причин, почему ее выходка не сработает, план провалится и загонит ее в ловушку худшую, чем та, в какой она уже оказалась. Если она остановится или начнет действовать разумно, останется в Фезе навсегда. Примет будущее, приготовленное для нее раа-ши Архааррадом, и место в его свите.

Тени всполошено кружились в небе, с их крыльев текла тьма, не видимая никому, кроме Кэрис. Улицы и перекрестки мелькали перед глазами, мимо проносились ошеломленные, беспомощные, испуганные лица. Птица ждала, что вот-вот одна из теней нырнет вниз и вцепится когтями в затылок. Но они не спускались, и девушка не сразу осознала, что кружат они не только над ее головой, но над городом. Будто вся Феза, сколько бы ее ни было, оказалась вовлечена в действие, смысл которого от нее ускользал. Там, наверху, что-то происходило, и люди, хоть и не видели, не чувствовали присутствия вневечных созданий, в страхе разбежались по домам и захлопывали двери. Что-то происходило и ниже, среди зданий и кварталов, поднималось вверх от горячего песка зовом чужой вкрадчивой магии, окутывало камни и оседало в глубине зрачков мечущихся в панике людей.

— Я не понимаю, что происходит! Тени, они... — она задыхаясь и чуть не плача рванулась вперед.

Ветер, резко сменивший направление, принес запахи дыма и горячей краски. Над кварталом стеклодувов возник столб густого черного дыма.

— Ришке. Это Ришке! — крикнул Акадо.

Хаос и паника волнами накрывали город. В небо текли ручьи дыма, в них купались встревоженные тени. Отовсюду доносились крики, испуганные и растерянные, плач и ругательства. Из проулка перед ними выбежала женщина, прижимающая к груди одного плачущего малыша и тянущая за руку другого. Ее пустые, тусклые глаза и отсутствующее выражение на лице, никак не соотносящееся с происходящим, сбило Кэрис с пути. Птица растянулась на истоптанном песке, и сновида с силой вздернул ее на ноги.

Это Ришке, так вот это и есть Ришке, то настоящее проявление дикой древней магии, скрывающееся под непритязательным человеческим обликом. Ее настигла волна необъяснимой, приглушенной паники, пришедшей извне, из ниоткуда. Она ощущалась смутно неправильной, рукотворной, раз за разом бьющей по разуму, словно громкий звук, доносящийся сквозь толщу воды, вот только сила и интенсивность ударов все нарастали, грозя вот-вот переломить хрупкую преграду сознания. Хотелось остановиться, забиться узкий проулок меж обветшалых домов и спрятаться, укрыться не только от творящегося кругом безумия, но и от собственного страха. Но в то же время хотелось бежать, неважно куда, лишь бы оказаться как можно дальше отсюда, от невидимого и неопределяемого источника ужаса. Пусть редкая неспособность видеть или же запоминать сны и ослабляла магию сновиды, не давала окунуться в безумие с головой, но и абсолютной защитой не служила. Не так уж неправы были предки, в старых историях предостерегавшие будущие поколения от древних сновид, и совсем не зря Орден продолжал выискивать их даже в полузаброшенном городе на краю пустыни.

Теперь уже Акадо тащил вперед обеих девушек, бессознательную Шаэн и едва держащуюся на ногах, оглушенную криками, шумом и грохотом, и необъяснимым страхом, от которого все расплывалось перед глазами, Кэрис. Двигались они теперь медленнее и более не скользили мимо и вне, ведомые магией дорог, но окунулись в самую гущу событий. Как ни удивительно, но от прикосновения Акадо стало гораздо легче, разум прояснился, а волны чужой магии, хоть и захлестывали с головой, но ощущались теперь далекими и нереальными. Будто теперь их оплетал невидимый кокон, за пределами коего рушился мир. Кэрис крепче вцепилась в руку навигатора. В воздухе с каждой минутой нарастало ощущение близящегося ужаса, чего-то неопределенного и непоправимого. В небо поднимались все новые и новые столбы дыма, и тени металась в них злыми искрами.

Искьерше. Архааррад. Ришке. Что бы за игру они ни вели, и сколько бы та ни длилась. Кэрис отказывалась принимать в ней участие. Она отчаянно желала оказаться как можно дальше отсюда, а воплощения изначальных легенд и древние ужасы пусть рвут друг другу глотки без ее участия.

И один такой ужас, порождение магии неизвестного Домена, она прямо сейчас держала за руку. Не могла отпустить, чтобы не затеряться среди хаоса и ощущения надвигающейся бури. Ужас нес на плече Шаэн, но никому из встречных не было дела до бессознательной Наэллор. Акадо уверенно лавировал в толпе, хлынувшей от доков кто с плачем и воплями, кто с пустыми глазами и встревоженно кривящимися губами, загоразживал птицу телом, когда ту прижимали к стене. В иное время Кэрис скользила бы мимо без всякого труда, но сейчас взгляд то и дело выхватывал испуганные лица, брошенные и сломанные вещи, корзины, растоптанные овощи и фрукты.

Хуже всего были редкие встречи с застывшими на месте, безучастными ко всему людьми, а также растерянность и недоумение тех немногих, кто, как она сама, подспудно ощущал неправильность происходящего, но все же не мог противостоять зову чужой магии.

Успешное плетение дорог требовало особого состояния сознания, а Кэрис в смятении и страхе то и дело из него выныривала, и дорога рвалась под ногами и уходила в песок, подобно воде.

От дыма щипало глаза, запах горячей краски, кожи и химических смесей, доносящийся от ремесленного квартала, бесцеремонно пробрался в легкие. Но после очередного поворота перед ними раскинулась синяя гладь, чуть тронутая серебристой рябью. Гавань была пуста, безмолвна и безмятежна. Будто находилась в совершенно иной реальности. Будто чужая воля велела убираться отсюда как можно скорее, и люди послушались то ли ее, то ли страха, черными корнями опутавшего душу, когда мир вокруг внезапно сошел с ума.

Поодаль на волнах наряду с легкими и узкими южными кораблями лениво покачивалась «Симеду». В приближающейся с севера точке уже различались очертания ладьи под выкрашенным в светлый серый парусом, не косым треугольным, кои она во множестве видела в фезском порту, но более привычным квадратным. Не составляло труда догадаться, кто спешил в город, подгоняемый попутным ветром, но ясно было, что магистр не успеет: слишком велико расстояние. Им осталось лишь подняться на борт, а там стоит только экипажу вывести каравеллу из городской акватории, и она сумеет отправить «Симеду» по первому же стабильному потоку, что унесет их за сотни миль.

Почти получилось, у нее почти получилось! Но как же все-таки легко, их даже не пытались остановить — легкость эта заставляла сомневаться в прежних выводах и опасениях, и в импульсивном, необдуманном порыве украсть корабль и покинуть Фезу. Ришке сказал, что Архааррад в городе — если он имел в виду Архааррада, хотя кого же еще?.. Где он и почему не вмещивается? Кэрис велела себе собраться. Она приняла решение, и отказываться от него было слишком поздно.

— Выводите корабль! — крикнула Кэрис, взлетая с пирса на палубу.

Акадо промчался по трапу, но ей скрываться было уже не от кого, и девушка оказалась на борту одним прыжком. Ни одной тени в пределах видимости, лишь сосущее под ложечкой ощущение совершаемой ошибки, неуверенности, упущения чего-то важного от необходимости торопиться и невозможности оглянуться назад, на прожитые в Фезе дни.

Капитан появился на палубе с мечом наголо, звездой на эфесе коего горело клеймо серых. Однако же Тио Амерен не выглядел как человек, добывший оружие в бою. На одежде ни пятнышка крови, и кафайя не сбилась набок. Он, скорее всего, вырвал оружие из рук ничего не соображающего ордена, перед тем, как тот сбежал, поддавшись чарам Ришшека, или и вовсе подобрал на опустевшем пирсе.

— Кэрис, что за асс-хэши здесь творится?!

— Поднимайте паруса! У нас нет времени!

Как могла она сказать, что причиной массового умопомрачения стало нечто, в чье существование люди не верили вот уже триста лет? Не верили на севере, но не на юге, и все равно, несмотря на знания, на расположение в городе целого отряда, призванного бороться со сновидцами, к прямому столкновению оказались не готовы.

Акадо, не дожидаясь капитанского приказа, рубил швартовные концы, удерживающие «Симеду» у пирса. Крепкие канаты с трудом поддавались кинжалу, но сновидца обрушивал удары яростно и упорно, и толстые веревки распадались на отдельные лохматые волокна. Капитан Амерен метнул в его сторону пронзительный взгляд, но узнавания на его лице не проступило. Вместо окрика и наказания за самоуправство, он порывисто шагнул к сновиде, расправив плечи и не убирая ладони с эфеса.

— Ты кто, кэйсса тебя сожри, такой и что делаешь на моем корабле?!

Шаэн лежала на палубе у ног сновиды, ее тонкая кисть покоилась на животе, солнце играло на филигранных золотых браслетах. Она пока не привлекла внимание, но лишь потому, что спящая девушка представляла собой куда меньшую опасность, чем вооруженный мужчина. Если бы они только знали... Но они, конечно, не знали и не помнили, наверняка из-за специфической магии сновид. Может, стирание памяти и помогло Акадо не попасться серым, когда северян допрашивали, но оно же теперь не позволяло им увидеть в бывшем навигаторе часть команды. Они не помнили, что именно Акадо был корабельным штурманом, если вообще помнили, что у «Симеду» был штурман.

— Пожалуйста, капитан, мы должны уплыть сейчас или никогда, — она заступила Амерену дорогу.

Авторитета корабельной звезды хватило бы, чтобы повлиять на решение капитана, но настоящей звездой Кэрис не являлась. Если бы не необъяснимая паника, охватившая Фезу, и не поднимающиеся над белыми зданиями клубы дыма, ее без лишних церемоний отодвинули бы в сторону.

— Проклятый край, — бормотали матросы, предусмотрительно держась подальше от Акадо, кто в их глазах был выходцем из Фезы, таким же безумцем, как остальные.

Пусть люди и не могли их видеть, большая концентрация теней в одном месте не могла не влиять на мир. Она истончала реальность, и в первую очередь проявляла себя в резком изменении погоды. Дувший со стороны океана ветер усилился и теперь пробегал по коже не

ласковыми теплыми пальцами, но холодными цепкими когтями. Солнце, в здешних краях бледно-золотое и белое, потемнело, а небо приняло лиловый оттенок, словно утро решило плавно перейти в сумерки, минуя день. Всем и каждому на борту было слишком хорошо известно, что такое магические и пространственные аномалии, и пусть эта выглядела безобидно, что-то же там на суше заставило целый город потерять разум.

— Асс-хэши возьми эту землю! Отдать швартовы, поднять паруса!

Матросы засуетились на палубе, и птицу на миг накрыло волной облегчения. Слаженная и четкая работа команды — почему-то никто из них под влияние ан-Найи не попал, и Кэрис еще предстояло разобраться, почему, — напомнила о том времени, когда со всех сторон, куда ни глянь, раскидывался только безбрежный синий океан. Не пустое однообразное пространство, каким оно мнилось многим, но абсолютная свобода в выборе пути. Отсутствие стен и запретов, удушающих дворцовых правил, перешептываний за спиной и косых взглядов. Но главное, отсутствие Великого Покровителя, вечно обретающегося везде и нигде, вне досягаемости и слишком близко, чтобы не задуматься над каждым вывертом судьбы, не подстроен ли он Архааррадом.

Акадо навис над Шаэн, пальцы лениво удерживали кинжал за самый кончик рукояти. Казалось, оружие вот-вот выскользнет из рук и ударится о светлые доски палубы. Но напряженное лицо, с каким он торопливо обшаривал взглядом причалы, куда больше говорило о его душевном состоянии, чем обманчивая расслабленность тела. Кэрис хотела бы знать, что он там видел и слышал. Если ей, одаренной, была доступна малая часть незримого мира, то каким же на самом деле представлялся он сновиде?

Над головой развернулись и заполоскались паруса, совершенно новые, белоснежные, не тронутые солью и ветрами. Кэрис подошвами ощутила, как легко и плавно сдвинулась с места каравелла. За проведенные в открытом море недели, когда девушка направляла судно по потокам, она изучила все его особенности, как знала собственное тело, ощущала малейший крен и изменение положения «Симеду» в пространстве. Стоило кораблю из статичной фигуры, прикованной к берегу, стать воплощением порывистости и стремительности, сняться с места, как прежняя связь вернулась, словно только и ждала своего часа где-то на дне в тени каравеллы.

Поблизости от Фезы, где веками сходились торговые маршруты, остаточные следы и траектории пересекались во множестве. Они виделись равнозначными, различаясь лишь прочностью троп и интенсивностью зова. Куда они вели, Кэрис не знала и не стремилась узнать. Подальше отсюда, вот что важно. Она собиралась бросить «Симеду» в первый же поток, что готов был откликнуться и принять ее, убраться прочь от Фезы и Ошрата, а дальше уже знакомым интуитивным перебором дорог как-нибудь выйти на верный курс.

«Симеду» разворачивалась и набирала скорость медленнее, чем птице того бы хотелось. Но ветер дул со стороны океана и попутным был для входящих в порт судов, но не покидающих его. Не будь на борту мага Перекрестка, узкая маневренная ладья серых имела бы все шансы догнать их в открытом море, но Кэрис не сомневалась, что сумеет их обойти. И знала о непримиримости орденцев к магии, что не мешала им пользоваться подаренным Архааррадом артефактом, но, к ее счастью, гарантировала отсутствие на борту ладьи кхайи.

— Ооо! — восхищенно присвистнул Сайан, на миг склоняясь над Шаэн, прежде чем взобраться по снастям на грот-мачту и заняться узлами.

— Она с нами, — поспешно уточнила Кэрис.

Она предпочла бы унести подругу в каюту, но просить о помощи было некого. Экипаж

разворачивал каравеллу, Лойна до сих пор не показалась из каюты, хотя не могла не ощутить движения. Сама же Кэрис не могла покинуть палубу, не сейчас, когда в любой миг следовало быть готовой бросить судно в вихрь дорог и путей. Акадо обманчиво-безмятежно замер у борта. Девушка знала, чего, а вернее, кого он ждет, и молилась Перекрестку, чтобы фезские тени погребли Ришке под песчаным курганом и придавили бы башней-другой для большей надежности. После проведенных на улицах минут она четко осознавала, что не желает оказаться в открытом море наедине с чем-то вроде старого книготорговца. Вполне хватало и Акадо, чудовища непонятного и опасного, но хотя бы знакомого, а оттого более или менее предсказуемого. Насколько далеко простирались его возможности, еще предстояло разобраться. Радовало, что повторить чародейство Ришке ему было не под силу, иначе он отправился за кристальным ветром в Риерру, не пытаясь ложью и намеками подтолкнуть к краже мага дорог. Да и, вспоминая брошенную вскользь фразу ан-Найи об одолжении, оказываемом им Акадо, она чувствовала твердую уверенность, что, передумай Ришкек и пожелай избавиться от сородича, против старого и опытного сновиды у Акадо не было бы ни единого шанса.

Вот корабль отделился от пирса на десять шагов... на пятнадцать... Его все еще никто не пытался остановить. Да что там, никто даже не смотрел ни с этой стороны мира, ни с той. Невольно подумалось, что если бы Архаарраду зачем-то захотелось отправить ее обратно на север, даже он не сумел бы организовать столь абсурдно простое, не стоящее никаких усилий с ее стороны и, как ни глянь, совершенно случайное, незапланированное отбытие.

И это пугало.

— Кэрис, — Акадо, неслышный, как всегда, схватил ее за плечо и развернул прочь от берега в сторону приближающейся ладьи серых, — если...

— Они не успеют, — заверила его птица.

Сновида усмехнулся уголками губ.

— Знаю, я не об этом. Ты сможешь добраться до их корабля и вернуться на «Симеду»?

Ах да, конечно, даже сейчас он думал, как бы отправить свою птицу за кристальным ветром. Она поколебалась, следя, как над чужими борами кружатся чайки, а парус наполняется ветром. Да, она бы могла немного пробежать по воде, расстояние позволяло. Может, даже успела бы выхватить артефакт у Керано из ножен, ведь появления рядом пространственного мага он точно не ждал. Но для этого еще надо было узнать магистра среди остальных серых, да и волшебное оружие он мог хранить в каюте под дюжиной замков, а не носить на поясе, как символ статуса. Не говоря уже о том, что любому из орденцев достаточно было бы схватить ее за руку, и дорога тут же развеялась бы, а создать новую Кэрис могла и не успеть.

И все же, если бы все сложилось удачно, у нее в руках оказался бы последний на юге, а скорее всего, и последний в мире артефакт, способный убить сновиду или — по словам уже не единожды лгавшего ей человека, — ранить или ослабить тень. Последний оставшийся на Ошрате кристальный ветер...

Над белыми башнями Фезы поднимались тонкие ручейки дыма. Кэрис не смогла полюбить этот город, где ее держали в просторной, золотой, но все же клетке. Она не прониклась симпатией ни к кому из его жителей, кроме Шаэн ар-Наэллор, да и с той сходилась медленно и трудно. Но она не желала Фезе оказаться беспомощной игрушкой сновиды. Не после того, как Ришке явил свою настоящую силу. Разумеется, Архааррад или его приближенные тени могли его остановить, расправиться с ан-Найи в мгновение ока. Да

только Великий Покровитель еще в первую ночь их встречи дал понять, сколь мало его заботит наличие в городе чудовища. В этом он ничем не отличался от любой другой тени. Могущество их на благо смертным не служило. Кэрис отвернулась от ладьи. Артефакт магистру понадобится не меньше, а то и больше, чем ей, и очень скоро.

Что-то изменилось, что-то неуловимое, неявное и не облекаемое в слова. Ветер не сменил направление и силу и нес лишь прохладную свежесть, столь желанную под южным солнцем, но нечто будто сдвинулось в воздухе. Со стороны города все еще доносился неразборчивый шум, заглушаемый пронзительными криками чаек, скрипом снастей, хлопаньем парусов над головой, выкриками матросов, резкими командами капитана и плеском волн о борт.

Шаэн судорожно вдохнула и приподнялась, опираясь локтями о палубу. Дышала она часто и прерывисто, будто не спала на плече Акадо, а бежала с ними всю дорогу до гавани. Ее темные глаза в панике и недоумении обшаривали снасти и туго натянутые паруса «Симеду», взгляд метался от спящих вокруг матросов к застывшей у фальшборта на корме Кэрис, от закутанной в потрепанную льняную галабею фигуры Акадо к яркому желтому пятну капитанской кафайи.

Кэрис резко развернулась к городу.

Они стояли на причале у самой кромки воды, и солнечный свет лился и напитывал расшитые соколами и, вопреки ожиданиям, не традиционными лисами, но золотыми рыбками тахари Архааррада. Лучи текли по драгоценным нитям, но в какой-то момент поглощались исходящей от высшей тени тьмой. Смотреть на Великого Покровителя под ярким солнцем и на открытом пространстве оказалось сложно, почти невыносимо. Разум не мог решить, что именно перед ним предстало: из-под пленки теплого золотистого света сочилась непроглядная тьма. Стоявшее рядом существо можно было бы принять за человека, ребенка, ростом на две ладони не доходящим раа-ши до плеча, если бы не поза, неестественная в своей неподвижности. Руки чуть согнуты в локтях и отведены от тела с видимой даже на расстоянии осторожностью, так, чтобы точно никого и ничего ими не коснуться. Что-то серьезно не так было с его или ее руками, от локтей и до кончиков пальцев покрытыми чем-то светло-серым, бесформенным, движущимся. Архааррад не отбрасывал тени, наверное, потому, что не находил эту маленькую деталь необходимой и значимой. Вторая высшая тварь тень отбрасывала, но в иную сторону, по направлению к солнцу, и та словно тянулась к свету вместо того, чтобы прятаться от него.

В душе темной волной поднялась ярость. Ей осталось всего ничего, еще каких-то десять шагов, и она дотянулась бы до потока, водные тропы окутали бы «Симеду», унося ее далеко-далеко. Но Архааррад знал, конечно же, он с самого начала знал, когда следует появиться. Не раньше, чем она успеет увериться, что все позади, ощутить мягкое касание зовущих к горизонту дорог. Не позже длины поводка, сплетенного из видений и пророчеств. Поймав ее взгляд, Великий Покровитель вскинул руку и помахал выверенным, тщательно просчитанным жестом существа, не умеющего копировать человеческие движения так, чтобы они казались естественными. Кэрис показалось, он держал что-то очень маленькое, неразличимое, но у нее не было ни единого предположения, что бы это могло быть. Хозяин Фезы мог остановить их, уничтожить корабль, но Кэрис подозревала, что столь грубыми методами он не воспользуется. Если что и сделает, оно будет хуже и изобретательнее быстрой смерти на дне.

Еще пять шагов, еще немного... Птица вцепилась в фальшборт и изо всех сил тянулась к

потокам, жалея, что, в отличие от Каирхе, не умеет разворачивать ветер или разгонять судно вне несущих его незримых течений. Вторая тень застыла, словно статуя, которую по своеобразной прихоти установили на причале, и за какую теперь можно было бы цеплять швартовы. Архааррад тоже замер у самого края, но его неподвижность виделась более естественной и даже почти живой. Он будто... провожал ее? Кэрис поняла, что обязана увидеть предмет в руках Покровителя. Может, тогда она поняла бы, что здесь на самом деле происходит, что она упустила. Птица глубоко вдохнула, от дальнего взора закружилась голова, но даже пара мгновений усиленного магией зрения того стоили. Мир в уголках глаз расплылся и потерял цвета. Пирс приблизился, резко увеличился в размерах.

... причал был пуст. Ни следа не осталось ни от одной из теней. Кэрис в замешательстве отпустила магию. Когда она, чувствуя внутри лишь немую пустоту, и не в состоянии осмыслить оставленное ей высшей тенью сообщение, отвернулась от Фезы, Архааррад нависал над Шаэн. Та застыла, приподнявшись на локтях, с неверием взирая на раа-ши снизу вверх. Он помедлил, как обычно делали тени, вспоминая, как двигаются люди, чьи образы чудовища копировали, и вдруг опустился на одно колено рядом с Наэллор. У него хорошо получилось повторить движение и позу, плавно, без немыслимого для смертных скачка, мгновенного перехода из одного положения в другое без видимого движения. Но настоящим, вещественным Архааррад от этого, конечно, не стал.

На Кэрис он не бросил ни единого взгляда, но что-то тихо говорил Шаэн. Они находились всего в нескольких шагах, но птица слышала лишь гул собственной крови в ушах. Она знала, что закончив с Шаэн, тень повернется к ней и...

... два удара сердца и два коротких всплеска, знаменующих удары волн о форштевень...

Кэрис, не разбирая дороги, выдернула палубу из-под высшей тени, зашвырнув «Симеду» далеко в море. На путь, чей зов пронизывал океан до самого дна, что обещал рыжей птице расстояния несоизмеримо далекие. Она знала, что поток подобной мощи ни за что и никогда не отпустит «Симеду» по воле ее звезды, но только он один протянется до другого конца света и выбросит каравеллу туда, где и не слышали о черном пророке Фезы. На дно соленого моря. На вершину изломанной горы. В неведомое нечто, откуда приходят тени. Дороги такой силы уже и не дороги вовсе, а капканы, и первое, чему их учили в школе, даже не касаться их, держаться как можно дальше. С ними не совладать, не выбраться, не свернуть, они равно сожрут и звезду, и жреца. Но Кэрис о том не думала. В отчаянии она изо всех сил ухватилась за незримое течение, поманившее ее силой и смутными ощущениями бесконечных пространств, и течение откликнулось с пугающей, смертоносной готовностью.

«Симеду» не плыла и даже не летела, но падала сквозь чужую холодную пустоту. Мир вокруг в мгновение ока прекратил существование, не осталось ни неба, ни моря, только рассекающие густой чернильный холод мачты и звучащие со всех сторон вопли ужаса. Черные кляксы расплескивались по парусам и палубе, чтобы тотчас быть унесенными порывами ураганного ветра. Кэрис попыталась было вырвать судно из потока — но ничего вне уже не существовало. Не было ни другой тропы, ни иного ориентира в проносившемся мимо черном ветре, только бесконечное падение в никуда.

Еще можно было надеяться, что она второпях не совершила непоправимой ошибки, и «Симеду» всего лишь вошла в аномалию, осколок чужого пространства, провалилась в иной мир, ранее поглощенный Перекрестком, а не оказалась вне всех границ и дорог. Тогда у них еще был шанс, что путь ведет сквозь аномалию, и рано или поздно корабль из него вынырнет. Кэрис из последних сил цеплялась за фальшборт, доски палубы под ногами

вздыбливались, ходили волнами. «Симеду» грохотала, трещала, стенала и рассыпалась на части. Каждое бьющее по ней искажение отхватывало куски от борта и проедало дыры в бешено хлопающих парусах. Пока наконец каравелла не содрогнулась от носа до кормы, оглушительный треск не впился в уши, и сила удара не сорвала Кэрис с места и не швырнула за борт. В последний момент на лодыжке сомкнулись чьи-то пальцы, не позволив птице вылететь в черноту и затеряться в нигде.

Яркий, пронзительный свет ударил по глазам, легкие наполнились острым морозным воздухом. Мир вокруг сверкал белизной снега, голубоватый лед колючими искорками отражал стоящее в зените холодное солнце. Левая рука немилосердно болела в кисти, запястье будто ножом пронзило. Глухо ныли ушибы, и на разорванном тахари расплылось несколько кровавых пятен от содранных в кровь локтей и коленей.

Кэрис неуклюже приподнялась на четвереньки, помотала головой, прогоняя гул в ушах и онемение, и воздух наполнился стонами и всхлипами. Одного взгляда хватило, чтобы понять, насколько безнадежно их положение. Половины матросов она просто не увидела, а оставшиеся жались к мачтам и фальшборту, оберегая поврежденные конечности, или лежали без движения, и под их телами медленно расплывались алые лужицы. Среди обломков древесины и изорванных канатов лежали обрывки парусов, еще недавно гордо сияющих чистотой и свободой, и так и не успевших распробовать ветер. Остатки парусины свисали с рей рваными лоскутами, неподвижно-мертвые, но все еще белоснежные. Фок-мачта надломилась, разломанные доски палубы пиками торчали в разные стороны. Меж них ворочался с хриплыми, прерывистыми вдохами капитан, еще не успевший осознать, что все закончилось. Теперь уже действительно все.

Акадо поднялся первым и помог встать Шаэн. Золотая дева не скрывала страха и смятения, но на ней не было ни царапины, если не считать излохмаченных, будто когтями изодранных верхних тахари. Она даже не взглянула, за чью руку уцепилась. Кэрис медленно встала, держась правой рукой за фальшборт в задней части корабля, почти не пострадавший, и прижимая левую к груди. Каждое движение отзывалось болью и дрожью в коленях, на глазах выступили слезы. Не предназначенная для северных широт тонкая льняная туника проиграла холоду в первые же мгновения, и девушку бил озноб. Но невозможность как следует стоять на ногах и контролировать тело, отсутствие движения мага дорог могло убить вернее, чем холод, и Кэрис, стиснув зубы, шаг за шагом боролась с негнушимися коленями.

Из ведущей на верхнюю палубу двери нетвердой походкой выбралась Лойна, руки и грудь у нее были перепачканы густым зеленым снадобьем.

— Что... это что?... — бессвязно бормотала она. — Живы... все? Тио?

— Кэйссова тень... Пытался нас убить, — голос капитана звучал слабо, но достаточно отчетливо, чтобы быть услышанным сквозь чужие стоны и приглушенные ругательства.

А затем Тио Амерен поднял голову к сломанной мачте и остаткам парусов, и Кэрис отвернулась, чтобы не видеть, как его глаза тускнеют и наполняются пустотой. Может, «Симеду» еще можно было починить, но на верфи, а не посреди ослепительного снежного нигде. Отведя глаза, она поймала блеск разбросанного вокруг золота, ярких тканей, посуды из разноцветного стекла и обломков украшенного разноцветной эмалью дерева. Из прорех в корме выплеснулось собираемое поколениями приданное южной принцессы и усеяло лед звездами драгоценных камней и искусными творениями пустынных умельцев, расчертило белизну штрихами дико и неуместно смотрящихся среди снежных пустошей осколков далекой Фезы. Вот и все, что осталось от богатства спасенной ею, и ею же убитой Шаэн

Наэллор.

Кэрис отвернулась и встретилась взглядом с Акадо. Глаза у него теперь были темные, почти черные, как вода северных океанов в узких расщелинах или ночной шторм. Не синие. Он единственный мог догадаться, что вовсе не Архааррад разбил каравеллу и обрек их на жестокую, но хотя бы скорую смерть от холода, а дурная, перепуганная девчонка. Звезда-недоучка, все свое восхождение мечущаяся от одной ошибки к другой. Но он ничего не сказал.

Шаэн отшатнулась, точно наконец осознав, кто именно ее поддерживает, с трудом удержалась на ногах.

— В-вытащи нас от-тсюда, — скомандовала она. Вряд ли ей хоть раз в жизни приходилось сталкиваться с подобным холодом, такой и на севере не каждую зиму приходил, а в пустыне о нем, верно, и сказок уже не осталось.

Ткань примерзла к коже Кэрис там, где была покрыта кровью, а золотая дева смотрела так, будто ни на миг не усомнилась в ее способностях. Она не знала, что «Симеду» более не принадлежит и не будет принадлежать морским дорогам. Все, что осталось от каравеллы, впечаталось, вросло в лед, и лед впился в изломанный остов. На мили и мили вокруг не было ничего, кроме толщи спрессованного голубого и зеленоватого льда, черной воды где-то далеко внизу, и снега, снега, снега. До других течений не дотянуться, не коснуться и не зацепиться, но даже если она бы смогла — как сдвинуть с места искореженный труп корабля?

Но что много, много хуже, Кэрис догадывалась, куда их занесло.

— Я не могу, — прошептала она, опускаясь на палубу. Слезы замерзали на глазах, стягивая кожу, царапая. — Это Хладь...

Хладь. Ледяная могила для кораблей и неудачливых мореплавателей, засасывающая воронка, куда текут тысячи дорог со всех вод и рек мира, сходятся вьюги и бураны с необитаемых горных пиков и сливаются потоки из глубин таких далеких, что не принадлежат более миру смертных. Безраздельная власть над этими льдами принадлежала тени, от которой ни до, ни после Излома люди не видели и не ждали ничего, кроме смерти.

Каирхе когда-то при первой встрече подумала, будто Кэрис собирается украсть лодку и попытаться счастья с Хладью — о да, контракт с тенью подобной силы и притом тенью древней и дикой, — мигом превратил бы ее в одну из самых могущественных жриц континента. Вот только в книге теней особо оговаривалось, что Хладь испокон веков отказывался видеть в людях нечто иное, кроме источника столь любимых им кораблей для личной коллекции, разнообразящей пейзажи его ледяного королевства. Единственным источником информации о нем служили истории других теней, не раз указывавших, что владыка холода не заинтересован в смертных или договорах с оными. Пара записанных в хрониках встреч со жрецами Перекрестка, самонадеянно надеявшихся склонить высшую тень хотя бы к рассмотрению возможности контракта с любым выбранным Хладью человеком, не завершились гибелью лишь из-за защиты и магии их собственных теней. Конечно, время от времени находились глупцы, пытавшиеся заинтересовать хозяина снегов и метелей, но уж Кэрис-то никогда не была настолько жадной до власти и силы или безумной.

Если этого будущего для нее ждал Архааррад, милосерднее было бы убить ее еще той ночью в Фезе. Но, возможно, Великий Покровитель с самого начала нашел забавный способ избавиться от всех явившихся в его город чужаков и бесполезной для него Шаэн и

развлекался, глядя на потуги и планы глупой смертной девчонки, изо всех сил пытавшейся выбраться из смертельной ловушки, в какую ее отдали еще несмышленным ребенком.

Господин Америкен, прекрасно понимавший, что «Симеду» уже никогда не сдвинется с места, только не с простирающейся от горизонта до горизонта белой равнины, ссутулился на корме и велел разжечь костер. Из всего, что попадется под руку. Бессмысленное, бесполезное занятие. Сперва огонь сожрет щепки и обломки, оближет остов корабля, сотрет с борта оставшиеся от «Синей медузы» буквы, и никто уже не узнает, какое имя носила каравелла, пока еще рассекала волны. А потом все равно придет холод. Они все умрут и очень быстро, потому что без силы и магии тени из плена ледяной могилы не выбраться, а единственная тень здесь — это сам Хладь.

Лойна уже занималась пострадавшими, из обрывков парусов и пары палок мастерила лубок для сломанной руки одного из выживших. Как будто это еще имело смысл. Как будто их еще можно было спасти. Раны остальных, тех, кого не унес поток темной пустоты, и кто не смотрел в небо тусклыми остекленевшими глазами, могли подождать. Среди выживших Кэрис не видела ни Наския, ни Сайана, которого прыжок застал на реях, ни Аммикса, с которым не раз соревновалась в меткости. И без того малочисленная команда сократилась на треть, и насколько хватало глаз, вокруг средь белизны не виднелось ни одного изломанного тела. Поток унес их... куда-то еще. Куда унес бы и ее, если бы не удержавшая птицу рука. Лодыжка, куда вцепились чужие пальцы, тоже ныла, хоть и много слабее, чем начинающее опухать запястье, но за спасение Кэрис была благодарна. Если бы ее не поймали в полете — скорее всего, то был Акадо, он стоял ближе всех и мог успеть, — она была бы мертва. Спасение вызывало в душе птицы противоречивые чувства. Не то чтобы они сумели выжить здесь дольше нескольких часов или дней, смотря сколь долго сумеют поддерживать костер и как скоро встретятся с Хладью. Несколько лишних часов жизни не дали ей ничего, кроме осознания собственной, пусть и непреднамеренной, вины и картин разрушения и безысходности.

Акадо сидел на фальшборте, вытянув скрещенные в лодыжках ноги и мрачно обозревая горизонт. Тогда как кожа остальных успела побелеть от холода, и даже Шаэн казалась скорее серой, чем золотой, навигатору холод, казалось, не причинял особых неудобств. Но Кэрис уже знала, что силы его связаны с затуманиванием сознания, и сейчас среди льдов полезны не более, чем умение плести корзины из ивовых прутьев. На него не обращали внимания, сейчас присутствие на борту незнакомца заботило людей в последнюю очередь. Только Шаэн периодически косилась на него со страхом, но с не меньшим страхом и растерянностью она оглядывала и снежные барханы, так похожие на пейзажи ее родного края, но начисто лишённые цвета и жизни.

Капитан остался на корме, ссутулившись, уставившись в никуда. Не сменил позы и не попытался согреться, даже когда его начало трясти от холода. Кэрис обратилась к Лойне:

— Я пойду осмотрюсь, может, найду помощь. Или припасы.

Корабельная целительница помедлила, затем печально, отстраненно кивнула. Они обе знали, что не будет в Хлади других людей, а значит, не будет никакой помощи или припасов, за исключением вмерзших в лед остатков чужих кораблей. Но Лойна признала право звезды не жаться к разгорающемуся костерку, а умереть в дороге.

— Куда ты? — окликнул ее Акадо, когда Кэрис осторожно, стараясь беречь руку и ноющие колени, спустилась на снег.

Она молча, бесстрастно посмотрела ему в лицо. В том, что они здесь оказались, отчасти

была и его вина: без сновиды она никогда не попала бы на юг и не узнала бы о существовании Архааррада. Но в ледяную могилу «Симеду» толкнула она, Кэрис, своими руками, и принятое ею в одиночку решение нельзя было списать на чужую уловку или обман. Она знала, что поток слишком скор, слишком опасен, но тогда довериться ему казалось меньшим из зол. Может быть, она ошибалась, может, нет. Неважно, теперь уже не узнать, что собирался сделать с ней Архааррад.

Со стороны «Симеду» смотрелась еще плачевнее. Пробоина в борту в высоту превышала человеческий рост, а шириной была примерно со спасательную шлюпку. С такой прорехой на плаву не продержаться и нескольких минут, остов лишь чудом не переломился пополам. Девушка повернулась и направилась к белой пустоте, мерно шагая меж усыпающих рыхлый наст стеклянных бусин и сломанных ширм, выполненных из резного красного дерева и расписного шелка. Горько подумалось, что таких даров Хлади еще не приносили, как знать, найдет ли он их до того, как корабль заметет, а если найдет, бросит ли хоть один равнодушный взгляд.

В движении стало немного теплее, несмотря на то, что бросать себе под ноги дорогу со всей возможной скоростью она не решалась. Магия не спасет от падений и переломов на скользкой ледяной тропе, припорошенной обманчиво-мягким снежком. И не спасет от холода, разве что отсрочит приближение смерти, пока Кэрис сумеет не останавливаться. В обычное время она могла бы бежать несколько дней без передышки, но здесь никогда не жили люди, а значит, не было и делящихся силой перекрестков или дорог, кроме тех, что ей предстояло создать самой. Ни одно направление не казалось притягательнее остальных, и не на что было опереться в выборе пути.

Она научилась избегать теней, но не знала, как найти одну, когда это потребуется. Тень ведь не сказочный хейм, чтобы устраивать себе логово в удобном месте, где ее можно найти. Но тени чувствуют магию, и особенно хорошо на своей земле. Как знать, если сплести достаточно путей и позволить им обрести вес, может, Хладь придет. Или не придет. На самом деле ей было уже все равно, оба варианта оканчивались смертью от прокрадывающегося в кости мороза, разница лишь, окажется ли тот последний холод волшебным. Она даже поймала себя на мысли, что, желая на самом деле предложить договор дикой тени, позаботилась бы порываться в трюме и одеться потеплее, а не бесцельно преодолевать милю за милей в тех же рваных, перепачканных смерзшейся кровью тунике и тахари, в которых утром вышла из дворца. Попыталась бы найти сапоги, а не бросилась бы в снега в легких сандалиях, в которых вчера ступала по раскаленному песку. Не верилось, что это было всего лишь утром.

Кэрис просто хотелось, чтобы все быстрее закончилось.

Найти тень. Найти тень и... и что, Хладь согласится их отпустить или и вовсе поможет доставить каравеллу в порт?! Скорее уж убьет быстро и бездумно. Предложить тени она могла только себя, и, вспоминая все, что о северной тени рассказывали, дивилась абсурдности задуманного. Он неизменно убивал явившихся к нему птиц, и Кэрис не находила в себе ничего такого, что в глазах тени сделало бы ее достойной союза. Но все же Хладь никогда не считали намеренно жестоким, скорее равнодушным, иначе она осталась бы протягивать руки к огню вместе с остальными и надеяться умереть до появления местного владыки. Мысль о том, что хуже уже не будет — на этот раз действительно не будет, потому как что еще может случиться? — странным образом примиряла с действительностью. Если вытащить отсюда «Симеду» может лишь высшая тень, она пойдет к высшей тени. К Искьерше, если бы она вдруг здесь объявилась. К Архаарраду, который все-

таки ошибся.

— Или не ошибся, — слова больно куснули за язык, и девушка продолжила бежать молча.

Черный пророк предупредил, что с ней не случится ничего такого, чего уже не происходило бы ранее, и что не раз повторится в будущем. Он мог иметь в виду как медленную смерть во владениях Хлади, так и заключение контракта. Не она станет первой, не она окажется последней. Она не была уверена, какого исхода боится больше, когда обнаружила первый корабль. Старинный галеон, прекрасно сохранившийся и до кончиков мачт покрытый тонким слоем прозрачного льда. Застывшие паруса надувались, как при сильном попутном ветре, на них расцветали голубоватые инистые узоры и стекали на палубу и борта. Это судно не попало сюда, пройдя по магическому течению, слишком целым и неповрежденным выглядело. Наоборот, замерзло в один миг, превратилось в ледяную статую и лишь затем было перемещено в снежные пустоши. Кэрис слышала, что Хладь иногда выхватывает корабли из океана, но не предполагала, что это происходит так быстро и безвозвратно. На втором из найденных кораблей на корме стояли три женщины в старинных платьях, какие она видела разве что на картинах доизломной эпохи. Они все еще счастливо улыбались, нежная розоватая кожа и ткани блестели, будто сделанные из цветного стекла, и на лицах горел румянец. Они вовсе не походили на жертв вечного мороза, скорее уж застыли во времени, как застыли у борта, молодые и счастливые. Если Хладь заметит ее первой, застынет ли она в движении, вечно устремленная к недостижимому горизонту?

Кто бы мог подумать, что холод способен мгновенно превращать живых существ в статуи. Или что она сбежит от теней на другой конец света лишь затем, чтобы в конце концов отправиться на поиски одной из них, чудовища, чье касание обращает людей в ледяные фигуры и уносит прочь корабли. Наверное, последние действительно ему нравились: теням не свойственно было собирание коллекций, и все же суда всех видов и размеров встречались все чаще и чаще. Узкие ладьи с фигурами мифических чудовищ на носах, пузатые торговые карраки с разбросанными вокруг коваными сундуками, ярко раскрашенные джонки и маленькие пироги, в чьих сетях навеки запуталась смерзшаяся в блестящий ком рыба. Кэрис даже наткнулась на сплетенную из соломы лодку, не занесенную снегом только потому, что магия Хлади перенесла ее на вершину ледяного утеса, насквозь просвечиваемого солнцем.

Перед лодкой она ненадолго остановилась. Суденышко выглядело неповрежденным, рядом лежало весло, приглашая протянуть руку и взять. Пропажи маленькой лодочки Хладь, наверное, и не заметит, а ей бы только спустить ее на воду, и... Один раз она уже бросила «Симеду», а сколько раз до того уходила и терялась среди дорог? Разом больше, разом меньше, не все ли теперь равно?

Не все. Кэрис заставила себя отвернуться. Вина за содеянное сменялась приступами злости на Архааррада. Если бы не его загадочные игры, разве бросилась бы она сломя голову в первый же отозвавшийся поток? В созданный, как она теперь понимала, Хладью поток. Злость отступала перед сожалением и виной, перед именами и лицами людей, что были бы сейчас живы. Наский бы с хитрым прищуром расспрашивал об устройстве Фезы, Сайан бы не сводил восхищенного взора с Шаэн, а та, гордая и безупречная, куталась бы в свои золотистые тахари и подставляла лицо свежему бризу. Птица шла дальше и дальше, потому что не смогла остаться и смотреть, и знать, что совершила, но и уйти совсем, как сделала бы когда-то, тоже не смогла.

Среди череды вмороженных в лед кораблей особенно запомнился огромный галеон, сквозь стесанный бок которого виднелся заставленный заиндевевшими яствами длинный стол. Люди за столом застыли, смеясь и поднимая в воздух украшенные разноцветными камнями кубки. Капитан поднялся, провозглашая тост. На бутылке в его руке тускло блестела этикетка, выполненная из серебряной филигрانی.

Все отчетливее ощущалась разлитая в воздухе магия Хлади, но само присутствие тени ускользало, постоянно оказываясь не ближе, чем на краю сознания. Оставалось только гадать, как будет выглядеть тень, будет ли хоть отчасти похож на человека или примет иной облик, некогда подсмотренный за пределами его снежного царства. Предстанет перед ней как белый медведь или волк? Образы животных тени тоже иногда копировали, но чаще сочетали черты нескольких видов, не утруждая себя заботой об органичности и целостности формы. Или явится когтистым клубящимся туманом?

Девушка брела по снегу, не оставляя следов, перепрыгивала расщелины, на дне которых иногда замечала темные очертания мачт и безжизненно свисающих лохмотьев, оставшихся от парусов. Мимо целиком или наполовину вмороженных в лед кораблей. Большинство из них были пусты и покинуты, но раз за разом видела она и цветные статуи без малейших признаков страха или даже беспокойства на лицах. Никто из них даже не успел уловить приближение тени, почувствовать надвигающуюся беду. Ни старый рыбак с удочкой на груди беспорядочных обломков, ни пойманный на вантах светловолосый юнга. Они выглядели такими живыми, если бы не едва заметный стеклянный блеск кожи, можно было бы подумать, что замерли они лишь на мгновение, но сейчас повернут к ней головы, окликнут...

Холод мало-помалу прокрадывался в тело, движение и магия уже не спасали. На тренировках ей приходилось пересекать морозные северные пустоши, но путь к заранее указанной точке занимал меньше времени. Конечно, адепты все равно успевали промерзнуть до костей, но хотя бы знали, что в конце пути ждет горячий обед, и оттого дорога казалась легче. Сейчас же конечности немели, лицо и кисти рук горели, а запястье распухло и болело все сильнее, как ни старалась она беречь руку. Кэрис знала, еще немного, и она перестанет чувствовать ноги. А там недалеко будет и до момента, когда она ошибется, не удержится, поскользнется и уже не сможет подняться. Это, наверное, было бы лучше, чем годами придумывать, как бы избежать навязываемого ей контракта с вневечной иномирной жутью, а затем самой пойти искать тень, походя убившую сотни, тысячи людей лишь потому, что ей хотелось забрать себе их корабли.

Смерть в снегу, если подумать, не из самых худших. Вот только она не исправит совершенной ею ошибки, не вернет «Симеду» на курс и никого не спасет. По воле Хлади или нет, умрут они здесь в любом случае. Смерть, в мгновение ока ставшая неизбежной, уже почему-то не пугала, а ярость и страх сменились отрешенной усталостью. Не столь жалко было остаться в царстве Хлади в виде ледяной статуи или жалкого занесенного снегом холмика, сколь жалко усилий, впустую потраченных для избежания самой вероятности заключения контракта. Зря, все, что она сделала, все к чему стремилась, оказалось зря и ни к чему не привело. Кэрис не хотела думать, сделала ли она неправильный выбор в какой-то момент времени, и столкнулась теперь с его последствиями, или же изначально никакого выбора не имела, и все случившееся было давно predetermined Архааррадом задолго до того, как рыжая птица очутилась в Фезе.

Разбавлявшие белизну темные пятна неизменно оказывались новыми и новыми кораблями, галерами, лодками, обглоданными временем каркасами шхун и прекрасно

сохранившимися бригантинами. Сила Хлади ощущалась повсеместно, что одновременно и настораживало, и сбивало с толку. Магия пропитала лед под подошвами и воздух вокруг, но хозяин ее все никак не желал показываться. Кэрис переставляла ноги, и с каждым шагом в них будто впивались острые иглы. Она намеренно не опускала глаза вниз, боясь увидеть свои ступни, белые и опухшие от холода, а может, уже начинающие чернеть? Она знала, что мороз медленно, исподволь замедляет кровь, и плоть начинает темнеть и отмирать, только не знала, как скоро это происходит, и пока еще могла стискивать зубы и убеждать себя, что раз она все еще может идти, ноги у нее есть. А раз так, пусть болят, хуже станет, когда она совсем прекратит их чувствовать.

Девушку била дрожь, дорога размывалась под ногами. Пришло осознание, что тень не может не знать о смертной на своей земле, но раз не явился до сих пор, то и не собирается являться. Если не привлечь интерес Хлади, блуждать можно долго, но не особенно. Только пока не замерзнешь или не свалишься от усталости.

Тени чувт магию, а раз так — магию она ему даст. Если простого плетения дорог недостаточно, найдется метод сложнее, зрелищнее. Она остановилась в тени большого фрегата, по чьей корме карабкалась пушистая изморозь. За четкой границей тени снег искрился и сверкал всеми цветами радуги, ослеплял, но у самой кормы мягко переливался оттенками голубого и лилового. Пришлось напомнить себе, что на самом деле вовсе не стало холоднее, это она развеяла тропу, прекратила двигаться, и кровь больше не бежала по телу с прежней скоростью, разгоняя по венам жизнь и тепло.

От навалившейся усталости захотелось ненадолго присесть, привалиться к нависающему над головой боку фрегата, на секунду закрыть глаза. Но Кэрис боялась, что больше не сумеет подняться, и веки держала широко открытыми. Снег вокруг взвихрился, картины окружающего мира принялись накладываться одна на другую, перетекать и меняться калейдоскопом. Словно миражи в холодном воздухе возникали очертания кораблей, как уже виденных ею в пути, так и незнакомых, образы изломанных льдин, полыней с черной водой, где плескалось белое крошево, пещер, где лед от старости стал сине-зеленым или молочно-белым. Она уже как-то показывала перетасовку Шаэн в Фезе, и магия эта выматывала, требовала запредельных усилий и концентрации, ведь миражи были не просто иллюзиями, а дверьми, ведущими в изображаемые ими места. В каждую можно шагнуть и пойти дальше, что делало перетасовку одним из опаснейших и сложнейших техник работы с пространством. Созданием локальной рукотворной и контролируемой аномалии к восхождению овладела едва ли треть выпускников, и ничего сложнее или эффектнее в арсенале Кэрис попросту не существовало.

Хладь... Где же ты? Ни на одной из картин, ни в одном из ткущихся в воздухе и в нем же растворяющихся порталов. Нигде. Везде. Она остановилась, развеяла чары и, съезжая по заиндевелому боку корабля, оцарапывая спину о белую изморозь, осознала, что единственным усилием, еще держащим ее на подкашивающихся, немеющих ногах, была магия Перекрестка. С чего она вообще решила, что у Хлади будет хоть какая-то определенная форма? Хаотичные, изначально нематериальные тени являлись в более или менее постоянных обличьях, лишь чтобы облегчить взаимодействие со смертными, неспособными узнавать их по одной только магии. Они умели делать себя видимыми опять же исключительно ради передачи людям сообщений, которые те не могли воспринимать иначе, кроме как посредством имеющихся у смертных ограниченных органов чувств. У владыки зимы необходимости общаться никогда не возникало. Хладь был никем и ничем, он

просто был. Невидимым холодом, чистой бесформенной силой на границе восприятия, квинтэссенцией зимы, начисто лишенной даже намека на материальное. Он не менял чистейшей изначальной сути тени, в сущности являвшейся ничем, ради недолгого обретения понятной или хотя бы воспринимаемой людьми формы. Не был ни снегом, ни льдом вокруг, ни даже выхваченными из вод кораблями, но пронизывал все и всех, начиная от мельчайшей снежинки и до грандиозного фрегата, чье заледенелое основание больно впивалось в спину Кэрис.

И все это время он ее видел. С первой же минуты, если не того самого мига как «Симеду» ударила о землю и прочертила в пустоши тропу из содержимого трюма и собственных обломков. Видел, но не считал достаточно занимательной, чтобы посмотреть пристальнее или коснуться силой хотя бы из любопытства. Видел одну из многих, замерзших в его льдах, не первую и не последнюю, как и предупреждал Великий Покровитель.

— Найинна ма'йокко, — прошептала она, осторожно протягивая руку вперед ладонью вверх. Каждый глоток воздуха холодом обжигал гортань. — Акари аэннэ та-шииль.

Отдельные элементы и фразы древнего языка использовались для волшебства, но целиком его не знал уже никто. Он стерся из памяти так давно, что уже неважно было, принесли его с собой из иного мира тени, или же на нем некогда говорили в забытой, давно несуществующей земле. Ритуальная фраза, заученная всеми выпускниками, переводилась примерно как «твои крылья, мои ветра». Она предлагала союз и требовала ответа. Высшая тень мог игнорировать существование человечества как такового, и Кэрис не удивилась бы, если бы и завершение ритуала восхождения он не удостоил вниманием. Это ведь люди были скованны правилами и законами восхождения, не тени. Но Хладь наконец взглянул на нее, и взгляд его оказался как раз таким, какого можно было ожидать: тяжелым, холодным, равнодушным.

Это конец восхождения. Это конец пути. Одаренные делали предложение, но окончательный выбор оставался за тенью. Союз или смерть. Кэрис уже не чувствовала холода и помнила только, как когда-то перед другой тенью, протягивая руку, стояла Нэла, гордая, сильная, уверенная. Она же устало привалилась к борту того, что некогда называлось фрегатом, а теперь разбитой и сломанной оболочкой тянулось к небу, уже неспособное покинуть свою темницу, и ощущала себя продолжением мертвого корабля. Выбившейся из сил, закутанной в расцвеченные пятнами крови лохмотья, испуганной, пустой. Бесконечно далекой от всего, что могло бы заинтересовать высшую тень, подтолкнуть к принятию ее как возможного компаньона и разделению силы. Она с самого начала знала, каким будет ответ...

... пока фокус восприятия не сдвинулся, и вместо давящего ощущения чужого внимания Кэрис не увидела себя глазами тени.

Для Хлады она казалась не человеком и не магом, даже не физическим объектом реального мира, но некой совокупностью всех пройденных и прожитых дорог, северных лесов, где вздымались к небу покрытые темно-зеленым мхом сосны, серебристой ряби на волнах и ощущением соленых брызг на лице, впивающегося в кожу песка и знойного ветра пустыни, и даже черно-прозрачного холода чуждого пространства, незаметно вьвшегося в душу. Как будто собираемые ею годами тропы разноцветными нитями наматывались на саму ее суть, пока не скрыли ту в смешении образов и осколков увиденного, прочувствованного и пережитого. Это длилось меньше мгновения, за которое Кэрис поняла, что ритуал восхождения все же был важен для заключения договора. Еще немного, и она даже поняла

бы, почему, и что ритуал такое на самом деле, и во что все это время шаг за шагом превращали ее дороги. Она-то самонадеянно полагала, будто использует магию Перекрестка лишь ради смены одних мест на другие, и не заметила, как ее опутала ею же сплетенная сеть.

А затем фокус так же неожиданно и плавно сдвинулся вновь, и Кэрис стала всего лишь Кэрис, замерзшей, перепуганной и смертной. Над головой безмолвно нависал остов корабля, снег где-то в белой дали сливался с белым же небом. Все и вся вокруг оставалось пронизанным кристально-чистым морозом, воздух звенел от разлитой в нем магии, и мир казался прозрачным и призрачным. Единственным якорем, удерживающим ее, не дающим сомкнуть веки и свернуться клубочком, остался тяжелый взгляд тени. И его присутствие, которое птица теперь ощущала четко, как никогда.

Больше не было холодно. Сперва девушка сочла, что преодолела тот порог, за которым убивающий холод кажется ласковым теплом. Но никакого тепла не было, просто не было и холода. Тогда она судорожно всхлипнула, закрыла лицо руками и наконец, не выдержав, разрыдалась. Слезы не замерзали на щеках, как можно было бы ожидать, и воздух не царапал легкие. Снег лежал вокруг мягким одеялом, а под ним — откуда она только это знала? — километры и километры спрессованного льда, в какой-то момент острыми пиками врезающегося в океанскую воду, никогда не видевшую солнца. Навстречу ему тянулись вершины подводных горных цепей.

Оказалось, Хладь вовсе не остров к северу от Граничного, как считалось раньше. Земля Хлади — лед, лед и лед, обширные пространства айсберга, размерами сравнимого с островами архипелага. Вот почему в пути ей не встретилось даже снежной лисицы. Здесь, в белых пустошах тени, по определению не могло быть жизни.

Никто никогда не говорил, что случается после заключения контракта, что Кэрис предстоит сделать и чему научиться. Она сама не знала, чего ждала и, если бы не непонятно откуда взявшееся уверенное знание о месте, в котором никогда не была раньше, Кэрис ни за что бы не осознала перехода в новое состояние, коего так страшилась. Более не человек, а составная часть тандема, проводник чужой силы и воли. Звезда дорог, теперь уже полноправная, полноценная звезда.

Но если бы только это было не зря! Знание, доставшееся от тени, не говорило ничего о том, как починить и вернуть на воду «Симеду», как спасти людей от мороза и добраться домой. У самой высокой горы под айсбергом две вершины, в толще льда — сеть пещер, в каждой из которых можно спрятать город размерами с Фезу... Она получила информацию, которая никому не поможет и не пригодится. И тень, с которой неспособна даже нормально разговаривать, не то что объяснить, что от нее требуется, и как-то заставить с собой считаться.

В обретении легендарной тени не было совершенно ничего легендарного. И пусть Кэрис отмалчивалась, когда другие адепты вечерами шептались, представляя себе восхождение дорогой к власти и могуществу, а сам момент связывания себя с тенью лучшим и важнейшим в жизни, ничего похожего она не чувствовала. Под угрозой смерти и грузом вины она угодила в капкан, из которого уже не выбраться, не зная, будет ли ее жертва того стоить.

Кэрис оторвалась от промерзшего, уютного бока фрегата. Примерзшая ткань отходила с треском, но не порвалась, только посыпались со спины и плеч острые кристаллики. Она могла найти «Симеду» с закрытыми глазами, не возвращаясь по своим же следам, а просто зная, где упала каравелла. Потому что это знал Хладь, как знал все свои корабли, большие и маленькие, целые и истертые метелями и временем до остовов, поврежденные бурями и выброшенные на снег темными злыми потоками. Но люди не заботили его настолько, чтобы видеть, разведали ли они костер, да и вообще, если на то пошло, замечать их возню.

Девушка плелась по белой равнине, и снежинки маленькими вихрями вспархивали вокруг ее ступней. Иногда ловила собственное отражение во льдах — диковато выглядящую фигуру, чьи песочно-желтые одежды и темно-рыжие волосы в царстве снега смотрелись броско и неуместно, глаза на осунувшемся лице казались чужими и ничего не выражающими. Она отворачивалась от отражений. Та, что в них, была Кэрис незнакома, она,

пусть и вернулась из раскаленных песков не далее чем утром, теперь стала частью огромного айсберга. На ее коже не таял снег, посиневшие губы медленно возвращали свой привычный розовый цвет.

Ей надо было вернуться к остальным. Найти способ использовать силу Хлади так, как сам он никогда бы не стал. Тень, что убивал людей сотнями, сам того не замечая, ровным счетом ничего не знал о том, как их оберегать. Поэтому сделать это как-то предстояло Кэрис. Колдовать еще никогда не было так легко. Дороги охотно ластились к пальцам, чувство направления, и без того острое и безошибочное, как у любого пространственного мага, казалось, превратилось в немыслимое ранее отдельное чувство, готовое заменить все пять обычных.

Под ногами лежали ледяные пещеры, каверны, целые подземные озера, где плавали запертые тысячи лет суда. Над головой свивались в спирали воздушные потоки, достаточно сильные, чтобы удержать корабль над облаками, но слишком капризные и переменчивые, чтобы им можно было доверять. Она знала весь огромный айсберг, как знала однотипные внутренние дворы филиалов школы или собственную комнату во дворце, словно это здесь провела недели и годы. Вокруг, сколько ни тянись, один только бескрайний океан, и девушка поняла: где-то там лежат пределы того знания пространства, что заменяло Хлади глаза. Ее радовало, что у знания-зрения твари вообще были пределы. Иначе кораблей здесь было бы гораздо, гораздо больше.

* * *

Костер пылал ярким трепещущим мазком на представшей ей безрадостной картине. Окружившие его люди жались друг к другу и сами казались теньями, темными пятнами на белизне пространства. Кэрис забеспокоилась, что повелитель холода не потерпит огня, но Хладь его словно и не заметил. Она провела кончиками пальцев по шрамам на плече, гадая, какой тот видит метку другой тени, конечно, если она не потеряла силу после заключения контракта.

Лойна бросила в огонь шелковый веер, а Шаэн и бровью не повела. Как будто это не остатки ее прежней жизни сгорали в костре, а ничего не значащие безделицы. Рядом с ней сидел Акадо, огненные блики плясали на его лице, высвечивая резкие черты. Кэрис помедлила, скрытая от глаз тенью корабля. Непредставимым казалось, что золотая принцесса, так боявшаяся сновиду, будет сидеть рядом с ним, как ни в чем не бывало, и тем не менее... Что здесь произошло в ее отсутствие? О чем они успели и о чем не успели договориться? Или же она торопится придумать то, чего не было, и единственное объяснение равнодушию Наэллор заключается в неизбежной скорой смерти, перед которой меркнут давние страхи.

Кэрис приблизилась к костру, встреченная возгласами радости и облегчения — они же не знали, они даже не догадывались, что это она бросила каравеллу в поток, это из-за нее они все здесь очутились, из-за нее погибли Наский, Сайан и еще с полдюжины человек. Акадо все-таки ничего не сказал.

— Я вернулась.

Голос прозвучал хрипло и тихо, точно она не до конца верила в правдивость собственных слов. Ее розовой кожи, нетронутой холодом, никто, верно, и не заметил: Лойна тут же набросила на девушку длинное плотное покрывало, в каком после недолгого

замешательства та узнала портьеру. Сгрудившиеся у огня люди кутались кто во что горазд, в дело пошли все остатки приданного Шаэн, что удалось собрать после крушения. Запутавшиеся в волосах снежинки не растаяли даже вблизи от костра, хоть Кэрис и окутали волны приятного жара.

Возможность чувствовать тепло ее обрадовала, девушка не удивилась бы, лишись она ее наряду с новообретенной устойчивостью к морозу. Понять бы еще, будет ли так всегда, или то лишь краткий побочный эффект нового контракта, незримых нитей, сшивающих ее душу и тело с древней тенью. Хотелось уйти сейчас, пока они не догадались, пока не поняли. Хотелось остаться ближе к людям, словно она тоже все еще человек, а не смертный придаток Хлады.

Лойна порывисто обняла девушку. Щеки целительницы разрумянились, но пальцы побелели. Вблизи стало видно, что в основание костра пошли камни и чугунная решетка из камбуза каравеллы, чтобы вода не заливала пламя, когда начнет плавиться лед. Снег вокруг изрыли следы: все, что нашлось, стащили поближе к «Симеду». Обломки корабля и изысканной мебели отправили на растопку, но все знали, что этого надолго не хватит. Когда закончится древесина, в ход пойдут картины и ткани из трюма, остатки богатства юной Наэллор, а когда не станет и их... Может, запылает корабль. Может, капитан не пожелает и дальше оттягивать неизбежное, в дань признательности и памяти не позволит уничтожить остатки каравеллы. Хладь точно не позволит. Кэрис потянулась к тени, передавая задуманный образ, созданный из льда купол с несколькими отверстиями для вентиляции. Было бы куда проще прогреть одно небольшое помещение, чем позволять драгоценному теплу развеиваться в округе. Тень отмел образ в сторону, как не вызывающий интереса.

Кружилась голова, перед глазами роились искры. Как заставить Хладь прислушаться? Кэрис закрыла глаза. Надо отдохнуть, совсем недолго, всего лишь на несколько минут смежить веки...

— Зачем ты это сделала?

Шаэн смотрела в упор лиловыми, казавшимися особенно глубокими на бледном лице глазами, и говорила спокойным, не своим голосом. Вот она бы, наверное, сумела справиться с Хладью, заставить с собой считаться. Если бы родилась одаренной. Если бы ее не трясло от холода, несмотря на близость к костру. Отблески пламени расцвечивали ее кожу розовым и золотым, но после жаркого города на краю пустыни тепла золотой деве, конечно, не хватало. Не хотелось думать, что не хватит уже никогда.

— Пыталась найти выход, дорогу, помощь. Что-нибудь. Но мы...

— Зачем ты меня похитила?

... мы здесь одни, хотела сказать Кэрис. Мы и дикая древняя тень, и сотни, тысячи мертвецов.

— Я спасла тебя, — с комом в горле прошептала она.

Хотела спасти, дать шанс, предложить иной выбор, кроме как подчиняться приказам владыки и быть невидимкой во дворце своей же семьи. Но, оглядываясь вокруг, девушка не могла не думать, что в Фезе Шаэн осталась бы жива.

— Вытащила оттуда, чтобы тебе не пришлось выйти за Керано и оказаться запертой в его замке среди кучки воинственных придурков, ненавидящих тебя только за имя и семью, из какой ты вышла.

— И я сделала бы это! Я сделала бы все ради семьи и Фезы! Но, конечно, тебе-то откуда знать о долге и чести?! — горячо выпалила Шаэн ар-Наэллор. — Ты никогда не заботилась

ни о ком, кроме себя.

Кэрис промолчала. Говорить, что совсем не того хотела, было бессмысленно и жалко. Она-то считала, Шаэн обрадуется свободе, но, конечно, не свободе умереть среди чужаков на краю света.

Акадо протягивал руки к огню, как и все остальные, в свою очередь подтаскивал к костру обломки, деревяшки, разрозненные свидетельства крушения, с неммым укором рассыпанные в снегу. Кэрис все-таки не показалось: от яркой бирюзовой голубизны в его радужке не осталось ровным счетом ничего.

— Какого цвета у тебя глаза? — она спросила бы о чем угодно, только бы не смотреть в лицо Шаэн, только бы не искать слова, которых не было и быть не могло.

Сновида тихо рассмеялся:

— Не очень-то ты внимательна. Цвета воды, всегда цвета ближайшего крупного водоема.

Она бы скорее ожидала прозрачной голубизны искристого льда, но радужка его сливалась чернотой со зрачком.

— К сожалению, это первое, что нас выдает.

Кэрис бросила осторожный взгляд на ютящихся поблизости матросов, что не могли их не слышать, но никто, казалось, не был заинтересован в происходящем. Новые фокусы сновиды уже не удивляли, только не после того, что устроило называвшееся Ришкеком ан-Найи существо.

— Но ведь у Ришке глаза были... — она запнулась, вдруг осознав, что не помнит.

Серые. Зеленые. Нет, скорее всего, карие или черные, как у большинства южан. Впрочем, могли быть и синими. Она не обращала внимания. Кэрис попыталась вызвать в памяти лицо старого сновиды и, к собственному неприятному изумлению, обнаружила, что оно является ей в чертах настолько общих и неприметных, ускользающих из памяти, что впору удивиться, как она смогла узнать сновиду при второй и третьей встречах. Его лицо никак не удавалось представить, и верно, не удалось бы перенести на бумагу. Не описать словами, не за что зацепиться и не от чего оттолкнуться: абсолютно обычная внешность, не заслуживающая второго взгляда.

Кажется, теперь она понимала, почему в ее первую ночь в Фезе серые вздумали рисовать ее портрет. Она прикрыла глаза и попыталась вызвать в памяти лицо Акадо, прикинуть, как его можно было бы изобразить на бумаге. Почти получилось. Не иначе, так Шаэн его и распознала с первого взгляда: не сумела мысленно нарисовать.

— Ты не можешь его вспомнить. И не можешь как следует вспомнить меня, черты теряются и сглаживаются, словно мы не виделись несколько лет. Это нормально, — продолжал Акадо. — Люди обычно не задумываются о природе нашей неприметности, если не пытаются написать портрет.

Ну конечно, в Элхарии, где вся магия так и или иначе была связана с Перекрестком, а в сновид давно не верили, у людей не было причин задаваться вопросом, почему они никак не могут как следует запомнить лицо молодого — сколько Акадо на самом деле лет? — наемника. А вот Наэллор, знавшая, куда смотреть и на что обращать внимание, не обманулась.

— Но ведь Шаэн видела ан-Найи и даже приобрела у него какой-то свиток...

— Ришке случай особый, — перебил сновида. — Он из немногих последних, что умеют исказить воспоминания или заставить видеть несуществующее. Или, наоборот, скрыть из

вида реальное.

Кэрис вспомнила, как книготорговец внезапно появлялся там, где ранее она его не замечала, и всегда являлся удивительно вовремя. Пусть Акадо и не упомянул об этом прямо, но если Ришке настолько умело отводил глаза, это уже был не незначительный трюк, а самая настоящая невидимость. Причем невидимость на порядок опаснее той, которой владели тени. Присутствие последних, зримых или нет, ощущалось тревогой и тяжестью, и искажением мира, стоило тем подобраться слишком близко.

Она понимала, как старый сновид жил в Фезе, не узнаваемый никем, кроме теней. Но в то же время Акадо ходил по улицам, не скрывая лица, и на юге, где о существовании сновид и тем более о маленькой особенности их внешности люди были прекрасно осведомлены, его тем не менее узнала только принцесса. Этого Кэрис объяснить не могла. Пока не могла.

— Вас всех давно должны были истребить.

Ни в словах, ни в обращенном на Акадо взгляде Шаэн не было ненависти. Одна сухая, безразличная убежденность. Истина, какой ее видела золотая дева. И тщательно скрываемый страх. Кэрис силы сновид тоже пугали, но далеко не так, как пугали ее высшие тени. Обоих сновид, и Ришке, и тем более Акадо, Архааррад мог стереть в пыль одной мимолетной мыслью, не говоря уже о том, что и состоящий исключительно из смертных Серый Орден как-то нашел способ совладать с чудовищами и, более того, почти всех истребил. Но, конечно, смешно было даже вообразить пытающийся расправиться с Великим Покровителем Орден магоненавистников.

— К моему счастью, это не так просто, — промурлыкал Акадо.

Шаэн молча отвернулась.

На юге не было затягивающих, голодных перекрестков, блуждающих миражей, время от времени выплывающих объекты и монструозную живность иных негостеприимных миров, а то и целые их куски. На юге некого было бояться, кроме существ, чья магия не требовала ни наличия тени, ни особой связи с Доменами, а оттого не вписывалась в устоявшуюся картину мира. Опасаться теней южане отказывались наотрез.

Лойна склонилась над сгорбившемся в стороне капитаном, попыталась что-то настойчиво ему втолковать, но Амерен только отмахивался от нее и не сводил тяжелого, тоскливого взгляда с переломанного корпуса «Симеду». Матросы все еще с отчаянной надеждой переводили взгляд с капитана на звезду, последняя прятала глаза. Хладь не отвечал, но и не уходил. Его равнодушие не несло в себе никакого ожидания, разум и желания с тем же успехом могли принадлежать гигантскому, размером с остров, айсбергу, от коего тень временами был почти неотличим. Мысленный контакт с ним вызывал волну дрожи вдоль позвоночника, словно за шиворот залетела горсть колючих снежинок. Голова с каждой минутой ощущалась горячее и тяжелее, глаза норовили закрыться помимо воли. Кэрис ощутила на лбу чью-то холодную ладонь.

— Да ты вся горишь! На, выпей.

Она приняла из рук Лойны кружку с горячей, почти кипящей водой из растопленного в котелке над огнем снега. Вода обжигала язык и небо, текла в желудок потоком лавы, но, странное дело, не согревала, не унимала бьющей тело дрожи.

— Есть идеи, как нам отсюда выбраться?

Целительница старалась держать себя в руках, но тон вопроса не предполагал обнадеживающего ответа. Акадо встретил взгляд Лойны с прямой спиной, но покачал головой, и та, чуть заметно сгорбившись, отошла, вернулась к господину Амерену.

— Архааррад тебе что-то сказал. Что именно? — вдруг вспомнилось Кэрис.

Лицо Шаэн, прежде чем застыть бесстрастной маской, на миг исказилось, столь мимолетно, что Кэрис засомневалась, не почудилось ли ей.

— Это касается только меня и господина.

Птицу такой ответ не устроил, но она знала, что другого не добьется. Да и надо ли, учитывая, сколько им осталось? Она смотрела на Шаэн, чужую, незнакомую, и гадала, знала ли на самом деле, что за человека пыталась спасти.

— Кэрис... — настороженно протянул Акадо.

Она слишком устала, чтобы встрепнуться, зыркнуть по сторонам, прикидывая, куда и насколько быстро сорваться. Тело ощущалось не своим, тяжелым, голова гудела. Она знала, что не могла не отморозить ноги, но боли не чувствовала и до сих пор намеренно не глядела вниз, на ступни, не желая ничего знать. Но пальцы, крепко держащие кружку с горячей водой, хоть и бледные, слушались как обычно, не онемели. Правда, поврежденная левая кисть осталась такой же опухшей и напоминала о себе болью при малейшем движении.

Проследив за взглядом Акадо, она повернула голову. Плотное покрывало, отданное ей Лойной, сползло с правого плеча, на коже лежали две снежинки. Хрупкие резные кристаллики льда остро поблескивали. Не таяли. Кэрис с минуту смотрела на них с тупым равнодушием, затем отвернулась и закрыла глаза.

— Это ничего не значит. Хладь все равно не станет нам помогать. Он ждет нашей смерти.

Он здесь. Он вокруг и вне, и во всем, он снег и холод, и океан глубоко под айсбергом.

Лицо сновиды сделалось озадаченным, словно он не сразу смог понять, какое отношение Кэрис имеет к дикой тени и о чем говорит.

— Ты ходила к Хлади предложить договор.

— Кто такой Хладь? — вмешалась Шаэн, пытливо вглядываясь в птицу.

Акадо объяснил.

— ... и он отказал.

Сновидя явно не знал или же не задумывался, что в случае отказа Кэрис не вернулась бы живой. Зато знала Наэллор.

— Он согласился! — ахнула Шаэн, сверля птицу глазами.

Слышавшие отголоски их разговора моряки несмело оживились, вокруг костра пробежал шепоток. Видно, эту часть их разговора Акадо не счел нужным скрывать и скрадывать магией.

— Говорю же, это ничего не значит! Он... он не делает ничего, о чем я прошу. Только наблюдает.

— Ты связала себя с Хладью? С Хладью?! — Акадо вскочил на ноги, явно не придав значения ни единому ее слову.

Каждый раз, когда адепты спрашивали, как маги договариваются со своими тенями, как вбирают в себя их магию и пользуются ею сообразно собственной воле, наставники туманно рассуждали, будто у каждого свой путь, и нет единого. Озадаченные ученики разбредались в разные стороны, гадая, к чему придется прибегать им, дабы убедить теней слушаться или, вернее, прислушиваться. Почему-то им всем, молодым самонадеянным дуракам, казалось, стоит только заключить договор, и дальше все будет просто. Дальше каждого ждет немедленная слава, престижное положение в обществе, все блага известного мира, и — самое главное, — неизменно доступная магия на кончиках пальцев. Не жалкие фокусы птиц

и школяров, а силы, доселе непредставимые.

Вот только никаких сил в себе Кэрис не ощущала и совсем не знала, что ей делать. У нее не было ничего, что она могла бы предложить тени в обмен на спасение экипажа. Ничего сверх того, что тот и так забрал с ее ведома или без. Знать бы, что получают от связи с людьми тени, из-за чего соглашаются на договор и за что именно расплачиваются магией. По какой бы причине Хладь ни принял предложение девушки о союзе, он ничего от нее не хотел и не ждал, предоставляя льдам двигаться в извечном ритме и сталкиваться в лакунах и водоворотах вокруг айсберга.

Единственная дорога окончилась тупиком. Свой последний перекресток она миновала в Фезе, сама того не осознав.

Все это Кэрис сбивчиво попыталась объяснить, но, видно, недостаточно убедительно. На лицах воззрившихся на нее людей не угасла надежда. Они все еще ждали, что случайно ставшая корабельным магом девчонка что-нибудь придумает, распутает дороги и выведет их домой.

— Почему Хладь выбрал тебя? Это не имеет никакого смысла, — бормотал Акадо. — После трех сотен лет отказов...

— Очевидно, в Кэрис слишком мало Кэрис, — ядовито бросила Шаэн, перебив его, словно в свете неожиданного рождения новой кхайи совершенно перестала бояться сновиду, и отвернулась от огня к сгущающимся сизым сумеркам.

Звезда и навигатор обменялись недоуменными взглядами, одинаково не понимая, что та имела в виду. "Во мне слишком мало меня", — повторила про себя девушка. Обидно, но — правда. Она была измотана настолько, что сама себе казалась пустой блеклой оболочкой. Слова Шаэн напомнили и кое о чем еще: пусть и не являясь одаренной сама, она тем не менее носила имя ар-Наэллор, а значит, наверняка знала о тенях вещи, Кэрис недоступны.

— Шаэн, пожалуйста, я не хотела, чтобы все так получилось, — она придвинулась ближе. — Не подумала, испугалась и наворотила столько всего, что теперь не вижу выхода.

Почему тогда под влиянием момента, откровения об истинной природе Акадо и Ришке, внезапного осознания возможности побега и близости свободы, она не посмотрела на ситуацию глазами Шаэн? Она настолько хотела убраться из Фезы, что приписала это желание и подруге, напрочь забыв, что это ее всю жизнь учили выживать на бездорожье, пока жуткое и дикое сплетение путей и перекрестков не стало ей домом. А домом золотой девы с рождения были роскошный дворец и более чем на две трети пустой жаркий город. На севере им обоим было некуда идти и не на кого надеяться, но новая звезда, в отличие от принцессы, была к тому готова.

Слишком быстро Акадо взвалил Наэллор на плечо, повинуюсь — нет, не ее импульсивному, ничем не подкрепленному приказу, а вскользь брошенной фразе старого сновиды. Фразе, какую она не поняла тогда и не могла вспомнить сейчас. Она и представить не могла, зачем сновидам может пригодиться Шаэн ар-Наэллор, если те с самого начала знали о полном отсутствии у нее дара.

— Я знаю, что ужасно виновата и кучу всего натворила... Но я не могу, не могу с этим справиться одна! Не могу справиться с Хладью. Пожалуйста, Шаэн, мне нужна твоя помощь.

Принцесса демонстративно игнорировала ее до тех пор, пока не вмешался Акадо, с показным равнодушием бросивший в сторону:

— Или мы все здесь умрем.

Голос его звучал очень спокойно, но оттого только страшнее становились слова. В

возможную смерть сновиды от голода и холода верилось с трудом. Сама возможность легкой, человеческой смерти делала существование кристального ветра бессмысленным. Чего ради веками оберегать волшебное оружие, когда длительным заточением где-нибудь высоко в горах можно добиться того же результата? Или нет? Она опасалась делать преждевременные выводы, не зная ровным счетом ничего о существе, с которым оказалась заперта в ледяной могиле.

Впрочем, мрачный вид Акадо никоим образом не намекал, что он надеется выжить.

— У меня, как ты уже знаешь, немного опыта общения с тенями. Я... — голос ар-Наэллор сорвался, она вдруг всхлипнула. — Я им н-не нравлюсь. Никто не знает, почему, — Шаэн спрятала лицо в ладонях, отчаянно стараясь не расплакаться. — Я думала, если буду хорошей дочерью и старательной ученицей, буду делать все, что от меня хотят, когда-нибудь Великий Покровитель даст коснуться своей магии. И может, тень из его свиты выберет меня своей кхайи. Но чем больше я старалась, тем реже они меня замечали!

Пока вслед за истинными хозяевами города ее не перестали замечать и члены ее собственной семьи.

— Тысячи и тысячи лет бок о бок, а мы до сих пор не понимаем, почему кто-то рождается с даром, а кто-то без. Даже моя кровь, как видишь, не является гарантией. А ты считаешь, я могу чем-то помочь, — горько усмехнулась девушка.

Мир темнел и размывался перед глазами. Кэрис никогда не думала, что умрет вот так. Боялась жестокости и переменчивого характера теней, рубиновых искр в темноте и шелкового голоса черного пророка, тогда как бояться следовало равнодушия и холода совсем иной тени. Жар и лихорадка понемногу расползались по всему телу, и не понять было, успела она их подхватить во время блужданий в пустошах, или же контракт дарил только иллюзию тепла, но от мороза не защищал. Оба варианта виделись равнозначными, ведь как ни посмотри, все вели к скорой смерти.

Огонь костра в сгущающихся сумерках не уменьшался в размерах и не терял жара. Еще нет, команда сумела собрать достаточно обломков, чтобы пламя можно было подкармливать до утра. Вместе с дюжиной притихших, кое-как перевязавших раны людей, у огня обреталась и дикая тень, неосязаемая и не узнаваемая никем, кроме Кэрис.

— У Хлади никогда раньше не было кхайи, так?

Кэрис отвела взгляд от темнеющей на самой границе света и тени громады каравеллы. Изредка налетающие порывы ветра заставляли пламя выбрасывать вверх снопы искр, а изорванные паруса — жалобно хлопать над головой.

— У него нет опыта взаимодействия с людьми. Возможно, он даже не осознает, что мы такое, — продолжала Шаэн.

Ни одна тень не понимала до конца, что такое человек, и, наверное, неспособна была понять. Но это ведь было взаимно, люди о силах и духах Доменов знали и того меньше.

— ... не отказывается помочь, скорее не понимает, о чем ты просишь.

О нет, Хладь прекрасно понимал, о чем она просила: образ летящей по волнам каравеллы был ему хорошо знаком. Но его «Симеду» устраивала и так, с распоротым бортом среди обломков и мусора, в кое превратилось содержимое трюма. Он не видел ни одной причины следовать словам и указаниям звезды. Казалось бы, ей-то откуда знать, о чем думает и что знает тень, но, к своему удивлению, Кэрис вдруг поняла, что она действительно знает. Знание это было мимолетным, расплывчатым и лишенным всяческого источника, но вместе с тем оно так естественно устроилось под кожей, будто изначально там и возникло.

Айсберг был создан тенью и превращен в необозримое кладбище кораблей. Остальные пусть и не видели всего, что во время поисков Хлади повстречала она, но были наслышаны о привычках хозяина зимы. Рассказов изредка появлявшихся здесь жрецов, быстро просачивающихся на улицы и обрастающих в народе слухами и домыслами, хватало, чтобы представить многочисленные картины сломанных, брошенных фрегатов, застывших во льду джонок и похороненных под сугробами галер и драккаров. Кэрис хотелось рыдать от бессилия: не для того строились все эти суда и не такой судьбы они заслуживали. Не такой смертью должны были завершиться пути их экипажей и пассажиров. Но Хладь его замерзшая коллекция устраивала именно в таком виде.

Уловив всплеск ее эмоций, тварь придвинулась ближе, присутствие стало осязаемым. Кэрис невольно поежилась от пробежавшего по коже мороза, имеющего мало общего с погодой. На миг девушке показалось, будто она ощутила что-то странное: приятная волна тепла, идущая от костра, раздвоилась и стала исходить от двух источников, но положение второго она, как ни старалась, не смогла определить. Или это она сама вдруг стала двумя разными существами у одного затерянного огонька. Чувство мелькнуло и тут же исчезло, сменившись мягким прикосновением к плечу.

— Ты согрелась? Как себя чувствуешь?

Кэрис торопливо прошептала Лойне, что ей уже лучше, она согрелась, и жар отступил. Но то было ложью, и ложью неумелой. Пусть касание снега и чудилось мягким и пушистым, в висках начинало понемногу отдавать знакомой пульсирующей болью и тяжестью, предвещающей день, а то и два, беспамятства, лихорадки и раскалывающей головной боли. Она не хотела жаловаться Лойне, когда у той, несмотря на близость к огню, побелели уши и кончик носа, а пальцы гнулись с трудом. Целительнице стоило бы присесть у огня и прекратить бесцельный, бесконечный обход, прекратить тормозить вялых, замкнувшихся в себе моряков, но она, видно, еще пыталась сохранить видимость контроля над ситуацией.

Шаэн права, Хладь согласился на контракт впервые с тех пор, как человечество о нем узнало. Сложно сказать, сколько тысячелетий назад это произошло, но, имей тень привычку одаривать смертных ложной надеждой на союз, а затем добавлять их к собранию ледяных скульптур, люди бы об этом знали. Нет, он отказывался, неизменно отказывался от контрактов, пока все попытки заслужить его внимание не стали видеться делом заведомо гибельным и безнадежным, а имя тени упоминалось наставниками исключительно как предостережение юным магам дорог.

Пока однажды он не согласился связать себя со смертной.

Тень. Чего-то. Хочет.

Она только должна узнать, чего, понять, почему из всех к нему приходивших ответа удостоилась именно она и именно сейчас. Она твердо знала, что тень не почуял в ней потерянную наследницу какого-нибудь пропавшего на севере Великого Дома: древняя кровь всегда ярко проявлялась во внешности. Не увидел силу или сноровку, ими Кэрис мало чем отличалась от иных звезд. Единственное, что она сделала иначе, выбрала другой, запутанный и длинный, путь восхождения. Кэрис не понимала, что за дело может быть северной тени до мест, где она побывала ранее. Но теория об инаковости пройденной дороги годилась за неимением иной, лучшей. Мысли о дорогах и восхождении разбудили в памяти мерные речитативы наставников. *Путь вьется нитью все дальше и дальше, и нить эта обматывается вокруг сердца...*

Нити дорог в ее воображении связывались и переплетались, ткали гобелен, узора

которого ей было не понять, даже не рассмотреть. Но она знала, узор искажен, изорван и проткнут гвоздями, тянущимися от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. И чем дальше, тем больше становится гвоздей, тем сильнее они меняют рисунок. Архааррад сказал, она — событие, кое случится потому, что уже случилось. Нет, она — дитя Перекрестка и сама перекресток, где сошлись интересы двух высших теней.

Ответить на вопрос, чего Хладь хочет, было несложно. Именно того, что она видела вокруг: созданного и оберегаемого им мирка, заполненного остовами мертвых кораблей и заметных поземкой ледяных озер, лагун и глубоких каверн, изрезавших айсберг до самого дна, где ледяные пики основания почти соприкасались с вершинами подводных гор. Все желаемое у Хлади уже было, но если бы он хотел только этого, не согласился бы на установление неразрывной связи со смертной девчонкой, явившейся из ниоткуда и опутанной сетями уже пройденных путей.

Попытка заглянуть в суть, душу тени, если у них и было нечто, могущее так называться, из философской задачи превратилась в вопрос жизни и смерти. Но вместе с тем ей не нужно было рассуждать о природе теней как таковых, чего Кэрис старательно избегала многие годы и к чему не имела ни малейшей склонности. Ей нужно было заглянуть в разум одной конкретной тени, попытаться уловить в нем нечто помимо всепоглощающего холода.

Но ничего кроме она не видела.

Найди ответ. Разгадай загадку... Но как?!

Она здесь погибнет. Кэрис поняла это еще в тот миг, когда «Симеду» ударилась о лед, и близящаяся смерть уже не вызывала ничего, кроме усталости. Она останется здесь навсегда — но это и есть ответ, это и есть выход, осознала она с пугающей четкостью. Неважно, чего хочет Хладь, от мертвой звезды он точно этого не получит! А значит, из всего, что у нее есть и только может появиться, обещать тени Кэрис могла только одно:

— Я умру.

Она хотела подняться, но не нашла сил. Ноги подкосились, девушка неловко рухнула на прежнее место. Акадо протянул к ней руку, но она упрямо помотала головой. Это ее бой, и он уже проигран. Пусть тень забирает что от нее осталось. Посмотрим, много ли радости принесет ему еще один застывший в вечной неизменности труп...

Хладь слушал и на этот раз прислушивался. Что-то сдвинулось в мире вокруг, в фокусе его внимания. Возможно, Кэрис и не нашла правильного решения, но за неимением оно готова была прибегнуть к любому.

— Уже умираю, — медленно повторила она, катая слова на языке, как сахарные шарики. Негромко, едва слышным шепотом. Хладь и так ее слышал, и никому иному ее слова не предназначались.

— Но ты не этого хочешь, да?

Усилием воли она вызвала в памяти картины замершего навеки веселого застолья, двух улыбающихся девушек у борта. Маленького мальчика, покрытого тонким, не толще древесного листа слоем льда, закрепившем на его лице неуверенную улыбку. Мертвецов у Хлади были сотни, но судов — тысячи. За последними тень охотился целенаправленно, в то время как наличие на борту экипажа роли для него не играло, а значит, можно было надеяться, что появление в его царстве еще дюжины тел — это совсем не то, к чему тень стремится. Чудовище видело достаточно смертей и смертных, в отчаянии жмущихся к остаткам своих кораблей или бредущих по пустошам в безнадежных поисках чужого жилья и гостеприимного очага. Он знал, чем все закончится.

Ответ пришел порывом ветра, потоком силы, льющейся в нее со всех сторон — ото льда под ногами, от кружащихся в воздухе снежинок. Она рассмеялась бы, насколько легко у нее получилось наладить контакт с собственной новообретенной тенью, но сила, щедрая, чужая, по-прежнему не обещала ни выживания, ни спасения. Кэрис чувствовала холод на кончиках пальцев, холод обнимал ее и нашептывал колыбельные темных глубин. Но при всем его могуществе холод хранил смерть, а жизнь сохранить был неспособен. Может, Хладь и не желал ее смерти, но и предотвратить ее не мог.

— Закроешь меня от холода, я умру без еды, — мстительно прошептала Кэрис, почему-то уверенная, что тень ее понимает. — Ты не выиграешь, ничего не приобретешь, если я все равно не останусь здесь с тобой.

Пламя резко взметнулось вверх и погасло, накрытое волной эмоций, ярких, всепоглощающих, но при этом удивительно простых, одномерных и лишенных глубины, будто принадлежащих ребенку. Люди с испуганными, возмущенными возгласами отшатнулись от шипящего костровища, посыпались проклятия.

— Я здесь не останусь! — ликующе выкрикнула Кэрис.

Пусть вся сила у Хлады, никакая его магия не изменит истины. Ему придется признать, что ни он сам, ни заключенный контракт не сохранят жизнь человеку, с хрупкостью и смертностью Кэрис придется считаться, а значит, придется и выбирать: остаться ли ему в царстве льда и снега на краю света или оставить при себе живую звезду.

С минуту казалось, Хладь сделает выбор не в ее пользу. Удовлетворится уже имеющейся коллекцией и продолжит вырванное из времени существование, сторожа свои земли и развлекаясь иногда выхватыванием новых кораблей из магических потоков и окрестных вод. Решит, что иметь дело с людьми слишком хлопотно, а плата смертной за магию не стоит потраченных на нее сил.

Но вот «Симеду» содрогнулась от носа до кормы, со стоном, с отчаянным треском ломающегося дерева — и каравелла на глазах покрылась расползшейся по ней коркой льда, в сгущающейся темноте видимой только по блеску, с каким она отражала звездный свет. Матросы бросились врассыпную, уже зная, с чем придется иметь дело. Но знать, что очутился во владениях злой, дикой тени это одно, а столкнуться с ее силой лицом к лицу — совершенно другое. Пока Хладь не явил себя явно и намеренно, жива была надежда, что корабельная звезда и командный состав что-нибудь придумают, найдут, как выбраться. Или же случится что-то иное, не менее невероятное, и на горизонте покажется отряд, с Элхарии явится жрец Перекрестка, или найдется другой, целый, корабль.

После того как судно трянуло еще раз, надежды показали себя беспочвенными и тщетными. Лед под ногами дрогнул, жутко затрещал, и разбегающиеся моряки попадали на землю, как брошенные в кресле камешки. Лойна заголосила, зарыдала, не удержавшись на ногах, более не в силах отрицать ужас и безнадежность их положения. Конечно, от тени нельзя было спастись на вымороженной, открытой всем ветрам ночной пустоши, но в охватившей людей панике шепот разума замолк первым. Акадо схватился за кинжал с обреченной злостью на искаженном лице, и только капитан Америкен с Шаэн уставились на каравеллу одинаково непонимающими глазами, будто не сумели осознать происходящее.

Слишком часто сегодня Кэрис думала, что нашла конец пути. Сил на еще одну такую мысль уже не осталось, и в голове поселились пустота и охватывающий сознание болезненный жар. Она смотрела прямо на каравеллу, видела, как лед закрывает и заделывает собой проломы и прорехи, наращивает инистую броню на носу «Симеду», от которого почти

ничего не осталось. Кэрис не сразу поняла, что это значит, а когда поняла, ликующе завопила, и вопль вырвался из саднящего горла сиплым всхлипом.

— Все на борт! Мы отчаливаем! — что было сил заорала она.

Может, Хладь немного знал о людях, но в устройстве кораблей он разбирался досконально, и все, что мешало «Симеду» парить над волнами, исправил, как умел. Кэрис не знала, как тень сумеет переправить их на воду. До открытого океана, как она узнала в момент краткого единения с тенью, было не меньше дня пешего пути. Но Хладь, тысячи лет любуясь своими кораблями и безраздельно властвуя в северных водах, видно, хорошо знал, что делает.

Сама земля под ногами начала плавиться и деформироваться, древний, до состояния камня спрессованный лед таял с пугающей, невозможной скоростью. Не крики Кэрис, но холодная, прибывающая вода отрезвила людей, заставила искать спасение от новой опасности на знакомой палубе. Они взбирались по обледенелым канатам, оцарапывая руки, пока «Симеду» качалась и кренилась в разрастающейся под ней полынье. Кэрис и сама ухватилась за канат непослушными пальцами, но запястье пронзила резкая боль, и она не удержала веревку. Акадо пришлось втащить ее на борт. Сверху стало заметно, что таять принялись не все льды, а лишь ограниченная область в двадцать шагов по сторонам от корабля, и оттого «Симеду» медленно проседала, погружалась в воду по ватерлинию. В спешке взобраться по покрытым изморозью бортам оказалось непросто, и нескольких человек, промокнувших до нитки, пришлось доставать из воды веревками и баграми.

Шаэн неуверенно запротестовала, когда господин Америкен схватил ее за пояс обеими руками и передал Акадо, но смолкла, осознав, что выбор у нее невелик: довериться сновиде или утонуть.

Каравелла потрескивала и скрипела, кренясь в полынье то на один бок, то на другой. Льдины сталкивались и прорастали друг в друга, становились обшивкой и бортами, белой паутиной снег тянулся к мачтам, образуя такелаж. Над головой разворачивались новые паруса, прозрачные и недвижимые. Темная вода под днищем каравеллы забурлила, вспенилась, и «Симеду» закачалась на волнах...

— Держитесь, держитесь, асс-хэши вас сожри! — завопил капитан, первым догадавшийся, как именно тень собирается переправить корабль в океан.

... вода с оглушительным грохотом выплеснулась из полыньи, прихватив с собой «Симеду», как ручей унес бы попавшую в него щепку, и разлилась вокруг полноводной рекой. Нет, не рекой, сообразила Кэрис, маленьким озерцом, в центре коего находилось судно. Одной согнутой в локте рукой девушка ухватилась за мачту, а второй цеплялась за тахари Наэллор. Сама Шаэн не отошла от потрясения и не последовала приказу капитана, но, к ее счастью, за плечо ее крепко держал Акадо, успевший обмотать веревку вокруг пояса да еще и вставший так, чтобы эта веревка прижимала к мачте Кэрис. Видно, опасался, что тень из-за неопытности или недосмотра сбросит кого-нибудь за борт, может, и свою же звезду.

Нечего было и думать об управлении каравеллой с половиной команды и парусами, что не могли ловить ветер, но как раз подобные мелочи и условности волновали Хладь в последнюю очередь. «Симеду» несколько раз развернулась на месте, будто стрелка компаса, забавной полузабытой игрушки старого мира, и к Кэрис вновь из ниоткуда пришло знание-ощущение дороги. Тень прекрасно видел все окрестные потоки и течения и не просто знал, куда они ведут, но умел сам направлять их и даже создавать свои. Но дороги для него не

имели конечной цели, и он не знал, какую выбрать.

— Север! — крикнула Кэрис.

Она не вспоминала об Ансвольме, как не думала ни об одном из существующих портов. Только указала общее направление на материк, посчитав, что сейчас важнее сдвинуть корабль с ледяного монолита, а выправить курс, решить, куда отправиться, можно будет и позже. Хлад позволил ей указывать дорогу, и корабль, развернувшись в последний раз, рванулся вперед. Движение его она не могла сравнить с привычным размеренным ходом по волнам, скорее с пугающе-быстрым горизонтальным скольжением. Вода стремилась вперед, бурунами накрывая выступающие из сугробов валуны и острые пики, и корабль следовал течению. Ветер бросал в лицо горсти колючих снежинок. Движение было стремительным, но плавным, и, хоть напоминало о недавнем полете сквозь темный поток, но ощущения всепоглощающего ужаса не вызывало. Может быть, потому, что над головой сияли яркие звезды, а не срывались и оплетали мачты кляксы размытой тьмы.

Кэрис хотелось кричать, вопить от радости, взлететь к небу по остаткам рей и такелажа. От скорости, набранной тенью в им же созданном течении, захватывало дух. Ничто не казалось неосуществимым, и не было в мире ничего недостижимого. Но казалось так недолго. Когда чуть меньше чем через час «Симеду» по пологому спуску скользнула в воды океана, и ее обняли волны и ветер, девушка промерзла до костей и уже совершенно не соображала, что происходит вокруг. Помнила только, что должна держаться, и она держалась, уже не понимая, зачем, периодически соскальзывая в темноту и выныривая из нее.

Стоило каравелле взять стабильный курс, как Акадо решил развязать узел на поясе и по скользкой, покрытой изморозью и торчащими во все стороны острыми обломками палубе, отвести их с Шаэн в каюту звезды. Кэрис с трудом могла передвигаться, но сновидца, хоть и казался ледяной статуей, от каждого движения которой осыпалось с одежды ледяное крошево, держал ее крепко и двигался уверенно. Она не слышала ничего, кроме завывания ветра и мерного плеска, с каким нос судна рассекал волны. Если сперва у матросов еще были силы ругаться и стонать, цепляясь кто за что горазд, то сейчас палуба погрузилась в тишину.

Выныривая из забытья, Кэрис видела пустые лица, но вместе с тем видела и полные решимости глаза Тио Амерена, накрывшего собой Лойну, и старшего матроса Фалько с заиндевелой бородой, не отрывающего восторженного взгляда от звездного неба. Дрожащую, полубеспамятную принцессу в каюту пришлось нести, и в какой-то момент Кэрис даже мысленно поблагодарила неизвестный Домен, которому они были обязаны существованием много более выносливого, чем люди, сновиды.

Покосившуюся дверь пришлось выломать, чтобы попасть внутрь. В каюте царил разгром и бедлам, кровать от удара отошла от стены, сундук съехал в сторону и сломал ножку стола. Все содержимое каюты, начиная от одежды и заканчивая листами бумаги и ее самодельными тонкими стрелами, рассыпалось вокруг. Она даже не поморщилась, будто ни вещи, ни само пространство каюты ей не принадлежали и вообще не имели к ней никакого отношения. Только равнодушно отметила царящие внутри разруху и хаос. Рухнула на кровать и краем уплывающего сознания признала в трясущейся в ознобе соседке Шаэн Наэллор.

Очнулась, судя по бледному лицу и все еще синеватым губам тормозящей ее Лойны, всего через несколько минут. «Симеду» застыла без движения, вокруг ничуть не стало теплее, и она почти физически ощущала выросший на корабль лед, заменивший им едва ли не половину корпуса, и злость Хлады. Но чем была вызвана последняя и на кого направлена,

она уже не знала. Тень все-таки вынес их с айсберга и прямо сейчас не пытался ни потопить корабль, ни заточить в один огромный кусок льда, что она сочла хорошим признаком. Кэрис надеялась, он остановил каравеллу не потому, что ждал немедленного исполнения ее части договора, в чем бы та ни заключалась. Она с трудом оставалась в сознании и почти не могла двигаться, и чего бы от нее Хладь ни потребовал, сейчас точно не была в состоянии расплатиться.

Губы Лойны почти беззвучно двигались, и прислушавшись, Кэрис уловила слова старых народных оберегов, призванные защитить путников от сил Перекрестка. Девушка неуверенно улыбнулась, и целительница в ответ громко разрыдалась и заключила их с Шаэн в крепкие объятия. Шепча сквозь слезы нечто неразборчивое, Лойна принялась стаскивать с Кэрис мокрое, грязное от крови тахари. Она не протестовала, зная, что от мокрой одежды надо избавиться, но голова шла кругом, и хотелось только одного: закрыть глаза. На некоторое время получить передышку, перестать быть. Но она усилием воли держала веки открытыми. «Симеду» в полной и безраздельной власти Хлади, а она единственная была способна с ним общаться, пусть неполным, примитивным образом. Кто знает, не передумает ли тень их спасти, не потеряет ли интерес. Стоит его чарам развеяться, и лед растает, а каравелла, удерживаемая над водой лишь его магией, камнем пойдет ко дну.

Но ближайший берег в неделях пути! Она и представить не могла, как сумеет удерживать Хладь рядом достаточно долго, чтобы у них появился шанс добраться хоть куда-нибудь.

— Мне нужно... нужно к капитану, — выдохнула она, заворачиваясь в протянутое Лойной одеяло.

Одеяло, сухое, но тонкое, совсем не грело, а в каюте было хоть чуть-чуть, но теплее, чем на открытом воздухе. Сама мысль о том, что придется встать и куда-то идти, вызывала тоску и желание сдаться. Кэрис потянулась к тени и зачерпнула силы. Хладь позволил, но — а чего еще она ожидала? — магия холода и воды не избавила ее от боли и усталости, не придала решимости, а лишь бесследно растворилась.

Заключенный контракт не принес и половины тех благ, о которых тайком шептались адепты. В иное время и при иных обстоятельствах Кэрис бы очень пригодилась магия Хлади, но сейчас она даже не могла как следует ей управлять, пусть даже хозяин и источник ее не оказывал сопротивления. Ну что же, ей еще нескоро предстоит научиться взаимодействовать с Хладью, но один раз у нее уже получилось добиться от него ответа. Шантажом, конечно, но получилось ведь!

Она стиснула зубы, представила, как холод отступает, уходит за очерченную ею границу за пределами — но холод не отхлынул. Повиновался он не ей, но тени, а последний так ничем и не выдал своего отношения к потугам звезды использовать его магию.

Остается только найти течение, что вынесет их в теплые воды, где дыхание не будет вырываться изо рта белесым паром, а воздух — резать гортань.

— П-погоди, — Шаэн протянула к ней руку, не позволив выйти из каюты следом за Лойной.

Зубы ее стучали друг о друга, тело одеревенело, каждое движение давалось с видимым трудом. Кэрис все же было проще, ей уже приходилось совершать долгие путешествия по горам или зимним заснеженным лесам. В теплой сухой одежде, конечно, а не посреди океана, где нельзя разжечь костер на палубе. Но с правилами выживания она была знакома. С ее помощью Шаэн неловко выпуталась из промокших тахари, негнушимися пальцами

развязала завязки туники. Из складок выпал клочок бумаги, некогда небрежно оторванный от листа. Кэрис и внимания на него не обратила бы, если бы Наэллор, проводив взглядом непостижимым образом оставшийся сухим в насквозь промокшей одежде обрывок, не ахнула и не бросилась к нему.

— Господин оставил это на палубе.

Звезде сразу вспомнился жест Архааррада, машущего ей с причала. Возможно ли, что в руке у него была как раз эта записка? Возникло неприятное чувство, что ей не следует знать, что там написано, и чувство это только усилилось, когда пальцы Шаэн, только что касавшиеся промокшей ткани, не оставили на бумаге ни малейших следов влаги.

Девушка развернула записку, совсем короткую, много на таком маленьком отрывке не сумела бы написать и тень. На лице ее ожидание и надежда сменились недоумением, и Кэрис, не сдержав любопытства, заглянула ей через плечо. Там было только два слова, написанные почти неразборчивым, неровным, но хорошо знакомым почерком. Ее собственным почерком. Несколько долгих мгновений она читала и перечитывала ею же некогда положенные на бумагу слова, не в силах осознать, что именно они означают, а затем зашлась нервным, захлебывающимся смехом.

«Я вернусь».

Больше книг на сайте - Knigoed.net